

СКАЗ
О ПОХОДЕ ЧЖЭН ХЭ
В ЗАПАДНЫЙ
ОКЕАН

2 том

ЛО МАОДЭН

Table of Contents

[Annotation](#)

[Ло Маодэн Сказ о походе Чжэн Хэ в западный океан Том 2](#)

[Часть шестая\[1\], коя глаголет о посещении дружественной Малакки, защите трона в Самудре, подвиге с яйцами в Царстве простоволосых и беседе с императором в Пекине](#)

[Часть седьмая\[83\], коя глаголет о битвах с враждебным Цейлоном, о нравах Кочина, хитроумных гаданиях Ван Мина в Каликуте и о Царстве златоглазых](#)

[Часть восьмая\[157\], коя глаголет о дворце и тканях богатой и благопристойной страны Бенгал и о представлении с тигром в коварном Могадишо](#)

[Часть девятая\[194\], коя глаголет о посещении Земли ладана, уличных представлений в богатом Ормузе, о том, как удалось перехитрить султана Адена, и о великолепии Святой Мекки](#)

[Часть десятая\[271\], коя глаголет о страстях загробного мира, а также о грехопадении целомудренного монаха](#)

[Эпилог\[332\], кой глаголет о приключениях обратной дороги – встрече с морскими чудищами и духами рек, о том, как сбылся сон командующего, и о благополучном возвращении в Нанкин](#)

[Приложение 1 Главные действующие лица романа](#)

[Приложение 2 Организация китайской армии и вооружение в эпоху плаваний Чжэн Хэ и написания романа\[387\]](#)

[Таблица мер длины, объема и веса](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)

[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)
[79](#)
[80](#)
[81](#)
[82](#)
[83](#)
[84](#)
[85](#)
[86](#)
[87](#)
[88](#)
[89](#)
[90](#)
[91](#)
[92](#)
[93](#)
[94](#)
[95](#)
[96](#)
[97](#)
[98](#)
[99](#)
[100](#)
[101](#)
[102](#)
[103](#)
[104](#)
[105](#)
[106](#)
[107](#)
[108](#)

[109](#)
[110](#)
[111](#)
[112](#)
[113](#)
[114](#)
[115](#)
[116](#)
[117](#)
[118](#)
[119](#)
[120](#)
[121](#)
[122](#)
[123](#)
[124](#)
[125](#)
[126](#)
[127](#)
[128](#)
[129](#)
[130](#)
[131](#)
[132](#)
[133](#)
[134](#)
[135](#)
[136](#)
[137](#)
[138](#)
[139](#)
[140](#)
[141](#)
[142](#)
[143](#)
[144](#)
[145](#)
[146](#)
[147](#)
[148](#)
[149](#)
[150](#)
[151](#)
[152](#)
[153](#)

[154](#)
[155](#)
[156](#)
[157](#)
[158](#)
[159](#)
[160](#)
[161](#)
[162](#)
[163](#)
[164](#)
[165](#)
[166](#)
[167](#)
[168](#)
[169](#)
[170](#)
[171](#)
[172](#)
[173](#)
[174](#)
[175](#)
[176](#)
[177](#)
[178](#)
[179](#)
[180](#)
[181](#)
[182](#)
[183](#)
[184](#)
[185](#)
[186](#)
[187](#)
[188](#)
[189](#)
[190](#)
[191](#)
[192](#)
[193](#)
[194](#)
[195](#)
[196](#)
[197](#)
[198](#)

[199](#)
[200](#)
[201](#)
[202](#)
[203](#)
[204](#)
[205](#)
[206](#)
[207](#)
[208](#)
[209](#)
[210](#)
[211](#)
[212](#)
[213](#)
[214](#)
[215](#)
[216](#)
[217](#)
[218](#)
[219](#)
[220](#)
[221](#)
[222](#)
[223](#)
[224](#)
[225](#)
[226](#)
[227](#)
[228](#)
[229](#)
[230](#)
[231](#)
[232](#)
[233](#)
[234](#)
[235](#)
[236](#)
[237](#)
[238](#)
[239](#)
[240](#)
[241](#)
[242](#)
[243](#)

[244](#)
[245](#)
[246](#)
[247](#)
[248](#)
[249](#)
[250](#)
[251](#)
[252](#)
[253](#)
[254](#)
[255](#)
[256](#)
[257](#)
[258](#)
[259](#)
[260](#)
[261](#)
[262](#)
[263](#)
[264](#)
[265](#)
[266](#)
[267](#)
[268](#)
[269](#)
[270](#)
[271](#)
[272](#)
[273](#)
[274](#)
[275](#)
[276](#)
[277](#)
[278](#)
[279](#)
[280](#)
[281](#)
[282](#)
[283](#)
[284](#)
[285](#)
[286](#)
[287](#)
[288](#)

[289](#)
[290](#)
[291](#)
[292](#)
[293](#)
[294](#)
[295](#)
[296](#)
[297](#)
[298](#)
[299](#)
[300](#)
[301](#)
[302](#)
[303](#)
[304](#)
[305](#)
[306](#)
[307](#)
[308](#)
[309](#)
[310](#)
[311](#)
[312](#)
[313](#)
[314](#)
[315](#)
[316](#)
[317](#)
[318](#)
[319](#)
[320](#)
[321](#)
[322](#)
[323](#)
[324](#)
[325](#)
[326](#)
[327](#)
[328](#)
[329](#)
[330](#)
[331](#)
[332](#)
[333](#)

[334](#)
[335](#)
[336](#)
[337](#)
[338](#)
[339](#)
[340](#)
[341](#)
[342](#)
[343](#)
[344](#)
[345](#)
[346](#)
[347](#)
[348](#)
[349](#)
[350](#)
[351](#)
[352](#)
[353](#)
[354](#)
[355](#)
[356](#)
[357](#)
[358](#)
[359](#)
[360](#)
[361](#)
[362](#)
[363](#)
[364](#)
[365](#)
[366](#)
[367](#)
[368](#)
[369](#)
[370](#)
[371](#)
[372](#)
[373](#)
[374](#)
[375](#)
[376](#)
[377](#)
[378](#)

[379](#)
[380](#)
[381](#)
[382](#)
[383](#)
[384](#)
[385](#)
[386](#)
[387](#)
[388](#)
[389](#)

Annotation

Классический китайский роман, созданный в конце XVI века, повествует о масштабных экспедициях китайской флотилии, во главе которой стоял адмирал Чжэн Хэ – дворцовый евнух, выходец из мусульман. Сведения из документальных материалов, вплетенные в фантастико-приключенческую основу романа и сопровождаемые элементами как религиозно-мифологической, так и народной смеховой культуры, представляют широкую панораму придворной жизни и военных традиций средневекового Китая, стран Южной и Юго-Восточной Азии, Аравийского полуострова и восточного побережья Африки.

Сокращенный перевод романа предназначен для широкого круга читателей.

Ло Маодэн

Сказ о походе Чжэн Хэ в западный океан

Том 2

Оформление переплета Татьяны Луниной

© Н. Боровская, перевод, 2023

© ООО «Международная издательская компания „Шанс“», 2023

Все права защищены.

* * *

Нина Ефимовна Боровская – советский российский востоковед-китаист, переводчик, кандидат филологических, доктор исторических наук. В 1970 году защитила кандидатскую диссертацию «Ло Маодэн „Плавание Чжэн Хэ по Индийскому океану“ (1597 г.)». В прошлом – главный научный сотрудник института Дальнего Востока РАН. Почетный доктор Шэньянского педагогического университета (КНР).

Великие географические открытия XV–XVI веков в Европе и Азии распахнули перед человечеством бескрайний мир, дали богатую пищу художникам слова. Как в Европе авантюрно-героический эпос отразил эпохальные плавания Христофора Колумба, Васко да Гамы и Фернана Магеллана, так и семь грандиозных экспедиций, совершенных между 1405 и 1433 годами китайской армадой во главе с талантливым флотоводцем Чжэн Хэ, служили источником сюжетов для произведений различных жанров в Китае. Наиболее крупным и значительным из них является данный роман.

В этом многоплановом повествовании прослеживается интересное сочетание интеллектуального нарратива, идущего от широты кругозора и образованности автора, с уникальным документальным материалом, мифологическими сюжетами, комическими эпизодами и другими элементами народной смеховой культуры. Вплетенные в сложную религиозно-философскую и историко-географическую событийную канву, они вводят читателя в мир придворной культуры и военного быта средневекового Китая, позволяют вместе с мореплавателями посетить давно исчезнувшие с карты средневековые королевства и султанаты Юго-Восточной Азии, Индии и Африки.

Предлагаемое издание, представляющее собой результат многолетней работы переводчика над романом, рассчитано на широкий круг читателей и является сокращенной версией первого в мире перевода «Сказа» на иностранный язык.

***Часть шестая^[1],
кня глаголет о посещении
дружественной Малакки, защите трона
в Самудре, подвиге с яйцами в Царстве
простоволосых и беседе с
императором в Пекине***

Сей генерал – божественный стратег,
Не зверствует и всеми почитаем.
Когда свиреп морозец и жесток,
Войска одеждой теплой побеждают.
Мечом разящим земли покорит,
И звезд в ночи тускнеет яркий свет.
Коль ястреб дерзко в вышине парит,
Простора злобной птице боле нет.

Сказывают, что корабли продвигались, минуя морскую пучину, днем отдыхали, ночами плыли спокойно, без происшествий.

В один из дней ординарец доложил, что командир авангардной дивизии Чжан Бо захватил более сотни местных джонок с тысячью пиратов. Командующий вызвал Чжана – мол, что за лодки? Тот рассказал, что в здешних местах люди занимаются в основном морским разбоем:

– Они поняли, что корабли чужеземные, вот и налетели. Ну, мы их всех похватали, порасспросили. Местность сия зовется зовется Драконьи клыки^[2], ибо два острых пика торчат один против другого.

Рис. 1. Маршруты всех плаваний флотилии Чжэн Хэ

Командующий решительно бросил в ответ:

– Подобная гавань может стать для нашей флотилии весьма важным пунктом. Надобно очистить территорию от этих людишек.

– Да вы только прикажите, мы их всех порубаем, боле не осмелятся бесчинствовать.

– Командир Чжан, вам, верно, неведомо, что чем завоевывать уважение силой, лучше расположить к себе людей добродетелью. Приведите их, я сам разберусь.

Чжан Бо вернулся с преогромной толпой. Адмирал стал допытываться, кто такие да откуда. Все зашумели, загалдели, одни кричат, что местные, другие – что с ближних мест, кто с острова Пуло Аур, кто из Паханга, а кто с Ма-и^[3].

Командующий осведомился, чем промышляют, и все откровенно признались, что кормятся разбоем и пиратством.

– Почитаете сие за достойное занятие? – строго спросил Саньбао.

– Недостойное! – дружно отозвались пленники.

– Пошто сим промышляете?

– Дак ведь места у нас дикие, пахотных земель не имеем. Как жить? Мы принуждены разбойничать.

– Какого наказания вы достойны?

– Смертной казни.

– Верно, нынче же отрубим головы.

– Уповаем на милость всемогущего господина!

– Пожалуй, днесь я вас помилую, да только впредь прекратите сей промысел.

– Коли отец-батюшка дарует жизнь, зарекаемся своевольничать.

И тут командующий повелел ординарцам принести десять кувшинов вина и выплеснуть его в верхнее течение протекающей у горы речушки. Затем приказал пиратам встать ниже по течению и испить водицы. Когда всё было исполнено, пленники вернулись на флагманский корабль и снова стали бить челом.

– Было ли вино, вылитое в реку, изначально неразбавленным и чистым? – спросил Саньбао.

– Поистине! – заревела толпа.

– А теперь – всласть ли насладились хорошим винцом?

– Да нет, батюшка.

– Поняли, что сие означает?

– Куда нам, батюшка!

– Я хотел научить вас тому, что лучше пить понемногу чистое вино, чем напиваться вдоволь мутной водицей.

Пираты возблагодарили и со слезами удалились. Адмирал наградил Чжан Бо и приказал:

– Какое-то время эти люди не посмеют разбойничать, но нет гарантии, что не займутся тем же впредь. Отправь несколько каменотесов, пусть найдут подходящий камень и вырубят на нем пару строк в назидание потомкам.

Чжан Бо испросил текст, и Саньбао передал карточку с надписью. Она гласила: «В странах с благородными нравами не подбирают на дороге утерянного другим». Господин Ван не сдержал возгласа:

– Творящее добро сердце командующего велико, как вселенная!

Адмирал приказал кораблям двигаться дальше, но дозорные доложили, что на море вздымаются огромные рокочущие валы – не иначе как придется переждать несколько дней. Саньбао пригласил всех командиров независимо от рангов, а также Небесного наставника и Государева советника взглянуть на бушующий океан. Гигантские волны захлестывали деревья на берегу, куда не кинешь взгляд – лишь разбушевавшаяся стихия. Поистине, как в стихотворении Сун Угуана – поэта далекой эпохи Тан:

О, сколь сильна приливная волна!

Земля и Небо неисповедимы!

Граница сим просторам не видна,

Глубины этих бездн неизмеримы.

– Ну, коли не избежать стоянки, кто готов сойти на берег и вызнать, что за места? – призвал главнокомандующий.

Откликнулись сразу несколько командиров. Через пару дней один из них, *юцзи* Хуан Бяо, вернулся с десятком местных жителей. Коротковолосые, но в целом люди как люди, они с ходу бросились отбивать поклоны. Принесли в дар всего понемногу – рисовый арак, хлопчатые ткани, плетеные циновки, плоды бетелевой пальмы, черный перец. Рассказали, что остров называется Аур и расположен меж двух скалистых гор – восточной и западной: «Земля бесплодная, для земледелия непригодна, кроме того, что принесли, боле ничего и не растет». На расспросы командующего, чем промышляют, отвечали, что основное занятие – рыболовство, да еще вываривают соль из морской воды. Саньбао приказал принять подношения и, в свою очередь, одарить каждого одним *данем* шлифованного риса. Туземцы поблагодарили и покинули корабль.

Тут вернулся командир Ху Инфэн еще с десятком местных – волосы скручены в пучок, одежды тонкие, скалят в улыбке кривые зубы. С поклонами поднесли дары – благовония, гарьяновое масло, ароматный палисандр, древесину алойного дерева, курительные свечи, тонкий цветной шелк, узорчатый ситец, медную и железную утварь и тому подобное. Это оказались жители Паханга, чьи жилища стоят на самом берегу, окруженные скалистыми утесами и глубокими ущельями. Они рассказали, что пахотная земля у них жирная и дает небывалые урожаи, все занимаются сельским хозяйством. Саньбао поинтересовался обычаями, и туземцы поведали, что вырезают из пахучей древесины фигурки идолов и убивают людей ради кровавого жертвоприношения:

– На наши молитвы о ниспослании счастья и предотвращении бедствий незамедлительно получаем отклик.

Саньбао возмутился:

– Живые существа есть центр, душа всего в природе^[4], посему все тридцать три небесные сферы заботятся о судьбе всякого человека. Как можно приносить людей в жертву? Мы примем ваши дары, но в будущем запрещаем убивать людей.

– Мы совершаем жертвоприношения токмо из страха перед стихийными бедствиями.

– Причина не важна. Будем просить Небесного наставника передать вам истинные заклинания.

Даос начертал заклинания, поставил печать и торжественно вручил туземцам. Он наказал повесить сию дщицу на деревянную фигурку идола – того достаточно для моления о ниспослании счастья, а не будет бедствий – не понадобятся и человеческие жертвы. С тем туземцы и ушли.

Сказывают, что и по сей день на сем острове творятся чудеса, и ежели кто дерзнет совершить кровавое жертвоприношение, весь его род вымирает.

Миновали Паханг, и вот уже Ма Драконоподобный привел в ставку еще две группы туземцев. У первых волосы в пучок скручены, сверху короткая кофта, снизу туловище обмотано куском узорчатой ткани, кланяются непрестанно. Поднесли дары – журавлиные черепа, после обработки годные для украшений, алойное дерево, ароматные смолы, желтый воск, узорчатые и чисто белые хлопковые ткани, белый с синим и чисто белый фарфор, а еще мед и сахарный песок. Сообщили, что прибыли из Лангкасуки^[5]: «Предки сказывали, что когда-то Будда Сакьямуни оставил здесь свой зуб, похожий на драконий».

На все расспросы туземцы отвечали, что в их краях всегда тепло и хлеба поспевают несколько раз в году; жители вываривают соль из морской воды и гонят водку из гаоляна; нравы вельми благопристойны, люди добросердечные, почитают родню, старших; ежели день не встречаются, то на другое утро идут проведать с вином и закусками. Командующий умилился – «Варвары, а нравы столь добрые!» – и повелел пожаловать гостям головные уборы, одежду, обувь. Те поклонились и отбыли.

Приблизилась вторая группа. Волосы тоже завязаны в пучок, одеты, как и первые. Поклонились, передали дары: панцирь черепахи, желтый воск, бетелевую пальму, хлопчатые ткани, бронзовый треножник, стальную болванку, вино из сахарного тростника. Рассказали, что прибыли с «Замерзшего Ма И» и пояснили:

– По преданию, когда-то туда приехал промышлять гаданием по точкам лица монах Ма И^[6]. Однако местные жители ничего не поняли в его ворожбе и не приняли его, у него не было ни пищи, ни одежды, и он замерз.

– А каковы у вас земли? – как обычно, пытался флотоводец.

Туземцы поведали:

– Земли плодородные – рис, просо, ячмень, пшеницу, бобы продаем другим странам. А еще вывариваем соль из морской воды, гоним водку из сахарного тростника. Нравы зело целомудренные, чувство долга превыше всего. По смерти супруга жена сбивает волосы, семь дней находится с покойником в одной комнате и постится, посему часто уходит из жизни вместе с ним. Ежели после поста и бдений остается в живых, родственники подкармливают ее жидкой пищей. А в день сожжения тела мужа многие верные жены бросаются за ним в огонь. В любом случае вдовы боле не выходят замуж.

Командующий заулыбался:

– Надо же, варвары, а столь праведны! Чудеса, да и только!

Он приказал одарить гостей головными уборами, нарядами и обувью, особо передал женскую одежду для добродетельных вдов. Адмирал вручил туземцам табличку, на коей значилось: «Селенье

целомудрия», повелел установить в центре поселения каменную стелу и выбить на ней эти слова. Затем приказал украсить цветами головные уборы всех гостей, расцветить их одежды алыми лентами по случаю радостного события и проводить под барабанный бой. Пусть все видят, сколь щедро способна облагодетельствовать Небесная империя! Старейшины поклонились и покинули ставку.

Не забыл командующий одарить и троих командиров дивизий, а награду *юцзи* Ма удвоил. Командиры вельми обрадовались, а господин Ван заметил:

– Принцип вознаграждения добра и наказания зла равно относится ко всем. Сие означает, что само Небо благодаря действиям командующего добивается изменения нравов варваров под влиянием Китая, как выражался наш древний философ.

В тот же день зачался почестный пир.

К вечеру шторм утих, корабли двинулись дальше. Через несколько дней пути на берегу у подножья величественной горной гряды обрисовались какие-то жилища, и главнокомандующий решил отправить авангардный отряд на разведку. Но командующий Ван испросил соизволения вмешаться:

– Не считаю нужным без повода посылать военных, мы только напугаем местных жителей. По моему скромному разумению, для начала стоит послать одного человека с тигровой пластинкой и предложением добровольно повиноваться. А уж коли проявят непокорность, тогда можно двинуть войска и окружить поселение. Тем самым мы выразим свое недовольство, и им придется смириться. Каково мнение командующего?

– Вельми разумно! – одобрил Саньбао.

Постановили отправить Ма Драконоподобного. Командир принял тигровую пластинку и в сопровождении нескольких лазутчиков сошел на берег.

Рис. 2. Юго-Восточная Азия в XV веке

С юго-востока местность окружало море, в центре возвышались пять высоченных горных пиков. Город был отменно укреплен высокой стеной и рвом. Отряд командира Ма вошел в город, и лазутчики принялись расспрашивать местных жителей. Те отвечали, что земли зовутся Малакка^[7], тянутся вдоль моря узкой полосой, но местность сия не носит название «государство». Углубившись в город, *юцзи* Ма увидел протекающую там реку: через нее был перекинут большой мост, на коем расположилось несколько десятков деревянных павильонов и шла бойкая торговля^[8]. Командир двинулся дальше с намерением предстать перед правителем. Жилище того являло собой многоярусные хоромы, покрытые не дощатым настилом, а полосками расщепленной кокосовой пальмы, положенными довольно редко и скрепленными тростником-ротангом, словно сие не дворец, а овечий загон. Все обитатели по-простецки сидели на плетеных лежанках, скрестив ноги, там же ели-пили и спали, готовили пищу и справляли нужду. Гость остался внизу, а слуга отправился передать князю тигровую пластинку. Правитель внимательно ее прочел. В начале текста объяснялись цели экспедиции, а далее говорилось: «Добродетели императора Великой Мин удостоились благоволения Неба – так допустимо ли, дабы в храмах пустовала ритуальная утварь для жертвоприношений? Посему я, высочайше уполномоченный императорский посланник, был отправлен нести мир и покой в земли далеких варваров и разузнать о местонахождении нашей драгоценной печати. Надеемся, что по получении сей верительной пластины правители и военачальники всех

стран соизволят безотлагательно и правдиво доложить нам о наличии либо отсутствии вышеупомянутой драгоценности. Других требований нет. Недозволительно упорствовать и кичиться силой. В случае сопротивления бунтовщиков ждет беспощадная кара. О сем и направляем сию верительную грамоту».

Ознакомившись с текстом, князек пригласил к себе командира Ма:

– Ведомо ли господину военачальнику, что три года назад я отправлял вашему императору наши скромные подношения?

– Сие нам ведомо. Именно потому император Великой Мин передал с нами, его посланниками, дарованный вам высочайший манифест, писанный на тончайшем желтом шелку, пару серебряных печатей, парадную шапку из черного шелка, парадный красный халат с поясом, украшенным рогом носорога^[9], черные парадные сапоги. Государь наш пожаловал также сделанную по высочайшему повелению табличку с названием «государство Малакка», а вам – почетный титул правителя.^[10]

Князек чрезвычайно обрадовался и велел подданным приготовить для флотилии в изобилии съестного: коров, баранов, кур, уток, пшена, водки из дикого риса, плодов дикого пуласана^[11], имбиря, горчичных зерен, чеснока, джекфрутов^[12], дудчатого лука, бананового семени^[13], а еще всяческих закусок.

Вскоре корабли пристали к берегу. *Юцзи* Ма с лазутчиками вернулись на корабль, а местные воины доставили подношения. Главнокомандующий воскликнул:

– Сие всё благодаря почтенному господину Вану!

Но тот скромно ответил:

– Государю сопутствует удача, командующий велик и устрашающ, что уж говорить обо мне!

А тут явился и сам владыка – на голове белый тюрбан, тело обмотано тонкой хлопчатой тканью, похожей на даосское одеяние, на ногах кожаные сандалии. Паланкин в сопровождении нескольких слуг подняли на корабль. Адмирал приветствовал гостя словами:

– Имею честь сообщить о доставленных мною по высочайшему указанию государя Великой Мин высочайшем рескрипте и серебряной печати, согласно коим государь наш жалует Малакку почетным наименованием государства, а вас – титулом правителя.

Гость скромно ответствовал:

– Весьма польщен божественной милостью, премного благодарен. Я недостойн находиться в ставке главнокомандующего!

– Днесь можете возвращаться, а завтра к полудню готовьте церемонию вручения рескрипта.

– Дозвольте мне, ничтожному, лично явиться на корабль для получения императорского послания.

– Сие невозможно, я не смею нарушить установленный церемониал! Как сказано в наших древних трактатах, сколь бы далеко государь ни был, его величие всегда пред нами.

Правитель уважительно покивал и удалился. На следующий день в ожидании высоких гостей распахнулись городские ворота, по городу развесили флаги и цветы. Оба военачальника Южной династии проследовали в паланкине, его несла восьмерка воинов – по четыре спереди и сзади, с пышной свитой, совсем как в Китае. Полтыщи гвардейцев-охранников выстроились по обеим сторонам процессии с луками и мечами наготове, все хорошо обученные и грозные на вид. А жители города – ну нет таких, кои не глядели бы во все глаза и не разевали рты: «Не иначе как явились духи небесные или небесное воинство! Среди обычных людей подобных не сыщется!» Султан, разодетый согласно ритуалу, вышел навстречу, отвесил земной поклон и с глубокой благодарностью принял рескрипт и печать. И началось пированье, после коего командующие в добром расположении духа вернулись на флагманский корабль.

На другой день султан в паланкине и в парадном облачении снова пожаловал в ставку и передал вассальную грамоту трону и благодарственное письмо главнокомандующему. Тот сорвал печать, вскрыл конверт и зачитал: «Мы, правитель Малакки Шри Парамешвара, почтительно вручаем сие послание флотоводцу, отправленному империей Великая Мин во главе войска в Западный океан для умиротворения. Границы ваших владений далеки, и не было дорог для встречи, но до нас дошли вести о вашей высокой морали – нам издавна известны ваши мудрые мысли. Нынче ваши посланцы прибыли в нашу страну, у стен города корабли с изображением цапли на носу^[14]. Приведя к повиновению сии малые земли, вы выказали уважение к инородцам, пожаловали нашим мужчинам великолепные шапки и одежды. Ваш Небесный владыка щедро дарует заботу и внимание, а главнокомандующий четко контролирует ситуацию. А тем, кто дорожит родной страной, стыдно не отплатить добром за добро. Почтительно довожу до вашего сведения глубокую благодарность, уповаем на ваше благоволение, желаем спокойствия, счастья, достатка и долголетия. Такого-то года, такого-то месяца и числа, почтительно кланяюсь».

Засим султан передал внушительный список дани. Там значились: десяток крупных жемчужин диаметром в *цунь* и столько же весьма дорогих увеличительных стекол в форме очков для чтения. А еще десять ящиков ароматных смол и два горшка древесной смолы, что хороша для заделывания трещин в судах. Был в списке и громадный кусок олова в сотню *даней*^[15]. Местное олово^[16] получают так: промывают и выпаривают раствор из вод горного ручья, затем отливают в оловянные прутки весом не более одного *цзиня* и восьми *лян*^[17], после чего их крепко связывают ротанговыми лианами в пучки – по десятку или по сорок штук – и пучки обменивают при торговых сделках.

В списке перечислялись звери разные: по две пары черных медведей и шимпанзе, по десятку белых оленей и карликовых оленей-мунтжаков, две пары мартышек да еще два десятка крупных

нелетающих птиц – фиолетово-красных казуаров. Значились среди даров десять кувшинов вина и два ящика свежих и сушеных джекфрутов – по форме напоминают тыкву, кожа как у каштана, сами покрыты небольшими колючками, но дольки внутри очень вкусные.

Командующий ознакомился со списком дани и приказал офицеру внутренних хранилищ принять всё в нем означенное. Султан передал еще один список – там значились коровы, овцы, хворост, рис, фрукты, овощи и тому подобное. Саньбао и их приказал принять. Накрыли пир, султан пил и радовался.

И как раз в тот момент, когда завязывались узы дружбы, ординарец сообщил, что местные воины, доставившие дары, съели одного из моряков, оставив только голову. Командующий не мог поверить, а султан вскочил со своего места и бросился на колени:

– Ничтожный ничего не знал, умоляю простить!

Господин Ван сразу заподозрил неладное:

– Встаньте! Возможно ли, чтобы местные воины людоедствовали? Наверняка какие-то оборотни.

Правитель поднялся с колен, не переставая бормотать извинения.

Командующий Ван приказал ординарцу выйти и сделать вид, будто он ничего не ведает и ни о чем не докладывал. А сам вызвал принесших дары воинов, будто бы для вознаграждения. Когда же те налетели, что пчелиный рой, приказал им выстроиться перед адмиралом. Только после этого господин Ван пригласил Государева советника и попросил глянуть на них своим всевидящим оком. Бифэн резко взмахнул колотушкой – той самой, что ударом по голове будит засыпающих во время медитации монахов, – и тут все увидели, что меж рядами воинов прыгают два тигренка – желтый и красный, полосатые, низкорослые по сравнению с китайскими тиграми, зато злющие – зубы скалят, когти выпускают и рычат громко.

Вот беда – и гость, и хозяин зело уstraшились. Командующий воскликнул:

– Дерзкие твари! Просим Государева советника убрать их отсюда!

Одначе Бифэн заметил, что Небесный наставник лучше справится с этим. Даос немедля сжег заклинания на конце меча, и с заоблачных высей спустился черноликий небесный военачальник. Получив повеление, он прикрикнул на зверей, хлестнул их своей плетью – да так, что оба тигренка закружились клубком, – затем поймал обоих, содрал с них кожу, разорвал в клочья мясо и подал его пирующим со словами:

– Пойдет к вину.

Сказывают, что местный владыка при виде магических чудес, творимых буддистом и даосом, был напуган так, что поджилки тряслись, – тут уж не до закусок.

– Как среди местных воинов могли затесаться тигры? Поистине удивительно! – не мог успокоиться командующий.

Султан пояснил:

– Господам неведомо, что у нас в горах водятся тигры-оборотни, кои, спускаясь на равнины, принимают человеческий облик.

Военачальника евнуха Хуна эти слова развеселили:

– Так ведь и в наших краях полно таких тигров!

– Где же это? – удивился командир Ма.

– Вы еще спрашиваете! Да разве в Нанкине мало горных тигров? Или мало других, как их прозвали, городских тигров? – ухмыльнулся Хун.

– Ну, хоть их так именуют, всё же они менее свирепы, чем настоящие, – откликнулся господин Ма.

– Это как сказать! Сlopать человека, не пролив крови, – возможно, еще бóльшая жестокость.

Туземный правитель пожаловался также на обитающих у прибрежных вод гребнистых крокодилов^[18]:

– Громадные – в несколько чи, с четырьмя лапами и двумя здоровенными клыками, тело покрыто панцирем, сквозь кой на спине пробиваются колючки. Ежели кто из местных на них напорется, целиком заглотнут.

Саньбао обратился к Небесному наставнику, и тот произнес загадочно:

– В армии не полагается спаивать. Посему прошу издать специальный приказ ради уничтожения чудовищ.

– Буде потребно, предписываем, – согласились оба командующих. Небесный наставник предложил им вместе с султаном выйти на берег и каждый раз при виде крокодила выпивать по кубку вина. Даос начертал заклинания, поставил печать, прочел мантры и бросил бумагу в воду – после чего с табличкой-заклинанием во рту из воды высунулся крокодил, словно шею под нож подставил. Небесный наставник указал на него пальцем, и крокодил тотчас развалился пополам, только кровь брызнула фонтаном. Даос произнес:

– Господа, выпейте по чарочке.

И тут один за другим стали появляться всё новые и новые крокодилы – при этом даос каждый раз указывал на них магическим перстом, они разваливались пополам, свежая кровь фонтаном омывала всё вокруг, а присутствовавшие по его просьбе выпивали чарку за чаркой. Пока наконец местный владыка не взмолился:

– Крокодилов множество, а моих скромных возможностей к выпивке недостаточно, прошу отменить приказ.

Небесный наставник ответил:

– Вы непривычны к возлияниям, не стану принуждать – просто смотрите, как я буду обезглавливать чудовищ.

Напослед султан поблагодарил даоса, распрощался и вышел. На него тут же набросились с расспросами местные старосты:

– Ну, каковы эти люди из Южной династии?!

Султан воскликнул:

– Впредь даже не помышляйте подниматься супротив них!

– Отчего же?

– Не говоря уже о том, что они люди выдающиеся, способностей необычайных, упомяну о нескольких событиях, коим был свидетель: небесные святые и полководцы у них на посылках, что называется, в хоромах кликнут – слуги немедля отзовутся. Свирепых тигров с западных гор превратили в послушных котят, а затем умертвили; страшные приморские крокодилы присмирели, словно дождевые черви, а монах распоряжался их жизнью и смертью.

Старосты в страхе только головами качали:

– Поистине, Китай – великое буддийское государство! Мы желали бы завтра отплыть вместе с драгоценными кораблями, дабы удостоиться высочайшей аудиенции императора. Тогда, почитай, не зря пришли в сей мир!

Вернувшись во дворец, владыка поведал наложницам о необычайном даре монахов-кудесников, и те тоже испросили соизволения посетить великий Китай, дабы лично узреть императора.

– Ну что ж, разумно, – согласился правитель.

И когда через два дня султан посетил флагманский корабль, он изъявил желание отправиться в плавание вместе с флотилией. Адмирал одобрил:

– Стремление сие весьма похвально. Однако нынче мы движемся дальше в Западный океан и никак не можем в одночасье повернуть назад.

– Я, смиренный, готов подождать^[19], – согласился султан. Затем продолжал: – Вам предстоит долгий и опасный путь. Не рискованно ли везти на кораблях столько драгоценностей и дорогого товара? По моему скромному разумению, надежней временно разместить всё в нашем государстве, а на обратном пути забрать.

Командующий Ван счел сии доводы разумными. Саньбао тотчас приказал командиру центральной дивизии собрать солдат и соорудить вокруг города высокую стену из древесного частокола с четырьмя воротами и двумя башнями – колокольной и барабанной^[20]. Внутри – еще одно такое же ограждение, но поменьше, за коим и построить склады и амбары. Туда велено было поместить собранную дань, дары и часть провизии, днем нести дежурство местным воинам, а ночью – китайским патрульным с колокольцами. Распоряжения были отданы, и флотилия продолжила путь.

Через четверо суток завидели княжество Ару^[21] – небольшое поселение, жители которого промышляли рыболовством. Ма Драконоподобный был заранее отправлен к местному владыке, дабы вручить ему тигровую пластинку. Тот прочитал послание и возрадовался:

– Двадцать лет тому мы выплатили дань и были глубоко тронуты монаршей милостью. А ныне имеем счастье лицезреть главнокомандующего во всём великолепии!

К моменту прибытия кораблей князек в сопровождении двух старост вышел для торжественной встречи и вручил Саньбао вассальную грамоту и акт о капитуляции. Командующий с ним ознакомился, но принять подношения отказался:

– Страна ваша небольшая и бедная, сие необязательно.

Столь же решительно он отверг подарки для воинов:

– А уж личные дары тем более не возьмем, сие не по уставу.

Князю пожаловали подарки, с тем тот и вернулся восвояси.

Шли под парусами еще день, пока на северо-восточном побережье Суматры не увидели зеленую гору; порывы ветра доносили оттуда необычные сладостные ароматы. *Юцзи* Ма с небольшим отрядом отправился в горы – раздобыть душистые растения. Вскоре они притащили шесть огромных стеблей диаметром около восьми *чи*, а длиной – более шести *чжан*, все в тонких черных прожилках, нежные и мягкие, словно куски жира.

Рис. 3. Государство Самудра и его соседи в XV веке

По прошествии еще четырех-пяти дней *юцзи* Ма доложил, что показалось государство Самудра^[22], правителю коего император пожаловал почетный титул:

– Днесь владыка переживает трудные времена, страна в опасности^[23], посему, узнав о прибытии командующего, султан не мог скрыть ликования.

И Ма Драконоподобный поведал военачальникам давнюю историю.

Отец нынешнего правителя был убит отравленной стрелой в смертельной схватке с напавшим на страну войском султаната Нагур^[24] – людьми с татуировкой на лице. Малолетние дети не могли отомстить за смерть отца, и тогда вдова убитого пообещала титул султана любому, кто поквитается за гибель мужа и вернет земли княжества. Через несколько дней на воззвание откликнулся некий рыбак. Вдова снабдила его обмундированием, оружием, дала коня в придачу, и тот отправился в бой. Как принято говорить, поют под нагайкой златые стремяна, гимн победы вокруг раздается. Точным ударом меча рыбак поразил татуированного врага. Вдова сдержала уговор, сочеталась с мстителем законным браком, пожаловала ему титул султана, и в его распоряжении оказались все сокровища страны и земли. Прошло много лет, но подросший сын убитого правителя – Зайн аль-Абидин – затаил обиду на бывшего рыбака и за его спиной шипел: «Он занял место моего отца». В один из дней юноша с группой военных убил державного соперника и стал полноправным властителем. Он почитал мать как старейшину, но та одряхлела и не вмешивалась в дела правления. Однако ныне жаждет отмщения сводный брат правителя – Секандар, сын того самого рыбака. Он собрал войско, запаса продовольствием и стремится захватить трон. В стране не стихают кровопролитные бои, мятежники одерживают победу за победой, а войска султана терпят поражение.

Тогда адмирал принял решение:

– Поддержим подвергшихся нападению – тех, кто в опасности. Командирам левого и правого авангардов приказываю немедленно отправиться на берег для взаимодействия с войском законного правителя, а корабли вскоре подойдут.

Командиры с отрядами всадников тотчас погрузились на джонки и поплыли в направлении Самудры. Там они стали свидетелями смертельной схватки двух армий и рассчитали, что сейчас самое время ввязаться в побоище – солнце близится к закату, люди и кони утомлены: «Коли мы вступим в битву, мятежникам не устоять». Забили барабаны, зазвучали боевые кличи, и командиры авангардов с двух сторон вклинились в битву. У одного голова тигриная, глаза от ярости круглые, волосы копной курчавые да бакенбарды длинные. Мчится на своем соловом, широкий меч «голова леопарда» наперевес, и вопит:

– Где тут Секандар? Слезай с коня и сдавайся!

Другой – высоченный, широкоплечий, нос как у мусульманина, глаза – медные колокольцы, гарцует на быстроногом скакуне, в руках острый меч «гусиное перо», и тоже орет:

– Где тут Секандар? Слезай с коня, сдавайся!

Секандар был ошеломлен – что за всадники, из какой-такой страны? Явно не из земель Западного океана. Откуда им известно его имя? Даже Зайн аль-Абидин не сразу сообразил, что происходит, и спросил приближенных, откуда сии храбрецы, что нежданно-негаданно пришли на подмогу. А когда свита объяснила, что их послал главнокомандующий флотилии Южной династии, султан воскликнул:

– Да как же они столь молниеносно прибыли? Не иначе сами Небеса мне благоприятствуют!

И с новыми силами ринулся в бой, а с ним и оба китайских командира. Недаром говорится: один против рати не устоит, сила слабых сокрушит. Где уж Секандару супротив троих сдюжить! Тем паче что отважным командирам Южной династии не способны дать отпор и десять тысяч мужей. Секандар потерпел полное поражение: его отряд разнесли в пух и прах. Он помчался прочь, бросив латы и волоча за собой оружие, и только проскакав несколько десятков *ли*, собрал остатки разбитого отряда и вернулся в лагерь.

Султан, одержав победу, не устал благодарить спасителей – устроил для них пир и щедро вознаградил. Однако командир левого авангарда Чжан Цзи по прозвищу Западная Лагуна всё не мог успокоиться:

– Надобно добить врага, застать его врасплох, пока он потерял бдительность. У нас в запасе не более суток.

В ответ командир правого авангарда Лю Инь процитировал классический закон воинской стратегии:

– Не преследуй загнанного в угол противника, в отчаянии он способен на многое.

Чжан Цзи не согласился:

– Секандар вовсе не таков. Он привык к победам, горд и высокомерен и наверняка сочтет свое поражение случайностью. Так почему бы из предосторожности не покончить с ним? Плохо только, что мы не знаем здешних дорог.

– Страна наша невелика, разобраться нетрудно, – вмешался султан.
– На западе и севере – море, на юге и востоке – горы. Логово Секандара находится точнехонько к югу. Туда ведут две дороги. Одна – скользкая, ведет вдоль извилистого горного ручья, верхом по ней не проехать. Другая, более короткая, проходит по горе к вершине Архатов, однако по обеим ее сторонам отвесные кручи, по тропе может проскакать только один всадник.

Чжан Цзи уточнил протяженность столь узкой дороги.

– Несколько *ли*, – отвечал султан.

Тогда Чжан что-то шепнул Лю, и тот немедленно собрался в путь.

– Даже вино не допили, – огорчился султан.

Лю заверил:

– Завтра допируем.

Чжан подозвал пожилого воина и стал ему тоже что-то нашептывать. Как только стемнело, конный отряд, натянув поводья, бесшумно и осторожно строем двинулся в путь. Ехали полночи, пока не приблизились к вражеской ставке – шатру из буйволиных шкур. Тут громыхнул сигнальный пушечный выстрел, боевые кличи рванулись в небо, командир Чжан впереди, за ним – храбрые воины. Сильные кони, славные бойцы: сея смерть, ворвались они в шатер, и Секандар с ужасом понял, что ему не скрыться ни на небе, ни под землей. Он вскочил на коня и очертя голову помчался куда глаза глядят, но, проскакав чуток, сообразил: «Двинусь-ка я лучше по широкой дороге вдоль горного ручья и выйду как раз к кораблям». Глянул, а вдоль реки светится множество огней – там устроил засаду тот самый командир Лю. Столь грозное зрелище нагнало еще больше страха на Секандара, да и сопровождающие предостерегли:

– Вдоль ручья не проехать, там вражеские солдаты.

Секандар бросился было к горе Архатов, домчался до самого подножья, но неожиданно остановил коня. Сотоварищи недоумевали:

– Ситуация опасная и угрожающая – можно ли узнать, почему вы решили придержать коня?

– С обеих сторон пропасти, по тропе проедет лишь один всадник. Случись непредвиденное, я погибну.

Свита стала убеждать, что для паники нет оснований:

– Мы, преданные слуги ваши, полны отваги! Откуда чужеземцам прознать об этой тропе? Двинемся потихоньку, шаг за шагом.

Не успели договорить, как позади раздались боевые кличи, от барабанной дроби сотрясалась земля. Секандару ничего не оставалось, как поскакать вперед. Он уже преодолел половину пути и только подумал: «Вот докуда добрался, может, обойдется», – как раздался пушечный залп. Впереди ударили из пищалей, пушек, ружей, градом обрушились зажигательные стрелы. И тут, сотрясая землю словно раскаты грома, загрохотали сяньянские камнеметы. А навстречу с мечом наперевес мчится всадник:

– Куда поспешаешь, Секандар? Сдавайся, пока не испытал на себе мой меч!

Это Лю Инь с отрядом преградил ему дорогу. Куда податься? Сзади нагоняет Чжан Цзи – клинок на поясе острый, конь лихой да быстрый:

– Куда поспешаешь, Секандар? Сдавайся, пока не испытал на себе мой меч!

Поистине, меж двух огней оказался Секандар. Забили в колотушки, с обеих сторон вихрем налетели отважные китайские воины. И Секандар, как говорили встарь, сколь бы силен ни был, хоть даже и с крыльями, – не улетел бы! Схватили живьем.

На рассвете султан встретился с командующим и поблагодарил за ночное сражение. Тут привели Секандара, и адмирал посоветовал султану держать преступника в тюрьме, пока китайские корабли на обратном пути не заберут его с собой. Правитель услужливо согласился и тут же вручил гостю вассальную грамоту и акт о капитуляции. Адмирал вскрыл конверт и зачитал: «Мы, султан Самудры Зайн аль-Абидин, с почтением вручаем сие послание главнокомандующему армией, посланной империей Великая Мин для усмирения и пресечения бунтов. Мы давно наслышаны о вашем великом государстве, Небом созданным, и об императоре, Небом рожденном. Добродетель, что феникс, парит крылами над истоками Хуанхэ, слава воинских доблестей вздымается до луны. Вы получили приказ усмирить народы, и военная колесница тронулась в путь; озаренные блеском и сиянием власти, вы сумели строго покарать непокорных. Наше малое государство издавна одарено вашей великой милостью: в изобилии награды и подарки, сверкает орнамент на ножнах меча. С нами серебряная печать и императорский эдикт. О, сколь мудры величавые речи императора! Мы, ничтожные, сверх меры удостоились его благодеяний и милостивого покровительства, а благодаря действиям главнокомандующего остались целы и невредимы. Согбенно опустив главу, благодарим за все награды, аж взмокли от переполняющих нас чувств. И, глядя снизу вверх на императорскую ставку, готовы присягнуть в верности».

Засим султан вручил внушительный список дани. В нем значились такие ценности, как бурый железняк, пара легендарных жемчужин для войска в походе – вкопав в землю, и из них бьет вода; десяток дорогуших формочек сурьмы «черная улитка» для украшения придворных дам, стеклянных бутылей десять пар, десяток огромных слоновьих бивней.

Засим перечислялись: сто отрезков местной расписной парчи, по полсотни одеял из верблюжьей шерсти и расписных подстилок на сиденья, сотня полос парчовой каймы для парадного одеяния императора, по полсотни поясов в золотой оправе и сплетенных из пластин нарукавников.

Была среди дани и живность всяческая: пара огромных диковинных птиц выше двух метров, понимающих человеческую речь, десяток гремучих змей^[25] (длиннющие и ярко-зеленые; ежели запустить в темную пещеру, переловят всех мышей); десяток знаменитых скакунов – словно помесь коня с драконом. Значились там и полсотни бутылей благоухающей розовой воды для смачивания одежды, ароматичная мелия, борнейская камфора, тонизирующие семенные железы морского котика, амбра^[26] (слюна морских драконов, весьма ароматная), пара огромных страусиных яиц, две сотни вкуснейших бамбуковых куропаток и множество дивных и диковинных фруктов и овощей.

Командующий приказал коменданту хранилищ принять дань на корабли. Затем султан передал список подарков для воинства. Саньбао проглядел его, но отказался от всего, кроме овощей, фруктов и предметов первой необходимости. Однако принял радужное приглашение на пир в его честь и направился во дворец. А дворец тот был воистину величествен и прекрасен: колонны из агата, стены из редкого камня, изразцы из горного хрусталя, использован и «живой камень» – ископаемые кораллы^[27], а занавеси, полог – все в переливах разноцветной парчи. По обеим сторонам выстроились советники султана, начальники военных приказов, наставники принцев, врата охраняли brave воины – все дюжие, крепкие парни. Оба военачальника пили-ели и гостевали несколько дней.

Наконец корабли продолжили путь, и вскоре показался Нагур – то самое королевство татуированных. Земли его обширны, проживает более тысячи семей, но пахотной земли мало, рис не произрастает, жители занимаются в основном рыболовством. Нравы простые и добрые. У мужчин сизмальства лица татуированы изображениями разных животных, волосы распущены, на теле ничего, кроме куска материи вокруг пояса. Женщины обмотаны пестрой тканью, волосы на затылке связаны в пучок. Народ смирный, лишен алчности и гордыни, привержен долгу и правилам благопристойного поведения. Правитель, прослышав о прибытии драгоценных кораблей, прислал в дар ящик благовонной борнейской камфоры, да еще индийского буйвола – у него рога длиной в четыре чи, их надо спиливать каждые десять дней, не то бык умрет. Сказывали, что люди пьют его кровь и живут по пятьсот лет – столько же, сколько сам бык.

Корабли двинулись дальше, а командующий выслал вперед двоих авангардных разузнать об ожидающий впереди других малых землях Западного океана. Плыли более десяти дней, когда командир правого авангарда Лю Инь привел с собой в ставку князя страны Ламбри^[28]. Оказалось, владыка самолично выехал навстречу флотилии, дабы вручить вассальную грамоту, акт о капитуляции и в качестве подарка – новорожденного львенка, коего легче приручить, у него даже глаза еще не открывались. Саньбао не скрывал радости и устроил пир: угощали и чествовали князя в дружественной обстановке.

В разгар веселья примчались всклоченные и встревоженные воины из отряда командира левого авангарда Чжан Цзи и торопливо доложили:

– Беда у ворот!

На вопрос командующего, что стряслось, они, не в силах вымолвить ни слова, бухнулись на колени и стали бить себя в грудь.

– Беда с вашим командиром? – встревожился командующий. Те только закивали.

– Что за страна впереди? – снова спросил Саньбао.

В ответ ординарцы, всё так же молча, распустили волосы.

– Царство простоволосых? – догадался Саньбао. Воины снова закивали.

– Успокойтесь и доложите всё по порядку, – приказал командующий Ван.

Ординарцы взяли себя в руки и, еле переводя дух, сообщили, что местный воин захватил их командира в плен.

– Да как же Чжан Цзи сплеховал? – возмутился вице-адмирал.

Ординарцы объяснили, что дело не в том, что их командир недоглядел, просто, как назло, вельми коварный противник попался:

– Есть тут воитель-маг Тимур Драконий Глаз – ему не нужен ни конь, ни меч. В руках он что-то держал, звякнул этой штукой три раза, как медным колокольчиком, – и наш командир тотчас рухнул с коня маковой вниз. Тимур его и уволок.

Воины сообщили, что до Царства простоволосых еще семь-восемь дней пути, но командующий Ван распорядился немедленно привести войска в боевую готовность.

Корабли двинулись в путь и в указанный срок увидели на берегу заставу под названием «Фениксово гнездовье». Это была укрепленная городская стена со рвом, снаружи и внутри толпилось множество странных существ – тела угольно-черные, распущенные волосы ярко-рыжие. Командующий удивился:

– На людей-то не похожи. И зачем только мы сюда прибыли?

– Что уж теперь, придется смириться со своей ошибкой! – вздохнул господин Ван.

– Да это и не люди, и не черти, не воевать же с ними. Как быть?

– Вступим в битву, а там посмотрим.

Главнокомандующий отдал приказ, и отряды изготовилось к бою. Три дня подряд один за другим терпели поражение *юцзи* Хуан Добродетельный, командир правого авангарда Лю Инь и даже Чжан Бо по прозвищу Волчий Клык. Первые двое при звуке колокольцев тотчас попадали с коней и были схвачены. А Чжан Бо, едва услышав этот звук, стеганул коня и галопом помчался назад, аж шлем потерял.

Саньбао совсем было впал в уныние, и тогда вице-адмирал Ван посоветовал ему обратиться к Государеву советнику. Тот прибыл.

– Так-так, от таких дел запросто не отмахнешься! – пробормотал он вслух, а про себя подумал: «Недаром вчера ночью я видел небесное знамение – появление крупноголовой звезды. Не иначе как на кораблях появится добрый молодец, кой и подвиг совершит, и награду получит. Да только как узнать, что за звезда такая?^[29]» Он погрузился в глубокую задумчивость, после чего, наконец, попросил у Саньбао верительную табличку в форме стрелы. Получив ее, тут же передал ординарцу и повелел запросить военный лагерь: коли найдется воин, понимающий голоса птиц, пусть не мешкая явится в ставку вместе со стрелой.

Долго ли, коротко ли, явился мóлодец, назвался Ван Мином, сообщил, что служил гвардейцем в отряде лейб-гвардии в Нанкине, а

ныне находится в подчинении командира авангардной эскадры. Государев советник взглянул и порадовался – воин высок ростом, ладный, луноликий, вид внушительный, как говорится, зоб ласточки, шея тигра, глаза сверкают – не иначе спустившийся на землю дух той самой звезды. Спросил, знаком ли ему язык птиц. Ван Мин ответил:

– Не считите за хвастовство, но с древности до наших дней всего и было нас двое, коим сие ведомо. В прошлом – ученик Конфуция Гунье Чан, а нынче – я, смиренный.

И он поведал историю, связанную с Гунье Чаном.

Однажды тот сидел и болтал на досуге с другим учеником Конфуция. Внезапно послышалось чириканье птицы. Гунье сказал, что пойдет поймает барана, и они смогут полакомиться мясом. И правда, вскоре он вернулся с жирным барашком, коим оба вволю насытились. Гунье заявил, будто бы это птица начирикала ему: «Гунье Чан, Гунье Чан, на южном склоне бродит баран. Коли мясца отведать готов, не откажусь я от потрохов». Но потрохов она так и не получила, посему затаила обиду и решила проучить обманщика. В другой раз она прочирикала: «Гунье Чан, Гунье Чан, на северном склоне бродит баран. Коли мясца отведать готов, не откажусь я от потрохов». Гунье, предвкушая лакомый кусок, помчался туда, барана не нашел, зато увидел труп человека. Он собрался сбежать, но люди обвинили его в убийстве, обратились в суд, и Гунье приговорили к трем годам тюрьмы. Ван Мин похвастался, что разбирается в голосах птиц лучше Гунье Чана, на что Государев советник заметил:

– Слов недостаточно, докажи на деле. Нам требуются два фениксовых яйца – одно женское, другое мужское. Ежели ты с птицами договоришься и добудешь яйца, ждет тебя великая награда. Отправляйся поскорей!

Ван Мин про себя струхнул: «Феникс всем птицам голова, его яйца и так-то трудно раздобыть. А тут еще нужно одно женское, другое мужское». А вслух заявил:

– Фениксов-то я знаю, да боюсь, яйца так вот враз раздобыть не смогу. Прошу почтеннейшего продлить срок на несколько дней.

– Дело неотложное – какие могут быть отсрочки? – не соглашался Государев советник.

– Да здесь, может, и фениксы не водятся!

– Ты что, не видел название заставы «Фениксово гнездовье»?

– А вдруг я провалю важное поручение?

– Ну, коли не сумеешь добыть яйца феникса, принеси хотя бы яйца аиста.

Ван Мин решил, что так-то оно легче, бодро ответил «Есть!», поспешно поклонился и вышел. Расправив плечи, он двинулся в путь семимильными шагами. Распрямылся, словно вылезший из воды водяной дракон, заторопился, как тигр, возвращающийся в горы. Отмахал несколько *ли* и увидел высокую гору. Подойдя вплотную,

разглядел у подножья каменную стелу с надписью «Фениксово гнездовье». Обрадованно глянул вверх – диво дивное! На гребне горы красовалось дерево, но какое-то странное – ствол широченный, эдак три-пять *чи* в обхвате, само высотой в несколько десятков *чжан*, тянется вверх, словно пика, устремленная в небо. Зонтиком раскинулась густая крона, на верхушке вроде и в самом деле гнездо. Ван Мин задумался: «Дерево столь необычное, и гнездо правильной формы. Похоже, и вправду фениксово. Но фениксы вьют гнезда только в краях изобилия, а значит, там могут быть не только яйца, но и какие-никакие сокровища. Добраться туда не просто, но что делать – с одной стороны, приказ Государева советника, а с другой – судьба у меня такая. Придется залезть на гору и обшарить гнездо. А уж ежели там пусто, что-нибудь еще придумаю».

Он поспешно стянул верхнюю теплую кофту, сбросил башмаки, вскарабкался на гору, крепко обхватил ствол руками, собрался с силами и подтянулся к самой кроне. Там и вправду оказалось гнездо, но птиц он не обнаружил, посему не был уверен, что там водятся именно фениксы. Да и яиц не оказалось, зря силы потратил.

Пока Ван Мин карабкался, у него занемели руки-ноги, и он уселся на ветку отдохнуть. И тут его поразило исходящее из гнезда сияние. Он подумал, что его излучает какая-то драгоценность, и решил разворошить гнездо. Туда-сюда шебуршит-разгребает, всё вверх дном перевернул, и тут вдруг углядел тонкий спиралевидный стебелек «карандашной травы» – короткий, не более двух *чи* длиной, из таких делают фитили для лампы. Да так хорошо светится! Взял он его в руки, тянет туда-сюда, пытается разорвать, а стебелек только прочнее становится. «Смахивает на мятлик у нас в Нанкине, подойдет шлем подвязывать», – подумал Ван Мин. Взял да и повязал себе на голову. И с того момента всё пошло шиворот-навыворот.

В это время под деревом какой-то дровосек рубил хворост. Ему привиделось, что вроде на дереве кто-то сидит, однако как-то странно: то появляется, то исчезает. Дровосек удивился: «Ствол дерева совершенно голый, как можно по нему вскарабкаться? Я и раньше слыхивал, что на Фениксовой горе можно увидеть небожителей. Нынче, видать, мне улыбнулась судьба! Наверняка какой-то праведник посетил наш мир. Как упустить такой случай?!» Он положил топор, четырежды поклонился в пояс и возопил:

– Не знаю, что за святой там на дереве, но прошу, покажись и дай наставление мне, неразумному!

Ван Мин видел, как дровосек кладет поклоны, и решил, что это какой-то безумец, однако, услышав его слова, понял, что тот принял его за святого. И, не выпуская стебелек из рук, крикнул в ответ, что он вовсе не небожитель. А дровосек заладил:

– Святой, отчего не желаешь явить свой лик и наставить меня?

Тогда Ван Мин спрятал травинку, и дровосек радостно возопил, что ему привалило счастье узреть святого. Тут-то Ван Мин и призадумался: «Я беру травинку, и дровосек кричит, что не видит меня, прячу ее, и он вопит, что узрел меня. Не иначе как это проделки стебелька. Надобно проверить». Он вдругорядь поднял и опустил травинку, и опять дровосек сначала кричал, что не видит его, а потом – что видит. Ван Мин уверился, что он держит в руках бесценный талисман: «Эдакая трава-невидимка». У него созрел хитрый план выдать себя за небожителя, и он рявкнул:

– О чем взываешь ты, земное существо?

– Хотелось бы узнать ваше имя, святой господин, – донеслось снизу.

– Ты не знаешь меня, а ведь я бессмертный святой небесных сфер. Нынче я спустился на вашу прекрасную гору завершить одно небольшое дельце.

– Какое-такое дельце? – заинтересовался дровосек.

Ван Мин постарался извлечь из сей ситуации наибольшую выгоду:

– Мне позарез надобно раздобыть пару фениксовых яиц в дар Нефритовому императору ко дню Персикового пира.

Дровосек обрадовался:

– Дак это же и есть Фениксова гора, тут полным-полно их гнезд, и яиц навалом, что там одно – бери десяток, да что десяток – хватай сотню, да хоть и тысячу – делов-то!

Ван Мин был вне себя от радости: «Нынче одним махом два дела свершил!» – и с размаху плюхнулся на землю. Дровосек, почитая его за небожителя, поспешно опустился на колени и начал отбивать земные поклоны. Ван Мин остановил его:

– Довольно, довольно. Тебе, видно, предопределено судьбой встретить меня.

– Господин небожитель, – воскликнул ошалевший от восторга дровосек, – дозвоьте добыть и поднести вам в дар фениксовы яйца, дабы выразить хоть малую толику моего почтения.

– Ну, коли так, пошли вместе.

Дровосек двинулся в путь, Ван Мин – за ним.

Долго шли они, но фениксов было не видать – ни на деревьях, ни в траве. Ван Мин даже спросил, не вздумалось ли дровосеку надуть его. Тот встрепнулся:

– Нынче мне привалило счастье встретить святого – нешто посмею обмануть и навлечь на себя кару? Вот мы и пришли, этот пик называется Лунная пещера, здесь, под утуном^[30], я видел гнездо феникса.

– Тащи! – велел Ван Мин. Дровосек с готовностью сунул обе руку в расселину огромного валуна, долго там рылся-копался и, наконец, достал одно яйцо, затем снова долго обшаривал-ощупывал – и достал второе.

Ван Мин взял яйца, глянул – разноцветные, узорчатые, блестящие – красотища! Он подумал, что человек сей был зело почтителен, потратил немало усилий, нехорошо отпустить его ни с чем. Задумался и подозревал дровосека:

– Нынче удача у тебя в изобилии, а прибытку маловато. Я слишком поспешно спустился на гору за яйцами и не прихватил с собой ни драгоценностей, ни плодов небесных. Нечем тебя отблагодарить!

«Вот беда! – пригорюнился дровосек. – В кои-то веки встретил святого – и придется ни с чем возвращаться!» Потом огляделся и увидел, что вокруг разбросано множество камней разной величины – здоровенных и крошечных. Поднатужился, взвалил на плечо зеленоватый мшистый валун, принес и опустил перед Ван Мином:

– Святой, не нужно мне иного воздаяния. Слыхивал, что вы, небожители, превращаете камни в золото. Прошу, преврати валун в кусок чистого золота и подари мне, ну, пусть золото и не совсем чистое, всё одно сойдет.

Ван Мин опешил: не то что с эдаким валуном, он и с крохотным камешком не справится – как быть? Но, как говорится, счастье привалит – ум быстрее соображает. Он не раздумывая измыслил небылицу о том, почему нынешние святые сосредоточились на важных делах и больше не занимаются подобными проделками.

– А что, святые изменились? – удивился дровосек.

Ван Мин вдохновенно продолжил:

– Когда-то в эпоху династии Тан некий Люй Дунбинь, позже названный одним из восьми даосских бессмертных, выпивал в кабачке Юэянской башни^[31], и у него кончились деньги. Тогда Люй подобрал с пола зеленоватый камень, капнул на него из тыквы-горлянки немного эликсира, и тот превратился в золото. Люй расплатился и славно напился. Позже написал: «Трижды, неузнанный, пил в Юэян и, горланя стихи, перемахнул через озеро Дунтинху». Там-то его и встретил Владыка озера, пригласил на чай, а когда они уселись, спросил: «Может ли сотворенный только что патриархом кусок золота назавтра превратиться в нечто иное?» На что Люй Дунбинь отвечал: «Да этот камень и через полтысячелетия останется простым камнем». Владыка Дунтинху вздохнул: «Почтеннейший гонится за сиюминутным богатством, не думая о том, какой вред сие способно нанести всем существам через те самые пять столетий^[32]». Эти слова растревожили святого: «Премного благодарен за наставление!» И тут же на месте он дал торжественную клятву впредь не превращать камни в золото. А еще Владыка озера попросил его боле не обучать буддистов дару пожертвования и кормлению голодных духов. Люй Дунбинь пообещал: «Грядущие святые – это мои внуки, пошто научать их подобным магическим трюкам и омрачать их помыслы нечистыми страстями суетного мира?!^[33]» После сей клятвы бессмертные не отваживаются заниматься подобными делишками, – закончил рассказ Ван Мин.

– Ну, что же, – вздохнул дровосек, – тогда, может, хоть подаришь что-нибудь на память о нашей встрече?

Ван Мин и тут вывернулся:

– Приходи завтра на это же место, я захвачу для тебя пилюлю эликсира молодости.

«Золото – мертвое сокровище, – подумал дровосек, – пусть бы даже он его подарил, но коли мне не суждена долгая жизнь, не шибко оно и сгодилось бы. А так проглотишь пилюлю – и омолодишься, седые волосы почернеют, проживешь хоть тысячу, а то и десять тысяч лет. Здорово!» А вслух произнес:

– Раз уж ты обошел меня с золотом, пусть будет пилюля бессмертия – пожалуй, это даже лучше. Только ты, святой, не обмани!

Ван Мин нарочито громко произнес:

– У великих мужей так: слово вылетело – на четверке коней не воротишь.

Откуда дровосеку знать, что Ван Мин просто стремился от него отделаться? Радостно напевая, он ушел.

А Ван Мин, овладев талисманом, был так счастлив, что, прижав драгоценные яйца к груди, размышлял: «Вот передам их Государеву советнику, он меня щедро наградит, а я уж соображу, что делать с наградой. С этой травой-невидимкой не одного врага обезглавлю. А как свершу подвиг, мне и ранг чиновничий запросто пожалуют. Глядишь, и сам с голоду не помру, и родителей поддержу, и жену с детьми обеспечу». Полный радужных надежд, он потерял счет времени и не мог сообразить, куда его занесло и какой дорогой возвращаться. Глянул в небо – оно облаками да тучами затянуто. Растерялся воин, остановился. Тут уж совсем стемнело, а вокруг ни одного постоянного двора. Прошел еще немного – видит вдали какое-то жилье. Подошел ближе – на постоянный двор не похоже. Вошел во входную арку – но где прихожая, где женская половина и боковые пристройки? Скорее, сие мемориальный храм, на воротах табличка «Верный и храбрый У Аньван» – таков был титул военачальника эпохи Троецарствия Гуань Юя^[34]. В храме стояла его статуя: глаза вразлет, как у феникса, брови красиво изогнуты, лицо красное, словно финик, усы торчком.

– Почтенный, – обратился Ван Мин к статуе, – ты неизменно откликаешься на все обращения. Даже инородцы Западного океана совершают в твою честь жертвоприношения. Нынче мне придется воспользоваться ночлегом в твоём храме.

С этими словами он опустился на колени и, отбивая земные поклоны, назвал и объяснил, что вынужден ночевать в храме, потому что Государев советник послал его за фениксовыми яйцами, а он заблудился:

– Боюсь только, что ежели сюда пожалуют местные воины, мне одному не справиться. Надеюсь на силу и могущество светлейшего, прошу защитить и охранить.

Закончив молитву, он подпер ворота храма длинной шиферной плитой, и, растянувшись на полу, тотчас заснул. Среди ночи сквозь сон он услышал, как Гуань Юй громко спросил:

– Кто оскверняет мой храм?

Из свиты откликнулись:

– Да какой-то мóлодец – ходячее недоразумение. Пожаловал в наши края за фениксовыми яйцами и добыл их, а при нем еще талисман – трава-невидимка.

Гуань Юй предрек:

– В таком случае успех экспедиции во многом зависит от этого моряка. Жаль только, что он из низкого сословия, физически недостаточно закален, да и мечом достойно владеть не научился.

И приказал сопровождавшему его небесному воину передать Вану силу своих рук и искусство его меча.

Наутро Ван Мин вспомнил удивительный сон – а оглядевшись, и вправду увидел слева от статуи меч, весьма похожий на легендарную древнюю алебарду «зеленый дракон».

Ван Мин решил испытать клинок. Легко поднял тяжеленное оружие одной рукой, стал что есть силы махать им во все стороны, а затем приступил к исполнению подсказанных во сне приемов боя^[35]: «падающие цветы покрывают крышу», «изогнутые корни сухого дерева», «обвязать поясницу» – всё получалось ничуть не хуже, чем в сновидении.

Когда Ван Мин вернулся на корабль, адмирал недовольно спросил, где он бродил целых два дня.

– Непросто было найти яйца, потому и замешкался. Но я всё же добыл их, – оправдывался Ван Мин.

Командующий приказал передать фениксовые яйца Государеву советнику, а тот велел ординарцу принять их, заметив при сем:

– В этих яйцах – залог всех успехов и подвигов в сей стране.

А евнух Ма не преминул вставить, что коли так, то, выходит, не зря Ван Мин покинул родные края, оставил стариков-родителей, жену и детей и отправился в дальнейшее плавание. И приказал чиновнику военной канцелярии записать его деяние в книгу подвигов. Чиновник раскрыл книгу, растер тушь, обмакнул кисть, начал писать: «Гвардеец Нанкинского отряда лейбгвардии Ван Мин...» Однако, дойдя до слова «яйца», не решился так прямо написать, мало ли кто чего подумает^[36]. Отправился за указаниями к командующему:

– В обязанности ваших подданных входит регистрация славных деяний, к примеру, такой-то генерал взял такое-то государство или такую-то заставу или порешил кого из супостатов. Но как-то неудобно писать, что Ван Мин раздобыл два яйца – посему пришел за указанием.

Командующий вскипел:

– До чего же вы бестолковые! Так и пишите – мол, такого-то числа добыл два фениксовых яйца.

Коли дан приказ, положено исполнять.

Но тут вперед вышел Ван Мин:

– Погодите, отложите кисти! – И обратился к адмиралу: – Я, ничтожный, и так премного обязан господам командующим за оказанное доверие, к чему еще вносить в книгу мой подвиг?

– Отчего же не записать? – удивился Саньбао.

– Да хоть впоследствии я и получу за это какой-никакой чин, иначе, вернувшись в столицу, всё одно не смогу рассказать, за что мне его дали.

– Отчего так?

– У нанкинцев злые языки. Появлюсь на улице, и по всем переулкам и закоулкам начнут зубоскалить: «Эй, счастливчик, это ты за океаном обзавелся еще парой яиц? Ну и подвиг!» Дойдет до моих детей и внуков, их тоже будут дразнить: «Счастливчики, это ваш уважаемый предок в дальних странах совершил яичный подвиг!» Кто знает, в чем дело, тот поймет, что речь о фениксовых яйцах, а кто о том не слыхал, посмеется и решит, что никакого подвига не было, и я получил должность с помощью своих яиц.

Господин Ван, не выдержав, расхохотался:

– Экой ты глупец! Был, конечно, один полководец, кой лишился звания из-за пары яиц^[37], – но разве плохо запечатлеть свое имя в анналах истории, на бамбуковых дощечках?

Ван Мин не посмел возражать, и чиновники сделали запись.

Меж тем Государев советник приступил к расспросам, где да как Ван Мин нашел яйца, а потом провел ночь. Воин пытался скрыть и встречу с дровосеком, и свой удивительный сон, но, поняв, что проницательному буддисту о том известно, признался во всём и показал еще и траву-невидимку.

Буддист внимательно ее осмотрел:

– Это твой оберег. От сей малой травинки зависит успех в жизни – захочешь ли создать семью или основать дело, прославить свой род, добиться передачи титула жене и закрепить его за потомками, повисить общественное положение семьи, получить золотой пояс сановника^[38], да мало ли что еще.

Услыхав такие посулы, Ван Мин размечтался: «Ежели получу пояс тусклого золота, всё одно стану помощником тысяцкого с довольствием 3,8 даня риса в год^[39], а то и тысяцким – а это уже 4,2 даня. Со сверкающим золотым поясом смогу служить помощником командующего гарнизоном, а это никак не менее 5,8 даней риса. Коли повысят до старшего помощника гарнизонного, это и вовсе высокий чиновничий разряд, мне положат 6,2 даней риса. Ну а ежели Небо и Земля смилостивятся и я заслужу пояс с рисунком – чеканкой по золоту, то взлечу на высокую командную должность гарнизонного командира, буду получать 8,4 даня риса. А буде еще счастье привалит, глядишь, доберусь до ранга юцзи, возглавлю летучие отряды. Справлюсь –

может, продвинусь до командующего приграничными войсками. Коли и тут совершу подвиг – возвышусь до заместителя главнокомандующего армией, ну а коли снова отличусь – назначат командующим, да при печати. Тогда никаких проблем не будет, счастье и удача сами пожалуют: захочу – займу пост начальника одного из Пяти армейских управлений, оглянуться не успеешь – окажусь среди знати, присвоят титул *бо*, потом повыше – *хоу*, а после, глядь, пожалуют титул „ван-князь“ – да вот уж и зонтик над тобой держат, четверо паланкин несут. Славно-то как!»

Меж тем Государев советник приказал поднести Ван Мину три чарки вина. Не успел в руки взять, как ординарец доложил, что противник вновь вызывает на бой.

– Ну что, Ван Мин, готов к новому подвигу? – спросил Государев советник.

– Я бы, пожалуй, пошел, но есть кой-какое препятствие.

– Что ты имеешь в виду?

– По силе и мастерству я пригоден, но у меня нет подходящего обмундирования.

Государев советник обратился к командующему, и тот всполошился:

– Доспехи демонстрируют величие воина – куда ж без них?!

Тут же доставили полный комплект. Ван Мин надел шлем и латы, взял нагайку – недаром говорится: Будда сияет позолотой, а человека красит одежда.

– Ван Мин, – окликнул его Бифэн, – осуши чарки.

Ван Мин поднял чарку, да задумался и неожиданно заявил:

– Я не выйду на битву!

Командующий был поражен:

– В армии не место шуткам! Что значит не выйду? Ты же согласился!

Но Ван Мин гнул свое:

– Не смею указывать командующему, но разве не известно, что из одной нити не соткать холста, одинокое дерево – еще не лес, один в поле не воин?

– Всенепременно придам тебе отряд всадников, – успокоил адмирал. – Сделаем всё как положено – и пушки трижды прогремят, и боевые кличи прозвучат, поскачешь, как большой командир!

Ван Мин продолжал:

– Вы, командующие, удостоили меня своим доверием, но воины в отряде – мои однополчане. Нешто они признают меня командиром, станут слушать мои команды? А ежели, паче чаяния, не выполняют приказ, нарушат воинский закон, то не токмо за мою жизнь нельзя поручиться, главное – провалю важное поручение.

Саньбао решил, что сей малый, хоть и невысокого звания, но не промах, таким не стоит пренебрегать. И всё же отказал:

– Ван Мин, сейчас не время сооружать алтарь и совершать церемонию посвящения тебя в командиры. А если пожаловать тебе чиновничье звание, боюсь, бойцам не понравится.

С этими словами он вынул из ножен драгоценный меч. Меч сей был столь прекрасен, что описать его можно только в стихах:

Сверкает меч, печами прокаленный,
И я заморожен, сияньем ослепленный.
Искусным мастером отлит и временем не тронут,
Он наречен Драконий омут.
Цветами лотоса украшенный ларец,
Что серп луны – чеканка золотых колец.

Адмирал поведал, что меч ему подарил сам император – с правом сперва казнить, а потом докладывать. Нынче он на время передает его Ван Мину:

– Буде найдется воин, не пожелавший выполнять твои приказы, – без колебаний руби голову.

С древности ведомо, что во дворце исполняют указы императора, а в походе – приказы командира. Иными словами, не успел власть принять, а уже получил право диктовать.

Ван Мин взял меч, вскочил на коня и под грохот пушечных залпов и боевые кличи выехал на поле боя. Его противник, завидев под штандартами командира высокого ранга, рявкнул:

– Прошу огласить ваше имя!

Ван Мину столь высокий слог не показался забавным: «Позорит меня, вражина!» Верно с древности говорится: коль повезет – ветер попутный на башню тебя вознесет, коли судьба отвернется – колокол в храме^[40], и тот разобьется, что означает: везенье множит удачи, при невезухе – всё незадача. Ван Мин быстро смекнул, как обратить ситуацию себе на пользу, и выдал себя за генерала армии, отправленной императором Великой Мин в Западный океан. Главное не то, что он это сказал, а то, что окружавшие его воины услышали и поверили, и пошел говорок: «Вот каков наш Ван Мин, ни с кем не сравним! Ноне у нас ведь кто имеет звание генерала – только самые высокие чины! Вона как Ван Мин вознесся!» Его противником оказался командующий вражескими войсками Тимур Драконий Глаз – тот самый, что захватил в плен трех китайских командиров. Обуянный яростью, Ван Мин выхватил меч – в руках у неприятеля сверкнула секира. И началась большая сеча, в коей полегло немало воинов.

Тимур пустил в ход магический талисман, но травка-невидимка всякий раз помогала Ван Мину ускользнуть.

Ван Мин стал размышлять: «Супостат трижды ударил в свой талисман, дабы схватить меня одного. Значит, ежели ударит тридцать раз, то захватит десяток командиров? А ежели триста раз, то и всю сотню? Верно говорят: лови полосу удач, лечи болезнь заранее.

Попробую с помощью травы-невидимки проникнуть вослед Тимуру в город – посмотрю, чем он там занимается. Как говорится, пришло время действовать – шустро поворачивайся, пришло время хитрить – изворачивайся».

Тем временем Тимур вернулся на учебный плац, уселся в шатер из буйволиных шкур и приказал своим воинам хорошенько охранять городские ворота, дотошно расспрашивать всех входящих, дабы не прокрался неуловимый дьявол Ван Мин: «Не то жди беды!» А еще приказал отряду в полсотни воинов стеречь сокровище-талисман, запрятанный в кладовых его владений. Отдав распоряжения, Тимур отправился восвояси.

Казалось, всё предусмотрел, – да откуда ему было знать, что Ван Мин тенью крался следом? Услыхав, куда военачальник отправил полсотни воинов, он последовал за ними: те в главные ворота – он по пятам, вошли во внутренние ворота – он следом. Приблизились к дверям сокровищницы – а там сидит охранник и проверяет каждого входящего по именному списку. Приоткрое створку двери, пропустит одного человека, и тут же ее закроет. Проверит одного – пропустит одного, так и проходят гуськом – ну никак не втиснешься! Невидимый, Ван Мин стоял обочь, беспомощно наблюдая, но ничего не мог сделать. Очередь дошла уже до сорок восьмого по порядку воина, и Ван Мин отчаялся: «Сейчас еще двоих отсчитает, и всё кончено!» И тут выпала редкая удача. Оказалось, что сорок девятый по счету солдатик подменял отца и, конечно, не походил на него ни видом, ни возрастом. Дежурный офицер начал скандалить, не желая его пропускать, и даже слегка отпихнул в сторону. В дверях образовался зазор, и Ван Мину удалось проскользнуть внутрь. Оглядевшись, никаких сокровищ он не увидал, при этом все воины зачем-то толпились вокруг крошечного водоема с прозрачной водой.

Тем временем пришла пора выставить первый ночной караул. Притворившись туземным воином, Ван Мин спросил на местном наречии:

– Чего это все так уставились на водоем?

Какой-то шустрый малый ответил:

– Да как не глядеть? Там сокровище нашего господина.

Так, теперь стало ясно, где искать талисман, – а вот как его умыкнуть? Стражники не спускают глаз с водоема, ни на минуту не задремлют. Тогда Ван Мин предложил:

– Лучше крепко спать, чем всю ночь пировать. Что нам – так стоя и нести караул?

Кто-то из стражников урезонил:

– Так ведь там талисман – а ну как проморгаем?

Ван Мин аж руками всплеснул:

– Экие мы недогадливые! Нас полста, можем разделиться на две группы – первую половину ночи дежурит одна, потом – вторая. Всем удобно, никто не устанет.

Воины с радостью согласились:

– Разумно! Дежурные останутся у водоема, а остальные лягут спать под стрехой с восточной стороны.

И первая группа тотчас отправилась на боковую.

«Сработало!» – обрадовался Ван Мин. Как только он убедился, что враги улетели в царство сна, в нем вдруг поднялась такая ненависть, что он ловкими ударами меча вырезал всех спящих, словно траву скошил. Затем вздохнул: «Ну вот, полегчало!» И совсем было собрался расправиться с остальными, как вдруг один из дежуривших у водоема воскликнул:

– Ох, бежит время, уже и нам отдохнуть пора. Эй вы, сони, вставайте.

Ван Мин, притворившись одним из спавших, пробормотал:

– Встаем-встаем, а вы ложитесь.

Успокоенные, дежурные отправились спать под стреху западной стены. Тут-то Ван Мин и решил: «Косишь траву – выпалывай корни, иначе нечего было и начинать». Подкрался ко второй группе и, проверив, что они тоже отправились в царство сна, прикончил и их.

После этого он не торопясь приблизился к водоему и увидел, что на дне что-то посверкивает – крошечный, в три *цуня*, круглый колокольчик и маленький гонг размером не больше одного *чи*. Ван Мин достал их и под лампой сумел прочесть надписи: на колокольчике – «уловляющий души», а на гонге – «преследующий души». Ван Мин подивился, что такие малюсенькие вещицы оказались способны поймать души командиров Южной династии: «Как бы научить наших военачальников не попадаться на крючок? Ну, что ж, завтра с помощью сих талисманов поднесу Тимуру ответный гостинец». Но тут же засомневался: «Эти варвары хитры и коварны. Ежели талисманы подлинные, всё пройдет гладко, а коли нет, только вызову недовольство командующего. Надо бы на ком-то их испытать». Вокруг ни души, а восток постепенно светлел.

Покидая хранилище, Ван Мин должен был миновать охранников. Он тут же трижды стукнул по гонгу, и те, словно замертво, попадали на пол. Убедившись, что талисманы не поддельные, Ван Мин вернулся на корабль и показал командующему выкраденные сокровища.

Тимур же, обнаружив, что полсотни его бойцов убиты, а талисманы похищены, так рассвирепел, что поутру выехал на поле боя, скрежеща зубами и выкрикивая злобные угрозы. Ван Мин поскакал навстречу, приказав своему отряду держать наизготове крюки и веревки. Не вымолвив ни слова в ответ, он достал из рукава колокольчик, потрянул им – ни звука! Зато Тимур поднял какой-то веер, взмахнул несколько

раз, и колокольчик вместе с гонгом словно ветром сдуло – они вернулись к Тимуру.

Ван Мину стыдно было ни с чем возвращаться на корабль, и он решился: «Эх, была не была, начал дело – заканчивай смело! Последую за туземным военачальником в город, посмотрю, что за штука такая помогла ему вернуть талисманы. Дождусь случая и заполучу это сокровище. Чем плохо?» С травой-невидимкой в одной руке и мечом в другой он незаметно последовал за Тимуром в его покои.

Там он подслушал, как Тимур объяснил супруге, что вернуть талисманы ему помог волшебный веер: «Его называют „Мать всех сокровищ“, взмахнешь им – и все талисманы слетаются к нему». Тимур признался, что есть у него еще одна вещица – Святая книга: «Стоит прочесть записанные в ней заклинания-мантры, и талисманы вернуться к тебе, на каком бы из четырех материков они ни находились». Ван Мин вельми заинтересовался книгой и решил подглядеть, куда хозяйин ее прячет. А тут сама хозяйка задала мужу этот вопрос, и Тимур открыл жене, что держит книгу во флигеле в саду. Та посоветовала проявить осторожность и перенести туда и остальные сокровища. Тимур собрался было отдать приказание слугам, но супруга убедила его не доверять чужим рукам – лучше отнести сокровища самим. Ван Мин последовал за ними.

Как вошли в кабинет во флигеле, военачальник вынул Святую книгу из красной шкатулки, проверил, всё ли в порядке, и раскрыл. Ван Мин, невидимый, осторожно сбоку заглянул в нее и видит: письма-то незнакомые. Тимур спрятал в шкатулку все три талисмана, кроме книги: «Возьму-ка ее завтра в бой. Ежели что, с ее помощью можно не только вернуть талисманы. Достаточно прочесть из нее мантру и подбросить в воздух волшебное вервие – не токмо что один Ван Мин, а и десяток таких удальцов не вывернется». И спрятал талисман в рукав. Потом они с женой стали пировать-выпивать, захмелели и сбросили одежды. Выпили еще чуток – и начали шутиливую потасовку на кулачках, еще пригубили – и потанцевали с мечами, а потом в хмельном кураже пошли забавы с пиками. Ван Мин тем временем извлек из рукава брошенной ими одежды книжицу и вернулся на корабль.

Сказывают, что Ван Мин поведал командующим про могущественный талисман – крохотную книжицу, кою он легко выкрал и спрятал в рукаве. Почтенный Саньбао сам принадлежал к дворцовым чиновникам, а посему, услышав знакомое слово «выкрал», радостно хлопнул в ладоши и расхохотался:

– Ван Мин, сынок, тебе, похоже, удалось завладеть наипервейшим трофеем в Западном океане. Ну, где та книжица? Показывай!

Ван Мин почтительно, обеими руками передал сокровище. Оба командующих вертели его и так, и эдак, но не смогли разобрать, что за книга и что за письма. Тут явился Государев советник, и Саньбао рассказал о появлении сей удивительной вещицы.

– Дозвольте взглянуть, – попросил Бифэн.

Он внимательно пролистал книгу от начала до конца и воскликнул:

– Амитофо! Ну и натворил ты дел, Ван Мин! Украсть эту книгу – поступок весьма недостойный. Во имя чего ты решился на столь неправо дело? По моему скромному мнению, книгу надобно поскорей вернуть.

– Почтеннейшему виднее! – потупился Ван Мин. – Дак ведь ради сей книжицы мне пришлось, рискуя жизнью, можно сказать, побывать в пучине дракона и логове тигра. Жаль вот так просто ее возвернуть.

Однаке Государев советник твердил, что в книге содержатся выражения, попирающие праведный путь. Ван Мин возразил, что Тимур ночью читал ее вслух, однако ничего особого не приключилось.

– Ну, коли ты мне не веришь, я почитаю, а ты слушай!

Бифэн раскрыл книгу и только приступил к чтению – завыл-зашумел ветрило, и с его порывами в ставку занесло все три талисмана – колокольчик, гонг и веер. Лица командующих озарила радость, да и командиры всех рангов зашумели, воздавая хвалу Ван Мину. Первым к нему обратился военачальник из евнухов с «лошадиной» фамилией Ма:

– Ван Мин, сынок, ты добыл главное сокровище Западного океана. Хочу сделать тебя своим названным сыном. Как ты на это смотришь?

– Я бы не прочь, да не смею принять оказанную честь. Фамилия ваша не слишком благовонная^[41].

– Боишься, что тебя будут дразнить вонючим порождением Дня лошади? Нешто лучше, коли назовут родившимся в день упряма осла или тупицы мула?

Тут в разговор вступил военачальник-евнух с благородной фамилией Хоу и тоже предложил усыновить Ван Мина.

– Да я бы не прочь, – замялся тот. – Но вынужден отказаться от такой чести. Очень уж ваша фамилия созвучна со словом «обезьяна».

– Опасаешься, что будут дразнить гориллой-страшилой?! – понял его господин Хоу.

После того Ван Мин отказался и от подобного предложения евнуха Хуна. Тот удивился:

– Да отчего же? Что дурного в моей фамилии, означающей «величие и могущество»?

– Дело не в фамилии. Простите, но господин бездетен, боюсь, и я останусь один-одинешенек.

Тут вмешался военачальник евнух Ван:

– Ван Мин, мы с тобой однофамильцы, само собой тебе положено стать моим приемным сыном. Мне уже выпала семерка^[42], будешь восьмым.

Но Ван Мин оставался неумолим:

– Приемным сыном быть неплохо, да только срамно всю жизнь считаться восьмеркой-байстрюком^[43].

Тем временем Тимур, обнаружив пропажу, пришел в неистовство. Он надел парадную форму, вскочил на скакуна и помчался вызывать Ван Мина на бой:

– Негодяй! Это ты украл магическую книгу и отозвал талисманы?!

– Да, я, – спокойно признался Ван Мин. – И что ты мне сделаешь?

Тимур молча приподнял свой шлем, отчего рассыпались его курчавые волосы, пробормотал какие-то заклинания, смачно плюнул в сторону запада и выкликнул:

– Убить! Немедля!

И тут же с запада задул сильный ветер и погнал на китайское войско песчаную бурю и камнепад. Да и это бы ничего, но вместе с ними на китайские позиции двинулось стадо громадных слонов в несколько сот голов – ох и страшенные! Пасти – что кровавая лохань, бивни^[44] – стальные мечи, огромные хоботы к небу воздеты! Они поднимали ими воинов в воздух вместе с лошадьми, одного за другим.

Ван Мин видит – дело плохо. Зажал траву-невидимку во рту, взял в обе руки по мечу и стал крутить ими во все стороны, целясь в слонов. Да только этим гигантам всё нипочем! Тогда Ван Мин попробовал что есть мочи ударять мечом по слоновьим бивням. Это сработало! Почему? А потому, что бивни хоть и длиннющие, да корни у них неглубокие, от сильных ударов бивни ломаются, что весьма чувствительно для слонов. Взревев от боли и поднимая столбы пыли, животные бросились бежать куда глаза глядят. По счастью, ветер изменил направление и задул с востока. Именно в эту сторону Ван Мин и приказал своим воинам открыть огонь из пушек, огненных труб и зажигательных стрел. Ветер разносил огонь, и слоны удирали всё стремительней. Да это еще что: они на бегу и своих-то воинов передавили будь здоров сколько! Тут и сам Тимур утек аки шелудивый пес или выскользнувшая из сетей рыба.

Ван Мин велел воинам отнести бивни на флагманский корабль и выложил добытые трофеи. Военачальник Хоу пересчитал:

– Здесь сто шестьдесят бивней. Поскольку у каждого слона по два бивня, то благодаря Ван Мину покалечено более восьми десятков слонов.

На что командующий заметил, что у некоторых слонов по четыре бивня, а у других бивней и вовсе не имеется^[45].

– Такое я не учитывал, я имел в виду обычных слонов, – откликнулся Хоу.

Меж тем Тимур, потерпев поражение, понурил голову и возвратился восвояси.

Желая утешить, супруга его надоумила:

– Почему бы не использовать лабиринт^[46]? Тут уж никакой Ван Мин не устоит!

Ил. 19. «Лабиринт» – памятник военной культуры Древнего Китая

Вот уж поистине – одним словом можно достичь процветания страны, а можно ее погубить. Тимур воспрял духом, собрал воинов и, выкрикивая проклятья, помчался на поле боя. На сей раз у Ван Мина был заготовлен иной план: «Как говорится, захватишь инициативу – разобьешь врага, промедление влечет поражение. К чему вступать в схватку, расставлять боевые позиции? Лучше наскочить на противника сзади и одним ударом отсечь башку». Он взял в одну руку траву-невидимку, в другую меч, подкрался к Тимуру сзади и рубанул что есть силы. Недаром сказано: от прямого удара можно уклониться, а бьют исподтишка – трудно защититься. Туловище Тимура разлетелось на куски, наводя ужас на туземцев. Воины разбежались, как крысы, а меч незримого Ван Мина продолжал сносить одну голову за другой – не успеют вскрикнуть, а уже замолкли навек. Оставшиеся в живых в страхе вопили: «Это Небо насылает на нас смерть!» Обхватив головы руками и втянув шею в плечи, они в страхе мчались кто куда. Некоторые поскакали в запретный город – невидимый Ван Мин за ними; другие проскочили через главные дворцовые ворота – Ван Мин проник и туда.

Оказавшись в покоях князя, Ван Мин вознамерился покончить и с ним.

Однако в этот момент в восточной части дворца материализовался даосский святой:

Мохнаты брови, и власы седые шелковисты,
Жизнь пробежит, что шахмат ход, – так быстро.
Сосна и кипарис хранят навеки юность,
А горный ветер принес владыке мудрость.

Мудрец поклонился трону и, согласно торжественному этикету, исполнил ритуальный танец почитания единства Неба, Земли и духов, иными словами, отвесил большой церемониальный поклон. Он назвался Златовласым даосом и, будучи святым, охраняющим государство, сообщил правителю, что среди находящихся в зале затесался подосланный Южной династией воин, намеревающийся убить государя. Князь рассмеялся:

– Неужто я не разглядел бы чужака среди приближенных? А буде не я, разве мои сановники проглядели бы?

Монах пояснил, что только он способен узреть нечестивца. Князь попросил показать убийцу.

– Сие несложно! – согласился монах.

От этих слов у Ван Мина от ужаса волосы встали дыбом: «Да как такое может быть? Трава, что ли, перестала действовать? Уберусь-ка я подобру-поздорову». Но тут же передумал: «С такими трудностями проник во дворец! Жалко ни с чем отступить. Может, монах просто морочит меня?»

А тот меж тем взошел на ступени трона, вынул из-за пазухи красный шелковый мешочек и достал из него зеркальце. В мире, пояснил он владыке, прославлены три чудесных зеркала: одно ограждает от нечисти, другое ее укрощает, а третье обнаруживает:

– Вот с помощью такого зеркала я и покажу вам истинное лицо подосланного убийцы.

Князь обрадовался, подозвал телохранителей, те укрепили зеркало на красных ступенях трона, и тут все увидели в нем отражение чужеземного воина: на голове шлем – что опрокинутая чаша, поверх толстого халата – двубортный длиннополый желтый кафтан без рукавов, подвязанный кожаным поясом, на ногах – мягкие сапоги, в одной руке – какая-то травинка, в другой – меч.

Ван Мин, хоть и был рядовым гвардейцем, отличался нравом упрямым и своевольным. «Эка невидаль, – подумал он, – зеркало, освещающее нечисть. Я вот назло всем не испугаюсь и не сбегу. Пусть все видят, каков воин Южной династии». И спрятал свою волшебную траву. Тут под стук колотушек осиным роем налетела охрана, его схватили, крепко связали и подтащили к трону. Ван Мин стоял перед князем выпрямившись, и тот разгневался, отчего это иноземный воин не преклонил колена.

– Хотите казнить – казните, хотите рубить голову – рубите, но на колени не встану.

– Глядите, каков храбрец-подлец! – рассвирепел князь. – Ты нарушил границы нашего государства, убил сотни моих воинов, украл талисманы, погубил главнокомандующего. Как ты посмел после этого явиться во дворец? Теперь-то я с тобой разделаюсь – напрасно говорят, что нельзя набрать озеро из растаявших сосулек или выжать масло из песка, уж я это сделаю! Сам смерти запросишь!

И приказал палачу отрубить наглецу голову.

Тут Ван Мин призадумался: «Отрубят голову – новая не вырастет, надо придумать, как выбраться!» Палач уже выхватил меч, когда он врасстяжку произнес:

– Меня-то вы можете убить, да только на кораблях среди воинов несть числа моим друзьям. Как сказано, всех не истребишь^[47].

Князь удивился – это кто ж такие? – и изрек:

– Ты совершил преступление – тебе и отвечать.

Но всё же приказал остановить казнь. А Ван Мин так же неторопливо продолжал:

– Я-то по натуре человек великодушный, но прямо скажу: есть на кораблях немало отчаянных сорвиголов. Среди них и мои сородичи, односельчане, однокашники, однополчане. Вместе учились – вместе сражались, знаем те же приемы и заклинания, одинаково убиваем – в плен не попадаем. Всего нас семижды семь – сорок девять человек: меня убьете, а остальные-то останутся. Нешто они простят такое?

Князь потребовал:

– Ну, коли ты эдакий достойный человек, почему бы тебе не выложить всё начистоту?

Ван Мин с нарочитой готовностью согласился:

– Да я вам все имена назову, чтоб знали, кого остерегаться.

– Прикажу принести кисть и бумагу, а ты запишешь, – предложил князь.

Ван Мин быстро сообразил, что его проверяют, не захочет ли он освободиться от пут, и намеренно предложил перечислить имена устно.

– Ты станешь быстро их называть, – возразил князь. – Как я успею всех записать?

Ван Мин снова решил одурачить князя и рявкнул:

– Ну, ты, презренный пес, будто не знаешь, как это делается! Позови сорок восемь человек, пусть каждый запишет по одному имени.

Тут уж князь уверился, что Ван Мин и вправду человек честный, и велел внести «четыре драгоценности» – тушь, кисть, бумагу, тушечницу. Слуги поставили всё на красные ступени. А поскольку с древности не бывало такого, чтобы писали со связанными руками, с Ван Мина сняли веревки. Один чиновник растер тушь, другой сдул пылинки с бумаги, третий передал ему кисть. Ван Мин протянул левую руку. На удивленный вопрос, не левша ли он, ответил, что одинаково действует обеими руками. А сам правой рукой схватил траву-невидимку – и испарился, как струйка дыма. Ищи-свищи его! Князь только грустно вздохнул – вот она, честность чужеземцев Южной династии! А придворные добавили: «Честные просто уходят, их и поймать можно, а лживый так вообще улетел».

Златовласый, поклявшись поймать ничтожного обманщика живьем и измельчить в порошок его кости, собрал почетный караул из всякой

нечисти, уселся на Рыбу бирюзовых вод, взмыл в облака и помчался к Фениксовой заставе.

За это время Ван Мин успел подобрать на поле боя голову убитого Тимура и добраться до ставки, где и вручил командующему свой трофей. Саньбао наградил героя и принялся расспрашивать, как тому удалось проникнуть во дворец. Ван Мин признался, что снес бы голову и местному правителю, ежели бы его планы не сорвал Златовласый даос:

– Кабы не мои разнообразные таланты, стать бы мне на один *чи* короче. – И, видя недоумение командующего, пояснил: – Моя голова со шлемом как раз составляют один *чи*.

Преисполненный благодарности адмирал приказал подать герою целую бутылку вина, дабы тот успокоился и забыл пережитый страх.

И тут ординарец доложил, что явился Златовласый даос, восседающий на Рыбе бирюзовых вод, в сопровождении целого сонма всякой нечисти и духов, и вызывает на битву и Небесного наставника, и Государева советника. Ван Мин первым вызвался принять бой, иначе главнокомандующий оборвал:

– Нет, возгордившегося ждет поражение, презревший врага погибнет.

И всё же задумался – почему Златовласый вызывает на бой сразу двоих? Господин Ван посоветовал отправить одного Небесного наставника:

– Тогда будет честная схватка – даос против даоса.

Битва была жестокой и долгой – мечи летали во все стороны. Небесный наставник постоянно прибегал к волшбе: магическим жестом потирая ладони, он извлекал оттуда «карающий гром» и в течение всех трех дней направлял его на Златовласого, но тот устоял.

Небесный наставник понял, что его противник – крепкий орешек: «В схватке с ним я только зря теряю время». На другой день еще до появления мага на поле боя он сжег заклинания и воззвал к четырём небесным полководцам.

Те незамедлительно явились, однако оказались бессильны против мощного талисмана Златовласого. Тогда по просьбе командующего на поле боя выехал Государев советник с намерением убедить противника прекратить бой.

Златовласый выхватил меч, но Бифэн воскликнул:

– Так, так! У меня, буддиста, бритая голова что тыква, расколешь мечом на два ковша – зачем они тебе?

И не мешкая очертил колотушкой на песке вокруг себя магический круг.

Златовласый пустил в ход мантры и мудры, приемы черной магии, и вот уже с запада явился сонм небесных и земных злых духов. Помощь Бифэну оказали Будда Сакьямуни и дух планеты Марс.

К тому времени вести о побоище дошли до Нефритового императора. Он тут же созвал небесных духов всех рангов. Кого тут только не было: духи тридцати шести звезд Большой Медведицы, семьдесят два демона земли и духи двадцати восьми зодиакальных созвездий^[48], духи звезд жизни и судьбы, а еще – известные по даосским трактатам двенадцать небесных полководцев, божества грома и молнии.

Возглавить подобное войско против Златовласого вызвались двое – Ли Тяньван с золотой пагодой в одной руке и огненным копьем в другой и небесный полководец Ночжа, третий сын^[49] – исполин о трех головах и шести плечах: лицо цвета индиго, волосы что киноварь. Златовласый узрел тесные ряды заполнивших всё воздушное пространство небесных воинов и полководцев и пришел в смятение: он подбросил в воздух свой всесильный талисман – и вот уже повсюду разлился золотистый свет, землю и небо сотряс оглушительный удар такой силы, что Ли Тяньван не удержал башню, а у Ночжи исчезли все три его головы. От бесчисленного небесного воинства не осталось ни тени, ни следов.

Государев советник, он же Светозарный Будда, долго выяснял во всех небесных владениях, кем изначально являлись в небесной иерархии Златовласый даос и его свита. Наконец удалось узнать, что Златовласый – всего лишь полубог, державший меч у престола Владыки севера в эпохи мира и порядка, к которому так и не удалось стать верховным главнокомандующим. А его сотоварищи являли собой четырех духов огня и воды. В зверином облики они со всех сторон света охраняли врата владений Владыки севера. Пришлось Бифэну снова побеспокоить Нефритового императора, и тому удалось выяснить, что все три мощнейших талисмана Златовласого даоса – золотая печать, волшебный меч и семизвездный флаг – украдены из дворца Владыки севера.

Возблагодарив Нефритового императора, Светозарный совсем было собрался уходить, как вдруг заметил у яшмовых ступеней трона двух крохотных, одного роста и возраста, послушников со спадающими на плечи волосами. Они и хихикали одинаково. На вопрос Светозарного, кто такие и почему всё время смеются, Нефритовый император ответил, что зовут их Хэ-Хэ, что означает Единение и Согласие^[50], а усмешки – их привычка.

Ил. 1. Боги единения и согласия Хэ-Хэ

Подобное объяснение не понравилось Бифэну: «Делу время, а потехе час». Нефритовый император подозвал двойников и попросил их поведать буддисту свою историю. Те трижды почтительно обошли вокруг Светозарного, отвесили положенные поклоны, но, даже кланяясь, не могли сдержат усьмешки в уголках рта. Преклонив колени, они повели свой сказ:

– Мы – братья, с детства, плавая по рекам и озерам, занимались торговлей и получали неплохую прибыль на наш мелкий товар. Другие продавали в убыток, а мы наживали деньги – с одного вложенного *ляна* получали десять, с десяти – сто, со ста – тысячу. И чем бы ни торговали – всегда наживались. И вот как-то раз мы решили: «А что если попробовать торговать, не сильно заморачиваясь прибытком?» И вот что произошло. В июне в самое пекло мы закупили полную лодку теплых шляп и отправились на торжище. Как раз в это время Цзоу Янь угодил в тюрьму, возмущенное несправедливостью Небо ниспослало иней^[51], и всем понадобились шляпы. А где еще найдешь в июне продавцов шляп! Мы снова получили выручку в десятикратном размере. Другой случай. В декабре в самые холодные дни мы закупили весенние веера, нагрузили лодку и поплыли к месту торгов. А тут как раз Будда Майтрея снизошел на землю, и в декабре засветило солнце; жара стояла больше месяца, и всем потребовались веера. А где еще в декабре купишь веера? Мы развернулись вовсю и получили барыш в десятикратном размере. А то как-то произошел такой нелепый случай: плывя в лодке, встретили друга – его лодка шла нам навстречу. Мы поинтересовались, чем он торговал, что ему так споро удалось всё распродать. Лодки двигались быстро, и он не успел ответить, а только вытянул руку и покрутил пальцами. Оказалось, что он хотел подшутить над нами, показать, что главное – ловкость рук. Мы его неверно поняли и решили, что он показывает пять пальцев, намекая на «пять отростков» – так называют чернильные орешки^[52]. Мы тут же набрали полную лодку этих «орешков» и отправились к месту торговли. А там в

это время сборщики императорского двора собирали налог холстом. Каждая семья, каждый двор обязали представить ко двору черный холст, и всем для окраски не хватало именно чернильных орешков. Мы удачно расторговались и снова получили в десять раз больше, чем вложили. Даже при недопонимании нам везло. Ехали мы как-то с братом на коне, а навстречу всадники. Слышим – они переговариваются: «Низкорослый кизил». Оказывается, они просто хотели посмеяться над тем, что мы такие коротышки. А мы решили, что в этих местах хорошо продается кизил, нагрузили полную лодку и прибыли на торжище. Там поблизости в это время разместили на постой войска. Год выдался неурожайный, продовольствия не хватало. Ну, мы воспользовались моментом – и снова получили десятикратный навар. Не станем обманывать почтенного буддиста, каждый раз мы так наобум торговали и каждый раз получали прибыль, посему привыкли посмеиваться над нелепостями, вы уж простите нас.

Бифэн уважительно произнес:

– Вы в самом деле удачливы – возможно, вам известны многие секреты?

– Не скроем, поистине так, – признались двойники.

– В таком случае сможете ли вы победить четверых стражей ворот, что охраняют владения Владыки севера?

– Почтеннейший, не принимайте сие близко к сердцу. Они столь дерзки и бесстрашны лишь потому, что обзавелись мощными талисманами. Да что попусту болтать, мы с братом взмахнем рукой раз – один талисман у нас, дважды взмахнем – два унесем, трижды взмахнем – три заберем. Тогда они поймут, что коли у заклинателя сдохла змея – стоит ли дальше стараться зазря?

– А мы-то сбились с ног в поисках того, что нынче нашлось само. Оказывается, успех полностью в руках сих отроков.

И Светозарный попросил братьев на следующий день явиться пораньше на поле боя.

На другое утро Златовласый еще больше хорохорился. Лишь только начался бой, он подбросил талисман, рассчитав так, чтобы, падая, тот угодил Бифэну прямо в голову. Но тут нежданно-негаданно в вышине появились двое смеющихся бессмертных, перехватили талисман, спустились на благовещем облаке и передали его Светозарному. Бифэн внимательно его разглядел и удивленно воскликнул:

– Так вот что сие за вещица! Ясно, почему никто из бессмертных не мог ей противиться.

Это оказалась золотая печать Владыки севера, а ее наличие равнялось присутствию самого святого. Вот отчего все бессмертные старались уклониться от боя. Утерев один талисман, Златовласый вытащил второй и также нацелил его на Бифэна. Да только и сей талисман двойники перехватили и передали почтеннейшему буддисту. Это был волшебный меч, изгоняющий и уничтожающий злых духов и

оборотней, его взмах лишал божественной силы даже богов. Утратив два талисмана, Златовласый немедля послал депешу – фимиам веры, и тотчас явился черноликий полководец – знаменосец из дворца Владыки севера. В руках он держал сверхмогущественный семизвездный флаг, три взмаха коего способны превратить в бескрайнюю водную ширь всё – небо и землю, солнце и луну, горы и посевы, так что потребуются новый Паньгу, дабы заново сотворить мир. Черноликий собрался взмахнуть стягом, а бессмертные близнецы изготовились его захватить. Однако на сей раз они излишне поспешили, и черноликий их заметил:

– Я-то гадаю, отчего флаг не опускается, а это вы, маленькие духи-проныры, прячетесь в облаке и пытаетесь захватить талисман.

И погнался за ними на своем облаке. Молодые, бойкие, сметливые двойники мчались по небу с бешеной скоростью, а черноликий был в летах, да и туповат несколько, потому двигался гораздо медленней. Так и случилось – проворные исчезли, а неуклюжему пришлось повернуть назад. Черноликий обернулся и вновь стал угрожать милосердному Государеву советнику – мол, с помощью флажка он перевернет вверх дном весь мир. Буддист не мог допустить такое, и ему ничего не оставалось, как на золотом луче вернуться на корабль.

Бифэн доложил командующему, что пока не удалось окончательно сломить Златовласого мага благодаря удивительному флагу-талисману.

Прослышав о могуществе талисмана, главнокомандующие и слова вымолвить не могли, а военачальники от удивления аж рты пораскрывали.

– Ежели сей талисман столь опасен, то флотилии не суждено миновать Царство простоволосых, – вздохнул адмирал.

– Пока рано вести такие речи. Это как закон подъема по лестнице. Ежели из десяти уровней девять уже миновали, остается один. Иными словами, два талисмана удалось захватить, остался всего один, – успокаивал Государев советник.

– Одначе ежели говорить о семизвездном флаге, то правильней сказать, что мы взобрались только на одну ступень, а осталось еще девять.

– Я, скромный монах, не стану скрывать, есть у меня кой-какой план.

Сказывают, что Государев советник закрылся в молельне, погрузился в медитацию, высвободил дух, призвал буддийских божеств – стражей врат четырех сторон света^[53] в буддийских монастырях – и поведал им, что желает нынче же отправиться в императорский дворец в Нанкине повидаться с императором:

– Вы, четверо полководцев, будете оберегать мое материальное тело^[54]. Нерадивость приравнивается к тяжкому преступлению!

Отдав распоряжения, Бифэн на золотом луче перенесся на материк Джамбудвипа, приземлился в Нанкине, он же Цзиньлинь или Интяньфу, как его называли еще во времена империи Сун, и направился прямо в храм Чангань, что рядом с парком Юйхуатай.

У реки Цинхуай, монастырей округ,

Озарены светилем, сосны шелестят.

И черепки от Воробьиной башни^[55] там стоят,

Обломки стелы – всё хранит тот давний дух.

Дрожат полотнища над жертвенной террасой,

Дождинки на цветках кирпичного настила^[56].

И только месяц в небе тот же, что и был,

И поднимался над ушедшим раз за разом^[57].

Стоило Государю-Будде войти в храм, как божество-патрон города со всеми церемониями приветствовал его. Государев советник удивился, отчего императора нет в городе, и патрон ответил, что его величество перенес столицу и назвал ее «Северная столица» – Пекин. Почтенный буддист подумал: «Император – поистине спустившийся на землю Владыка севера, потому-то ему по душе север». Затем спросил:

– После сего события появились ли в Нанкине какие-нибудь заметные люди?

Хранитель города признал, что за последние год-два появился святой по имени Чжан Саньфэн, он же – Преемник великих, или Потомок великих наставников, по прозвищу Чжан Неряха^[58]:

– Сей даос нынче недалеко, в округе Янчжоу, в Цюнхуа – храме Гортензий.

Государев советник попросил хранителя города позвать к нему святого. Получив приглашение, Чжан Саньфэн тотчас прибыл в храм, одернул одежду, трижды обошел вокруг Государя-Будды и почтительно отвесил восемь больших поклонов. Стоило Бифэну глянуть своими зоркими очами – и он сразу понял, что перед ним не небесный, а земной бессмертный.

– Можно узнать, как вас звать-величать, почтеннейший? Из каких мест будете? – обратился он к нему.

Чжан назвалсся и рассказал, что он из прибрежного южного уезда, значился в списках свободного населения^[59] и монахом стал не с рождения. С ранних лет читал канонические конфуцианские сочинения, мечтал сдать императорские экзамены. Однако в те годы случился сильный неурожай, рис и зерно уродились не крупнее дикого петушьего проса, и ему пришлось связать свой жизненный путь с родным уездом:

– Поначалу занимался крестьянским трудом, но мало-помалу подучился, стал вести судебные дела. Всё бы ничего, только увидел в управе-ямэне несчетно несправедливостей и беззаконий. Тогда и

утвердился в намерении оставить пост, ушел в даосский монастырь Чаотянь на горе Сишань.

– Отчего же у вас, даосского монаха, столь неопрятный вид? Отчего не стремитесь к чистоте? – подивился Бифэн.

– Хоть телесная оболочка, как говорите вы, буддисты, – всего лишь вонючий мешок из кожи, но с ней нелегко расстаться.

– Коли так, как вы собираетесь возвращать свою жизненную энергию и достичь прозрения?

– Мы, бессмертные, не признаем пяти земных титулов знати, зато у нас существует пять категорий бессмертных^[60]: небожители, святые, земные бессмертные, человеческие пророки и духи. Стать небесным бессмертным труднее всего: необходимо сочетание высочайшего нравственного совершенства и благородных деяний, достижение прозрения – лишь тогда на Небе тебя занесут в реестр небожителей. Но и этого недостаточно – надобно, чтобы владыка земного мира пожаловал тебе почетный титул и внес твое имя в золотую книгу великих даосских мудрецов^[61]. Лишь после этого ты становишься полноправным бессмертным небожителем и получаешь приглашение на Персиковый пир к Гуаньинь, а иначе навсегда останешься в ранге земных бессмертных.

Государь-Будда утвердился в мысли, что коли этот человек рассуждает лишь о двух категориях бессмертных, то, верно, сам он, не будучи небожителем, явно относится к земным бессмертным: «Попробую-ка помочь вознести его душу». Бифэн пригласил монаха отправиться вместе с ним в Пекин на аудиенцию к императору – владыке земного мира – и добиться внесения имени отшельника в золотую книгу небожителей. Святой Чжан с благодарностью отвесил большой церемониальный четверной поклон:

– Милость Государя-Будды бесконечна. Поистине редкостная встреча, всё одно как увидеть сказочную птицу раз в десять тысяч лет.

Золотой луч в мгновение ока доставил их к руинам старинной Золотой башни^[62], построенной древним правителем для даосских мудрецов. Об этом сложена ода, и в ней есть такие строки:

Лишь Чжао-ван наследовал престол, Он загорелся, обратился к мудрым.

И башню здесь соорудить задумал, на что нашел несчетно денег.

Мужей своеобразных пригласил – участием деянье оправдать.

[...]

Составили умельцы сей проект, отважные свою вложили силу;

Накоплены огромные богатства, и воины веселью предавались...

Меж тем стемнело. Государь-Будда спросил монаха, есть ли у того в Пекине знакомцы в Пяти армейских управлениях или в шести министерствах, а может, в шести отделениях и в числе тринадцати инспекторов Цензората^[63] или в среде чиновников иных больших и

малых ямэней? Чжан Преемник великих признался, что знает всех, но дружит с немногими:

– Тех, с кем просто знаком, перечислять не буду, скажу лишь, что в давние времена близко знавал начальника Ху из Ведомства церемоний. Когда тот был еще ребенком, я передал ему крупицу эликсира бессмертия во спасение его души.

Бифэн заметил, что в таком случае именно этот человек может ему посодействовать. А увидев недоумение на лице святого, пояснил, что, согласно мандату светлейшего государя, он отправился с флотилией в Западный океан. Нынче в Царстве простоволосых ему понадобилась подмога, дабы справиться со Златовласым святым:

– Сей маг способен к бесконечным превращениям. Он весьма опасен, ибо у него в руках могущественный стяг, коим он грозит свергнуть в бездну весь мир.

Государь-Будда объяснил, что четверо повелителей воды и огня, сопровождавшие Златовласого, также буянили, воспользовавшись тем, что Владыка севера временно спустился в мир людей. Чжан высказал мысль, что в таком случае император, как раз и являющийся земным воплощением гуманного и великого Владыки севера, мог бы усмирить Златовласого со всей его свитой. Бифэн испытал глубокое удовлетворение от подобного единодушия:

– Лишь близкий друг услышит стон души, но невозможно передать его чужим. Я побеспокоил бессмертного именно ради встречи с императором.

– Ученик готов исполнить любое приказание Государя-Будды.

– Прошу лишь об одном – с помощью истинной сердечной природы государя усмирить бесчинствующих повелителей воды и огня.

– Готов немедленно отправиться к императору. Не понимаю лишь, причем тут мой знакомец из Ведомства церемоний?

– Неужто не слыхали старинную поговорку – без опытного рыбака не разглядишь волну издалека?

Святой Чжан понимающе закивал, вскочил на благовещее облако и через миг опустился перед зданием Ведомства церемоний. Время близилось к полуночи. Преемник великих внимательно огляделся и увидел, что из двух дюжин ночных стражей у ворот ведомства кто спит крепким сном, кто сидит, кто громко перекрикивается, а кто вышагивает туда-сюда. На святом был травяной плащ, а поверх – накидка с капюшоном^[64]. Он прямо за воротами расстелил плащ, под голову положил накидку и тотчас заснул, сладко похрапывая.

Ил. 3. Соломенный плащ-дождевик

Храп был не обычный, а громоподобный, да только исстари учили: спи на кровати, да не смей храпака давати. Можно ли так развлекаться у ворот Ведомства церемоний! Стражники наострили уши – кто храпит, кто тревожит покой вельмож? Стали сваливать один на другого: «это ты» – «нет, это ты» – всяк отнекивался. Наконец, нашелся некто разумный, кой предложил не галдеть, а проверить по спискам и найти храпуна. Искали-проверяли – вроде нет такого. Прислушались повнимательней – а храп-то из-за ворот несется.

Распахнули ворота и увидели спящего даосского монаха, вдобавок источавшего крепкий запах вонючей гаоляновой водки. Язвы на теле и чесоточная сыпь усиливали отвратительное зловоние. Охранники возмутились:

– Ну и даос, напился и дрыхнет прямо у ворот! Не думает о том, что буддийские и даосские монахи Поднебесной обязаны с особым почтением относиться к нашему ведомству с его Отделом жертвоприношений!

Одни кричали:

– Завтра доложим начальству, пусть его вышвырнут за городские ворота, проучат как следует, спросят за преступление и отправят по этапу в родные места.

Нашлись и те, кто вступился за беднягу:

– Братья, ведь наше ведомство – это переправа на пути к совершенствованию. Исстари говорится: император по дороге не замечает пьяного на пороге. Нам ничего не известно об этом монахе – из каких мест прибыл, что заставило его покинуть родных и скитаться на чужбине. Буде его признают виновным и вышвырнут из столицы, нешто тем самым мы не нарушим высокие принципы нашего ведомства? Пожалеем его и оставим в покое!

Кое-кто добавил:

– Как говорится, убивая – до крови дойди, а спасая – не застревай на полпути. Давайте перетащим его на дорогу для императорских экипажей, пусть протрезвеет и катится, куда хочет. А ежели оставить его здесь, то завтра всё одно неприятностей не оберешься.

На том и порешили. Подошел один охранник – не смог поднять монаха, подошел второй – и вместе не подняли, к ним присоединился третий – и втроем не справились; взялась дюжина, а затем и вторая – даже на чуток не сумели приподнять спящего.

Тут охранники и впрямь осерчали:

– Хотим его перенести, а он, бесстыжий, вон что вытворяет!

Кто-то предложил:

– Вытащим засов из ворот и огреем его пару раз, посмотрим, продолжит ли он нагло упираться!

Так и сделали: один из охранников выдернул засов и хватил им Чжана по голове. А тот в душе только посмеивался: «Да что засовы – им не удастся расколошматить и всё мое тело, сей вонючий кожаный мешок». Он легонько, совсем незаметно щелкнул пальцем по засову – глядь, а засов ударил вражину-охранника. Тот не заметил, чтобы задвижка выскользнула из рук, посему не понял, как она могла его ударить. Ему ли догадаться о магических трюках бессмертного Чжана? Он подумал, что кто-то из своих решил под шумок с ним поквитаться. Он снова дернул задвижку, а та вдруг – бам! – и отлетела не меньше чем на двадцать пять *ли*. Никак не ожидая подобного, охранник не остерегся, и засов шмякнул кого-то из его сотоварищей по руке с такой силой, будто гора Тайшань обрушилась. С воплем «Чего дерешься?» ушибленный применил прием «пьяного ушу»^[65] под названием «бессмертный даос уклоняется от промелькнувшей тени». В ответ услышал: «Это я тебя ударил? Да это ты вырвал засов у меня из рук!»

Так-так, двое уже осерчали, да в темноте и не различить, кто с кем ругается. И пошло: один двинул кулаком, используя прием «ласточка охраняет гнездо», другой ударил с позиции «ворон бьет крылом», третий кому-то всю физиономию разукрасил, затем последовал чей-то удар «собираем виноград» в стиле *тайцзицюань*. В ход пошли основные

приемы *цюаньшу*^[66] – удары с позиции «петушиная стойка на одной ноге», а то и в стиле «подчинение тигра». Ух! Один за другим посыпались приемы в технике «четыре равновесия»^[67]: высокий, средний, «колодезный сруб», «каменная ступка». Удар – «тигр обхватил голову лапами», и снова удар за ударом: «дракон показал когти», «подражая крылу феникса», «сломать крыло фениксу», «обхватить голову», «удар плетью», «семизвездный кулак», «бес бьет ногой», кулаки молотят «безостановочно, что пушечные ядра»^[68], «хватка кулаком снизу», «конный разведчик», «крадущийся по земле тигр». А вот уже используются приемчики *тайцзицюань*: «нападая, отступать – слабость рождает силу», «отбросить лишнее – восполнить недостающее», «выбросить ногу вверх – нанести удар снизу», «стойка на руках» и всякие ложные выпады – ногой и прочие, а еще приемы «небо, полное звезд», «огонь наполняет сердце», «рассыпавшиеся цветы устилают крышу». Кто-то сумел увернуться (ты увернулся – я бил вхолостую, я увернулся – твой удар мимо), кого-то схватили, на кого-то наступили, и вот уже куча-мала: и ногами пинают, а то и вместе на одного наваливаются. И все думают, что избивают монаха, поэтому приговаривают: «Ох, простите грехи наши». Никто и не сообразил, что монах по-прежнему преспокойно спит, а они колошматят друг друга.

Бузили всю ночь до рассвета, пока трижды не пробило деревянное било, открылся центральный вход ямэня, и во внутреннем дворе появился сам министр Ху. Как сказано поэтом, нашим современником, на рассвете вошел в золотые ворота, прислуживал на пиру в императорском дворце. Услыхав шум и гвалт, он тут же приказал привести к нему крикунов – оказалось, это вся смена ночных стражей. Министр зело осерчал от подобных бесчинств перед воротами государственного ведомства. Охранники принялись было оправдываться – это-де даос, напился и дрыхнет тут, но сановник отрезал:

– Гоните взашей бродягу пьянчугу, и все дела.

Охранники признались, что заваруха поднялась из-за того, что они не в силах сдвинуть спящего с места:

– Простите за беспокойство, господин!

Министр понял, что требуется подмога. Подозвали человек семь-восемь носильщиков паланкина. Взялись все вместе, но так и не смогли поднять монаха. Тогда министр распорядился:

– Пусть охранники за ним присмотрят, а я вернусь с утренней аудиенции у императора, тогда и порасспрошу его.

И вельможа собрался выйти за ворота. Тут Чжан Саньфэн встрепенулся: «Упущу господина – не попаду к императору». Вы только взгляните, как он ловко вскочил, быстренько потер лицо, несколько раз встряхнулся всем телом! Охранники изумились: «Гляди-ка – да это вполне симпатичный и благовонный монах, ну и чудеса!» А дело в том, что Чжан Саньфэн снова принял облик святого. Что сие значит? А вот

что: святые спят согнувшись, как лук, зато стоят прямо, как сосна, движутся стремительно, как ветер, голос их гудит, словно колокол. Даос в несколько шагов догнал вельможу и обратился к нему:

– Уважаемый Ху, я, Чжан Преемник великих, бью пред вами челом.

Сановник явно не вспомнил его, и даосу пришлось подсказать, что он тот самый монах Чжан Саньфэн, что когда-то приносил ему чудодейственное лекарство. Господин Ху свел воедино всё сказанное монахом и его осенило:

– Так вы и есть высокочтимый Чжан Саньфэн!

Почему он так уважительно назвал монаха? Когда-то в давние времена, еще до того, как господин Ху поступил в учение, у него парализовало половину тела: никакие лекарства не помогали, он был в отчаянии. Ему посчастливилось встретить Чжан Саньфэна, кой тотчас прознал его звезду, а посему преподнес зернышко снадобья бессмертия, и немощный сразу излечился. Тогда юноша воскликнул: «Я ничем не могу отблагодарить тебя за твое удивительное лекарство!» Монах откликнулся: «Нынче мне не нужно вознаграждения. Одначе в будущем, когда вы станете первым вельможей при дворе, призовите меня, и вы сможете сполна удостоить меня вашими милостями». Министр был человеком высоконравным и всю жизнь помнил обещанное.

А Саньфэн меж тем продолжал:

– С тех пор как господин получил высокую должность, прошло много времени, но я никогда не осмелился вас беспокоить. Нынче же специально прибыл в Пекин нижайше молить господина об услуге.

Господин Хэ извинился, сказав, что поутру идет на аудиенцию к императору, и предложил досточтимому даосу подождать его во внутреннем флигеле:

– Вернусь, и мы всё спокойно обсудим.

Но Чжан откровенно признался, что цель его приезда – встреча с императором, посему он просит доложить о нем государю.

– Тотчас же сделаю! – выразил готовность вельможа, приказав подвести даосу коня. И вот уже сановник въезжает в дворцовые ворота.

На аудиенции министр Ху дождался, пока остальные вельможи завершат свои доклады трону, и обратился к императору:

– Ваше Величество, за воротами ожидает святой из высших небесных сфер, кой считает для себя весьма желательным лично предстать перед Вами. Я, Ваш верноподданный, не осмеливаюсь вмешиваться впредь до особых указаний. Жду высочайшего решения.

Император уважал министра Ху как человека, который не станет зря болтать, а кроме того – предоставлялась редкая возможность лицезреть святого. Государь вельми обрадовался и повелел немедля пригласить даоса в зал.

И вот Чжан Саньфэн, оправив одежду, предстал пред императором. Стоило тому узреть белые волосы и моложавое лицо монаха, весь его

величественный, отрешенный от суетного мира облик бессмертного, его степенную походку – он словно горделиво и величественно парил в воздухе, возвысившись над обыденным, – как сердце Высочайшего наполнилось невыразимым счастьем. Чжан Саньфэн отвесил пять земных поклонов с трехкратным битьем челом в пол^[69] и трижды прокричал здравицу в честь императора.

А тот – золотые уста и яшмовые речи – обратился к нему, назвав «небесным бессмертным», и монах в знак признательности положил земной поклон. Почему? Да потому, что в канонах сказано: «Слова государя – шелковая нить: будучи произнесенными, сплетаются [людьми] в толстый шнур; слова государя – шелковый шнур: будучи произнесенными, превращаются в бурный поток»^[70]. Уж коли сам император поименовал даоса «небесным бессмертным», сие означало, что Чжану пожалован сей почетный титул. И всё благодаря мудрости и провидческому дару Государя-Будды. Чжан Саньфэн был безмерно счастлив.

Император почтительно поинтересовался, отчего бессмертный не занят совершенствованием сердечной природы и взращиванием истинного в каком-либо из знаменитых храмов: какое божественное предначертание привело его нынче в дворцовый зал?

– Я, ничтожный, – отвечивал Чжан Саньфэн, – наслышан о том, что в древности всяк государь заботился о народе так, будто тот испытывал страдание, и искал истинный путь так, будто еще не достиг его. Посему и прибыл во дворец поклониться государю.

Услышав, что мудрец приводит изречение, вошедшее и в даосский, и в конфуцианский каноны, император решил: «Сей даос – воистину последователь единства трех религий». Довольный, он смиренно произнес:

– Мы живем в сокрытых от мира покоях, нам не слышны стоны страждущих от голода и холода в деревнях. Боюсь, нельзя сказать, что мы заботимся о страданиях народа.

– Гуманность древних правителей подобна Небу, их добродетель бесконечна. Есть ли в грядущих поколениях те, кто не отдает им должное?! Ежели ныне отец наш чтит их, то в сем и есть залог благополучия страны и народа, – возразил Чжан Саньфэн.

– Жизнь человеческая проходит меж небом и землей – как людям избежать тягот и страданий?

– Страдания, равно как и удовольствия, имеют и причины, и следствия. В человеческой судьбе они неразрывно связаны.

– А что можно сказать о жизни, кою ведете вы, ушедшие от мира монахи?

– Мы, скромные монахи, следуем причинно-следственной связке удовольствия.

– Поведай нам об этом.

– Сердца наши ничем не замутнены, мы не выставляем напоказ свои деяния. Днем довольствуемся чашкой проса и плошкой люцерны. Набросив утепленную накидку, нараспев читаем вслух даосский «Канон Желтого Двора», изучаем древние каллиграфические стили письма. При этом мы безмятежны, и душа преисполнена счастья. Порой сидим в раздумьях о великой гармонии вселенной, постигаем сумрак небытия. А то, случается, гуляем по сплетенью дорог или запутанных троп полевых, бродим в лесу или вдоль берега, странствуем вольно и блаженно. Иногда просто любимся всем, на чем глаз остановится, а то выражаем свои чувства вслух или записываем пришедшие в голову строки. Обращение к безыскусному миру природы помогает раскрыть собственные глубинные потайные мысли и чувства. А спутником нам – свежий ветер и светлая луна. Сие ли не есть удовольствие?

– А теперь поведай о страданиях простых людей.

– О земледельцах и шелководов давно написали поэты: «Во второй луне шелк-сырец продать успевай, в пятой луне – недозрелого риса сбудь урожай»^[71]. Это ли не горести? И про книжников сказано: «До поздней ночи при свече читают, их на рассвете будят петухи». Они столь усердны, что могут протереть до дыр железную тушечницу, – сие ли не горести? Ремесленники и мастера всех цехов выбиваются из сил, не жалеют времени, пускаются на всякие хитрости, а всё не могут справиться с голодом и холодом. Сие ли не горести? Коробейники бродят по стране, преодолевая реки и горы, спят, что называется, покрыв главу луной и завернувшись в звезды. Сие ли не горькая судьбина? И чиновников поэты не забыли: вскочив поспешно от ударов гонга на рассвете, боятся к государю опоздать, как в школу дети. Сие ли не горечь судьбы? Отец наш, обремененный государственными заботами, поздно ложится, читает важные труды и рано встает. Сие тоже не сладкая доля!

– Да, ты всё верно изложил. Но как избежать страданий?

– Надобно во всём соблюдать меру, довольствоваться тем, что имеешь. Об этом еще несколько веков назад сказано в стансах нашего великого философа Чжу Си «Невзгоды и тяготы трудовой жизни»:

Ох, эти тяжкие труды земные

Когда еще довольство принесут?

Считается, в богатстве, в простоте ли —

Лишь дома голову, как черепаха, спрячешь.

Всех благ достигнув, дальше не круши,

Остерегись непостоянства мира.

Не торопись и поучать. Как поседеешь,

Ученики к тебе толпой сбегутся.

Кто не стремится в золото чертогов?

Кому не в радость жирные доходы?

Там добродетелей ты всех не сохранишь,

И в том закон природы неизменный...

И в других стансах говорится:
Купаются в довольстве толстосумы,
А бедным не избыть тоски-печали.
Все тайны Неба не дано познать,
Взаимосвязаны беда и счастье —
Одно в другое плавно переходит.

Посему нашим древним философом сказано: «Кто знает меру, у того не будет неудачи. Кто знает предел, тот не будет подвергаться опасности»^[72], – закончил речь Чжан Саньфэн.

– Познать меру непросто, – вздохнул государь.

– Однако ежели ее не соблюдать, императору трудно будет избежать переменчивости и непостоянства^[73].

– Неужли сие столь обременительно?

– Нынче, когда отец наш вступил во дворец, тут яств столько, что всего не съешь, парадных облачений столько, что все не наденешь. Привязанность к ним тщетна и ведет к страданиям, в этом и таится толика непостоянства.

От подобной дерзости лицо государя потемнело от гнева, и он приказал тайной службе – стражам в парчовой одежде – вытолкать монаха вон. Сам император встал – только парадные одежды развеваются – сел в экипаж и покинул дворец.

Чжан Саньфэну сего оказалось достаточно, дабы заполучить истинную духовную природу^[74] государя. Вернувшись к Бифэну, он вытащил из рукава свою крохотную тыковку – талисман с запрятанным в ней духом императора как Владыки севера – и передал ее Государю-Будде. Тот, не скрыв радости, на золотом луче вернулся на корабль и вновь принял земной облик.

В следующем бою стоило Златовласому даосу поднять семизвездный стяг, Бифэн молча отвинтил крышечку драгоценной тыковки и направил золотой энергетический луч прямо к Северным небесным вратам. В тот же миг Златовласый услышал с небес грозный окрик: «Кто смеет размахивать флагом?» Потрясенный, маг поднял голову – то был глас самого Владыки севера. При виде его Златовласый тотчас опустил флаг и умчался. И тут золотой луч высветил всю свиту Златовласого.

– Как вы смели самовольно покинуть Небесные врата и устраивать беспорядки в земном мире? – обрушился на них Владыка севера.

И в наказание приказал отослать всех четверых звероподобных стражей Небесных врат в царство тьмы на веки вечные без права освобождения. Только благодаря заступничеству милосердного буддиста они смогли вернуться обратно в небесную обитель.

А Государь-Будда, вобравший в золотую тыковку энергетические потоки истинной духовной природы Владыки севера, снова перенесся

на золотом луче в город Пекин. Чжан Преемник великих встретил его со всеми положенными церемониями: трижды обошел вокруг и отвесил восемь поклонов. Затем сообщил, что с тех пор, как истинная духовная сущность государя переместилась к Северным небесным вратам, императору неможется. Буддист немедленно вручил Чжану тыковку, хранившую сию духовную энергию.

И вот Чжан Саньфэн, набросив плащ и накидку и держа обеими руками драгоценную ношу, явился на вновь проложенную главную улицу новой столицы – Чанъаньцзе. Он шел медленно, сильно раскачиваясь: безумец – не безумец, пьяный – вроде и не пьяный. Вдруг кто-то из местных вскричал: «Вон тот в плаще с накидкой – не Чжан ли это Неряха?» Упоминание имени святого вызвало переполох среди блюстителей порядка в пространстве девяти городских ворот Пекина, среди командиров гарнизонов всех пяти районов столицы, а также горожан, заполнивших в это время улицы и переулки столицы. Все они поспешили к месту явления святого духа и окружили Чжана. Тот не мог взять в толк проявленного к нему интереса:

– Чего столпились?

И тут со всех сторон заорали:

– Ты еще спрашиваешь? Да ты государственный преступник! Сановники судебного отдела Ведомства церемоний повсюду развесили объявления – за твою поимку обещана награда в несколько сот *лян*!

– Что такого я совершил? – удивился Чжан.

Ему объяснили, что с тех пор, как он, даос-грязнуля, чем-то огорчил государя, тот занедужил. Он стал меньше есть, чурается увеселений. Сие не на шутку встревожило сановников Ведомства церемоний:

– Они уж так расстарались, составляя планы твоей поимки, боялись, что не смогут тебя разыскать. Как ты решился явиться сюда и чванливо разглагольствовать? Принимаешь нас за дураков? Думал, не узнаем тебя?

– Хватит шуметь, – прервал их Чжан, – ведите-ка меня лучше в Ведомство церемоний.

Чжана отконвоировали в ямэнь, а оттуда доставили к дворцовым вратам в ожидании высочайшего решения. Из дворца последовало распоряжение стражам в парчовой одежде – отправить даоса в тюрьму и содержать там до утверждения приговора. Чжан заявил, что нет нужды прятать его в камеру смертников, гораздо полезнее позволить ему проверить драконовы жилы^[75] – пульс императора.

– Государь немедля поправится и будет здравствовать тысячу лет, – пообещал он.

Чиновник, подносящий доклады трону, отправился в государевы покои и, получив от императора новое указание, обратился к военным и гражданским сановникам, дабы выведать, кто возьмется рекомендовать монаха и выступить его поручителем. Вызвался его давний знакомец – тот самый начальник Ведомства церемоний,

почтенный Ху. Допрежь всего он поинтересовался у Чжана, как именно святой собирается проверять пульс государя, и тот смиренно отвечал:

– Я всего лишь простой монах, далекий от этикета, а перед нами сам император. Нешто я осмелюсь собственными руками коснуться его драконовых жил? Прикажите кому-нибудь из дворцовых евнухов принести алую нить натурального шелка длиной в сотню *чжан*, один конец привяжите к запястью государя, другой передайте мне^[76]. Скажу без хвастовства, я отличный врачеватель.

Начальник Ведомства церемоний всё слово в слово доложил государю и, получив высочайшее одобрение, приказал доставить алую нить. Чжану Неряхе удалось успокоить пульс, государь возрадовался, а все его недомогания отступили. Как же святому посчастливилось вылечить государя? Оказывается, истинная природа императора как Владыки севера – та, что была заключена в золотой тыкве, – через алую нить проникла в его сердце. Поэтому с тех пор перестали употреблять такие слова, как «щупать пульс», а стали выражаться красиво: «в императорском лазарете пульс проверяют по алой нити». Может, сие и ложь, мир полон разными слухами. Так что – хитроумно или нет действовал Государь-Будда? Как можно оценить посредничество Чжана?

Взгляните на государя – брови разноцветные, как у древнего правителя Яо, а зрачки двойные, как у Шуня^[77]. Трижды просвистел государев кнут, и все сановники собрались в тронном зале. Вошел император, придворные возликовали и стали отбивать поклоны. Последовал государев указ – наградить начальника Ведомства церемоний ценными шелковыми тканями, пожаловать ему высший титул, присуждаемый за особые заслуги, и назначить опекуном наследника престола. Затем огласили еще один высочайший указ, касающийся Чжана Преемника великих. Все загомонили: мол, вон как ветер переменился, какая удача привалила даосу! Да только напрасно искали монаха по всему дворцу, да что там – по всему городу, дабы император мог вручить высочайше пожалованный почетный титул «небесного бессмертного». Святой Чжан, притворившись, что ни о чем не ведает, по совету Государя-Будды вознесся в небесные дали, в свою горную обитель.

Светозарный же на золотом луче вернулся на флагманский корабль.

Бифэн подробно поведал командующим и прочим военачальникам о встрече с Чжан Саньфэном, а также с императором в новой северной столице.

Господин Ма заинтересовался:

– Как случилось, что столицу перенесли из Нанкина в Пекин – нешто Пекин лучше?

Военачальник евнух Хун заметил:

– А как там в Пекине насчет инспектората евнухов-блюстителей этикета^[78]?

- Да, - вмешался евнух Хоу, - построены ли там внутренние помещения для нас?

Вице-адмирала Вана куда более интересовало, есть ли в Пекине столь же вкусные, как в Нанкине, запеченные утки, гуси, куры, тушенные со специями свиные рульки, а также вина - знаменитое вино эпохи Тан в керамических кувшинчиках^[79], изысканные вина высокой очистки, разные виды водки вроде «трех белых»^[80] - а еще правда ли, что там можно выпить на улице прямо у стойки^[81]?

Ил. 4. Традиционные танские керамические кувшины для вина

Адмирал прервал их болтовню и сообщил, что намерен, в соответствии с поручением Государева советника, полусотне латников удалось схватить Златовласого даоса, однако тот исчез, не оставив даже тени. Государев советник предположил, что путем совершенствования Златовласому удалось освободиться от бременной плоти и вновь стать небожителем.

- Беда в том, - продолжил Саньбао, - что четверо странных на вид небесных военачальников - у каждого власы разного цвета - продолжают чинить беспорядки в городе, и нашим воинам не удастся их одолеть.

Командующий немедленно призвал Ван Мина, вручил тигровую пластинку и приказал осторожно пробраться в город и постараться разобраться, каков из себя местный князь.

Проникнувшему во дворец Ван Мину удалось вызнать у местного владыки, что его приближенные тоже недовольны явлением в их стране четверки магов с разноцветными волосами:

– Они весьма странные и подозрительные. Появились сразу после исчезновения Златовласого, назвались монахами, взялись охранять городские ворота. Даже наши люди от них страдают. Почему? Да потому, что они стоят у всех ворот, один выбрасывает огненные столбы, другой – распространяет дымовые облака, третий раздувает ветер, четвертый нагоняет дождь. Так и получается, что жители не могут выбраться наружу за городскую стену, а проживающие за стеной или пришельцы из других мест не могут войти в город.

– Да что вы мне тут сказки рассказываете! – возмутился Ван Мин.

– Ни полсловечка не вру, не верите – можете и меня, и всех придворных стереть в порошок, – заверил князь.

Ван Мин доложил обо всём Государеву советнику и даже немного приврал:

– Почтеннейшему решать, но эти даосы могут причинить вред не только нам с вами, но и населению этой страны. Маги столь кровожадны, что нынче поклялись: ежели не одолеем войско Южной династии, уничтожим под корень всех жителей Царства простоволосых – мужчин, женщин, детей, стариков без разбору.

Ван Мин ляпнул сие наобум, но недаром говорится: привалит везенье – уму просветленье, всё само собой и складывается. Как так? А вот так: Государев советник своим прозорливым оком еще ранее узрел, что страну ждут великие беды, кои продолжатся три года, и это повергло его в кручину. А тут еще сообщение Ван Мина! Сие ли не взывало к его принципам милосердия и сострадания?

Государев советник принял решение спасти простоволосых, спрятав их в фениксово яйцо.

– Да как же они там уместятся? – удивился командующий.

Тогда буддист напомнил Саньбао знаменитую историю о переметной суме, в которую были заключены две гексаграммы «Ицзина», означающие небо и землю, силы *инь* и *ян*^[82]:

– Туда запихни хоть жителей всех четырех континентов, они только один уголок займут. Посему не представляет никакого труда спрятать в это яйцо жителей маленькой страны. А через три года я их выпущу.

Страна опустела, а Государев советник на золотом луче проник к Нефритовому императору, кой вызнал, что четверо магов и есть преобразившийся бывший почетный караул Златовласого даоса.

Вернувшись на корабль, Государев советник вызвал командира Тан Ина:

– Опасаюсь, что маги не успокоятся, опередят нас и будут творить бесчинства в следующем на нашем пути государстве. Посему обеспокою вашу супругу Хуан Фэнсянь, зело сведущую во всякой волшбе, просьбой отправиться вперед и хорошенько разузнать, что за государство ждет нас впереди, в каком виде предстанут там маги. На основании ее сообщения я смогу принять надлежащие меры.

И драгоценные корабли на всех парусах двинулись дальше при попутном ветре – прямо в Западный океан.

Если вам интересно знать, куда далее отправилась флотилия и какие препятствия ее там поджидали, слушайте следующую часть.

***Часть седьмая^[83],
кня глаголет о битвах с враждебным
Цейлоном, о нравах Кочина,
хитроумных гаданиях Ван Мина в
Каликуте и о Царстве златоглазых***

Послы имперские отправились за море
С высокой грамотой, что содрогнула небо.
О, сила грозная, она – что гром осенний
И благодатная роса в траве весенней.

Сказывают, что флотилия продолжала путь без происшествий. Хуан Фэнсянь, выполняя поручение Государева советника, с помощью магии выбралась из водного схрона на сушу и, легко перемещаясь с места на место, всё вызнала, после чего мигом вернулась восвояси. Тан Ин с нетерпением принялся допытываться, в каких странах она побывала и с кем встретилась, но та отрезала:

– Кое-где побывала, кое с кем встретилась. Как сказано древними, с близкими говори о личном, с государем говори об общественном. Не стану рассказывать, пока не встречусь с Государевым советником.

Супруг не стал перечить.

С первыми лучами солнца Фэнсянь явилась к Бифэну и сообщила:

– Поначалу я оказалась на горе Маошань^[84], где в прибрежных водах тьма коралловых деревьев, и вскоре добралась до гористого острова Цуйлань^[85]. Люди там живут в дуплах деревьев или в пещерах, ходят нагие, только спереди и сзади прикрыты листьями.

Государев советник напомнил известную легенду:

– Когда-то в тех местах побывал Будда Сакьямуни. Сбросив рясу-кашью из разноцветных лоскутов, он окунулся в эти воды, а местные жители украли его одежду. Будде ничего не оставалось, как проклясть их: «У этих тварей облик человека, а сердце зверя. Впредь не носить им одежды, а у тех, кто осмелится, кожа сгниет».

– Далее на пути, – продолжила повествование Фэнсянь, – находятся важные ориентиры – гора Клюв попугая, а еще дальше – мыс Святилище Будды^[86], там и раскинулся Цейлон^[87].

– Государство сие невелико, – заметил Бифэн. – Однако известно ли тебе, что оно изобилует множеством древних памятников?

– Да, – ответила Фэнсянь, – там в Берувеле^[88] стоит буддийский храм, и в ступе хранится веками не разлагающаяся частица мощей Будды. Ниши для статуй будд в сем храме вырезаны из алойного дерева и инкрустированы драгоценными камнями – тонкая работа. Там еще хранятся два зуба Будды^[89] и много других реликвий.

– Верно, – подтвердил патриарх, – это то самое место, где Будда вошел в нирвану. Там на камне отпечатался след его ступни длиной два *чи* и глубиной пять *цуней*^[90], и в этой лунке никогда не высыхает чистая вода. Промоешь глаза – взор на всю жизнь останется ясным, ополоснешь лицо – кожа до старости сохранится чистой и гладкой. В десяти *ли* к северу высится еще один пик: там на камне видны отпечатки ступней Адама, первочеловека, длиной восемь-девять *чи*, а в центре – глубокая, в два *чи*, ложбинка с водой^[91]. В полнолуние первого месяца года по лунному календарю жители по ней гадают: коли вода прозрачная, то жди засухи, а ежели мутная – год выдастся дождливым. Так ли, нет, но люди почитают сие место как святое.

Ил. 20. Стела во славу Будды, Аллаха и индуистских божеств, установленная Чжэн Хэ на Цейлоне

– Я не рассматривала всё столь внимательно, – призналась Фэнсянь. Государев советник осведомился, не повстречала ли там Фэнсянь чужеземцев.

– Страна небольшая, я бы их сразу заметила, – уверила та. Затем продолжила: – А еще дальше расположены Мальдивские острова^[92] – в Китае их называют Горными водопадами.

Рис. 4. Южная Азия в XV веке

Государев советник растолковал, откуда пошло подобное название:

- Три горы встают из моря, словно каменные врата, – природная городская застава, а по склонам сбегает потоки воды. Среди трех тысяч крошечных атолловых островов найдется восемь крупных островных скоплений – Мулаку, Фадиффолу^[93], Тиладуммати, Миникой^[94], Калпени, Каваратти, Андrott и Мале. И еще есть полуостров протяженностью более трех тысяч *ли* – там тоже имеется участок мягкой воды.

- Воистину, почтеннейший везде побывал и всё повидал! – не сдержала восхищения Фэнсянь. Затем добавила: – А дальше за островами находятся еще два государства – большой и малый Коллам^[95].

- Это небольшие страны.

- За ними лежит другое государство.

- Крупное или нет?

- Самое большое в Западном океане и самое удивительное.

- Коли так, то это, без сомнения, Каликут^[96]. А там ты чужаков не заметила?

- Третьего дня объявились четверо даосских монахов в одеждах разных цветов – синего, красного, белого, черного. Они заявили к государю и наплели, будто прибыли из небесной обители восьми бессмертных и желают собрать подаяниями десять тысяч *лян* золотом и сто тысяч *лян* серебром на постройку буддийского храма и статуи Будды. Объяснили, что подвигло их на подобное деяние: «И ста дней не пройдет, как вашу страну постигнут великие бедствия – военное нападение. Большинство жителей обречено на гибель. Хотим

упредить, ибо, как говорится, при ярком свете и от копья можно уберечься, а во тьме и стрелы трудно остеречься. Сооружение храма и статуи Будды Вайрочаны^[97] водворит порядок и спокойствие в стране». Правитель, как положено, поинтересовался планом строительства. Монахи убеждали, что от князя требуется только принять решение и собрать деньги: «Мы, ваши наставники, обеспечим порядок и спокойствие в стране». «Вы желаете тайно или явно устранить беды-несчастья?» – допытывался король. «Какое бы войско ни прибыло, мы расправимся с ним так, что и следа не останется», – уверяли маги. Тоска и печаль наполнили сердце князя. Но он всей душой доверился магам, поклонился им как наставникам и пожертвовал деньги на строительство храма. А сам тем временем повелел начать военные учения, тренировать солдат. Ну, что, не странные ли пришельцы? – закончила свой рассказ Фэнсянь.

– Теперь эти мерзкие твари в Каликуте воду мутят, пора принять меры, – подвел итог Государев советник.

Он отправился к командующему и подробно передал собранные Фэнсянь сведения:

– С магами я разберусь, хотя впереди нас ждут еще пять малых государств и одно крупное – Каликут. А уж переброска войск и расстановка командиров – сие в вашем ведении.

С этими словами буддист откланялся.

Саньбао пригласил на совещание вице-адмирала Вана. Тот высказался так:

– Западным варварам чуждо просветительское влияние совершенного правителя. Сколько бы мы ни посылали воинов, они не покорятся. Мы плывем в эту страну впервые, путь нами не изведан. Не лучше ли выслать несколько дельных командиров и убедить неприятеля сдаться? Буде проявят строптивость, подумаем, что делать дальше.

Адмирал согласился и тотчас приказал вызвать к нему четверых военачальников из евнухов и командиров четырех дивизий. Первым повелел плыть вперед и выполнить роль главных послов в близлежащих странах, вручив их правителям тигровую пластинку. Вторым приказал с отрядом в двадцать пять ратников сопровождать каждого посланника, при этом надеть скрытые доспехи^[98] и держать наизготове острые ножи. К тем правителям, кои встретят покорно и доброжелательно, отнестись с любезностью и уважением, а еще добавил:

– Буде среди них найдутся коварные и лживые, тех схватить, и да постигнет их кара небесная.

Получив приказ, командиры во главе отрядов погрузились на военные джонки и отправились в путь. А командующий вызвал к себе Ван Мина и направил его с посланием в Каликут, дабы втолковать тамошнему правителю, что решение за ним – выбрать благополучие или

навлечь беду. Ван Мин усомнился: нешто, наслушавшись магов, владыка внемлет его речам? Командующий успокоил:

– Магами займется Государев советник. Вам не о чем беспокоиться.

Ван Мин согласно закивал, сел в джонку и отправился в путь.

Сказывают, что через несколько дней корабли достигли горы Маошань. У ее подножья в океане и вправду громоздились коралловые рифы высотой четыре-пять чи с огромными, словно земные оси, ветвями. Плыли еще три дня, добрались до Никобарских островов и узрели на берегу людей – группы по несколько десятков человек, полностью обнаженных.

– Амитофо! – воскликнул Государев советник. – Статую Будды украшает золотой покров, а человека – покров из одежды. Сколь дурно, что эти люди не носят никаких одеяний! Следовало бы научить их обматывать тканью нижнюю часть тела.

У буддийского монаха эти слова вырвались как бы невзначай, но с тех пор и по сей день жители острова прикрывают нижнюю часть тела тканью. Сие также следует счесть славным деянием Светозарного Будды.

Флотилия двигалась еще семь-восемь дней и вот уже показались вершины хребта Клюв попугая. На склонах гор, мимо которых двигались корабли, росли странные деревья с голыми стволами без ветвей и листьев. Зато они были облеплены несчетным числом ожереловых попугаев неопикуемой красоты – желтых, красных, синих, белых, черных.

– Как это попугаи с таким прекрасным опереньем удерживаются на сих сырых деревцах? – подивился командующий.

Господин Ван ухмыльнулся:

– Это, верно, стайка местных холостяков щеголяет перьями.

И в этот самый момент попугаи подняли невообразимый гвалт.

Государев советник глубоко задумался и несколько раз кивнул. А когда Саньбао спросил, в чем дело, тот признался, что птицы криком предупреждают о беде. Командующий возразил словами известного присловья:

– Трескотня сорок – необязательно к счастью, а карканье ворон – к беде. Не птичьи голоса приносят людям радости и беды. Мы двинулись в далекие моря, поклялись совершать подвиги – к чему разглагольствовать о превратностях судьбы?

Но Государев советник раздумчиво продолжал:

– Мне неприятно оглашать дурные вести, но эти птицы кричат: «Цзинь Бифэн, Цзинь Бифэн, ты одерживал победы, ныне поджидают беды! Нынче беды, нынче беды, скорпионы-сколопендры!» И ждут нас эти неприятности на Цейлоне.

Командующий уточнил:

– А не в Каликуте?

Государев советник возразил:

- Не думаю, ведь птицы кричат «нынче».

Пока беседовали, корабли достигли горы Святилище Будды - мыса Дондра.

- На эту землю опасно высаживаться, - предупредил Государев советник. - Вы можете отправиться вперед, а я, скромный монах, сначала прочту сутры, помедитирую, вознесу молитвы перед алтарем и лишь затем последую за вами.

Оба командующих выразили желание присоединиться к буддисту. Через семь дней богослужение завершилось, и Государев советник молвил:

- Отправляемся завтра на рассвете.

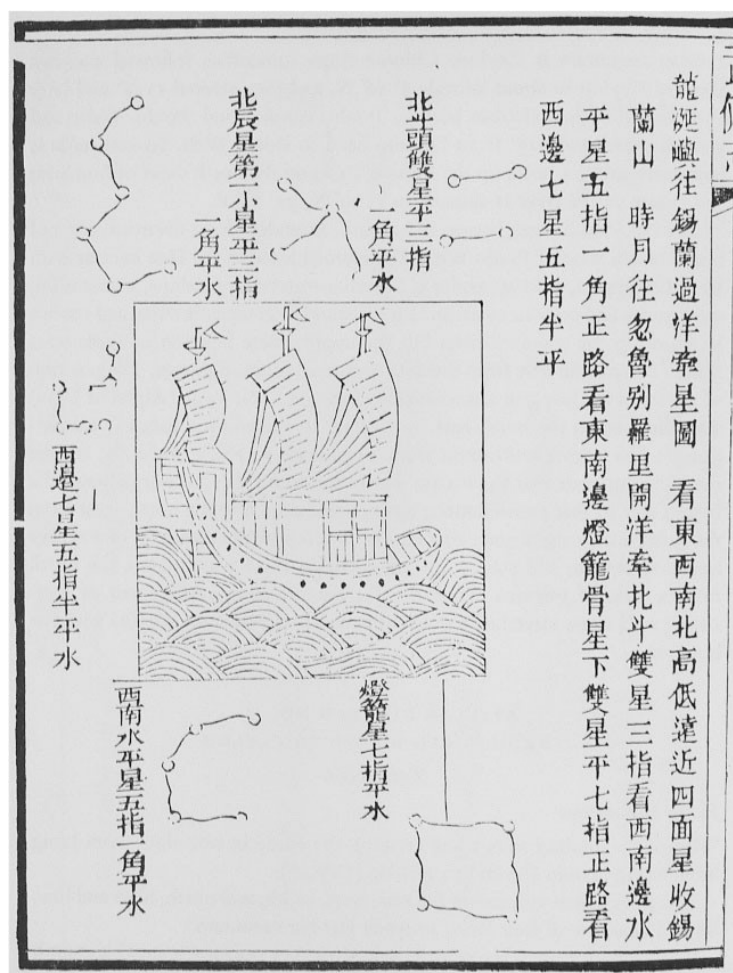

Рис. 5. Карта навигации Чжэн Хэ с Северной Суматры на Цейлон. Фрагмент карты Мао Куня, 1430 год

Плыли еще несколько дней, и ординарец доложил, что впереди, на расстоянии нескольких *ли*, видны очертания берега, и уже прибыл посланный ранее на разведку латник с сообщением. Командующий повелел его вызвать. Латник доложил, что служит под началом евнуха Ма, кой уже добрался до Цейлона^[99]:

– Велено доложить, что король Цейлона – человек коварный и вздорный. Поначалу он принял господина Ма доброжелательно: прочтя тигровую пластинку, выказал радость и вроде бы от всей души согласился подчиниться Небесной империи. Однако уже на другой день вернулся местный военачальник и стал подстрекать короля к расправе над нашими буддийским и даосским наставниками. Посему настроение правителя колеблется. Ваши представители не осмеливаются предпринять какие-либо действия до прибытия кораблей и ждут высочайшего решения.

Латник также сообщил, что местный военачальник во главе вооруженного отряда лично охраняет заставу Попи^[100], коя находится при въезде на Цейлон:

– На подступах к городу нет укрепленной стены со рвом, застава служит главным стратегическим пунктом.

Саньбао отправил латника обратно и передал всем командирам приказ дено и ночью быть наготове, по сигналу пушечного залпа выступить в бой и стоять насмерть:

– Нарушителей ждет наказание по законам военного времени.

Засим командующий вызвал пятерых лазутчиков и приказал каждому одеться, как местные жители, иметь при себе десять многозарядных огнестрельных стволов^[101], проникнуть через заставу и, заслышав пушечный сигнал, палить из всех орудий и издавать боевые кличи.

После их ухода адмирал вызвал командующего Вана:

– Ситуация на Цейлоне нестабильная, там замышляют расправу. Полагаю, болезнь лучше предупредить, чем потом лечить. К завтрашнему прибытию наших кораблей они успеют подготовиться. Как считаете, не стоит ли нынче ночью остановить корабли и отправить двух командиров с большими отрядами самолучших воинов? Их задача – стремительный бросок и внезапный удар.

Господин Ван напомнил слова из древнего военного трактата – «искусство воина в быстроте и натиске», «нападай, не дав подготовиться» – и добавил:

– Поддерживаю ваше решение относительно марша-броска. Ежели действовать в соответствии с сими заветами великого стратега Сунь-цзы, то нечего беспокоиться о том, что нам не удастся установить свое влияние в Западном океане.

Подобные речи порадовали Саньбао. Он тут же вызвал в ставку двух командиров летучих диверсионных отрядов – *юцзи* Ху Инфэна и Хуана по прозвищу Добродетельный – и приказал каждому во главе

отряда в полтыщи воинов немедленно отправиться к хорошо охраняемой восточной заставе:

– Двигаться стремительно и бесшумно в тесном взаимодействии. Достигнув заставы, дайте сигнальный пушечный залп. Услышав ответные выстрелы ранее посланных нами в город воинов, без промедления совместными усилиями штурмуйте заставу. Прорвавшись внутрь, закрепите победу молниеносной атакой королевского дворца. Правителя взять в плен живым. Действуйте четко и не провалите операцию. Нарушение приказа приравнено к военному преступлению.

Засим главнокомандующий вызвал еще двоих офицеров и дал им соответствующие распоряжения. По сигналу пушек отряду под командованием *юцзи* Хуан Бяо предстояло прорваться в город через северную заставу, а отряду Ма Драконоподобного – со стороны юга, где стояли только жилые дома и отсутствовала пограничная застава. Вице-адмирал Ван поинтересовался, кого командующий собирается отправить к западной заставе. Но тот объяснил:

– С той стороны город омывается океаном, нет нужды посылать туда воинов.

Сказывают, что первые два отряда высадились на берег и к ночи стремительно и бесшумно достигли восточной заставы. Не мешкая, они дали пушечный залп – и тут же в ответ из-за ворот прозвучала канонада из многозарядных орудий, от которой содрогнулась земля. Крепко спавший местный военачальник проснулся от пальбы и никак не мог взять в толк, каким образом иноземные воины оказались внутри заставы. Зато он ясно осознал, что при поддержке вражеской атаки с тыла его армии не устоять, и ему ничего не оставалось, как незаметно затесаться в строй собственных солдат и спастись бегством. Ну а коли командир сбежал, то и остатки его войска мгновенно рассеялись. Китайские лазутчики распахнули ворота заставы, оба отряда Южной династии ворвались внутрь и без промедления бросились на штурм королевского дворца. Тут снова прогремели сигнальные пушечные выстрелы, и со стороны северной и южной застав в город одновременно прорвались еще два конных отряда. По городу навстречу им уже мчались латники Чжан Бо. Местный владыка оказался в ловушке, словно птица в клетке или зверь в загоне, – тут-то его и схватили.

На следующий день флотилия вошла в гавань Берувела. Издалека было видно, как пузырится вода и что-то постоянно то погружается, то всплывает на поверхность. Рядом с адмиралом появился один из генералов морских подразделений по фамилии Цзе с восемью цапками в руках. Он ловко метнул их в воду: миг – и вода окрасилась красным, а на поверхность всплыли восемь тел. Командующий смекнул: «Думаю, под водой прячется еще немало соглядатаев». Генерал Цзе метнул еще восемь цапок – но на сей раз выловил только четыре трупа. «Все скрывавшиеся под водой расползлись кто куда, – заметил

командующий. – Следует придумать, как их изловить, используя приемы наших боевых искусств». И пошло: каждый командир по-своему судит и рядит, как исполнить приказ. Сколько командиров – столько и решений, сто генералов – сто вариантов исполнения приказа.

Тем не менее вскоре из воды удалось вытащить около сотни местных воинов – мертвым отрубили головы, а живых доставили в ставку, где командующий устроил им допрос. Пленники сообщили, что все они из местного морского воинства, спрятаться под водой их заставил военачальник – тот самый, что охранял восточные ворота.

– И как вы там выжили? – допытывался Саньбао.

Воины признались, что с детства дружат с морем, могут залечь на дно и оставаться там без пищи семь дней. А нырнули они вглубь с заданием – взять шила и просверлить дырки в днищах кораблей:

– Вначале нас было две с половиной сотни, но, увидав страшное оружие в руках противника, многие уплыли подальше от берега.

Саньбао разозлился:

– Откуда подобное коварство у вашего правителя?

В этот самый момент военачальник евнух Ма вместе с другими командирами доставили в ставку самого короля. Разъяренный командующий набросился на него:

– Пес чужеземный! Как смеешь проявлять эдакое вероломство? Неужто не читал наших документов, там ясно сказано: «Не имеем иных намерений, кроме как найти нашу драгоценную императорскую печать». Мы к тебе со всей душой, а ты строишь козни! Тотчас вызову палача и прикажу отрубить голову!

Король затрясся от страха и стал что-то невнятно бормотать – видно, уже приготовился принять смерть. И снова вступился Государев советник, попросив из уважения к нему помиловать правителя. Командующий долго не соглашался, буддист настаивал, и в конце концов Саньбао решил ублажить Государева советника и отменил казнь. Король принялся бесконечно благодарить и кланяться, однако делал он это как-то чудно: лег, вытянув руки вперед, ноги назад, так что грудь и живот касались земли^[102].

Командующий приступил к допросу, и король отвечал, что его именуют Вира Алакешвара, а имя военачальника, охранявшего восточные ворота, Нанату:

– Его предки происходят из страны Чола^[103], к нам он прибыл сначала на чиновничью должность. Отметив его ум и храбрость, я назначил его военачальником. У меня и в мыслях не было, что он допустит такой промах, как наемники.

Король честно признался, что не представляет ни где сейчас Нанату, ни жив ли он вообще.

– Ну и ладно, дело сие не стоит того, чтобы о нем думать, – отмахнулся командующий и повернулся к свите. – А что до правителя, то я хоть и согласился отменить казнь, но не отпускать же его

безвозмездно. Проткните ему подлопаточную ямку железной цепью, и пусть поплывет с нами. А когда вернемся домой, передадим его императору, он и решит его судьбу.

Король не осмелился возразить и покорно дал себя заковать.

Командующий пожелал выбрать счастливый день для продолжения плавания. Назавтра с запада неожиданно появился отряд местных воинов на громадных слонах – их было от трех до пяти десятков^[104]. Сразиться с ними вызвался *юцзи* Лю Благородный – высоченный, громогласный. Вице-адмирал Ван характеризовал его как человека необычайной храбрости.

– Бой со слонами вельми опасен, – предупредил адмирал.

Но командир ответил:

– Я, когда вино наливаю, ни капли не проливаю, привык всё предусматривать и не допущу промаха.

Господин Ван поднес ему чарку и устроил торжественные проводы.

Трижды прогремели барабаны, и Лю Благородный во главе отряда выехал на поле боя с огромной пикой наперевес. Поначалу в бой вступил туземный военачальник, и к третьей схватке стало ясно, что тому не удастся добиться успеха. Лю скрежетал зубами и уже готов был схватить противника живьем. Кто мог подумать, что в тот самый момент раздастся трубный рев, и на него двинется стадо слонов?! Огромные животные, подгоняемые железными палками погонщиков, устрашающе напирали. Ясно, что вступать с ними в бой бесполезно, ты хоть пикой коли, хоть мечом руби – на них и следа не останется. Делать нечего, пришлось отступить.

Юцзи Лю доложил командующему, что отряду не удалось отличиться в бою, ибо мощь слоновьего войска неодолима, они неуязвимы. При всём том он пообещал назавтра пересилить противника, ибо ему пришел в голову план атаки. Саньбао предложил сформулировать задуманное в одном слове.

– Лучше в двух, – поддержал мысль вице-адмирал.

Лю Благородный признался, что ему потребуется не менее трех слов. Порешили так – всяк напишет свое обозначение плана на отдельном листке, их заверят печатью, спрячут и после боя отгадавшего наградят, а проигравших – оштрафуют.

– А как быть, ежели мнения совпадут? – беспокоился Лю.

– Коли одержите победу, какое это будет иметь значение?! – улыбнулся командующий Ван.

Саньбао велел принести четыре кабинетные драгоценности – кисть, тушь, бумагу и тушечницу, после чего каждый на отдельном листке записал свою формулу и поставил печать, а главнокомандующий спрятал листки в свою шкатулку для печатей.

На другой день Лю вывел в бой три отряда: два авангардных, на вооружении коих имелись пушки, огненные трубы-самопалы и зажигательные стрелы, и арьергардный – у каждого бойца в руках

шнур от минного устройства под названием «стремглав летящая комета»^[105]. Что же это за оружие такое? А вот какое: внешне похожее на длинную – более восьми *чи*^[106] – хлопушку, состоящую из восьми фаланг, кои можно подтягивать или отпускать, растягивать или сокращать. Внутри каждой – порох и дробь, забросишь – и из нее вылетает огонь, стремительно, как метеор, отсюда и название.

Едва Лю выехал с отрядами на поле боя, местный военачальник, как и накануне, направил на них оглушительно ревущих слонов.

– Смело вперед, – приказал Лю воинам, – отступление недопустимо. Победителей ждет щедрое вознаграждение, а проигравших – суровая кара. Начинайте по звуку трубы.

Раздался сигнал, и первый авангардный отряд стал палить из всех имеющихся у них орудий. Да только слоны не отступали. И снова зазвучали трубы – второй отряд открыл стрельбу. Слоны и тут не повернули. В третий раз возопили трубы, и арьергардный отряд пустил в ход «стремглав летящую комету» – словно потоки звезд замелькали в воздухе, словно тысячи молний пронзили небо, грохот был подобен ударам грома, гулом отозвавшимся в ущельях. Всё вокруг тряслось и дрожало – могли ли слоны устоять! Животные испуганно попятились, их тела были обожжены, утыканы стрелами, кое-кто сразу пал замертво, некоторые еще дергались. Воспользовавшись преимуществом, Лю с пикой наперевес ринулся вперед, а за ним – все три его отряда.

Вскоре большинство местных воинов было уничтожено или взято в плен, да и военачальнику не удалось спрятаться. Лю преследовал его, нацелив пику, и она вонзилась в спину противника с такой силой, что проткнула его насквозь и вышла из груди. И вот уже слышно, как бьют нагайки по золотым стремянам, звучат победные марши. Вернувшиеся с победой воины поднесли командующему головы убитых врагов.

Саньбао с удовольствием приказал достать из запечатанного ящичка те самые три листка. Развернули и видят: Саньбао написал одно слово – «Огонь», Ван начертал два – «Красная скала»^[107], а Лю Благородный три – «Стремглав летящая комета». Все трое дружно рассмеялись: «Недаром в древности сказано: „мысли ученых мужей схожи“». Саньбао заинтересовался, в чем отличие «летающих носорогов», использовавшихся ранее командующим морскими силами Цзе, от «стремглав летящей кометы», кою пустил нынче в ход генерал Лю. Господин Ван пояснил, что командующий Цзе использовал оружие типа тайных стрел^[108], кои выпускали из рукава с помощью трубки с пружиной:

– Вода – их стихия, как и у настоящих носорогов, – втолковал он. – А у «стремглав летящей кометы» главное – огонь. Вода и огонь противоположны, но обе стихии привели к победе.

Ил. 16. Тайные стрелы «цветы сливы»

Назавтра суда отправились в путь, и через семь-восемь дней впереди показались острова. На флагманский корабль с берега поднялся высланный ранее ратник в железных доспехах и доложил, что острова называются Мальдивские и здесь уже высадились военачальник евнух Хун и командир арьергардной дивизии У Чэн:

– Приказано сообщить, что местный князь при виде тигровой таблички не скрыл удовольствия и тут же написал вассальную грамоту и акт о капитуляции, а также подготовил дань и дары. Сам он пожелал лично прибыть на поклон к главнокомандующему. Да только двое непокорных старейшин стали подстрекать правителя к неповиновению. Посему меня прислали предупредить, дабы господин командующий успел принять меры предосторожности.

Саньбао ухмыльнулся:

– У меня найдутся для них доводы.

И тут же приказал принести клетку для перевозки арестованных, где с проткнутой цепью лопаткой сидел король Цейлона. К клетке прикрепили табличку с надписью: «Подобная кара ждет всякого правителя, кой осмелится противодействовать и не выполнять долга верноподданного». Вот это и называется «перехватить инициативу» – иными словами, сломить дух противника, показав свое могущество. Поднявшиеся на корабль местные воины, коих послали выведать ситуацию, увидели клетку с заключенным в ней королем, прочли начертанную на табличке угрозу и доложили своему владыке. Тот немедленно вызвал дворцовых бунтовщиков:

– Вы подбивали меня к неповиновению – вот теперь будете вместе со мной сидеть в подобной клетке!

Сановники, услышав о столь ужасающей каре, воскликнули:

– Нам дороги наши головы! Придется покориться.

Вместе с военачальником Хуном они без промедления отправились на флагманский корабль и вручили вассальную грамоту и акт о капитуляции. Саньбао вскрыл печать и зачитал обращенное к нему послание. В нем, в частности, говорилось: «В вашем многотрудном деле вы проявляете бескорыстие и самоотверженность, всяк зрит принесенные вами добро и пользу. Наши далекие земли встали препятствием на вашем пути, мы оказались недальновидны и бестолковы. Благоговеем перед блеском вашего оружия, прочувствовали могущество вашего воинства».

Ил. 13. Печать на вассальной грамоте

Засим посланники вручили список дани и даров, а командующий внимательно с ним ознакомился. В списке, помимо серебряных монет, значились: раковины каури – местные сваливают их в кучу и, когда

мякоть моллюсков сгниет, промывают и продают в другие страны, где их используют как монеты; по десятку крупных рубинов, сапфиров, изумрудов и аквамаринов, а еще серая амбра, коя ценится как серебро; сотня кубков из скорлупы кокосового ореха, инкрустированных золотом и серебром и покрытых лаком; шали из тончайшего шелка и тканые золотой нитью головные платки, каждый стоимостью пять *лян* серебром: в богатых семьях мужчины делают из такой ткани чалму. А еще – много превосходного на вкус сушеного акульею мяса.

Командующий приказал распорядителю корабельных хранилищ принять дары. В ответ вручил князю шапку, церемониальное платье и дщицу для записей. А местным бунтарям наказал:

– Вы – старейшины, а учили государя дурному. Неужли вам неведомо, что Небо воздаст за доброту и наказывает виновных, благоприятствует послушным и карает непокорных? Видали цейлонского короля в клетке?

Советники только кланялись и молили о пощаде. Командующий изрек:

– Вы еще не успели совершить преступление, посему не стану с вами разбираться и выносить приговор. Но с сего дня и впредь помните о существовании нашей Небесной династии, коей вы обязаны ежегодно приносить дань и признать себя ее вассалом. Таков порядок.

Старейшины снова били челом и уверяли, что отныне никогда не осмелятся чинить зло. Командующий приказал попотчевать прибывших вином и закусками – те поблагодарили и вернулись восвояси.

Корабли продолжили путь и вскоре добрались до Большого Коллама^[109]. Заблаговременно отправленные туда военачальник евнух Хоу вместе с командиром левофланговой дивизии привели к адмиралу на поклон местного правителя и представили его:

– Сей князек явно постиг великие истины. Стоило вручить ему тигровую пластинку и произнести фразу «помимо сего, никаких неприятностей чинить не будем», он возликовал и отвесил восемь поклонов прямо перед пластинкой. Верно в древности сказано: строгий лик Сына Неба всегда пред тобой. Народ в сей стране невежественный, книг не читает, грамоте не обучен. Посему не способны составить никаких документов, а лишь подносят нам изделия местной продукции.

Командующий молвил:

– Ну что ж, ежели правитель – человек искренний, то достало его почтительности, а дары примем.

Он взглянул на список, дары оказались немудрящие: немного золотых монет, несколько десятков кусков шелковых, атласных тканей да набивного ситца^[110], белого с синим фарфора. Значился там и черный перец, кокосовый да бетелевый орех, местная рыба.

Командующий принял подношение и одарил князя чиновничьей шапкой, церемониальным платьем и дощечкой для записи

распоряжений, а также показал некоторые приемы поклонов придворного этикета. Князь поблагодарил и удалился.

Через несколько дней пути увидели еще какой-то город-государство, раскинувшийся у высоких гор на востоке и у безбрежного океана на западе, исчерченный шестью трактами с севера на юг. Стоило пристать к берегу, как отправленные ранее военачальник евнух Ван с командиром дивизии правого фланга Сюем Честнейшим поднялись на борт флагманского корабля и рассказали, что государство сие зовется Кочин^[111], а правителя – он из династии Чола – на местном наречии почтительно величают *кеили*. На голове у него белая с желтым повязка, торс открыт, нижняя часть тела обмотана простой белой тканью, на талии вместо пояса цветастый платок, словно древнее украшение у китайских женщин. На расспросы о том, как живет простой народ, посланцы поведали:

– Люди делятся на пять варн^[112]: первая – каста наяр^[113], они княжеского рода, бреют голову, с шеи свисает священный шнур, это благородная аристократия; затем следуют мусульмане, за ними – четти^[114], в их руках большие богатства; четвертая группа – клин^[115], они занимаются ростовщичеством и торговлей, а самая низшая группа – мукува^[116]. Эти живут в пещерах, мужчины и женщины ходят голые, прикрываясь спереди и сзади либо плетеной листвой, либо травой. Ежели встретят по дороге кого-то из высшей варны, обязаны тотчас сесть у обочины и дожидаться, пока те пройдут.

Саньбао стал допытываться, каковы обычаи в стране, и командуящий евнух Ван сообщил, что заморин исповедует буддизм, почитает слонов и коров. Соорудил храм со статуей Будды на постаменте, окруженном каменным водостоком, а рядом – колодец. По утрам звонит колокол, бьют барабаны, водой из колодца несколько раз омывают статую Будды, после чего все обступают ее и многократно кланяются. Есть еще почитающие буддизм йоги^[117] – обычно уборщики в храмах, кои обзаводятся семьей, но не бреют голову и не расчесываются. Сплетенные волосы – по семь-восемь, а то и с десяток прядей – болтаются по спине. Тело натирают пеплом сожженного коровьего навоза, не прикрываются одеждой, а только привязывают к талии широкий стебель акации. Идут, дуют в ритуальную раковину шанкха^[118], а сзади тащатся их жены. Тела сих ужасных созданий едва прикрыты куском ткани. Вот так и бредут они от двери к двери и просят подавание. Сии обычаи весьма омерзительны.

Ил. 11. Шанкха – ритуальная раковина

Военачальник также сообщил, что климат в стране зело знойный, погода круглый год – как в Китае летом. В мае-июне сплошные дожди, улицы превращаются в реки, даже есть поговорка: полгода течет, полгода печет. Командующий осведомился о нраве правителя – покорный или строптивый. Евнух Ван подтвердил, что правитель при виде тигровой пластинки ни полсловечка не возразил:

– Зато трое из числа наяр и четверка четти явно замыслили что-то дурное. Однако заморин прикрикнул: «Пошто сеете смуту и навлекаете на меня беду? Хотите, чтобы я сидел в клетке супротив цейлонского короля?» Тут же приказал связать бунтовщиков и самолично привел их на суд командующего.

Адмирал повелел пригласить заморина. Войдя, тот поклонился, и Саньбао милостиво ответил на приветствие. Владыка передал вассальную и капитуляционную грамоты, и командующий зачитал предназначенную для него. В грамоте, в частности, говорилось: «...Мы живем далеко за морями – где нам разобраться, что есть добро, а что зло?.. Нынче согласие и мир воцаряются окрест, окончены многолетние воинственные танцы со щитами и перьями. Безгранично благодарны за установление мира и порядка».

Засим заморин передал список даров, и командующий воскликнул:

– Видя ваше искреннее расположение, не могу не ответить тем же.

И приказал распорядителю корабельных хранилищ принять дары. Помимо множества золотых и серебряных вещей, наиболее ценными были: золоченная статуя Будды, свиток буддийской живописи, десять

листьев дерева *бодхи*^[119], четыре драгоценных жемчужины массой около четырех с половиной *фэней*^[120] (их здесь продают за сто *лян* серебра) и четыре ветки кораллов. В тех краях богатеи нанимают мастеров, кои обтачивают кораллы, шлифуют и полируют до блеска, а затем продают по весу. Значилось в списке и пятьсот отрезов^[121] набивного ситца.

Приняв дань, Саньбао одарил раджу церемониальной шапкой и одеждой, и тот, ошастливленный, с поклонами удалился.

Корабли меж тем продолжили путь.

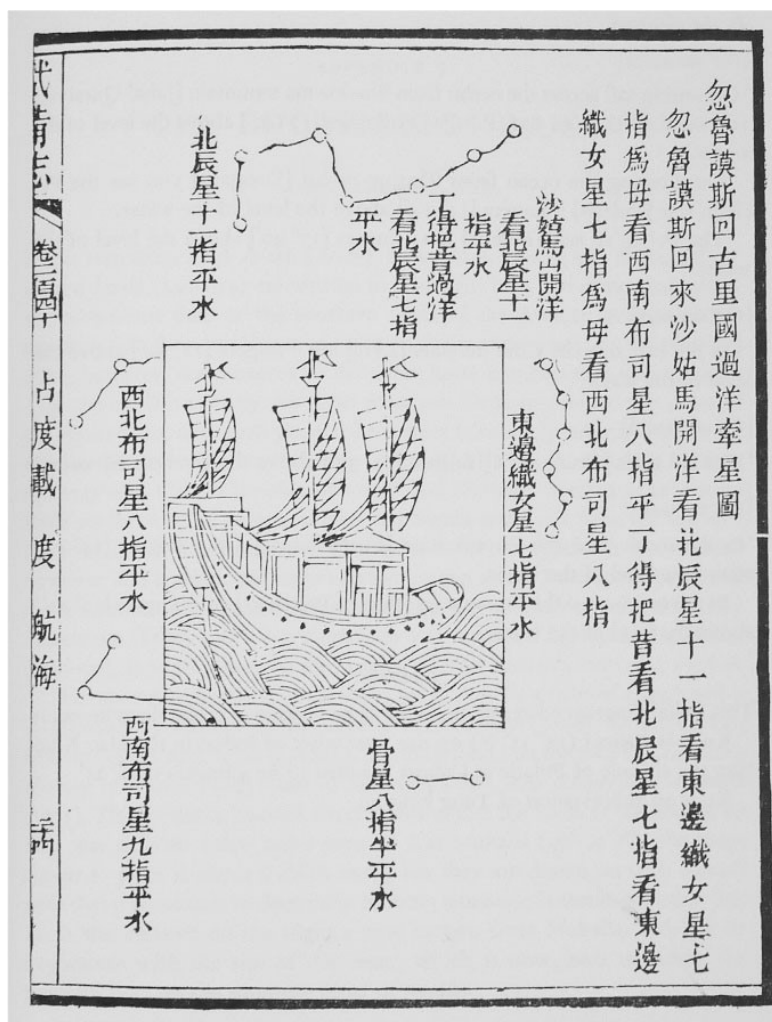

Рис. 6. Карта навигации Чжэн Хэ от Ормуза до Каликута. Фрагмент карты Мао Куня, 1430 год

– В сих малых княжествах, к счастью, обошлось без осложнений, – подытожил командующий, – но впереди Каликут. Хорошо бы знать, куда подевался Ван Мин.

Сказывают, что Ван Мин, давно уже получивший приказ командующего, на военной джонке отправился в путь и через двадцать дней прибыл в Каликутское княжество^[122].

Разузнав, что четверка магов целыми днями участвует в тренировке войска и готовится к военным действиям, он призадумался: «Маги строят козни, и у меня положение затруднительное. Коли не вручу вовремя официальное послание командующего, нарушу приказ, а вручу – от злодеев не укрыться, уж они-то меня не выпустят!» О, доблестный Ван Мин! В его смышленной голове созрел замечательный план.

На следующий день он распустил волосы – теперь они свободно ниспадали, одежду вывернул по образцу халата даосского монаха, взял в руки табличку и крупно написал: «Гадаю по иероглифам, общаюсь с Небесами», а внизу помельче в два ряда: «Порядок или смута, процветание или упадок, счастье или беда, бедствия или благополучие». Затем Ван Мин проворно пробрался на шумную торговую улицу и стал расхаживать там с видом самодовольным и чванливым. Время от времени он вытаскивал траву-невидимку – и вот его уж нет в толпе, спрятал траву – и снова идет по улице с важным видом. Благодаря подобным уловкам он привлек внимание местных мусульман, кои приняли его за сошедшего с небес святого: «Глянь-ка, он то есть, то нет его, эва!» Так минул день, за ним еще два – Ван Мин всё молчит. На третий день он почувствовал, что народ к нему расположился, и заговорил:

– Я, ничтожный, спустился из гротов восьми небесных бессмертных и оказался на вашей земле. Ежели желаете воспользоваться такой удачей и узнать свою судьбу, достало написать один иероглиф, и я предскажу всё, что вас ожидает. Не зря же я здесь оказался!

Местные жители уже и не надеялись, что он заговорит, а посему, услышав его слова, стали один за другим подходить ближе. Самый храбрый вышел вперед и приветствовал его поклоном.

– О чем хочешь узнать, молодой человек? – обратился к нему Ван Мин. – Напиши одно слово и скажи, в какой связи желательно его употребить.

Юноша, будучи мусульманином, написал иероглиф «хой» – тот самый, что входит в слово «мусульманин», и попросил погадать по шести парам циклических знаков – на беременность^[123]. Ван Мин, не задумываясь, использовал изречение Конфуция, где сходный по звучанию иероглиф означал фамилию, да еще и переврал его^[124]:

– Похоже, сие соответствует рождению дочери. А почему? Сказано в каноне, что Хой по три месяца оставался непочтительным. Вот и ты в прежней жизни немало набедокурил – с чего бы теперь у тебя родился сын?

Парень восхитился:

– Да это впрямь живой святой, сведущ во всех религиях.

Тут еще один смельчак дерзнул предложить для гадания слово «ухо», потому как у него в тот день горели уши, и тоже попросил связать его с гаданием по шести парам циклических знаков. Ван Мин заявил:

- А у тебя родится сын, да не один.
- Откуда это тебе известно? – поразился парень.
- Разве ты не слыхал выражение «Уши учеников, восемь-девять детей»^[125]?

Парень обрадовался:

- Поистине живой святой!

Третий проситель начертал слово «мамаша», потому как в доме его тещи было имущество, на кое он зарился.

- В связи с чем использовать это слово? – уточнил Ван Мин.

И парень ответил:

- Гадай на обогащение.

Ван Мин ответил, что богатство придет к тому в десятикратном размере – его ждет большая удача:

- Разве ты не слыхал выражение «имея дело с богатством матушки, наживайся любой ценой»^[126]? А что иное сие может значить, кроме как то, что ты разбогатеешь!

Одуроченный чужеземец бурно радовался:

- И впрямь живой небожитель!

Не успел договорить, нашелся еще молодой человек, который, глядя на табличку в руках Вана со словом «порядок», написал именно это слово и попросил погадать насчет женитьбы. Ван Мин уверенно заявил:

- Коли собрался жениться, рассчитывай на удачу.

И пояснил удивленному жениху:

- Неужто не слыхал, что даже совершившего проступок Гунье Чана можно женить?^[127] Это ли не означает счастливое супружество?

Парню выпала несказанная радость повстречать живого святого, и он от всей души предложил:

- Хотел бы разделить с вами свою радость.

И со словами «Ученик подносит учителю в знак сердечной признательности» попытался всучить Ван Мину десять монет. Ван Мин смутился: «Я тут несу всякую ахинею, дабы произвести впечатление – но с какой стати обогащаться за счет этих людей? Какой из меня после этого святой?» Он поблагодарил парня и объяснил, что не пользуется деньгами, потому и не может их принять. Парень настаивал, тогда Ван Мин заявил, что в таком случае ему придется исчезнуть – вынул траву и стал невидим! Тут все остальные набросились на беднягу:

- Ясно, что это настоящий святой, у него можно было многое выведать о нашей судьбе, а ты полез со своими деньгами – он обиделся и покинул нас!

Одни утверждали, что ежели и вправду всё предопределено, то святой завтра вернется, а другие стояли на том, что раз тот случайно оказался в сих местах, то вряд ли появится снова.

Так они шумели-галдели, и гул их голосов потревожил тех самых четырех магов-праведников, кои находились в то время в храме Нарайаны^[128]. Один из них высказал опасение, что сей странствующий монах и есть тот самый небесный святой, что усердно сует нос в их дела:

– Надо бы пойти поглядеть.

Однаке беловласый заявил, что подобное поведение ниже их достоинства, лучше послать кого-нибудь и пригласить монаха к ним. Посовещавшись, отправили толкового слугу, наказав несколько дней пошататься по торговым улицам, что он и выполнил, а потом уж позвал монаха. Получив приглашение, Ван Мин решил: «Коль скоро они приняли меня за бродячего монаха, во время беседы заставлю их открыться». Он зашагал важно и неторопливо и вскоре предстал перед всей четверкой. Едва взглянув на него, те засомневались – вроде и не монах, но и не мирянин. Стали расспрашивать, откуда прибыл.

Тот отвечал:

– Из гротов восьми бессмертных с пира Сиванму.

– И что – разве кто-то из небесных полководцев там отсутствовал?

– Нефритовый император пересчитал их всех, обнаружил, что кое-кого недостает, и страшно разгневался, – не растерялся Ван Мин.

Маги-праведники тотчас ухватили намек на их отсутствие, от страха затрепетали-заробели, прикусили языки и про себя решили, что, видно, гость и вправду обитатель небесных сфер. Ван Мин стал их вроде как сочувственно расспрашивать – когда, мол, прибыли? Монахи бессовестно соврали, что четыре-пять дней тому. Тогда Ван Мин промолвил:

– Нынче я удостоился приглашения от милостивых государей и готов выслушать ваши наставления.

Монахи дружно ответили:

– Обеспокоим вас просьбой погадать, судьбу предсказать.

Ван Мин и им предложил написать какое-либо слово. Синевласый начертал иероглиф «синий» и сказал, что гадать надо о военных действиях.

– Господа, – сказал Ван Мин, – не удивляйтесь тому, что я скажу, но по всему выходит, что ждет вас большая беда.

И тут же хитро и искусно придумал и растолковал значение начертанного иероглифа:

– Сие означает, что небесная канцелярия осуждает вас. А что до военных действий, то они не предвещают ничего хорошего.

Праведников от этих речей словно в чан с водой окунули, от ужаса волосы встали дыбом. Они пали оземь и стали отбивать перед сим удивительным святым большие церемониальные поклоны. Ван Мин

вспомнил слова древних: «Пока всё успешно – уйду поспешно, не то разоблачения дождусь, и благосклонность превратится во вражду».

Вынул траву-невидимку – и вот уже нет монаха, истаял струйкой дыма. Праведники пришли в смятение.

Да и это бы ничего, но, как оказалось, один из тех юношей, коим гадал мнимый святой, поведал о чудесном провидении самому заморину:

– Четверо праведников из храма – и те поклонились ему как наставнику, а он принял поклоны и дуновеньем ветра растаял в небесах.

Эти слова взбудоражили правителя: «Вот бы мне с ним встретиться да разузнать заранее, что ждет страну – гибель или процветание, порядок или смута». Он вызвал приближенных и пообещал:

– Тому, кто найдет и приведет того монаха, положено вознаграждение: нет чина – пожалуй, есть – повышу. Одарю серебром и золотом, шелком и атласом.

Ну, как встарь говорили, при щедрой награде найдется и храбрец при параде. И впрямь – приближенные, услышав о чинах и дарах, наперегонки кинулись на поиски монаха.

Ван Мин не менее того жаждал встречи с правителем. С помощью волшебной травы он стал вновь появляться то на восточных, то на западных улочках-переулочках. Только кто-то из сановников увидит его в одном конце города и решит: «Моя служебная карьера удалась!», как другой, встретив монаха в противоположной стороне, радуется: «Вот и мне повезло с повышением». В конце концов Ван Мин попал в руки дежурившего по дворцу генерала. Как так? А дело в том, что генерал тот обладал силищей огромной, никто не мог с ним тягаться: он схватил Ван Мина за плечо и с легкостью поволок к правителю.

Заморин несказанно обрадовался, встал и шумно приветствовал гостя:

– Не ведал, что небожитель почтит нас своим присутствием, не то вышел бы навстречу.

Ван Мин повторил, что прибыл из небесных гротов и, оказавшись в сих местах, решил использовать свои способности на благо людям, подсказать тем предначертанное, дабы они поняли, к чему стремиться и чего избегать:

– Буде укажу дорогу незнакомцу или помогу слепцу перейти мост – считай, не зря я, скромный монах, появился в ваших местах, – закончил он рассказ.

– Ох, сколь тяжел и труден ваш путь! У меня, грешного, тоже есть свои тайные заботы. Надеюсь на ваше наставление.

Ван Мин предложил написать один-единственный иероглиф, и заморин начертал слово «ван» – «правитель»:

– Погадайте о взлетах и падениях моей страны.

Ван Мин на это ответил:

- Прежде у вас не возникало хлопот, а нынче важные господа стучат в ворота. Есть только одна забота – кучка подлых людишек сеет смуту. Вы сами, достопочтенный, как на это смотрите?

- Да что за важные господа у моих ворот?

- Я сужу по вашему иероглифу, в нем кое-чего чуток недостает. Вы начертали иероглиф 𠄎 – «правитель»: черта наверху означает позицию неба, черта внизу – земли, а посередине – человека. Эти три черты в конфуцианстве символизируют три начала. Они расположены параллельно, но порождают слово «правитель», лишь будучи пересечены связующей вертикальной чертой. Это ли не знак необходимости обеспечить связь трех начал? Сие и свершат достойные гости.

- А как вы сподобились узреть затевающих смуту подлых людишек?

- Достаточно добавить в данный иероглиф точку, и получится 𠄎 – слово «яшма». Правитель – человек, а яшма – предмет, что означает превращение человека в предмет. Сие ли не достигается заговором подлых людишек?

- Откуда же взялась эта точка?

- Да чего там! Ведь у господина на пояснице есть родинка, – ляпнул Ван Мин не задумываясь.

Правитель сразу не поверил, сбросил одежду – и все воочию увидели на его теле родинку. На самом деле Ван Мину надобно было намекнуть правителю о деяниях даосских магов, вот он и болтал первое, что приходило в голову. Да ведь верно говорят, что удачи оживляют ум, вот эти рассказы и попали в самую точку. Потрясенный пронцательностью монаха, заморин воскликнул:

- Да вы и точно живой небожитель!

И, охватив одной рукой другую, сложенную в кулак на уровне груди, он отвесил малый поклон и испросил совета, как добиться удачи и избежать бед. Тут-то Ван Мин воспользовался случаем и выпалил:

- Ну, что же, коли вы, достопочтимый господин, столь вожделеете избежать бед, послушайте, что я вам скажу: из каких бы дальних краев ни появились гости, примите их любезно, не оказывайте сопротивления, и будет вам удача.

- Ко мне тут прибыли четверо монахов – возможно ли с их помощью избежать бед?

- О, нет, ведь опасная родинка на пояснице правителя их и подразумевает.

Заморин долго молчал, а потом без обиняков заявил:

- Скажу не таясь: мы являемся крупным государством Западного океана, на нас сроду никто не нападал. По совету четырех праведников я потратил кучу золота на отливку статуи Будды и серебра на строительство буддийского храма, ибо те предрекли, что не позднее чем через сто дней страну ожидает лихолетье. Они твердили, что только великий Будда Вайрочана поможет защитить страну и престол.

Я вроде как согласился, оставил их в стране, но всё же на душе неспокойно. На днях и вправду пришли дурные вести: говорят, империя Мин направила в Западный океан армаду в тысячу кораблей, несметное воинство во главе с командующим, при них и могущественные монахи – даосский и буддийский. По пути следования захватывают в плен правителей, уничтожают государства. Недавно посадили в клетку цейлонского правителя; вот-вот подойдут к нашим берегам. Выходит, правы те четверо? Нынче мне выпало небывалое счастье встретиться с небожителем, прошу вразумить меня.

– Послушайте скромного монаха, – отозвался Ван Мин. – Появление флотилии – предвестник великой радости. Ежели не верите, поглядите за врата.

Желая убедить заморина, Ван Мин вытащил свою волшебную траву и, став невидимым для окружающих, напялил на голову войлочную шляпу со словом «храбрец», сбросил даосское одеяние и остался в воинских доспехах. И вот уже – в одной руке послание командующего, в другой кинжал – он встал по стойке смирно у дворцовых ворот и заорал:

– Гонец с радостными вестями желает видеть владыку!

Не успел правитель выразить сожаление по поводу исчезновения святого, как дворцовый страж доложил о прибытии гонца с добрыми вестями. «Сколь удивительно, что сей мир посещают живые небожители», – подумал заморин и распорядился:

– Поскорей зовите сюда этого человека!

Откуда ему знать, что давешний монах и гонец – одно и то же лицо! Представ перед заморином, Ван Мин вручил грамоту и спокойненько так говорит:

– Командующий многократно кланяется правителю. Наша флотилия проходит мимо берегов вашего государства, но мы вовсе не желаем вас потревожить. В знак взаимного расположения командующий передал вам верительную грамоту.

Заморин несказанно обрадовался посланию, а еще больше – миролюбивым речам офицера, повелел приближенным напоить того чаем и угостить, а сам принялся читать документ^[129]. В начале его излагались цели экспедиции, а затем говорилось: «...Командиры храброго воинства смелы и отважны, готовы оказать моральное воздействие на все страны. Достигнув врат вашей столицы, они не желают применения военной силы и потому почтительно вручают сей высочайший указ. Наш мудрый император является Сыном Неба, посему повинующиеся ему процветают, идущие наперекор – погибают. Заморин волен сделать выбор, дабы потом не раскаиваться».

Закончив чтение, владыка объявил, что подобная грамота – поистине добрая весть, и обратился к Ван Мину:

– В данный момент, впопыхах и наспех, не представляется возможным составить испрашиваемые вами важные документы. Пока

прошу передать командующему от меня множество поклонов, а ко времени прибытия кораблей в гавань составим и вассальную грамоту, и капитуляционную, и пропуск через заставу. Мы ни в коем разе не осмелимся причинять беспокойство величеству, аки небожитель, командующему.

Ван гнул свое:

– Ежели наш командующий может рассчитывать на вашу благожелательность, его благодарность будет безгранична. Вот только праведники из храма Нарайаны, похоже, не собираются сдавать позиции, продолжают перебрасывать войска и рассылать полководцев.

Заморин возразил:

– Эти люди – всего лишь собирающие подаяние монахи. Нешто они имеют право командовать моими войсками?!

В этот момент, запыхавшись, примчались сразу несколько местных воинов с криком: «Устное донесение... донесение... донесение для государя. Четверо праведников из храма совсем плохи, от них осталась лишь телесная оболочка». И когда заморин попросил изложить всё по порядку, воины оповестили, что маги-даосы находились в добром здравии до того, как третьего дня их посетил некий странствующий монах, что гадает на иероглифах посредством общения с Небесами:

– Он напроорочил, что монахов ждет беда, грядущее суровое осуждение, и предрек им бесславный конец, коли вздумают начать военные действия. Маги призадумались, два дня никуда не показывались. Как вдруг позади кельи ни с того, ни с сего появилось дерево. Оно стремительно росло вверх и вширь, покрылось ветвями и листьями, бросая вокруг густую тень – как символ темной силы *инь*. Монахи и без того были сильно встревожены, а увидав дерево, и вовсе перепугались. Они немного постояли под ним – и вот, не ведаем как, повесились на его ветвях и испустили дух.

– Ох и чудеса! – воскликнул заморин. – Как раз вчера тот самый святой назвал тех магов родинкой на моей пояснице. Дай-ка взгляну еще раз.

Он развязал одежды – где же она?! Исчезла. Приближенные спросили, что делать с бранными телами монахов. Правитель изрек:

– Подделки – их хоть три штуки за день сбудешь, а ежели что истинное – за три дня и одну вещь не продашь. Те пустые оболочки на древе пока оставьте как есть. Вот дождемся прибытия командующего из Южной династии и сообщим, будто это мы повесили бунтовщиков. Пусть убедится в искренности нашего намерения подчиниться.

Не успел договорить, как местный лазутчик доложил, что гороподобные корабли с тысячами воинов вошли в гавань. Картина поистине устрашающая! Заморин поспешил навстречу. К этому времени Ван Мин был уже на корабле и успел поведать адмиралу и о том, как переоделся странствующим монахом, и о гибели четырех магов с разноцветными волосами. Саньбао подивился:

– Как ты умудрился сие проделать?
– Всё благодаря счастливой звезде нашего императора и величию моего командующего. Я наплел им с три короба всяких россказней, но вроде сработало, – гордо выпалил Ван Мин.

– Трудно постичь, отчего погибли маги.

– Тому должна быть серьезная причина.

В этот момент доложили о прибытии местного правителя. Тот поочередно отвесил поклоны обоим командующим, Государеву советнику и Небесному наставнику. Адмирал усадил гостя, приветствовал его по всем правилам гостеприимства, почтительно осведомился, как называется сие великое государство и как величают государя.

– Страна наша малая и зовется Каликут, – ответствовал заморин. – Меня же называют *самутири*, что означает «царь моря»^[130].

После того командующий объявил:

– Государь нашей великой империи постоянно помнит о вас, далеких некитайских народах, доселе не вовлеченных в сферу нашего воспитательного воздействия. Посему послал сию флотилию, дабы пожаловать вам мандат на царствие, серебряную печать и десять мешков золотых монет. Что до ваших советников, то каждый будет повышен в чине и удостоен шапки и пояса высокого сановника. Вечор я передал вам свое послание, в коем сие изложено в общих чертах – это милости самого государя, я не смею приписывать себе чужие заслуги. Всё ли ясно досточтимому заморину?

Тот ответствовал:

– Я, ничтожный, не достоин столь высокой чести! Простите, что не оказал должного почтения и не выехал навстречу гостям.

– Не смею затруднять вас подобными церемониями, – ответил Саньбао. – Лучше поведайте мне о четверке магов. Откуда они прибыли?

– Странствующие людишки, они меня совсем заморочили.

– К счастью, вовремя завершился отмеренный им судьбой жизненный срок, и нам удалось избежать столкновений с ними!

Заморин сообразил, что самое время вставить свою байку о том, что это они повесили монахов. Смотрите-ка, уж кто-кто, но даже Государев советник и Небесный наставник, знатоки общения со всякими небожителями и борьбы с нечистью, ничего не возразили, а лишь предложили адмиралу взглянуть на храмовое дерево.

– Неужто здесь есть храмы? – поразился Саньбао.

– В стране до полусотни мусульманских святынь, – заметил Государев советник.

Стоило ему произнести эти слова, как вмиг у всех перед глазами возникло то самое храмовое дерево с пышной раскидистой кроной, на коем висели четверо магов. Заморин затрясся от ужаса:

– До чего могущественен сей буддист, как ему удалось перенести сюда дерево?

Саньбао поблагодарил за сие необычное «наставление» и попросил убрать дерево. Бифэн прошептал «Амитофо», дерево издало глухой звук – и вот уже на его месте оказался знаменитый посох Государева советника с девятью кольцами. На сей раз не мог скрыть удивления и сам командующий:

– Да как посох мог превратиться в дерево?

Государев советник отвечал, что он дал слово устранить магов, и нынче лишь выполнил свое обещание:

– Нефритовый император забрал к себе их духовную сущность, оставив на земле бранные тела.

Адмирал в который раз осознал силу буддизма и от души возблагодарил почтеннейшего, а тот подчеркнул, что именно Ван Мин помог ему свершить сие деяние. Саньбао тотчас приказал записать заслуги Ван Мина в книгу знаменательных свершений. Заморин, убедившись в сверхъестественных способностях буддиста, не осмелился долее задерживаться и стал прощаться.

– Выберем счастливый день для передачи вам высочайшего манифеста, и не вздумайте ослушаться, – наказал адмирал.

Правитель согласно покивал и отклонялся.

На другое утро заморин и его приближенные подготовились к церемонии принятия императорского рескрипта. Во дворец прибыли оба командующих. По окончании церемонии был устроен пир. Вино лилось рекой, будто в честь победоносного похода, все захмелели. Пригласили музыкантов – и вот уже зазвучали камышовые рожки и медные струны, местные мелодии и песни сливались в гармонии, услаждая слух. Заморин вручил все затребованные документы, и командующий внимательно прочел акт о капитуляции: «Лишь совершенствующий добродетель вызовет благожелательный отклик Неба, лишь Небо заботится о добродетельных. Словно весеннее тепло напитало наши чувства, ваше совершенное правление обтесало нас, как точильный камень. Некитайские народы получили новый календарь, наступила эра, озаренная божественным светом; с тех пор, как было установлено единообразие оси колесниц и иероглифов^[131], повсюду подули ветры человеколюбия и милосердия. Мы, слабые и лишенные талантов обитатели дальних окраин, удостоились вашего внимания и заботы и благодарны за императорские милости. Ни к чему более оружие, на границах не слышно шума сражений».

Затем правитель передал дары, и командующий приказал принять их. В первых строках описи значились четыре пластины разноцветной яшмы и редкая драгоценная голубая жемчужина, что стоила как породистый конь. А еще сто отрезков изысканной парчи с разноцветным узором, пятьсот – тончайшей вышитой хлопковой ткани миткаль и драгоценнейший пояс с золотой каймой: на подобные пояса идет

пятьдесят *лян* червонного золота, ремесленники вытягивают его в тончайшие нити, кои сплетают, а затем инкрустируют пояс драгоценными камнями. Были в списке и животные: дикая «быстроходная ладья» (так называли царя зверей, пятнистого красавца гепарда, по форме похожего на гончего пса) и черный козел^[132], что пробегает за день тысячу *ли* и легко одолевает тигра – удар копытом, и тигр мертв.

Приняв дары, командующий повелел немедленно устроить на флагманском корабле прощальный почестный пир во славу заморина.

– Мудрые старцы, – благоговейно произнес тот во время пиროвания, – сказывали, что наше малое государство отделяет от Китая сотня тысяч *ли*, посему ваше высокое посещение для нас большое счастье. Мы душевно скорбим, расставаясь.

– Пожалуй, мы и вправду проделали весьма долгий путь, – заметил Саньбао.

И тут вице-адмирал Ван предложил:

– Думаю, сие достойно стелы с надписью.

Ил. 21. Стела, установленная Чжэн Хэ в Каликуте. Современная копия из павильона Музея судоверфи кораблей-сокровищниц в Нанкине

Командующий поддержал благую мысль и приказал приближенным соорудить павильон и установить в нем каменную стелу. Не прошло и дня, как сановники доложили об исполнении и пожелали узнать содержание надписи. Командующий предложил вице-адмиралу Вану составить текст, но тот отказался:

– Решает главнокомандующий.

Саньбао настаивал, и тогда вице-адмирал одним взмахом кисти начертал: «Пришли из Китая, отстоящего на сто с лишним тысяч *ли*. Пусть все существа в равной мере испытают на себе полную гамму чувств. Выгравировано здесь для будущих поколений. Упорядочили всё меж небом и землей»^[133]. Именно сие изречение и выгравировали на плите. Правитель со слезами на глазах распрощался с гостями, выразив глубокую благодарность.

Адмирал отдал приказ продолжать путь, и корабли вышли в открытый океан. Плыли более десяти дней, как вдруг восседавшего на Лотосовом троне Государева советника коснулось дуновение пассата. Ему удалось ухватить его голову и хвост, он потянул носом и почувствовал: впереди какое-то государство, о нем много чего болтают, и оно вроде как понесло тяжелые потери. Государев советник сообщил сие командующему, и тот воскликнул:

– Не по силам снова преодолевать бесчисленные преграды! Каково ваше мнение?

Бифэн посоветовал, пока возможно, продолжать путь:

– Предпочтительней двигаться при чистом и ясном небе. Инда появятся тучи и сгустится плотный туман, так это уже проделки нечисти, и следует поостеречься.

Командующий немедленно отдал приказ – впредь всем кораблям соблюдать особую осторожность и в случае сгущении мглы и тумана без промедления переключить спусковые механизмы аркебуз. Приказ дан – кто посмеет ослушаться?

И верно: через несколько дней ординарец доложил о появлении на горизонте некоего государства. Командующие вышли на нос корабля, вгляделись и увидели в бурлящих водах тьму островов с прекрасными деревьями, на коих порхали птицы редкостного оперенья. К сожалению, их голоса, наверняка дивные, не доносились до слуха мореходов. Вдоль берега сустились местные жители – кто ловил рыбу, кто рубил деревья, – но, завидев огромные корабли, они в панике убежали. Господин Ван приказал нескольким воинам спуститься на берег и разузнать, что за страна.

Сказывают, что моряки схватили какого-то дровосека и привели к командующему. Допрежь всего он осведомился о названии страны, а туземец в ответ:

– Царство златоглазых.

– С древности до сего дни никто не слыхивал о такой земле! Даже святые сюда не добирались. Невероятно! – воскликнул командующий Ван.

Дровосек рассказал, что страна не так уж и мала – несколько тысяч *ли* по окружности, климат жаркий, снимают ежегодно по два урожая проса и гаоляна:

– А еще занимаемся вывариванием морской соли, рыболовством. Народ у нас храбрый и воинственный. Город окружен стеной и рвом, и хотя они не столь велики по высоте и глубине, но вполне надежны. На берегу есть застава, командир там – военачальник по фамилии Си, по прозвищу Морской Змей, дюже лютый.

На вопрос командующего Вана, заходят ли к ним чужие суда, дровосек признал, что бывают, и буде с добрыми намерениями, то можно получить немалую выгоду, а коли приедут заносчивые да жестокие, так хлебнешь горюшка. Командующий повелел угостить чужеземца и отпустил его.

Засим приказал командирам пяти эскадр разбить лагерь на берегу, вокруг вырыть ров с водой, со всех сторон выставить заслоны и оборонительные сооружения, нести вахту дено и ночно. По завершении работ адмирал открыл совещание в военном шатре:

– Вот уж не везет так не везет, попали в какое-то неведомое царство.

Вице-адмирал Ван не унывал:

– У нас тысячи кораблей, сотни боевых командиров и сотни тысяч храбрых бойцов. Ужель не достанет сил покорить Западные страны, запечатлеть на жертвенных сосудах и колоколах имена наших выдающихся полководцев и даты побед? Нам ли не предназначено, дожив до седин, почить на руках своих детей!?

– Беда в том, – печалился Саньбао, – что здесь, в странах Западного океана, куда ни ткни – всё какие-то небесные или земные кудесники, а то и вовсе нечисть. С ними-то как сладить?

– Да чего бояться, только вперед и ни шагу назад. С древности говорится: пока не наткнешься на туго сплетенные корни древа, не проверишь остроту ножа. Не пожалеем ни сил, ни талантов! А что до того, ждет нас успех или поражение, – даже Чжугэ Лян не счел возможным знать сие наперед, что уж о нас говорить!

– Высоко ценю ваше мнение! Да только всякому делу требуется план.

– По моему скромному убеждению, следует допрежь присмотреться, что за народец здесь проживает. Ежели с налету пустить в ход оружие, можно их только напугать! Лучше перво-наперво передать

верительную пластинку, дожидаться отклика, а коли что не так – соответственно и ответим. Всегда следуй правилу «сперва церемонии, а потом войны».

Как и прежде, к правителю послали Ван Мина. Представ перед князем, наш герой поклонился в пояс, но не преклонил колени, а лишь в знак приветствия охватил левой кистью правый кулак перед грудью и затем вручил тигровую пластинку. Приближенные в один голос вскричали:

– Да ты кто таков, как смел не преклонить колена?

– Даже слабый монарх выше местного вассального князька, – бросил им Ван Мин изречение древних конфуцианских мудрецов. – Благородному человеку из нашей Небесной династии достаточно отвесить поклон.

Князь сделал вид, что не расслышал, и приступил к зачитанию надписи на пластинке. Те из приближенных, кои изначально уверовали в отсутствие у пришельцев тайных умыслов, обратили внимание на сказанное в послании: «кроме того, других намерений нет». А убежденные в том, что от флотилии не приходится ждать добра, указывали на фразу «едиными рядами выступить для уничтожения бунтовщиков, никого не щадя». Грозный военачальник Си заявил, что они – процветающее государство, гроза Западного океана, – не должны сидеть сложа руки на смех соседям:

– Я, ваш верноподданный, предпочел бы двинуть войска, сражаться не щадя живота и показать, кто курица, а кто петух.

Разгорелся спор. Главный советник предложил отправить на корабли гонца:

– Корабли Южной династии не двинули свои войска, а прислали верительную грамоту, иными словами, начали с соблюдения этикета. Ежели мы ответим воинственной тактикой, они решат, что мы не признаем церемоний, и посчитают нас за недостойных людей. По моему скромному мнению, следует ответить той же тактикой – сначала переговоры, потом оружие. Пошлем к ним человека толкового, способного к переговорам и знающего их язык. Пусть доложит: «Так, мол, и так, наши государства отстоят далеко, никогда не вмешивались в дела друг друга, и ныне нет оснований двигать против нас войска. Ежели вы на то согласны, то в качестве возмещения мы готовы одарить вас золотом и шелками, говядиной и вином. Но ежели вздумаете приблизиться к берегу, мы не станем полагаться на судьбу. Как говорится с давних пор, крупное государство выступает в поход, опираясь на сильное войско, а малое надеется на прочные оборонительные позиции».

Гонец явился на флагманский корабль с сообщением:

– Мы готовы одарить ваших воинов, но не желаем писать грамоту о капитуляции.

– Что сие значит? – поразился Саньбао.

Господин Ван растолковал:

– Местный князь готов вступить в бой, но поскольку мы проявили почтение, он, прикрываясь вежливыми словами, дает понять, что в его государстве есть значительные силы. Тем самым он выражает небрежение к боевому духу нашей армии и рассчитывает подобной тактикой выиграть время и подготовиться к сражению.

Немедля приняли решение направить отряд во главе с полным генералом военного флота Чэнь Таном, наказав ему проникнуть на территорию неприятеля и нанести молниеносный удар:

– Разбейте лагерь у самой заставы, выманите оттуда противника и начните бой согласно тактике «перехватить инициативу, стать хозяином положения».

Стоило генералу во главе трех тысяч всадников из отборных подразделений расположиться лагерем у заставы, дозорный доложил о том местному правителю. Тут уж сторонником активных действий выступил осымнадцатилетний сын князя по прозвищу Кружащий Дракон. В странах Западного океана одно его имя вызывало трепет, а появление повергало противника в бегство.

– Воины Южной династии привыкли к победам, других ни во что не ставят и полагают, что им расправиться с нашим царством – раз плюнуть. Как говорится, зазнавшаяся армия терпит поражение, презирающие противника обречены на гибель, – доказывал он.

Его поддержал военачальник Си:

– Солдат готовят тысячу дней ради одного сражения. Кроме того, армия Южной династии прошла длительный путь, изнурена походом, не стоит особо ее опасаться!

Си Морской Змей помчался вперед, княжеский сын позади, каждый со своим отрядом расположился лагерем. На следующий день в лагере Южной династии трижды забили барабаны, и на поле боя выехал морской генерал Чэнь Тан – громадный, плечи что два утеса, смуглый, как спелый финик, усы тигриные, шлем Тай Суя, поверх доспехов – узорчатый парчовый военный кафтан, перетянутый золотым поясом изящной работы, в руке – пика на длинном древке. Назвав себя, рявкнул:

– Мы предоставляем вам возможность испытать на себе просветительское воздействие нашего совершенного правителя, дабы вы перестали, следуя варварским обычаям, ходить с распущенными волосами и носить одежду с левым запахом. Вам понятно?

В ответ услышал:

– Кончай болтать! Вассальные грамоты им нужны! Дождитесь! Скорее море высохнет и камни в порошок рассыплутся!

Чэнь нацелил на врага свое длинное копье со змеевидным лезвием, тот выставил навстречу тяжеленную двузубую алебарду.

И началось – рубились насмерть, с размаху, наотмашь вверх, вниз. У Си оружие неудобное, малоподвижное, зато Чэнь ловко орудовал

легким стальным копьем – его удары сыпались часто-часто, как дождевые капли. Противники сходились в смертельной схватке сотни раз, но не могли одолеть друг друга.

В бой с каждой из сторон вступили и другие воины, но победа не досталась никому.

Сказывают, что Саньбао собрал военный совет и призвал удальцов вступить в бой с туземными воителями:

– В случае удачи вас ждет немедленное повышение в ранге и должности.

Присутствующие молча уставились друг на друга. Военачальник евнух Ма с улыбкой подначивал:

– Неужто среди наших славных командиров не найдется героя, готового дать отпор сим дикарям?

Как говорится, потрешь камни – высечешь огонь, а без этого и дыма не получишь. Наконец вперед выступил командир Цзинь – тот самый храбрый коротышка, что уже не раз одерживал победы. Саньбао, глянув на него, заколебался, но Цзинь его успокоил:

– Неужто не слыхали поговорку – комар и быка укусит, а колосс мыши испугается? Боюсь, ежели командующий станет отбирать героев по внешности, сие остудит пыл многих командиров.

Саньбао принялся было наставлять Цзиня:

– Тысячи поколений взирают на вас с почтением, многое зависит от ваших действий. Не действуйте сгоряча!

А тот в ответ:

– Вам, конечно, виднее, однако древний воинский закон гласит: командира в армии не должны сковывать указы высочайшего. Скорость действий в бою я определяю сам. Надеюсь, командующий не сочтет сие за дерзость.

Саньбао согласился:

– Мы определяем конечную цель, остальное на ваше усмотрение.

Цзинь поклонился и вышел. Адмирал приказал ординарцу отнести в дивизион сосуд с вином в форме барана^[134] и налить Цзиню кубок до краев, дабы он поскорей отрубил недругу голову:

– Войско будет с нетерпением ждать его возвращения.

Ил. 5. Бронзовый сосуд для вина в форме барана

И Цзинь вышел на бой – росточком невелик, без лат и шлема, сидит на коне – ну точно тыковка. Военачальник Си взглянул на него и чуть не лопнул от смеха: «Видать, в Южной династии нет достойных воинов, коли мальцов генералами назначают! Да я его одним пальцем пополам переломлю! Жаль только, не удастся показать мое воинское искусство». И выкрикнул:

– Да ты не иначе как храмовый дух-соглядник! Как решился выйти супротив меня?

– Ах ты, пес вонючий! – рассвирепел Цзинь. – Да я командир дивизии той флотилии, что отправлена на Запад императором Великой Мин! Мяса-то в тебе много, да ты только и годишься, чтобы подставлять свои телеса под наши мечи да стрелы.

Си расхохотался:

– Ну, коротышка, язычок остер, даром что ростом мал. Да только комара-то веером пристукнули за то, что больно кусал. А что как я тебе сейчас язычок-то и подрежу?

Началась ожесточенная схватка, но ни в первый, ни на второй день ни одна сторона не одержала победу, хотя на помощь туземному военачальнику прискакал еще и княжеский сын.

Когда Цзинь вернулся в лагерь, командующий выразил свое недовольство и предложил выделить подмогу:

– Иначе отвага и дерзость у противника возрастут, и еще труднее будет добиться победы!

Тут-то Цзинь и признался, что он как раз и замыслил разжечь самодовольство местного командиришки, ублажить его честолюбие, дабы тот и думать забыл о возможной неудаче.

Вице-адмирал Ван улыбнулся:

– Всё в точности, как я и предполагал.

Командующий тоже всё понял, но, опасаясь, как бы подобные речи не просочились наружу, стал нарочито громко выговаривать Цзиню, будто тот занимается краснбайством и не в состоянии одержать победу:

– Только болтать горазд! Вытолкайте его из лагеря, да ворота закройте.

Ну, что же, на войне хитрости не возбраняются.

На другой день Цзинь, выехав на поле боя, намеренно допускал промахи: метнул в противника копье – а оно разломилось пополам, ударившись о здоровенную алебарду Си; метнул меч – и тот пополам. И вот тут-то Цзинь внезапно выхватил свой знаменитый тяжеленный трезубец и начал им размахивать – да так легко, словно дракон, вылетающий из пещеры, или дикий гусь, стремглав падающий на гладь озера. Подобные маневры не на шутку напугали противника:

– Кажись, я здорово оплошал! Не стоило пренебрегать этим коротышкой!

Недаром в древности сказано: коль сердце не волнуется – и тело повинуется. Си Морской Змей запаниковал, и вот уже его руки не слушаются, он растерялся, хотя еще горел желанием уничтожить противника. Метнул было палицу, но та накололась точнехонько на острие трезубца. Что тут скажешь – то ли Си был отмерян короткий век, то ли Цзиню суждена удача, только раздался треск, и палица раскололась пополам. Си совсем растерялся: как говорится, у заклинателя сдохла змея – стоит ли дальше стараться зазря? Он проглядел мастерский замах Цзиня, повернулся, и трезубец, освободившись от разломанной палицы, снес ему купол. А воины, лишившись командира, кинулись врассыпную спасать свои жизни.

Когда Цзинь вернулся с победой, закатали пир. Командующий Ван не скрыл, что заранее вычислил исход битвы, призвав на помощь разум и чувство справедливости:

– Генерал Цзинь ростом невысок, статью не вышел – ясно, что противник будет презирать коротышку. Посему, исходя из военной стратегии Сунь-цзы, гласящей, что зазнавшийся воин проигрывает, презирающий врага гибнет, я предвидел победу славного Цзиня.

По окончании празднества Саньбао наградил генерала Цзиня серебряной пайцзой^[135], положенной посланцам особого назначения, и отрезами шелка и атласа. Награды получили и все участвовавшие в операции генералы и старшие офицеры.

Меж тем принц составил план уничтожения флота Южной династии: выйти в море ночью на полтыще джонок, груженных зажигательными стрелами, самопалами и порохом, и, дождавшись благоприятного ветра, подпалить корабли противника. Однако Государев советник и Небесный наставник предупредили командующих

о неблагоприятных предзнаменованиях, указующих на возгорание большого огня на воде, и те подготовились.

На зов Небесного наставника явились Божества ветра и дождя. Сначала, опустившись на колени, представились четверо богов ветра: в третьей луне – птичий^[136], в пятой – прохладный^[137], в восьмой – сквозняк под стрехой и в двенадцатой – зимний винный. Небесный наставник рассмеялся – он знал три первых ветра-пассата:

– А что значит винный?

– Вином прогоняют холод: выпьют пару чарок и согреются, – толковал бог ветра.

Небесный наставник заметил:

– Не счесть, сколько тех, кого винный ветерок согревает. Ну да ладно!

И приказал всем четверым нынче ночью быть наизготове:

– Как настанет подходящий момент, я вас призову.

Следующими представились четверо богов дождей. Небесный наставник и их попросил начать действовать по сигналу, коим служило позвякивание таблички для заклинаний^[138]. Как только местные джонки обрушили на китайские корабли шквал огня, по сигналу Небесного наставника боги ветров перебросили пламя на джонки, а боги дождя вызвали ливень, загасивший огонь на кораблях флотилии.

Делать нечего, пришлось джонкам повернуть назад. По возвращении обнаружилось, что семь из них сгорело, а восемь разбилось о волны.

И всё же Государев советник посоветовал принять особые меры предосторожности. Адмирал приказал командирам пяти эскадр и четырех дивизий держать войско в круглосуточной боеготовности. Он отдал команду двум сотникам левого и правого дозоров возглавить каждому по пятьдесят судов и патрулировать водное пространство, а чуть что – мигом докладывать. Адмирал также дал распоряжение двум опытным офицерам, в свое время охранявшим реки и переправу через Янцзы и Хуайхэ в районе Нанкина, взяв каждому по полторы сотни джонок с полутора сотней моряков в каждой, углубиться в гавань на расстояние не менее двадцати *ли* и расположиться в форме двух изогнутых рогов, установив таким образом морское заграждение от возможного нападения княжеского сына с моря. А еще приказал командиру правого авангарда Лю Иню вместе с Ван Ляном во главе трех тысяч отборных воинов атаковать сухопутную заставу и закрепиться там, постоянно взаимодействуя с таким же мощным отрядом во главе с командиром левого авангарда Чжан Бо. Получив приказ, офицеры заняли позиции.

И вот уже во дворец князя поступают сообщения: два командира Южной династии во главе несметного числа воинов, словно железным обручем, сжали заставу с суши. Другой ординарец сообщил, что к

водным воротам^[139] на востоке от заставы приближается бесчисленное количество боевых кораблей противника, а ворота эти не охраняются.

Принц не растерялся:

– Действовать как лекарь: не торопясь лечить истоки болезни, но спешно исцелять внешние ее проявления. Также надобно поступить нынче с врагом. Позиция китайских судов у водных ворот не допускает их быстрого маневра, поэтому нам можно не суетиться. Зато у сухопутной заставы отряды Южной династии собраны в кулак и стремительны, тут наше промедление опасно. Посему приказываю двум морским атаманам, Хамичи и Шамока, каждому на ста джонках защищать вход в гавань через морские ворота, но пока укрыться за ними и не высовываться. Воины Южной династии сами истощат свои силы – применим тактику «заняв выжидательную позицию, выматывать врага». Пусть даже у них вырастут крылья – им не перелететь через наши заграждения. А мы тем временем вступим в решающую схватку с сухопутным противником.

Хамичи и Шамока погрузили на джонки свои отряды и наглухо перекрыли вход в морскую бухту.

Бои у заставы были ожесточенными, стрела Ван Ляна выбила глаз одному из генералов – князеву зятю по имени Халих.

Однако Халих и не думал сдаваться: «Ну, что же, в сухопутном бою противник оказалось удачлив. Как только сии радостные вести достигнут его морской обороны, там ослабят бдительность. Тут-то мы и прикажем обоим командирам наших морских отрядов, кои сейчас перекрывают вход в гавань, внезапно атаковать китайские суда».

На следующий день по сигналу рожков водные ворота распахнулись, туземные джонки вышли из гавани и выстроились чудовищной гидрой^[140], преграждая китайским кораблям подходы к берегу.

– Эй, вы, варвары из Южной династии, – заорал один из местных командиров, стоя на носу джонки. – Как смеете стоять у нас на пути?

Он был уверен, что китайские суда не подготовились к нападению. Откуда ему знать, что сотни дозорных подразделений уже доложили в ставку Южной династии о приближении противника, да еще прибавили: «Вызывают на бой в форме дерзкой и оскорбительной!» Командиры в чине *бацзун* – Яо и Лян – отдали приказ выстроить суда в боевом порядке и провести перекличку командам. При этом офицер Лян заметил:

– У туземцев хорошие навыки ведения морского боя.

Его напарник Яо не согласился:

– Когда они выстроили джонки в боевые позиции, то голова и хвост оказались на огромном расстоянии друг от друга, что сильно затрудняет их взаимодействие.

Лян возразил, что вряд ли стоит недооценивать сие древнее боевое построение:

– Наша задача его поломать. Как? А вот так: ты со своим отрядом атакуешь головную диспозицию, я – хвост. Покажем им, что голова не способна защитить хвост, а хвост не в силах помочь голове. А нашим сотникам с их отборными отрядами прикажем ударить по центру. Получив такие повреждения, змея вряд ли выскользнет.

– Дельная мысль, – откликнулся Яо.

Тут же отдали приказ сотникам обоих дозоров двинуть джонки. По сигналу пушечного залпа и троекратной барабанной дробы все суда одновременно начали наступление.

Бой был в разгаре, когда одному из сотников – Лю Ину, человеку сметливому и толковому, – нежданно пришел в голову превосходный план. Он дал команду двадцати пяти дозорным судам выйти на открытое место и созвать с кораблей всех умеющих плавать моряков. Откликнулось не менее двух с половиной сотен. Каждому выдали по паре связок тростниковых или бамбуковых стеблей и приказали незаметно подплыть к местным джонкам и воткнуть пучки в руль каждой из них. Сказано – сделано. Даже сами китайские моряки не сообразили, зачем это, – где уж здешним воинам догадаться?!

Вот прозвучал сигнальный залп, и двадцать пять боевых кораблей встали поперек линии противника. В ход пошли не мечи и копья, не грабли и дубины, а зажигательные стрелы, огненные трубы-самопалы и пушки. Не успели отгреметь выстрелы, как по очередному сигналу еще двадцать пять китайских кораблей заслонили путь местным джонкам и обрушили на них огонь. Командиры Яо и Лян, видя, что джонки в центре построения противника загорелись, приказали расстрелять хвост и голову «гидры». Куда ни глянь – со всех сторон китайские суда мчатся по воде, как на крыльях. Туземцы, не выдержав натиска, приняли решение отходить – но что это? Пытаются двинуть руль вправо – он ни с места, дергают влево – не двигается. Рулевые аж ногами их пинают и вопят: «Лихо! Ой, лихо!» Не выдержав, один из местных командиров сгоряча пырнул ножом рулевого, потом еще одного, а третий взмолился:

– Сжальтесь! Понапрасну нас убиваете! Не наша вина в том, что рули ни с того, ни с сего заклинило!

Командир сам попробовал крутануть руль – тот и вправду не двинулся.

– Ох-ох-ох! – возопил он. – Это буддийский и даосский монахи с китайских кораблей своими страшными заклинаниями заколдовали наши джонки!

Обернувшись, он увидел, что к ним медленно, но неотвратно приближаются китайские корабли. Впереди на небольшом суденышке, на расстоянии не более трех *чжан*, стоял сотник Лю – вот он вытащил копье и одним прыжком оказался на борту джонки. Туземный командир понял, что с таким противником ему не справиться, и решил схорониться в трюме, но копье Лю пронзило его левую ногу, и он

рухнул на палубу. Вдохновленные сим геройским поступком, командиры Яо и Лян тоже запрыгнули на палубу джонки и взяли в плен поверженного супостата. Второй туземный командир пришел в смятение: продолжать бой – силы не равны, повернуть джонку назад – руль не позволяет. В полной растерянности он бросился к борту, готовый прыгнуть в воду, но Яо с криком «Куда, пес чужеземный?» нагнал его, выхватил меч и разрубил пополам. Остальные местные воины уже не оказывали сопротивления: кого пленили, кого прикончили на месте, сколько всего – и не сосчитать, не многим удалось скрыться в воде и доплыть до берега. Вот это подвиг так подвиг – одного вражеского командира поймали, другого уничтожили, захватили три сотни джонок, и это не считая убитых и полоненных рядовых воинов!

Сказывают, что сотник Чжан Гай – тот, чьи суда стояли поперек туловища гидры, – заботясь о взаимодействии с другими отрядами, отправил лодку к водным вратам разузнать, как обстоят дела. Вернувшись, те доложили о подвиге Лю Ина, и Чжан приуныл: «Мы с ним в одном чине, оба несли дозор. И вот он совершил геройское деяние, а я остался ни с чем. Как покажусь на глаза военачальникам?» Он немедленно приказал двум с половиной сотням своих бойцов устроить засаду в зарослях на берегу, выловить тех воинов разбитой местной армии, кои пытались выбраться на сушу, и переправить всех в ставку.

Командиров, доставивших пленных, главнокомандующий на радостях велел щедро наградить. Больше всего, конечно, досталось Лю Ину. Засим адмирал приказал отрубить голову морскому атаману и выставить на шесте с надписью: «Такое наказание ждет всякого, кто осмелится оказать сопротивление». Саньбао приказал так же поступить с остальными пленниками. Командующий Ван попросил позволения высказать свое мнение:

– Все эти местные олухи – что скотина неразумная, они не стоят официальной казни. Вот местный владыка, принц, военачальник – они действительно те, кто сознательно оказал сопротивление. А эти воины лишь выполняли приказ, не смея ослушаться. Сжальтесь, к чему убивать безвинных! Лучше их отпустить, пусть донесут молву об этом до своего повелителя. Может, сие его образумит, и он покорится. Милосердие – в любви ко всему живому, одинаково рожденному меж небом и землей: сего достаточно, дабы явить миру мощь Китая. Что думает об этом почтеннейший господин?

– Справедливо! – согласно закивал Саньбао. И обратился к пленным: – Памятуя о том, что все вы живые существа, у меня рука не поднимется лишить вас жизни. Доложите о случившемся своему повелителю и убедите незамедлительно покориться. Нынче я вас отпускаю. Вы хоть понимаете – это всё одно, что предоставить вам ссуду без залога?

Со слезами на глазах пленники пали ниц и принялись отбивать земные поклоны:

– Все мы достойны смерти, а высокочтимый господин даровал нам жизнь. Впредь будем почитать его, как дети и внуки почитают предков.

Они пообещали передать правителю сказанное командующим слово в слово и добавили:

– А уж коли владыка не прислушается и двинет войско против Звездного батюшки, мы скорей покончим с собой, чем повернем против вас оружие. Нет того, чего бы мы не свершили в стремлении отплатить за милость вашу!

Командующий приказал угостить каждого из них кубком вина, дабы успокоить после пережитого, а затем пленники поспешили восвояси.

Представ пред правителем, воины рассказали, как адмирал чужеземной флотилии пожелал их казнить, а другой командир по фамилии Ван заступился, как их угощали вином, отпустили и что велели передать князю. Тот молча их выслушал, обдумывая необходимость капитуляции. А принц вскочил и заорал:

– Пустая болтовня! Ах вы, псы недобитые! Вчера не хватило отваги стоять до конца, а нынче не смогли достойно умереть за свою страну! Бежали, как трусы! Да вы заслуживаете десяти тысяч смертей! Как смеете здесь языком трепать и речи этих южан проповедовать!

– Они верно говорят. Что ты на них накинулся? – отрезал князь.

– Государь-батюшка, вы не знаете коварных вояк из Южной династии! Наши людишки повелись на подкуп. Как можно принять такие условия?! Это не более чем хитрый расчет – они сладкими речами охмурили сих псов недобитых, опоили вином да вкусно накормили, дабы те набрехали нам тут, сколь милостив их военачальник. Коли мы так легко сдадимся, неужто не выставим себя на посмешище перед соседними странами?! Кроме того, при той ненависти, кою пришлецы к нам питают, думаете, они так легко отступят?

Последний довод глубоко проник в душу князя: опасность того, что южане не оставят их в покое, сильно его напугала. Он вынужден был согласиться с доводами сына.

Вышедшее на следующий день на поле боя местное войско было свирепо, кровожадно и не считало армию Южной династии достойным противником.

Завязался жаркий бой, принц был ранен стрелой в плечо. На следующий день вместе с принцем в бой ринулся теперь уже одноглазый военачальник генерал Халих. Первым навстречу ему примчался юцзи Ма Драконоподобный, затем подоспела помощь в лице еще нескольких командиров разного ранга.

Четверо китайских офицеров окружили Халиха плотным кольцом: каждый рвется первым захватить туземного военачальника. Тот заметался в ужасе, да только в этот момент послышался звук рожка, и из лагеря златоглазых вылетели три зажигательные стрелы – одна

попала в шлем стражника Чжэн Тана, завязки шлема загорелись, и оттуда потянулась струйка дыма; еще одна стрела вонзилась в латы стражника Те Лэна, и вот уже огнем занялись его нарукавники; третья стрела попала в спину *юцзи* Ху Инфэну и подпалила медный защитный панцирь.

Кто же так ловко сработал? Оказывается, это был план, придуманный принцем: Халих выезжает на бой первым, а принц, затесавшись в толпу воинов, тайком выпускает стрелы, ведь при таком раскладе никому из воинов Южной династии не придет в голову обороняться! Ма Драконоподобный тут же отдал приказ тушить полымя. Пострадавшие сбросили шлем, нарукавники и защитный панцирь, загасили огонь и, собрав доспехи, вернулись в лагерь. Командующий был взбешен поражением:

– В древней школе военной философии говорилось, что исход сражения определяется верной оценкой силы и слабости противника. Ежели вы не сумели этого сделать, какие вы командиры?!

Вице-адмирал Ван заступился:

– Откуда им знать принципы поведения древних? Военачальник высшего ранга обязан то ослабить, то натянуть тетиву, сочетать мягкость с твердостью. Сами по себе растяжение и сжатие незаметны, движение и покой не имеют определенной направленности. Как сказано в древних канонах, использовать ошибившихся эффективнее, чем успешных, или можно так сказать – за одного битого двух небитых дают, ибо первые стремятся искупить вину.

Красноречие Вана глубоко впечатлило Саньбао, и он смягчился.

На другое утро на поле боя поскакал Тан Ин вместе с супругой Хуан Фэнсянь.

Их отряд расположился на трех дорогах, ведущих к заставе. На сей раз они обрушили на противника удары огненных труб, огненных стрел и пушек. Обстрел заставил княжеского сынка с отрядом спрятаться за воротами заставы.

Тан Ин принял решение: «Не ожесточишь сердце – не добьешь врага». И приказал воинам установить у стен заставы сяньянские камнеметы и бить по воротам, пока не разнесут их. Кругом всё заволело дымом и пламенем.

Князь, увидев эту картину, запричитал:

– Беда! Беда! Разнесли врата, куда деваться?

Местный командир велел своим солдатам таскать кирпичи и возить воду. Вскоре им удалось заделать проемы в стене, огонь стал мало-помалу стихать. И хотя на этот раз армия Южной династии не вошла в город, но ворота были разбиты.

На другое утро, прискакав к заставе и расставив отряд в боевом порядке, Тан Ин объявил супруге, что нынче не имеет смысла поливать противника огнем:

– Уповаю на то, что они поняли, на что мы способны, и готовы смириться.

Как вдруг он с удивлением обнаружил, что городские ворота сверкают, как новенькие. Они распахнулись, из них выехали принц, а за ним и князев зятек Халих. Завидев Тана в полном боевом облачении и величии, принц был слегка напуган, но бодро выкрикнул:

– Ежели ты воистину военачальник Южной династии, предлагаю сойтись в схватке один на один и посмотреть, кто чего стоит.

Принц предложил состязание в стрельбе из лука с коня. «Да, – подумал Тан, – у этого чужеземца явно недобрые намерения. Снова мечтает тайно выпустить в меня зажигательные стрелы. Ну что же, обратим против врага его собственный план – ответ будет жестоким и безжалостным. Пусть узнает, чего я стою».

Сговорились на том, что сначала каждый выпускает по три стрелы поочередно, а затем одновременно. В случае ничьей обе стороны отводят войска, а назавтра возобновляют сражение, а уж тогда побежденный сдается на милость победителя. Однако ни поочередное, ни одновременное метание стрел не принесло победу ни одной из сторон.

Тогда Тан Ин предложил принцу провести подобное состязание с храброй командиршей. Мысль о том, что какая-то женщина способна отличиться в военном искусстве, и насмешила, и рассердила принца: известно, что добиться порядка можно только при условии, коли чиновники будут успокаивать Поднебесную кистью, а военачальники устанавливать мир мечом. С древности сказано: вступая в бой, солдат сражается с солдатом, генерал с генералом.

– Он что, считает меня столь ничтожным, что выставляет супротив бабу? – возмутился принц и от злости долго слова не мог вымолвить.

Тем временем Хуан Фэнсянь – а это была она – громко выкрикнула:

– Что молчишь, пес чужеземный? Женщин презираешь? А тебе известно, что Нюйва плавил камни и залатала небосвод^[141], а Мулань храбро воевала вместо отца?

Состязание началось. Попеременная стрельба из лука не выявила преимущество ни одной из сторон. Настало время одновременной стрельбы.

И вдруг Хуан огорошила новым предложением:

– При стрельбе лицом к лицу трудно оценить навыки противника – давай попробуем стрелять, повернувшись друг к другу спиной.

Принц опешил:

– Даже стоя лицом друг к другу, и то можно промахнуться, а уж ежели встать спиной к спине, и вовсе успеха не видать. – И попробовал отговориться: – У нас в Западном океане есть такая традиция: при встрече люди, глядя друг на друга, выражают уважение, а повернувшись спиной – пренебрежение.

– А у нас в Китае иные нравы. Ежели на боевых позициях стоишь лицом к противнику – показываешь слабость, ежели спиной – силу, – с ходу придумала Хуан.

– Нравы везде разные – как быть? – тщился увернуться принц.

– Пусть каждый следует своей традиции, кто попадет – тот и победит.

– А ежели я попаду тебе в спину, разве это не будет считаться предательским выпадом?

– Стреляй, как привык, и ладно.

– Начинай!

– Нет, на сей раз ты первый.

– Премного благодарен, – ответил принц и тут же выпустил первую стрелу.

Хуан повернулась спиной к противнику и тоже выпустила стрелу. Стрелы столкнулись в воздухе наконечниками и упали на землю. Из глоток воинов обоих отрядов вырвался истошный вопль. Не успел он смолкнуть, как каждый из противников выпустил еще по одной стреле, кои снова столкнулись в воздухе и снова рухнули на землю. Воины опять завопили, и тут противники выпустили по третьей стреле. Стрелы полетели одна против другой, однако неожиданно стрела воительницы пробила латы принца. Как такое могло случиться? Секрет в том, что Хуан, и всегда-то стрелявшая ловко и сноровисто, на расстоянии ста шагов способная пронзить лист тополя, на сей раз успела пустить сразу две стрелы: одну обычную – она-то и столкнулась с вражеской, – а еще и вторую, из тончайшей стали, по виду напоминавшую тайную стрелу, что выпускают из рукава с помощью трубки с пружиной. Эта стрела и вонзилась в левое плечо принца, – точнехонько туда, где еще не зажила рана от прежнего ранения. Принц почувствовал, как ноги размякли, голова отяжелела, и он, словно подкошенный, рухнул с лошади. Китайские воины рванулись вперед – каждый мечтал схватить его живьем. Путь им преградил Халих, отчаянно размахивающий своим мечом с изображением головы демона на рукояти, и так ему удалось затащить принца за ворота заставы.

Несколько дней принц лечился, и, как только рана зажила, вновь, сгорая от ненависти, преисполнился решимости вступить в последнюю смертельную схватку.

– Государь-батюшка, – ответил он на увещевания князя воздержаться от побоища, – поймите, я сижу верхом на мчащемся тигре и не волен ничего изменить.

Поразмыслив, принц решил, что именно ночной бой поможет ему удержать позиции и победить. Он пояснил эту мысль Халиху:

– Я был несколько раз ранен, и командиры Южной династии наверняка уверены, что теперь я и днем не способен вести бой, не то что ночью. Они не станут принимать мер предосторожности, тем более в такую ветреную погоду.

Принц предложил Халиху вместе с отрядами выйти в море и совершить дерзкое нападение на морское заграждение из китайских судов: нагрузить три сотни джонок хворостом с тростником и поджечь, преградив кораблям Южной династии выход из гавани в открытое море. Первыми выступили принц и Халих, каждый во главе полусотни джонок, за ними восемь командиров вели по двадцать пять джонок каждый. Выстроились двумя линиями, подобно двум крылам птицы либо парным лопастям хвостового рыбьего плавника. Стали дожидаться темноты.

А в это время адмирал собрал военный совет, где каждый изложил свой план. Командующий Ван подытожил:

– Еще в старину было сказано, что на парадный халат на лисьем меху не достанет шкурки одной лисы; идеальный план вбирает в себя не одну прекрасную задумку. Нынче нам предстоит встреча с опасным противником – не лучше ли объединить все суждения в единый замысел?

И отдал команду о расстановке сил на воде и на суше.

Сказывают, что к вечеру первым в море вышел на десяти небольших джонках разведывательный дозор *юцзи* Хуана Добродетельного. Уже спустив лодки на воду, он обеспокоился: а ну как предоставит командующему недостоверные сведения – это ли не нарушение приказа? Но ежели всё время носиться по воде, то всплески могут достичь слуха противника – так он выдаст присутствие китайских суденышек, и супостат успеет подготовиться к отражению атаки. И тут ему в голову пришла хитрая мысль: «В море на воду садится множество белых лебедей – а что ежели я замаскирую наши лодчонки под лебедей? Противник ни о чем не догадается, не примет мер предосторожности, а мы соберем точные сведения». Сказано – сделано: он тут же приказал морякам принести побольше белой ткани, спустить мачты и с помощью парусных канатов прочно окутать тканью каждую лодку, да так, чтобы ее нос выглядел как лебединая шея, а корма – как хвост птицы. И вот уже лебеди-джонки вольно покачиваются на воде, а под белым пологом спрятались воины – ушки на макушке, глаза острые, всё видят, всё слышат, ждут появления противника.

Тем временем принц и Халих ранним вечером в сопровождении трехсот джонок с тремя тысячами матросов вышли из морских ворот в открытое море. Принц решил выслать вперед разведывательную шлюпку. Халих согласился и приказал двум десяткам воинов приблизиться на шлюпке к китайским кораблям. По возвращении те доложили, что на кораблях – ни звука, ни шороха, не видно никаких приготовлений к бою, вот только на воде, будто что вынюхивая, снуют взад-вперед несколько десятков огромных лебедей.

– Что за лебеди? – встревожился Халих.

– На военном марше ничему не радуйся и не удивляйся, – возразил принц.

И джонки ринулись в бой. Не успели они пройти и пары десятков *ли*, как водную гладь окутал густой туман, и вот уже всё неразличимо вокруг. Ветер с суши усилился, не давая возможности подойти вплотную к береговым заграждениям китайцев. И тут туземцы заметили, что огромные белые лебеди скользят по воде туда-сюда не просто так, а словно с какой-то им одним известной целью. В это время туземные джонки уже почти приблизились к морской заставе Южной династии и собрались действовать, но лебеди оказались тут как тут и напористо направлялись прямо на них. Принц возмущенно завопил: «Где мой арбалет^[142]?»

Он натянул тетиву, послал пульку, и она попала прямо в спину одному из лебедей, и вдруг откуда-то из его чрева послышался сигнал соны^[143].

Ил. 9. Сона – «китайская зурна»

Что за сигнал во чреве птицы? А дело в том, что лебедем-то была разведывательная лодка командира Хуана, и как только туда попала пулька, командир немедленно подал сигнал к бою. И тут из-за морской заставы грянул пушечный залп. Не успел он смолкнуть, как с кораблей Южной династии словно взметнулось пламя, озарив всё вокруг, как днем. С левого и правого флангов по полсотни боевых кораблей дождем обрушили на туземные джонки копья, стрелы и огонь из пищалей. Принцу стало ясно, что обстановка ему не благоприятствует,

и он приказал отряду вернуться в гавань. Но корабли Южной династии продолжали теснить джонки с двух флангов, возвышаясь над ними громадными горными уступами. Как тут устоять? Джонки на полной скорости помчались в сторону гавани.

Однако стоило им к ней приблизиться, как послышался мелодичный звук рожка, словно лебединый клич, – и тотчас у восточного и западного входов в гавань появилось по полсотни китайских боевых кораблей, с коих в противника полетели зажигательные стрелы и пушечные ядра вместе с пакетами серы и селитры. Джонки воспламенились и остановились. Их железным обручем охватили китайские корабли, пожар усиливался. В это время в гущу боя врезались дозорные суда командира Лю Благородного и начали пальбу из легких пушечек «сын и мать»^[144].

А тут еще Небесный наставник с помощью жертвоприношений и молитв усиливал ветер. И вот уже из каждого десятка местных джонок три-четыре сгорели дотла, треть из тех, что попытались уйти в открытое море, утонула, а тем немногим, что уцелели, негде было укрыться.

Принц приказал всем умеющим плавать спасаться на берегу. И в этот самый момент раздался троекратный ружейный залп, и тут же по обоим берегам бухты зазвучали оглушительные воинственные кличи. От огненных столбов стало светло, как днем, и видно, что со всех четырех дорог на удиравших туземцев надвигаются конные отряды китайского войска. Во главе каждого – командиры, вооруженные кто кривой саблей, кто тридцатизвенной гибкой металлической плетью^[145], кто алебардой, а кто и «заглатывающей облака и тучи» булавой червонного золота. Как в таком случае отважиться выбраться на берег?

Принц глянул – кругом огонь, вода окрасилась алым, забулрила-закипела. Он остался один-одинешенек и понял, что нет ему спасения: гонца за поддержкой не пошлешь; на берег не выбраться – там вражеская конница; утопиться – не хочется безвинно погибнуть; сдаться врагу – подобного унижения не стерпеть. В сей миг тяжких метаний духа он увидел, что на поверхности воды покачивается маленькая пустая лодчонка – без паруса, без мачты, без весел и якорного каната. Он решил, что лодочка наверняка из тех, что привязывают к корме больших кораблей: «Пожалуй, самое лучшее сейчас – спрятаться в ней и плыть по течению». Как сказано, был бы над озерами ясный серп луны, а уж твоему мечу-серпу найдется применение.^[146] И, ухватившись за борт, он запрыгнул в лодку. В тот же миг на него со всех сторон, как снег, посыпались мечи, копья, крюки и грабли. Это ловушка, понял принц. И, выхватив меч, одним ударом отсек себе голову.

Ил. 15. Шуангоу – парные боевые крюки

Китайские матросы передали голову командиру Чэню – эта лодка и была его хитроумной задумкой. Победа оказалась почти полной: от вражеских судов и всего войска остался один пепел, да вот только нигде не было видно княжеского зятка – генерала Халиха. Лишь на следующее утро командир Хуан Бяо швырнул его тело к ногам адмирала. Он рассказал, что потрясенный разгромом войска и гибелью принца, Халих бросился в морскую пучину, но перед тем обратился к своим воинам:

– Отправляйтесь к государю и скажите ему, что ежели он хочет отомстить, негоже отправляться в бой с пустыми руками. Недалеко отсюда есть гора Хунло^[147] – Алый шелк, где обитает троица знаменитых святых по имени Златорогий, Сребророгий и Оленья Шкура. Все они глубоко постигли сокровенное учение, владеют способностью к бесчисленным превращениям. Они известны как живые небожители среди людей и, возможно, благопоспешают нам.

Саньбао воскликнул:

– Принц погиб, как почтительный сын, Халих отдал жизнь, как верный министр. Удивительно, что в сей варварской стране есть столь достойные мужи! Хотя, конечно, в нашем великом Китае благородные мужи никак им не уступят.

Адмирал приказал похоронить все головы в одной могиле со всеми почестями, присущими высшим сановникам государства, а затем установить над захоронением каменную стелу и высечь на ней: «Могилка верных и преданных мужей Царства златоглазых в Западном океане».

Сказывают, что, когда князю доложили о гибели сына и зятя, он впал в отчаяние и приказал немедля отправить гонца за тремя великими святыми.

Его поддержал один из приближенных – его-то князь и решил послать гонцом. Вельможа попросил князя лично начертать верительную грамоту, дабы выразить почтение и благоговение перед святыми старцами: «Прodelаю все три церемонии не хуже, чем при сговоре невесты^[148]. А еще желательно вручить им шелка в качестве дара и выполнить церемонию особо уважительного троекратного приглашения, как обычно при отправке послов в другие страны. Тогда, пожалуй, можно рассчитывать на согласие святых спуститься на нашу грешную землю».

Князь согласился:

– Верно, иначе они останутся недовольны непочтительностью, и нам придется, как говорится, утолить голод нарисованной лепешкой.

Перед тем, как отправиться в путь, гонец еще присоветовал князю:

– Безопасность заставы столь важна, что желательно заготовить деревянные брусья и каменные ядра для сбрасывания с ворот на противника. Быть наизготове, но не вступать в бой с войском Южной династии. Не менее важна и морская застава, для ее охраны надобно отправить побольше джонок, но не предпринимать никаких действий по собственной инициативе.

Добравшись до горы Хунло, гонец нашел пещеру небожителей и вручил им верительную грамоту. Старцы внимательно ее прочли, но дары не приняли и поначалу вовсе отказались спуститься с гор:

– Мы, братья монахи, ведем вольный образ жизни, бежали от дел и славы. Нам ли на склоне лет познавать воинское искусство и методы управления государством? Неужто господину незнакомо высказывание нашего философа древности о том, что познавший *Дао* «...гуманный государь, владея большим государством, в состоянии служить малому государству. ...только умный государь, владея малым государством, в состоянии служить большому государству»^[149]? Ваша страна пострадала от военного вторжения, но вам следовало бы изначально соразмерять действия с вашими силами. С какой стати мы станем вмешиваться в схватку?

Однако слезные мольбы гонца были столь искренни и убедительны, что тронули сердца старцев беззаветной преданностью стране. Расчувствовавшись, они даже согласились принять дары.

Сказывают, что трое небожителей собрали в дорогу всё необходимое и подготовили каждый свои средства передвижения. Что сие значит? Златорогий даос отправился в путь на златошерстом пекинесе, Сребророгий – на яшмоволикой цивете^[150], а Оленья шкура – на зебре.

И вот, подгоняемые ветром, они в мгновение ока достигли Царства златоглазых и спустились с облаков прямо к заставе.

Князь принял старцев с почетом и устроил в их честь пир. Вино лилось рекой, хозяин и гости пребывали в согласии. Князь созвал музыкантов и певичек, зазвучали мелодии и песнопения. Девицы,

обольстительные как оборотни, танцевали парами, предлагали старцам вино, но те попросили прогнать певичек. Тогда князь пригласил ученых сановников, кои почтительно раскланявшись, повели с гостями беседу. Затем князь призвал воителей, и те продемонстрировали разные виды боевых искусств – и метание копья, и жонглирование мечами, и выпады ногами, и бокс.

Меж тем и старцы стали расписывать владыке свое могущество.

Сказывают, что Златорогий встал из-за праздничного стола и предложил показать свою волшбу прямо у ступеней княжеского трона:

– Вы уж не пугайтесь!

– Извольте, с удовольствием поучусь, – уважительно молвил князь.

Златорогий приблизился к трону, перекувырнулся, сдернул с головы головной убор с девятью драконами, сбросил халат с семью звездами Ковша Медведицы, выхватил меч и, поднеся к своей шее, молниеносным движением отсек голову. Затем взял меч в левую руку, голову в правую и подбросил ее высоко в поднебесье. Голова неспешно парила в воздухе, словно птица, высматривающая добычу, а тело тем временем так и оставалось недвижимо. Миг – и голова стремительно упала вниз, точнехонько на то место, где ей и полагалось быть, ни на капельку не сдвинулась! Златорогий восторженно вскрикнул, вновь перекувырнулся, и вот он уже как ни в чем не бывало стоит в той же шапке и в том же семизвездном халате.

– Как полагаете, князь, – обратился он к владыке, – смогу я подобными приемами одолеть Цзинь Бифэна и праведника Чжана?

– Недостоин! Недостоин! – восхитился князь. – Да вы поистине святой чудотворец! Теперь я могу спать спокойно и не страшиться более воинов Южной династии.

Затем Сребророгий взмыл вверх с помощью приема ушу «взлетающая нога», сорвал с себя даосскую головную повязку и выхватил какое-то странное оружие – три цуня шириной, два чи длиной, кривое не кривое, прямое не прямое, а скорее серповидное.

Подбросил его ввысь и скомандовал: «Превратись!» И вот уже в воздухе со свистом проносятся десятки, сотни летающих мечей. Внезапно все они воткнулись в тело небожителя, и он стал походить на Гору мечей в буддийском аду. Старец встряхнулся, и ножи тотчас попадали на землю, не оставив на теле ни единого шрама.

– Сие оружие бесконечно изменчиво, способно превращаться во всё, чего ни пожелаете, и все эти предметы будут вам служить. Посему оно и называется «серп желаний»^[151].

Олений рог продемонстрировал свой талисман – зонт, который по его команде поднялся ввысь и вмиг заслонил небо, а затем стремительно понесся к земле и накрыл собой всех гражданских и военных сановников и даже государевых охранников. Но вот маг дунул, ветерок поднял зонт в воздух, а все сановники и охранники на белых облачках потихоньку по одному стали опускаться на землю. Тем

временем шнырявшие за воротами дворца китайские лазутчики сообщили на флагманский корабль о появлении трех святых старцев с горы Хунло.

Померяться с ними силами вызвались трое командиров Южной династии – все они тверды духом и непреклонны, им не страшны ни меч да пила, ни котел, раскаленный добела^[152].

На другой день – всяк со своим оружием и с отрядом всадников – командиры прискакали на покрытый дерном склон горы и увидели у заставы тьму вражеских воинов, а впереди – троицу святых старцев: один грозен и суров, остальные – свирепы и кровожадны. Командиры с боем пробились к заставе, как вдруг из вражеского стана повеял ветерок, и в ноздри ударил странный сладковатый запах. Глядь – трое святых на белых облачках медленно и плавно поднимаются ввысь, и вот уже их не видать, а вскоре и облачка исчезли из виду. Так и случилось, что на страже заставы не оставалось местных военачальников, все полагались на могущество святых старцев, а те улетели. Страна оказалась без хозяина: и войско, и население – все сбежали, как крысы, какой уж там отпор! Трое командиров Южной династии, не встретив сопротивления, ворвались внутрь заставы и помчались ко дворцу князя.

Сказывают, что как только дозорный доложил в ставку о прорыве командиров Южной династии за ворота заставы, оба командующих, опасаясь, как бы эти воины не оказались отрезаны от остальных боевых частей, немедленно отдали несколько важных приказов: двум отрядам во главе с *юцзи* Ма Драконоподобным и Ху Инфэном – войти в город через южные и северные ворота; командирам двух эскадр – прорваться через заставу и осуществлять постоянное взаимодействие с прочими частями; двум командующим военно-морскими силами во главе пятидесяти военных кораблей с пятью сотнями моряков – проникнуть в гавань через морские ворота.

Когда во дворце услышали доносящиеся со всех сторон шум и конское ржанье, князь онемел от ужаса и спрятался в задних покоях. Ворвавшиеся на территорию дворца китайские генералы стали требовать от приближенных привести князя, но те лишь молча кивали друг на друга. Наконец командир княжеской охраны пообещал немедленно разыскать владыку для подписания капитуляционной грамоты и вручения дани. Пока офицеры Южной династии раздумывали, как быть, был получен приказ Саньбао: отвести войска и дать правителю возможность исправить ошибки. В приказе запрещалось бесчинствовать, творить безрассудные расправы, грабить людей и растаскивать имущество. Отрядам ничего не оставалось, как вернуться в лагерь.

Сказывают, что напуганный князь вышел к своим приближенным и признался, сколь горячо он раскаивается в том, что изначально не прислушался к словам главного советника и отправил того в тюрьму.

Владыка приказал немедля доставить сановника во дворец. Как только того привели, правитель заявил:

- В нынешней ситуации мы готовы выслушать предложения почтенного вельможи.

- Ежели Китай подчиняет себе варваров, то варвары служат Китаю – на сегодня ситуация такова, и ничего другого не придумать. Выхода нет, придется покориться.

- А как положено капитулировать?

- Полагаю, по образцу древних – обнажить торс и принести с собой терновую палку для наказания, принять кару со связанными за спиной руками и яшмой во рту^[153]. Потом надобно составить вассальную грамоту и акт о капитуляции, вручить дары местной земли.

- Ну, коли так, приступайте.

Как только всё было подготовлено, князь и группа приближенных явились на флагманский корабль и предстали перед командующим с обнаженными торсами, готовые понести любое наказание. Саньбао объявил:

- Ежели государство, полагаясь на неприступность местности, не покоряется, его следует строго наказать. Я с готовностью соглашаюсь пощадить вас лишь потому, что в вашей стране есть верные сыновья и преданные министры. А вы что же, решили, что мы такие простачки? – И добавил: – Прошу встать.

Поднявшись с колен, князь и свита проделали положенные церемонии, после чего правитель передал грамоту, акт и дары. Адмирал изрек:

- В трудную годину сии небольшие дары не столь важны. Главное, чтобы вы усвоили различие между китайцами и варварами. Китай – это и господин, и отец, а варвары – его подданные, его дети. Где это видано, чтобы подданные и дети смели ослушаться государя и отца? Китай – это голова, на ней шапка, а варвары – ноги, на них обувь. Где это видано, чтобы ноги задирали выше головы, а обувь напяливали на голову?

Князь вместе с обоими старостами снова пали на колени и стали отбивать земные поклоны, приговаривая:

- Усвоили, усвоили!

Простившись с князем и его свитой, командующий приказал сделать записи в книге подвигов, раздать награды и устроить пир. Все командиры поздравляли военачальников с победой:

- Поистине, как сказано нашим древним мудрецом, придерживающиеся законов нравственности Дэ обладают могуществом, далеко распространяется их благовеличие – именно это и есть путь к умиротворению чужеземцев.

Саньбао всё же не оставляла тревога:

– Эту страну мы благополучно миновали, но куда подевались улетевшие на облаках трое небожителей? Боюсь, нам еще придется столкнуться с их бесчинствами.

Адмирал отдал кораблям приказ к отплытию. Шли дни, пока далеко впереди не показалась гора – ее вершину окутывал густой плотный туман. Это и была гора Хунло.

От каменных ворот – бескрайний тракт,
И к синеве небес хребет приник.
Жемчужный ключ искрится в такт,
Туманным шелком опоясан горный пик.

Памятуя о том, что именно на ней обитают таинственные маги, командующий повелел кораблям держаться подальше от берега: как говориться, избежать несчастья – уже счастье.

Командующий трижды отдавал приказ миновать гору в открытом море, и трижды поднимался сильный штормовой ветер, который швырял корабли прямо к подножью прибрежных скал.

«Трех попыток довольно, – решил Саньбао. – Видно, нам не суждено двигаться дальше». Он отдал приказание командирам пяти эскадр со всеми подчиненными сойти на сушу, а командирам четырех дивизий установить морские заграждения. Командиры патрульных отрядов также высадились на берег, дабы предотвратить внезапное нападение.

Разведать обстановку отправили Ван Мина и Хуан Фэнсянь.

Сказывают, что, получив наказ, Ван Мин с травой-невидимкой в одной руке и мечом в другой долго плутал по узким кривым тропам, взбираясь по южному склону горы. Наконец увидел сводчатые каменные врата с высеченной на них надписью: «Гора Хунло. Главная обитель небожителей». Вбежал внутрь, глядит – а там еще каменные воротца и надпись: «Пещера Белых облаков». Ван Мин задумался: «Что делать? Эти ворота закрыты, спросить не у кого, а я даже не знаю, что там внутри. Придется постучать». Он поднял камень и постучал несколько раз, но никто не ответил.

В это время к воротам подошла поднимавшаяся по северному склону горы Хуан Фэнсянь. Стали гадать, кто же они, эти трое старцев, и почему не открывают ворота.

Ван Мин пожалился:

– Вход был закрыт, я стучал-стучал, никто не откликнулся.

– А чем стучал?

– Камнем.

– Да камень-то, верно, необожженный?

– Здесь дикая гора – где тут обжигать камни?

– Потому-то стук получился такой, словно сырую рыбу отбивают^[154], – они и подумали, что какой-то послушник стучит, и не стали открывать.

Хуан рассудила: «По моему скромному разумению, эта троица вовсе не принадлежит к праведным небожителям. Человек таков: ежели

внутри чего не хватает, снаружи излишне себя украшает, а ежели внутри достоинств в избытке, то ни к чему и извне попытки. Что последнее означает? „Распахнутые двери – всё равно что моя душа: в ней есть пороки, и пусть все их видят“^[155], в то время, как „ничтожный человек наедине с собой совершает недоброе, доходит до чего угодно. Увидев благородного мужа, он, таясь, скрывает свою недоброжелательность и представляется добрым“^[156]. Явно за обликом сих магов прячется зло, иначе они не запирали бы так плотно ворота».

Хуан Фэнсянь предложила хитрый план: она заберется высоко на скалу и притворится бодхисаттвой Гуаньинь, а Ван Мин стянет волосы, наденет красные наручи и будет изображать сопровождающего ее Дитяню в красном:

– Ежели святые старцы, узрев Гуаньинь, станут молиться, то их молитва многое прояснит.

И они приступили к осуществлению плана.

При виде двух святых старцы и вправду решили разузнать, что ждет их в будущем. Они подошли к подножию утеса и обратились к Гуаньинь. Первым делом они повинились в невыполнении обещания, данного владыке Царства златоглазых, – помочь местному войску:

– Зато ныне корабли Южной династии проходят мимо нашей горы, и мы наслали сильнейший морской бриз, кой прибивает их к берегу. Наша задача – захватить их военачальников и разбить флот. Тем самым мы отомстим за златоглазых, сохраним честь и достоинство всех стран Западного океана.

Закончив молитву, маги отвесили несколько десятков поклонов и удалились.

Вернувшись на корабль, Ван Мин и Хуан доложили адмиралу о намерениях старцев. Небесный наставник предложил поначалу провести несколько схваток с ними, чтобы выяснить, какой волшбой они пользуются: «А уж тогда дозвоьте мне принять решение».

Сражения китайских воинов с кудесниками следовали одно за другим. Воины Южной династии применяли и свое обычное оружие, и магические приемы. Одолеть магов, владевших талисманами и способностью к бесчисленным превращениям, оказалось нелегко, и всё же китайским воинам удалось убить двоих супостатов, кои оказались оборотнями: Златорогий превратился в буйвола, а Сребророгий – в тучного барана с белоснежными сверкающими, что серебро, рогами. Вот, оказывается, откуда их прозвища.

Пойманный маг Оленья Шкура проявил раскаяние и молил вернуть его истинный облик оленя. Бифэн произнес приговор:

– Ты станешь духом горы Хунло.

– Это мне подходит, да только нужен документ.

Государев советник попросил Небесного наставника выдать подтверждение. Тот, не откладывая, начертал на листе бумаги:

«Грамота горного духа Оленья Шкура горы Хунло». А Государев советник добавил:

– Есть одно условие. Как дух горы, ты обязан ниспосылать благоволение и не накликать беды. Буде по морю проходят корабли, ты посылаешь только попутный ветер и никогда встречный.

Так и случилось, и впоследствии дух горы Хунло неизменно являл свою чудотворную силу. О чем бы ни молили проходившие мимо горы корабли, а то и местные жители во времена мора, засухи или наводнения, дух всякий раз исполнял их просьбы. Валом валили на ту гору и иноземцы из дальних стран. Поставили там храм с памятной табличкой: «Молельня святого Оленья Шкура». И всё это благодаря наставлениям, заслугам и добродетелям Светозарного Будды.

Восхищению командующих не было конца, а Государев советник молвил:

– Одолели трех коварных кудесников, теперь можем спокойно двигаться дальше.

– Приказ уже отдан, – ответил Саньбао.

Ежели хотите узнать, какие еще страны ждали флотилию впереди, слушайте следующую часть.

***Часть восьмая^[157],
кля глаголет о дворце и тканях
богатой и благопристойной страны
Бенгал и о представлении с тигром в
коварном Могадишо***

От века посейчас на поле брани
Лелеют доблесть, словно древний князь.
Заветы Неба очищают сердце,
Крепит людские нормы чувство долга.
Висит кривым кинжалом месяц в небе,
Конь в вышине осенней – что снежинка.
Когда б не трюки ловкие монаха,
То кровью можно было бы истечь.

Сказывают, ординарец доложил командующему, что вдали от побережья видится какая-то страна, разобрать название коей невозможно. Вице-адмирал Ван напомнил, что маги-кудесники живут у

границы с государством Бенгал^[158], – возможно, это здесь. Саньбао отправил лазутчиков, и те доложили:

– Да, именно Бенгал – местность в Индии, где Сакьямуни достиг просветления и нашел путь к спасению. Земли там просторные, мало населенные. Город хорошо укреплен, имеются торговые кварталы и все положенные ведомственные учреждения разного уровня – у всякого своя казенная печать. Мужчины в большинстве темнокожие, белокожих не более одного-двух на сотню. Женщины выглядят благообразно, лица не размалеваны, нежные от природы. Мужчины бреют голову и носят белую чалму. Одеты в похожие на халат длинные белые рубахи с круглым воротником, кои натягивают через голову, а нижняя часть тела обмотана широченным полотнищем хлопчатой ткани. Обуты в кожаные сандалии с золотыми шнурами. Замужние женщины завязывают волосы узлом на затылке, на запястьях носят золотые браслеты, на пальцах рук и ног – золотые кольца. Жители называют себя индусами, все они весьма достойные люди. Мужчины и женщины не едят вместе; женщины после смерти мужа более не вступают в брак, а мужчины, овдовев, вторично не женятся. Ежели о сиротах и вдовах некому позаботиться, односельчане поочередно их кормят и содержат – не позволяют им побираться по другим деревням.

На вопрос Саньбао о местных обычаях лазутчики доложили, что нравы тут добрые, свадьбы и похороны проводятся по мусульманскому закону:

– А пути до этого государства не менее тридцати *ли*, а может, и полсотни.

Удовольствовавшись донесением, командующий приказал командирам всех четырех дивизий ради предосторожности выставить морскую заставу. Также отдал приказ: *юцзи* Лэй Инчунь с тигровой пластинкой и с отрядом в тридцать голов отправляется к правителю Бенгала, *юцзи* Хуан Бяо с пятью сотнями воинов осуществляет взаимодействие с тыла, а Лю Благородный с двумястами воинов ведет морское патрулирование на случай нежданного нападения.

Сказывают, что, сойдя на берег в гавани, отряд командира Лэя не более чем через пару десятков *ли* очутился у городской стены, окруженной рвом с водой. Вдоль стены бойко торговали привозными товарами заморские купцы. Командир Лэй расспросил, где находится дворец правителя. Оказалось, что это порт Сонаргаон^[159], и дворец правителя расположен чуть дальше. Проскакав еще пару десятков *ли*, отряд достиг окруженного стеной и рвом города, весьма оживленного и шумного. Командир тотчас смекнул, что тут-то и обитает государь. Отряд приблизился к городским воротам, и стражи, преградив путь, спросили, кто такие да откуда. Услыхав, что прибывшие наделены высочайшими полномочиями, полученными от правителя Чжу Южной династии – империи Великая Мин, стражи стали допытываться о цели визита. *Юцзи* Лэй отвечал:

- Желаем встретиться с правителем.
- А что, ваша Южная династия тоже находится в Западном океане?
- Наша Великая Мин – Высшее государство под Небом. Как можно его равнять со странами Западного океана?
- Где ж тогда оно расположено?
- Вы что, не знаете, что на небе светит одно солнце?
- Это-то нам известно.
- Коли так, то должно быть ясно, что в мире существует лишь одна великая держава – империя Мин.
- Что вы талдычите одно и то же! Да у нас тут, в Западном океане, поболее сотни разных стран!
- Буде вы признаёте, что на небе не может светить несколько солнц, то следует уразуметь, что и Высокое государство на земле лишь одно.
- Ну, это как сказать!
- Вы что, не слышали, еще древними сказано: на небе нет двух светил, у народов нет двух владык?
- А коли так, каково же место нашего правителя?
- Вот тупица, до чего непонятлив! Возьмем семью: в ней есть отец и куча детей. Так вот, государство Великая Мин – отец-батюшка, а сотни стран в вашем океане – его дети.
- Так ваш император может оказаться отцом нашего владыки?
- Именно так!

Жители Бенгала были неграмотны, но весьма почтительны. Заслышав, что государь далекой страны является батюшкой их правителя, они не сообразили, что сие не более, чем образное выражение, и приняли сказанное за чистую правду. А посему, не вымолвив боле ни слова, стражи помчались в город и доложили командующему местными войсками, что отец повелителя Бенгала – император Чжу далекой империи Мин – своей высокой волей прислал для встречи некоего адмирала. Военачальник по имени Хэцили пришел в полное замешательство: «Странно, ведь всем известно, что наш-то рано лишился отца, а тот, оказывается, живет в какой-то далекой стране! Не иначе, Небо устроило эту счастливую встречу». Вне себя от радости, он поспешил известить султана. Выслушав его, тот глубоко задумался: «Как император Великой Мин мог оказаться моим отцом? Сие совершенно необъяснимо!» Тут выступил вперед министр, ответственный за разоблачение злоупотреблений чиновников, и предложил:

- Своим бестолковым сообщением военачальник выразил неуважение к государю – по закону, его следует казнить.

Но владыка решил:

- На первый раз заменим смертную казнь заключением в тюрьму. Пошлите кого-нибудь более сметливого выяснить, в чем дело.

Немедля выступил вперед первый министр и почтительно разъяснил, что в речах военачальника явно сокрыт какой-то смысл, посему не следует его сурово наказывать:

– Со времени отделения Неба от Земли существовал Китай и существовали иноземцы, Китай расположен в центре, а иноземцы округ. Южная династия, кою упомянули прибывшие, наверняка есть Срединная империя – Китай, а император Чжу – ее правитель. Императора почитают как отца родного. Поспешно передавая сие известие, военачальник и назвал его отцом нашего государя. Можно ли счесть сие серьезным преступлением?

Султан счел доводы разумными и отправил министра вместе с военачальником всё поточнее разузнать.

Всадники выехали за городские ворота, где столкнулись с отрядом командира Лэй. Тот возгласил:

– Согласно эдикту императора Великой Мин, наша флотилия отправилась в путь, дабы умиротворить варваров и найти драгоценность. Иных причин не имеется. Сия тигровая пластинка – доказательство тому.

Главный министр поспешил ответить, что в их малом государстве нет никаких чужих драгоценностей. Лэй настаивал, что и в таком случае следует предоставить вассальную грамоту, акт о капитуляции и пропуск через заставу.

– Что всё это значит? – забеспокоился министр.

Командир Лэй снова заверил, что у флотилии нет иных целей, кроме указанных. Министр прочел документ, удостоверился, что в нем отсутствуют тайные замыслы, и попросил гостей потерпеть, пока он доложит обо всём своему повелителю.

Воротясь во дворец, министр передал султану тигровую пластинку и слово в слово растолковал ее текст, после чего владыка изрек:

– Малое государство служит великому, таков закон вещей.

Он приказал военачальнику немедля передать гостям, мол, султан им кланяется и не далее чем на следующий день доставит запрошенные документы и поднесет дары. *Юцзи* Лэй вместе с местным военачальником вернулись на корабль и доложили Саньбао, чем тот остался зело доволен.

На другой день султан отправил на флагманский корабль главного министра. Допрежь всего вельможа вручил вассальную грамоту для императора, кою командующий передал ординарцу, а затем и акт о капитуляции. Адмирал сорвал печать и прочел текст. В грамоте султан в самой изысканной форме выражал почтение и преданность императору Чжу. По окончании чтения главный министр передал дары. Командующий приказал распорядителю корабельных хранилищ принять их, а сам ознакомился со списком. Среди прочего значились изделия из драгоценных камней: яшмовая регалия с изображением тигра, два десятка связок дивных розовых кораллов; десяток

вырезанных из прекрасного драгоценного агата фигурок людей и животных; не менее *доу* округлого и белоснежного жемчуга (были там и дорожные жемчужины «драконий глаз»); немало разноцветных драгоценных камней, сто кусков белоснежного горного кварца (обиходное название – горный хрусталь, он столь твердый, что даже нож не оставляет на нем следов, а сам сверкающий и прозрачный, словно чистая вода). Был и занавес длиной в несколько десятков *ли* из тончайшего шелка с дивной цветной росписью^[160]; шали из хлопковой ткани грубого плетения, толстые ворсистые шерстяные ковры, а еще по сотне отрезков редкостных местных тканей^[161]: узорчатого шелка, алой златотканой парчи чандери^[162] и белой кисеи^[163] – тончайшей, как прозрачная бумага для новогодних посланий; плотный и прочный хади^[164], знаменитый муслин^[165] и батист, ткань из хлопка, украшенная нанесенным вручную рисунком (ее используют для чалмы), плотный ворсистый хлопчатобумажный бархат и тафта.

Ил. 6. Паттачитра – индийская роспись по ткани

Помимо сего, в списке значились еще по десятку великолепных скакунов (ценой в тысячу золотых), верблюдов и зебр. Саньбао воскликнул:

– Даров с избытком. Не смеем принять столько!

– Не стоит благодарности! Затрудним вас просьбой передать наши подношения Небесному императору. А еще милостиво просим главнокомандующего выбрать благоприятный день, снизойти до посещения нашего родного края, дабы предоставить нам возможность еще раз выразить искреннюю признательность.

– Поблагодарите владыку, иначе нам пора в путь.

– Ваш покорный слуга лишь выражает пожелания султана. Прошу не отказывать, имею честь кланяться в ожидании вашего согласия.

– Передайте султану скромные ответные подношения, с тем можете возвращаться.

– Не смею! Молю командующего снизойти до встречи с владыкой.

На следующий день сопровождать гостей ко дворцу султана прибыл второй министр с тысячным отрядом всадников в пышных одеяниях. Оба командующих флотилии двинулись в путь еще и с собственной стражей из нескольких сот воинов. У речного порта Сонаргаон их встречал высланный султаном и возглавляемый военачальником еще один почетный эскорт из тысячи воинов на слонах и лошадях, груженных дарами – отрезами атласа, шелка и прочим. По прибытии ко дворцу^[166] увидели выстроившиеся по обеим сторонам ворот ровными рядами тысячи всадников – все, как на подбор, рослые молодцы в шлемах и латах, с мечами, копьями, луками и стрелами. Султан лично вышел встречать гостей за ворота и, согласно высокому церемониалу эпохи Мин, отвесил пять коленопреклоненных и три земных поклона^[167].

Внутри дворцовых ворот слева и справа тянулись крытые каменные галереи, вдоль коих на слонах восседала сотня могучих воинов с плетью в руках – они дули в металлические флейты, что придавало им вид величественный и устрашающий. Ступени дворца украшали сотни опахал и зонтов из павлиньих перьев – дивной красоты и тончайшей работы. Внутри дворца с плоской крышей располагались девять залов, в центре каждого – медные колонны, украшенные цветами, птицами и зверями, всё из чистого золота, а полы вымощены декоративными плитами с изображением драконов и фениксов.

По обе стороны тронного зала выстроились по сотне воинов с жезлами в руках – у кого золотые, у кого серебряные. Прозвучали медные флейты, и два десятка воинов с серебряными жезлами в знак высочайшего преклонения ползком на коленях сопровождали гостей до середины зала, выкрикивая что-то через каждые пять шагов. Снова запели флейты, и два десятка воинов с золотыми жезлами точно так же ползком на коленях сопровождали гостей далее к трону. Полы в зале были покрыты красными шерстяными коврами.

Султан приветствовал гостей земным поклоном. По окончании церемонии встречи он пригласил командующих занять места на сиденьях, богато инкрустированных буддийскими символами. Саньбао предложил султану сесть рядом с ним и командующим Ваном. Весьма польщенный учтивостью гостей, правитель распорядился приступить к пиршеству и самолично оказал военачальникам самый радушный прием. И чего там только не было! Гости потчевали жареной бараниной и всевозможными дарами моря, поили местными винами изысканного вкуса и аромата – всего не перечесать. Сам султан не

сделал ни глотка вина, но, не желая нарушить этикет, держал в руках бокал с розовой цветочной эссенцией и медовухой.

Три дня длилось нескончаемое празднество. На командующих произвели огромное впечатление и богатства, и почтительность султана. По окончании пира хозяин преподнес адмиралу шлем, латы, кушак, дивный кувшин и поднос с набором из пяти чарок, меч с ножнами, лук со стрелами, пращу – всё из чистого золота! Даже завязки на шлеме были из золотых нитей. И добавил ко всему верительную бирку – покрытую красным лаком золотую пайцзу с золотыми письменами. Вице-адмиралу Вану вручили подобные же дары, но из серебра. Оба с благодарностью их приняли. Главные советники султана угощали высший командный состав, после чего также вручили дары – каждому генералу по золотому и серебряному колокольцу, отрезы атласа и тонкого шелка, длинные парадные халаты. Местный военачальник выставил угощение воинам и одарил всякого сотней серебряных монет и десятком тканых шелковой нитью полотенец. Подобная щедрость умилила командующих, и на радостях они передали привезенные из Китая ответные дары, кои султан и приближенные с благодарностью приняли. Султан с почетным эскортом из несметного количества воинов верхом на слонах и лошадях сопровождал гостей до кораблей.

Поднявшись на борт флагманского судна, люди султана доставили еще и дары местной земли – сто даней риса первого урожая, по несколько десятков *даней* имбиря, лука, дынь и всяческих фруктов; кокосового вина^[168], рисовой и ячменной водки, настойки из водяного ореха чилим – каждой по полсотни кувшинов, а еще кур, гусей, уток, свиней, баранов – каждой твари по сотне, а то и более; огромный, как ковш, приторно сладкий и красивый джекфрут, кисловатый, но очень вкусный индийский крыжовник амла^[169], несметное количество засахаренных и обычных фруктов и овощей.

Саньбао принялся было вежливо отказываться от подобного изобилия, но султан убедил его, что сие всего лишь плоды местной земли, коими могут полакомиться моряки. Оценив церемонность правителя, адмирал принял дары. Затем и он в свою очередь закатил пир на корабле и три дня потчевал султана. После чего правитель вернулся восвояси, а адмирал дал сигнал к отплытию, заметив при этом:

– С тех пор как отправились в плавание, впервые узрели столь богатое и благопристойное государство.

Командующий Ван заверил, что впереди все страны таковы.

– Ну, что ж, поплывем не спеша, и да помогут нам небесные силы! – воскликнул Саньбао.

Незаметно пролетели десять дней, и ординарец доложил, что впереди показалось государство:

– Вдали на берегу виднеются нагромождения камней, вроде городской стены, за ней смутно встают очертания каких-то построек.

Командующий отдал приказ пришвартоваться и послать лазутчиков. Затем отдал привычные распоряжения: командирам четырех эскадр высадить войска на берег и разбить лагерь, а командирам дивизий – выставить морское заграждение. Левый и правый авангарды получили приказ создать сухопутные укрепления в форме рога; командирам летучих отрядов было велено нести дозорную службу на случай неожиданного нападения, а генералам – командующим морскими подразделениями – вести постоянное наблюдение и принять меры предосторожности.

Вскоре лазутчики возвратились и доложили, что на побережье впритык друг к другу расположены три государства: относительно крупное в центре – Мogaдишо^[170], в пяти *ли* к югу – Джуба^[171], а к северу – Барава^[172]. Во всех этих местах городские стены сложены из камня, да и постройки каменные. Почва каменистая, ни травы, ни деревьев, красноземы и желтоземы не дают обильных урожаев, ибо по несколько лет не выпадают дожди. Колодцы роют глубокие, воду достают бурдюками из бараньей шкуры с помощью вóрота с зубчатым колесом. В Бараве есть бассейн для выпаривания соли, чем жители и занимаются из поколения в поколение. У мужчин бедра обмотаны полотнищем ткани, волосы курчавые и сплетены в четыре косы, а у женщин скручены на затылке. Они мажут волосы желтым лаком, из ушей на веревочках свисают серебряные колечки, на шее – ниспадающее на грудь ожерелье из самоцветов с подвесками; выходя из дому, обматывают тело легкой хлопчатой тканью, а лицо прикрывают черной кисеей.

– А каковы местные нравы? – допытывался Саньбао.

– В Джубе и Бараве нравы добрые, – сообщили лазутчики. – А в Мogaдишо обитают люди упрямые и своенравные, все при оружии и упражняются в стрельбе.

– Ну, коли так, мы им покажем, – молвил адмирал.

И тут же приказал трем командирам отправиться ко двору каждой из стран и вручить тигровые пластинки.

Кто осмелится послушаться? Посланные в Бараву и Джубу по возвращении доложили, что им был дан одинаковый ответ – мол, мы страны бедные, откуда у нас драгоценная печать, а что до капитуляционной грамоты, предпочитаем примкнуть к Мogaдишо.

– Похоже на правдивые речи! – воскликнул Саньбао. – Нравы там, видать, и вправду благопристойные.

Вернувшийся из Мogaдишо *юцзи* Лю Благородный передал совсем иной ответ правителя и старейшин: «Мы государство бедное, откуда у нас сокровище Срединной империи? А что до капитуляционной грамоты, то правителю уже несколько дней неможется, просим

потерпеть пару деньков. Как только ему полегчает, тотчас вручим грамоту».

– Да это просто отговорка ради отсрочки, – промолвил Саньбао. – Ну и строптивый народец!

Командир Лю Благородный гневно прибавил:

– Султан под предлогом болезни не желает выразить покорность, он не заслуживает пощады. По моему скромному мнению, следует отправить отборное сорокатысячное войско и плотным кольцом окружить город. У одной стены установить штурмовые лестницы, у другой – сяньянские катапульты. Штурм вести днем и ночью – пусть поймут, что тут и металлические стены^[173] не устоят! Может кто и не согласен, а я готов сражаться в первых рядах и служить верой и правдой, как конь и пес.

Адмирал возразил:

– В речах командира есть доля истины, иначе с тех пор, как мы отправились в Западный океан, нам удалось совладать с немалым количеством стран – с одними играючи, с другими с трудом. Напослед все смирились по собственному желанию, принуждать не пришлось. Мы не далее как нынче прибыли в эти земли – стоит ли сразу прибегать к угрозам и обрушивать всю свою мощь? Султан просит отсрочку – дадим ее, а уж ежели и тогда не покорится, пусть примет смерть без сожаления.

Командующий Ван поддержал стремление адмирала подчинить противника милостью и добродетелью, при сем добавив:

– Всегда важно придерживаться принципа «познай противника и познай себя – станешь непобедим». Пока нам неведома воинская сила сего государства. Есть ли там свои кудесники? Пожалуй, допрежь всего следует дотошно всё разузнать.

Саньбао согласился и приказал выслать расторопных лазутчиков:

– Одна нога там, другая тут.

Лазутчики споро обернулись и доложили, что в Джубе и Бараве нет ни войска, ни магов-кудесников:

– В Могадишо есть военачальник по имени Юньмухун, он славится стрельбой из лука – со ста шагов пронзит лист тополя. А в монастыре Летающего дракона^[174] обитает настоятель с буддийским именем Тара^[175]. Он способен любому оборотню и нечисти придать облик человека, а то и лик святого. С ними султан и решает все вопросы, это они посоветовали ему сказаться больным.

Саньбао остался доволен сообщением и повелел наградить лазутчиков. Затем отдал приказ эскадрам и дивизиям непрерывно патрулировать побережье.

Сказывают, что султан Могадишо, прочтя тигровую пластинку, созвал старейшин, военных и сановников разных чинов и рангов, дабы решить, как заставить непрошенных гостей отступить. Некоторые заявили:

– Еще неизвестно, какова цена вассальной и капитуляционной грамот! Надо бы попробовать с ними потягаться!

Наиболее сведущие не советовали оказывать сопротивление столь могущественной флотилии, коя за время плавания уже привела к повиновению множество государств:

– Нашей ли малой державе им противостоять?

Неплохо сказано, да только военачальник Юньмухун, отхлебнув вина, заявил, что неправы и те, и другие:

– Своими речами вы наносите урон стране и государю и достойны смерти.

– Отчего так? – недоумевал султан.

В ответ услышал:

– Наша страна отстоит от Срединной империи за десятки тысяч *ли*, тем не менее днесь они беспричинно заявили к нам со своим войском, пренебрежительно считая нас слабыми и нерешительными. Держава наша хоть и не столь сильна, но войско у нас немалое – несколько тысяч доблестных лучников. Пусть противник вложит все силы в наступление, мы спокойно выждем, а когда он вымотается, нанесем удар – такова победная тактика. Как можно, сложа руки, покорно ждать казни? Ежели государь не сочтет мои доводы убедительными, попросим государева советника прояснить положение.

Выходит, и в Могадишо был свой государев советник? Им значился настоятель монастыря Летающего дракона, коего правитель титуловал как праведника – защитника государства. Султан тут же отправил службу в монастырь. Настоятель Тара явился, поклонился, выслушал рассказ обо всём случившемся и заметил:

– Невелика беда! Стоит ли устраивать переполох по пустякам? Положимся на доблесть и искусство нашего военачальника и добьемся успеха.

– Коли так, – порешил султан, – военачальнику нет нужды раскаиваться в своих речах.

– Долг подданного – ради государства забыть семью. Немедля выступаю! – отчеканил Юньмухун.

Одначе выйдя за дворцовые врата, он задумался: «С древности и поныне на войне не возбраняются хитрости. Я хоть и доблестный стрелок, но не знаком с искусством тех, что прибыли на сих громадных кораблях. Пожалуй, лучше прикинуться простачком да поразузнать всё толком, а потом соображу, как действовать». Приняв такое решение, он двинулся в путь. Когда охраняющий ставку Южной династии гвардеец спросил, кто таков, военачальник выдал себя за рядового командира, посланного султаном приветствовать командующего.

Ординарец доложил, и командующий тотчас заподозрил неладное. Он велел пригласить посланца и одновременно приказал привести все воинские части в состояние боевой готовности. Отвечая на расспросы, гость снова сослался на болезнь государя, кой тем не менее поручил

передать адмиралу наилучшие пожелания. Командующий поинтересовался, изучал ли гость какие-либо воинские искусства. Юньмухун с гордостью сообщил, что в их стране с малолетства учатся стрельбе из лука, тем и кормятся:

- Мы все искусные стрелки, бьем без промаха.
- Ты-то сам на что способен? – поинтересовался Саньбао.
- Как говорится, кто возится с киноварью – сам краснеет, кое-чему и я научился, – скромно ответил гость.

Тогда Саньбао предложил ему вступить в состязание с китайскими стрелками, но тот уклонился – не смею-де, с меня достало узреть великолепие военной выправки адмирала. Командующий решил, что лазутчики справедливо отозвались о коварстве местных и надобно проучить посланца и обратить замысел врага себе на пользу. И он приказал ординарцу показать гостю военный лагерь.

Прибыв туда, Юньмухун увидел горы всякого оружия, в том числе и луки. Заинтересовавшись, взял один и натянул тетиву до предела. Ему показалось, что она не больно тугая, и он спросил, есть ли иные луки. Командир Тан Ин сразу смекнул, что крылось за этим вопросом, и ответил, что других не имеется. Гость удивился:

- Не слишком ли слабая тетива у этих луков?
- А мы-то жалуемся, что излишне тугая.
- Как же попасть в цель при такой тетиве?
- При стрельбе из лука главное – не пронзить мишень, а точно попасть в цель. Мы стреляем вовсе не ради того, чтобы пробить латы^[176] и поранить противника.

Гость сильно засомневался в истинности сказанного – воины всегда боятся промахнуться, а как можно не поранить при точном попадании?

- Ежели вы столь опасаетесь ранить противника, не лучше ли вообще не стрелять?!

Тан продолжал морочить гостя:

- Ты не знаешь, что для наших воинов главное – заставить врага подчиниться по доброй воле. Наши стрелы достигают цели, но не поражают: сего достаточно, дабы его усмирить.

- О подобном редко услышишь!
- А как вы ведете стрельбу?
- Наши стрелы пронзают цель насквозь.
- Ну, это-то несложно!
- Думаю, попасть стрелой в цель и не ранить и вправду труднее.
- А давай-ка посоревнуемся, – предложил Тан Ин.

Гость решил, что такой поворот соответствует его тайным замыслам, и возликовал. Ему не терпелось похвастаться своим искусством – он тут же одной рукой натянул лук, другой приложил стрелу. Глупец не уразумел, что командир Тан запутывает его, умело обращая против хвастуна его же собственный план. Тем временем Тан Ин приказал установить мишень и предложил гостю стрелять первым.

- Каждый делает по одному выстрелу, - согласился туземец.
- Стрела должна достичь цели, но не поранить противника! - напомнил Тан.

- Это не так-то просто! Сделаем выстрел, а там посмотрим! - откликнулся гость.

Он выпустил подряд девять стрел, и все они пронзили цель насквозь. Вслед за ним Тан тоже выпустил девять стрел, они попали в яблочко, но, словно прилипнув к мишени, не пронзили ее. Эва как - подобным искусством не владеют ни черти, ни святые! Гость засомневался и показал на копьё:

- У вас и копьё не ранят?

Тан твердил свое:

- Да всё одно!

Сказывают, что Юньмухун продолжал допытываться:

- А что произойдет, если копьё ранит человека?

- Такого не бывает, - отмахнулся Тан Ин.

Гость попросил командира Тана научить его подобному искусству. Тот предложил:

- Ну, становись! Копьё коснется тебя, но не ранит.

- А как ты это определишь?

- У меня есть свои метки.

- А коли всё-таки угодишь в меня, что тогда?

Тан хрипло рассмеялся:

- У нас, китайцев, слово дороже тысячи *лян* золота. Ежели не сдержу обещание, то чем отличусь от инородцев? Достоин ли я тогда называться китайцем?

Тан Ин, муж вельми ученый, был мастак на всякие речи. Его слов оказалось достаточно, дабы устыдить гостя:

- Ну, коли так, буду стоять недвижно, а вы бейте.

Хитрец Тан приказал младшему офицеру принести какое-нибудь кровоточащее сердце, и когда его доставили, незаметно насадил на наконечник и стал быстро-быстро тыкать копьём прямо в Юньмухуна - вверх-вниз, вперед-назад, вправо-влево. Копьё кружилось, словно танцуя. Затем Тан убрал оружие и спросил:

- Ну что, дотронулся я до тебя?

- Дотронулся, - подтвердил туземный военачальник.

- Ранил?

- Нет, не ранил.

- Ты чувствуешь, что не ранен, но даже не представляешь, сколько раз я коснулся тебя копьём. Сними одежду и посчитай удары.

Гость поспешил закатать одежду и в самом деле увидел на теле множество алых отметин. Как такое случилось? Он-то не знал, что кончик копьё венчало кровоточащее сердце. Посчитал - семижды семь, сорок девять отметин. Тан Ин снова спросил:

- Ну, что скажешь, высоко ли мое воинское искусство?

– Высоко-то высоко, только мне представляется, что коварное бескровное убийство не очень-то вяжется с принципами честного и справедливого ведения боя.

– Да это я так, просто для примера. А что до настоящего бескровного убийства – сие не для меня, благородного господина.

Гость изначально полагал, что в мире ему нет равных в стрельбе из лука. Увидав, как стрелы Тана попадают в цель, не поранив, он смекнул, что искусство китаец не ниже, чем его, и всё же сие не поколебало его самонадеянности. И только убедившись, что мастерство копьеметания у противника тоже на высочайшем уровне, он запаниковал и решил откланяться. Однако командир Тан не оставил своих попыток одурачить гостя. Одного за другим приглашал он командиров, дабы те продемонстрировали искусство бескровного боя.

Потрясенным сим зрелищем, Юньмухун не находил места от беспокойства и только и мечтал поскорей сбежать. Напоследок Тан отпустил его, строго наказав:

– Кланяйся правителю да скажи, что сочинить грамоты – дело не хлопотное, зато поможет избежать кучи неприятностей. А иначе ваш султан окажется в безвыходном положении, да поздно будет каяться.

Юньмухун закивал:

– Да понял я, понял.

Хотя подобную хитроумную тактику подавления противника путем выказывания собственного превосходства изначально предложил главнокомандующий, но осуществить ее удалось благодаря уловкам Тан Ина.

Сказывают, что местный военачальник весь обратный путь нарочно долго петлял по дороге, так и эдак прикидывая, как быть. Не след докладывать правителю о высоком воинском искусстве китайцев, ведь перед тем, как покинуть дворец, он так похвалялся собственным мастерством. Желательно бы сокрыть правду, но воины Южной династии неоднократно показали, на что способны, и оставили следы на его теле. Делать нечего, пришлось отправиться за советом к настоятелю монастыря Летающего дракона.

– Я не считаю себя достойным противником и не осмелюсь бросить им вызов, – признался военачальник, поведав о случившемся.

Настоятель заметил:

– Ты привык покрывать дерево одним и тем же лаком^[177], вот и решил, что не справишься. Одначе ежели они узрят нашу способность к волшебным превращениям, тогда сами не решатся с нами связываться.

Юньмухун поведал настоятелю о могущественных даосском и буддийском монахах на кораблях Южной династии. Наставник молвил в ответ:

– С буддистом мы единоверцы, а с даосом по званию совпадаем: он тоже наречен праведником – защитником государства. Чего мне бояться?

Военачальник столь горячо убеждал настоятеля не вступать опрометчиво в схватку с противником, что в конце концов тот согласился прежде втайне разузнать обстановку, а для этого явиться на корабль, переодевшись дрессировщиком тигров.

Военачальник Юньмухун одобрил план, и настоятель Тара, взяв на поводок тигра, отправился в путь. По дороге он раздумывал: «Нехорошо добрых обижать, а злых бояться. Поищу-ка я сначала даосского монаха». Надеясь поймать удачу, он поднялся на корабль Небесного наставника. Увидев монаха с тигром на поводке, вестовой крайне удивился, спросил, кто таков и пошто тигра притащил.

– Не пугайтесь, господин хороший, я местный, у нас принято собирать подаяние разными представлениями.

– Глупости! Где это видано, чтобы собирающий подаяние тащил за собой тигра? – рявкнул дневальный.

– Тигр – главная принадлежность моего представления.

– Тьфу ты, буддист бестолковый, готов выпустить на волю хоть сушеную рыбу^[178]. Нечего просить подаяние на корабле почтенного даоса.

– В мире существуют и благородные, и ничтожные людишки, без благородных некому будет воспитывать ничтожных.

– Убирайся, пока я тебе скулы не переломал!

– Ну и ну! Подаяние не подал, а уже с угрозами выпроваживаешь.

Так они шумели и переругивались, пока звук их голосов не достиг ушей Небесного наставника, сидящего около Чаоюань^[179] – нишибожницы поклонения даосскому святому Лао-цзы.

Веки даоса дрогнули – знак того, что некто коварный стоит на пороге. Вызвал вестового, а тот, не желая навлекать на себя неприятности, опустился на колени и стал оправдываться: мол, это не он шумит, а какой-то чудной монах:

– Говорит, что просит подаяние, давая представление с тигром. Я опасаюсь, не шпик ли это, гоню, да он не уходит, вот и поругались. Простите меня!

Небесный наставник, прослышав о представлении «тигр играет с мячом», решил обратить планы незваного посетителя себе на пользу, дабы проучить гостя и по возможности назавтра избежать сражения. Он приказал проводить монаха в свою обитель: «Позабавимся!» Об этом в стихах писано так:

И там, в бамбуковом дворе, монахов мирное реченье
Всей жизни суетной моей на миг дало успокоенье.

Вестовой не уразумел его намерений и про себя ворчал: «Пожалел этого сукина сына, а теперь я же должен его сопровождать».

Ничего не поделаешь, приказ есть приказ – пришлось препроводить монаха в покои Небесного наставника. Гость ничего не заподозрил и решил, что всё идет по плану. Одной рукой волоча тигра, а другую

сжав в кулак, показывая тем самым, что он безоружен, настоятель Тара вошел в зал. На расспросы Небесного наставника отвечал, что у них в стране приняты представления с тигром, а этого зверя он воспитывал с младенчества. Небесный наставник нарочито громко приказал дневальному подготовить награду, дабы после представления вручить монаху.

А теперь смотрите: монах отпустил тигра, скомандовал «Сидеть!» – и тигр послушно опустился на пол. Затем монах приспустил одежду до пояса, обнажив плечи, скомандовал «Отражай!» – и ударил тигра кулаком в пасть. Тот метнулся и хватил его когтями. И пошло: кулак – когти, когти – кулак, пинок ногой – удар лапой, слева – справа. Это был пролог – состязание равных. Затем настоятель с грозным криком «Куда прешь?» обрушил на тигра удары обеими кулаками – справа, слева, и со скоростью барабанной дроби стал пинать его ногами то с одной, то с другой стороны. Он молотил тигра не переставая, заставляя того отступать и спотыкаться, и после нескольких падений зверь был уже не в силах подняться. А монах всё орал:

– Ах ты, скотина, давай, покажи, на что способен! Посмеешь еще на меня наступать?

Не успел смолкнуть, как тигр приподнялся, раскачивая головой и мотая хвостом, выгнул спину и несколько раз грозно взревел. Продолжая свирепо рычать, он стал перепрыгивать через монаха: вперед – назад, слева – справа. После нескольких таких прыжков тигр, поджав зад, прыгнул прямо на лысый череп монаха, сбил его с ног, и тот обессиленно рухнул. А тигр, словно человек, обнюхал падшего, потрогал лапами, помахал хвостом. Через некоторое время монах пришел в себя и тоже поднялся. Правильно было бы назвать результат обоюдной победой.

Однако монах на сем не успокоился, вскочил и снова заорал: «Куда-а-а?» На сей раз он двинул тигра кулаком по морде, в ответ тот зарычал и цапнул монаха лапой по голове. Монах свирепо обхватил тигра обеими руками за две жизненно важные точки^[180] и повалил навзничь. Зверь вскочил, боднул монаха головой и свалил наземь. Так они схватывались несколько десятков раз, пока монах, потеряв терпение, не взмахнул дубинкой и не воткнул ее тигру глубоко в пасть. У зверя перехватило дыхание, и ему пришлось сдаться. Он снова смиренно уселся на пол, а монах поднял его лапу в знак того, что объявляет ничью.

Небесный наставник нарочито громко воскликнул: «Прекрасное зрелище!» – и велел дневальному угостить тигра куском свежего мяса. Зверь жадно схватил мясо и разорвал на куски. Затем Небесный наставник приказал принести вино и угощение монаху. Словно вихрем, что уносит прочь остатки туч, в одно мгновение всё было сметено дочиста – съедено и выпито.

Небесный наставник решил воспользоваться теми же уловками, дабы польстить монаху и посмотреть, как тот себя поведет:

– Представление великолепное, хотелось бы посмотреть еще разок, и я снова тебя одарю.

Ничего не заподозрив, настоятель подошел к тигру и продолжил выступление. В разгар схватки, когда, забыв обо всём, Тара начал что есть мочи молотить тигра руками и ногами, Небесный наставник незаметно сложил мудры. В тот же миг настроение тигра переменялось, он лягнул настоятеля задом и опрокинул наземь. Это был удар весом в несколько сот *цзиней*, и бритая голова-тыква почтенного Тара окровавилась – да так, что, казалось, его покинула жизнь.

Небесный наставник сделал вид, что он ни при чем, а настоятель, немного отлежавшись, пришел в себя и подумал: «На сей раз тупая зверюга совсем обнаглела! Может, мои приемы и заклинания перестали действовать?» Его аж распирало от злости. Через некоторое время он вскочил и вдругорядь попытался воткнуть дубинку в пасть тигру. Небесный наставник снова сложил мудру и прочел заклинание. Не успела палка войти в глотку животного, как тигр неожиданно укусил монаха за руку – да с такой силой, что кровь хлынула ручьем. Боль была нестерпимой, и настоятель тотчас отдернул руку. Небесный наставник сложил другую мудру и прочел заклинание. Что тут началось – словно небо перевернулось и земля опрокинулась! Тигр вдруг стал демонстрировать всё свое могущество: он рычал, скалил зубы и одним прыжком вскочил прямо на нишу-божницу. Кто отважится с ним связываться? Настоятель Тара пришел в ужас: он никак не мог взять в толк, отчего животное так ощерилось, и уж никак не подозревал, что всё это подстроил даос. Да что там настоятель – даже близкие к Небесному наставнику монахи и послушники не разгадали его хитрых трюков и решили, что гостю нынче просто не повезло. Сам Небесный наставник делал вид, что он ни сном ни духом, и только расспрашивал:

– Неужто ты и впрямь воспитывал тигра с малолетства? И как он себя обычно вел?

– Да мы уж давным-давно собираем подаяние подобным представлением. Сам не пойму, с чего он вдруг рассвирепел. Может, запаниковал от качки.

– Вполне возможно, да только вы и нам можете причинить неприятности.

– Не тревожьтесь, он скоро успокоится, – заверил настоятель.

Сказать-то он сказал, но сам был вовсе не прочь навредить даосу. А тот в свою очередь подсадовал, что гость не догадался, кто строит козни: «Лучше сделать всё в открытую – пусть знает, с кем имеет дело». Приняв решение, он подозвал монаха:

– Хочешь усмирить тигра?

– Хочу, – согласно кивнул тот.

- А ты не против, если я отдам ему команду?
- Буду бесконечно благодарен, - ответил гость.

Небесному наставнику не терпелось выказать свои магические способности. Он попросил принести лист бумаги, обмакнул кисть в киноварь, начертал заклинание и попросил служку сжечь бумагу в курильнице. Не успел пепел осесть, видят - тигр, зажав в пасти магический амулет, уселся около божницы, поджав передние лапы. Небесный наставник вскричал:

- Ах ты, скотина, как смеешь проявлять непочтительность?

А тигр, словно поняв его слова, стал ударяться головой об пол, будто клал поклоны. Настоятель Тара протянул руку, дабы, как обычно, подтащить его к себе, но тигр стал рычать и снова запрыгнул на нишу. Тут Небесный наставник рассердился:

- Ах ты, негодник, слезай немедленно!

И тигр одним прыжком соскочил вниз.

Сколько настоятель Тара ни пытался притянуть тигра к себе - зверь только рычал и скалился. Небесному наставнику нет мочи как хотелось похвалиться перед монахом, и он воскликнул:

- Ох-хо-хо, по всему видать, тигр этот вовсе не дрессированный, нам и вместе едва удалось его усмирить.

Тара понял, что его хитроумный план не сработал. Пришлось признаться:

- У нас и вправду просят подаяние представлениями с тигром, а этого я купил. Господин заподозрил неладное, и лучше меня смог с ним сладить.

Наставник Чжан признался, что сразу угадал: гость не приручал тигра с младенчества. И крикнул:

- Эй ты, зверюга! Быстро ко мне!

Тигр подошел и опустился перед даосом на все четыре лапы. Небесный наставник неторопливо вытащил семизвездный меч, запалил на его острие огонь и сжег в нем заклинание. В тот же миг северо-запад покрыли тучи, густой туман застлал юго-восток, загремел гром и с небес спустился дух. Он назвался небесным полководцем Чжао - дежурным даосского скита Дракона и тигра. Небесный наставник пояснил ему, что пришлый монах устроил представление, а тигр стал показывать свой норов и угрожать людям:

- Сил нет терпеть подобные безобразия, прошу забрать его отсюда.
- Нет нужды мне, смиренному, самому браться за дело. С этим лучше справится сопровождающий меня священный тигр.
- Пусть так, - согласился Небесный наставник.

И в этот самый момент из-за спины небесного полководца выскочил зверь - да какой! Подобного ни на земле, ни на небе не сыщешь. Он устрашающе зарычал - и куда подевался прежний тигр? На его месте оказался щеночек болонки с золотистой шерсткой, золотистым хвостиком и четырьмя белыми лапками. Явив свой подлинный облик,

животина стала испуганно кататься по полу и даже обмочилась со страху.

Небесный наставник поблагодарил святого и обратился к пришлецу:

– Гляди, кого ты привел сюда!

– Да кабы я знал! Думал, тигр настоящий!

– Верно говорят: не умеешь рисовать тигра, получится собака^[181], – отрезал наставник Чжан.

Настоятель Тара молча клал земные поклоны, а даос, словно ничего не замечая, повелел вестовому наградить гостя и проводить его. Вознаграждение крайне удивило настоятеля и, неторопливо бредя восвояси, он размышлял о том, что сей даос – коровий нос бесспорно силен в волшебстве, и теперь хорошо бы узнать, на что способен Бифэн.

На следующий день спозаранку он отправился испытать буддиста: «Коли тот окажется столь же могущественным, то лучше поскорее уносить ноги, а ежели он так, ничего особенного, то проучу его маленько». Настоятель подошел к стоянке флота, на сей раз без тигра, и, не желая никого тревожить, самостоятельно нашел корабль Государева советника. Видит – корабль как корабль, вот вход, вот Алмазный Зал Ваджры, а вот и главный зал жертвоприношений Будде Сакьямуни, в нем Лotosовый трон, а вокруг – статуи будд, раскрашенные и величественные, – ну что тут скажешь! И он подумал: «Я ведь тоже вроде как государев советник. Ежели у него тут на корабле подобное великолепие, то что же тогда на родине! Амиитофо! Такое узреть! Видно, не зря я жизнь прожил!»

В тот самый момент из главных ворот вышел какой-то почтенный монах. Настоятель Тара поспешно приблизился и приветствовал его поклоном со сложенными ладонями:

– Бью челом, учитель!

Монах отвесил ответный поклон, спросил, откуда гость прибыл и каково его буддийское имя. Настоятель сообщил, что он местный святой отец по имени Тара:

– Пришел просить милостивого даяния – зерна для приготовления постной пищи. Позвольте узнать ваше имя, почтенный?

Встретившийся ему назвался Юньгу.

– А кто же таков Государев советник? – растерялся Тара.

Юньгу ответил, что это наставник его учителя Фэй Хуаня. Он также выразил удивление, отчего монах не просит пожертвований у местных, а пожаловал на чужеземный корабль. Настоятель приврал:

– Да я местных знаю наперечет, люди невежественные, не подадут. Я и подумал, что прибывшие из далекой Южной династии буддисты подороже, вот и дерзнул прийти.

Юньгу доложил Государеву советнику о приходе некоего монаха по имени Тара. Бифэну визит показался подозрительным, и всё же со словами «Я лично поднесу ему даяние» он согласился пригласить гостя.

Получив приглашение, настоятель решил, что сия встреча предопределена судьбой. Он приблизился к Лotosовому трону и проделал положенные церемонии.

Государев советник с первого взгляда уразумел, что тот пришел не с добрыми намерениями. Ему вспомнились сообщения лазутчиков о некоем настоятеле монастыря, обладающем способностями общаться и со святыми, и с нечистью, а еще он про себя отметил, что у монаха и лицо неприятное, и речи неискренние, – совершенно ясно, что за человек. Бифэн решил использовать его приход в своих интересах:

– Амитофо! Нынче вы пожаловали на мой корабль, и мне следовало не покуситься на щедрое даяние. Одначе что поделаешь, путь наш не близок и долог, днесь нет у меня ничего вас достойного. Вот только и осталось немного серебряных монет, коими одарил нас султан Бенгала. Их-то я и пожертвую.

И он протянул монаху горсть серебра.

Сказывают, что, передавая монеты, Бифэн предупредил:

– Ежели вы собираете подаяние с чистыми помыслами, эти монеты всю жизнь будут служить вам во благо, а ежели лицемерите – не ждите добра!

Настоятель взял монеты и подумал, что буддист, пожалуй, завернул слишком лихо: «Чего это ради горстки монет произносить столь выпренные слова? Пусть даже намерения мои не до конца искренни, ему-то это не причинит вреда!» Приняв монеты, он еще раз поклонился, поблагодарил и со скоростью ветра вернулся в свой храм. Только уселся в келье, как заявился военачальник Юньмухун с расспросами. Настоятель поведал, что даос – коровий нос воистину крайне опасен, а буддист вовсе не столь страшен, как его расписывают:

– Вид у него сострадательный, весь такой просветленный. Дал подаяние, хотя при этом нудно разглагольствовал. Ежели еще из-за него тревожиться, то какой из меня защитник государства?!

Военачальник заинтересовался, о чем таком рассуждал буддист, и настоятель в точности повторил слова Бифэна о серебряных монетах. Военачальник попросил их показать. Настоятель вынул монетки из чаши для подаяний и передал ему. Юньмухун внимательно повертел серебро и изрек:

– Не следует пренебрежительно относиться к сим монеткам: глядите, как они сверкают и переливаются, от них словно благовещее сияние исходит. Наверняка какой-то талисман.

– Ежели талисман, дайте их мне, я сам распоряжусь, – ответил настоятель.

Не успел протянуть руку, как серебряные монеты со звоном запрыгали и, собравшись вместе, облепили шею настоятеля, превратившись в белоснежную, словно нефритовую, шейную колодку-кангу. Да это еще что! Канга отяжелела и стала весом не менее нескольких сот *цзиней* – можно ли такое вытерпеть? Она давила так,

что монах хлопнулся наземь, не в силах ни подняться, ни повернуться. Делать нечего, пришлось обратиться с молитвой к Будде. Стоявший рядом до смерти перепуганный военачальник тоже повторял молитвы, размышляя при этом о могуществе пришельцев из Южной династии: «Хорошо еще, что я тщательно продумал свой визит и ничем им не навредил». На просьбу настоятеля вызволить его из канги он отвечал:

– В моих ли силах вас спасти? Лучше искренне покайтесь.

Тара взмолился, обещая Будде впредь никогда не мошенничать, не мешать правду с ложью, и истово каялся в прошлых прегрешениях. Обоим пришлось повторить молитвы не единожды, прежде чем канга и вправду со звоном развалилась на серебряные монетки.

Военачальник доложил султану о злополучных монетках, и тот согласился немедленно их вернуть.

Военачальнику ничего не оставалось, как отправиться в путевую резиденцию Государева советника и попросить встречи. Цзинь Бифэн, разумеется, смекнул, в чем дело. Пригласил гостя, спросил, как зовут, зачем пожаловал. Тот отвечал, что послан передать поклон от султана.

– Буде вы не по своей воле прибыли, верно, есть на то серьезная причина, – обронил Государев советник.

Юньмухун тут же начал крутить:

– Скажу, не совру: пришел за-ради монаха, что вчера собирал подаяние. Ведь он для нас – Праведник, охраняющий государство. Обманом он заполучил от вас серебряные монетки, да только они оказались непростые. Нынче Праведник возроптал и заявил султану: мол, из-за придумки о вашей болезни пришлось проявить неучтивость к господину флотоводцу, а неприятности посыпались на его голову. Султан возмутился: мне, мол, неведомо ни о каких неприятностях. В результате они рассорились, и султан отправил меня к вам – просит смириться и простить монаха! Примите деньги обратно, дабы правитель восстановил добрые отношения со своими подданными. Сей ваш поступок всенепременно будет благоприятствовать нашей капитуляции.

Государев советник по натуре был миролюбив – пришедших принимал, ушедших не преследовал. Он тут же смягчился и воскликнул:

– Амитофо! К чему ссориться? Заберу монеты.

Военачальник отвесил два земных поклона, распрощался, вернулся в храм Летящего дракона и сообщил обо всем настоятелю. Обрадованный Тара почувствовал себя птицей, выпущенной из клетки, или лодкой, освобожденной от тросов.

Настоятель отправился во дворец. Он признался султану, что, по словам военачальника, Мogaдишо самостоятельно не в силах противостоять флотилии.

Настоятель Тара предложил призвать на помощь своего наставника, что обитает на одной из четырех великих даосских гор в Пещере чистого неба – обители восьми даосских святых:

– Он владеет удивительным оружием. Спросите, каким? Это два огромных летающих диска – самец и самка. Стоит подбросить их в воздух, как они начинают множиться – вот их уже десять, сто, тысяча, да что там – десять тысяч! Они заслоняют небо, покрывают землю, заполняя страны и материки. Моего наставника так и называют – Монах с летающими дисками^[182].

Ил. 10. Караталы – «летающие диски»

И вот уже сей монах по просьбе настоятеля Тара явился к султану и пообещал изничтожить противника.

Сказывают, что летающие диски со скрежетом ринулись на китайские суда. А на борту в это время дежурные офицеры как раз занимались распределением провианта и сновали туда-сюда, будто стая рыбешек. Они услышали странные звуки, однако никто не ждал беды, потому и не приняли мер предосторожности – и вот уже десять человек оказались обезглавленными. Остальные застыли в полном недоумении – что стряслось? А в это время десять дисков с отрубленными головами со скрежетом взмыли ввысь.

Таинственное исчезновение голов вызвало страшную панику среди воинов, о чем тут же доложили в ставку. Командующий был ошарашен:

– Ну и попали мы в переделку, как буддийские монахи в трехмесячный пост^[183]!

Он отправил лазутчиков на разведку, и те по возвращении доложили, что обезглавливание воинов – волшебство всемогущего Монаха с летающими дисками, и тот уже доставил головы китайских воинов в подарок султану.

– Так вот отчего султан сказывался больным! – вскричал командующий. – Он выжидал!

И немедленно повелел пригласить на совет Небесного наставника и Государева советника.

Небесный наставник вызвался вступить в схватку. Он отправился к нише-божнице Чаоюань, дабы морально подготовиться к сражению. И вот уже слева от него выстроились все храмовые монахи, справа – мальчишки-танцоры, а сам он недвижим застыл на корме. Завидев его издали и убедившись, что это тот самый Небесный наставник, маг-повелитель дисков изрек:

– Встретились и, не выпив чарку, впустую разошлись – в таком случае нас, как говорится, поднимут на смех даже хилые цветы в гроте.

С этими словами он запустил в даоса диск-самец, выкрикнул «Быстрее!», и диск со скрежетом опустился прямо на череп монаха. Кто же знал, что у Небесного наставника череп необычный? Диск колошматил даоса по голове то с одной, то с другой стороны, не причиняя никакого вреда. А сам наставник Чжан, наблюдая за этой бешеной пляской, не торопясь, вынул свой семизвездный меч, спустился с корабля и, оседлав черногривого скакуна, помчался навстречу магу. Тот, не сдержавшись, воскликнул:

– Вот так Небесный наставник, не простой штучкой оказался!

Он вытащил новый диск – самку и, выкрикнув «Превратись!», подбросил ввысь. И вот уже всё воздушное пространство со свистом наполнили тысячи, десятки тысяч дисков, кои со скрежетом падали вниз. Монахи-послушники и юноши-танцоры так плотно окружили Небесного наставника, что человеку ногой не двинуть, коню морду не поднять. Откуда магу знать, что эти монахи и танцоры тоже создания особенные, и опускавшиеся на них бесчисленные диски не способны даже приблизиться к их горлу или шее, не говоря уже о том, чтобы отсечь головы? Могущественный старец всё больше свирепел и хмурил брови. Делать нечего: возопив «Беда!», он собрал свои диски. Что же, как говорится, везет – наступай, при неудаче отступай. Небесный наставник со своим окружением вернулся на корабль. Командующий с нетерпением принялся расспрашивать, как удалось уклониться от грозных дисков. Даос объяснил, что у него на макушке выгравированы печать трех верховных божеств и рескрипт самого Нефритового императора:

– А что до свиты, то я заранее положил каждому на голову талисман-оберег, их тоже охраняли бессмертные.

Государев советник предложил лично встретиться с магом и попробовать уладить дело миром.

– Так-то оно так, да только с этим кудесником вряд ли удастся договориться, – засомневался Небесный наставник. – Он-то уж точно не монах секты *чжэньи*! Осмелился обезглавить десяток наших воинов и поднести их в дар султану. Ничего себе наставник! Ничего себе подарочек!

Государев советник беспокоился, куда делись тела десяти убиенных, и командующий поведал, что хотя прошло уже два дня, но их сердца продолжают биться – похоже, воины не смирились с насильственной смертью.

– Прекрасно, прекрасно! – обрадовался Государев советник. – Пусть дождутся, пока я верну им головы, и они, ожив, вновь предстанут перед командующим. Возможно, тогда и Небесный наставник согласится на мировую с магом.

Своим заветным посохом Бифэн очертил на полу десять ровнехоньких кругов, в каждый ткнул посохом и тихо призвал:

– Вернись.

И тут же с порывом ветра в каждом круге показалась голова. Все были поражены:

– Чудеса! Поистине, беспредельно могущество Государева советника!

Бифэн велел ординарцам надеть на каждое туловище по голове:

– Да не ошибитесь!

Начали таскать туловища и прикладывать к ним головы. Как только всё было исполнено, Бифэн велел Юньгу принести патру с живой водой и каждому влить в рот по глотку – миг, и воины предстали в прежнем облики. Только вот беда – двое оказались уродцами: у одного голова глядела назад, у другого из груди струйкой дыма вылетела душа, а без души что – одна оболочка! Юньгу, помирая со смеху, указал на уродов Государеву советнику. Тот только покачал головой:

– В нынешнем перерождении каждый получил по заслугам. Нрав первого таков, что в лицо говорил одно, а за спиной иное, что до второго – он был двуличен и двоедушен, вот одна душа и улетела.

Командующий, взывая к милосердию буддиста, стал молить избавить несчастных от подобной кары. Буддист обратился к уродам:

– Буде каждый из вас признает вину и пообещает раскаяться в прежних прегрешениях, я справлю заупокойное чтение сутр.

Оба воина дали обещание. Государев советник произнес: «Вернись к прежнему» – и вот уже пред всеми предстали два добрых молодца, отвесили земные поклоны и чинно удалились. Государев советник снова обратился к Небесному наставнику:

– Теперь можете договариваться о мире.

Даос и раньше вроде как соглашался вести переговоры – при условии, ежели оживут загубленные души. Нынче же, когда головы вернулись на место, он, конечно, не мог взять назад свои слова, но в душе противился этому. Посему вслух произнес:

– Ежели Государев советник стремится к согласию, осмелюсь ли я перечить? Только боюсь, маг не пойдет на мировую.

– Завтра посмотрим, – завершил беседу Государев советник.

На другой день Небесный наставник выехал на коне и увидел, что навстречу ему из городских ворот движется могущественный старец в сопровождении своего ученика – настоятеля Тара. Даос встрепнулся, сорвал с головы повязку с девятью драконами и подбросил в воздух. Маг улизнул, но удалось поймать хотя бы настоятеля. Небесный наставник рассудил: «Пусть дракона не схватили, а рога всё ж отпилили». Пока он связывал пленника веревками, маг бросил свой волшебный диск, опрокинул на землю одного из сопровождавших Небесного наставника монахов и усадил его на диск – подцепил так ловко и точно, словно ковшом водицу зачерпнул.

– Лысая бестия, отдай моего ученика, – осерчал Небесный наставник.

– А ты верни моего монаха, – огрызнулся маг.

Они заспорили, не желая уступать друг другу.

И вот взгляните – из арьергардного батальона во всём блеске доспехов, нетерпеливо подхлестывая борзого скакуна, к ним подъехал знаток военного дела Тан Ин:

– Что вы тут оба уперлись? Дозвольте примирить вас обрядом^[184].

Монах с летающими дисками внимательно его оглядел – молодой, утонченный, хорош собой. Недослышав его слова, крикнул:

– Ты кто таков, чтобы выстраивать нас рядом?

Тан Ин представился, назвав ученое звание, и тогда старец согласился:

– Ну коли ты знаток военного дела, доверимся твоим обрядам.

Небесный наставник заметил:

– И какие же церемониальные требования могли передать тебе мои даосские предки?

– Главное – не судить других, – отрезал Тан. – Сейчас я выпущу три стрелы, и ежели все они попадут в цель, вам придется мирно решить спор. Буде хоть одна пролетит мимо, продолжите схватку.

– Дозволь спросить, – заинтересовался старец, – а как именно ты предлагаешь разрешить спор?

– У нас – ваш ученик, у вас – наш послушник, вы ими обменяетесь, так и появится возможность прийти к согласию, – посоветовал Тан.

– И что потом? – настаивал старец.

Тан сообразил, что Небесный наставник тоже ни за что не простит похищение послушника, и даже ежели сейчас развязать сей узел, он придумает новые доводы. Тан Ин процитировал строки:

Сегодня есть вино, так нынче будем пить,
О будущих печалях потом начнем грустить.

– Тогда и решим, что делать, – заключил он.

Маг-повелитель заметил:

- Верно сказано. С чего мне страшиться грядущего?
- Каждый из вас отдает пленника. Я трижды подам сигнал ударами в барабан, после чего вы совершите обмен.

- Да вот еще вопрос: во что метить будешь?

- Что долго рассуждать? Возьму хоть шест у городских ворот.

- Шест высоченный, чжан двадцать, не меньше - целься аккуратней.

- Мне ли бояться! Сам шест ерунда, я могу попасть в сороку на вершине шеста.

- Ох, смотри, не промахнись, та деревянная сорока - флюгер, она величиной с кулачок и всё время вертится. Не так-то легко угодить в нее тремя стрелами.

- Да что вы знаете о моем искусстве стрельбы из лука! Первая стрела попадет - небо откликнется, от второй - луна и солнце перевернутся, а после третьей - звезды с неба дождем посыплются.

- Ну, коли так, приступай!

- По звуку третьего удара в барабан начинайте обмен пленниками.

Противники согласно закивали.

Тан поднял лук, приладил стрелу, выстрелил - стрела, пролетев со свистом, попала точнехонько в голову деревянной птицы. Прозвучал первый удар барабана, и оба противника издали одобрительный возглас. А в воздухе уже просвистела вторая стрела - она еще искуснее угодила в цель. Что сие означает? А то, что вторая стрела полетела точнехонько след в след первой и сбила ее - и вот уже в голове птицы торчит только вторая стрела. Вновь прозвучал удар барабана, и противники опять не сдержали криков одобрения. Между тем Тан Ин выпустил последнюю стрелу, коя оказалась самой удивительной. Она налетела аккурат на кончик второй, та упала - и вот уже в голове птицы торчит одна лишь третья стрела. Прозвучал последний удар барабана - и оба противника дружно издали восторженные кличи.

Тан воскликнул:

- Ну, что, Монах с летающими дисками, понял теперь, в чем суть?

- Не ведаю, - ответил тот.

- О моих стрелах можно так сказать: в реке Чанцзян каждая следующая волна гонит предыдущую, а на земле на смену старому приходит новое.

- Благодарю за науку! - воскликнул старец.

- А вы обменялись пленными? - настаивал Тан Ин.

- Обменялись, - подтвердил тот.

И верно: послушник вернулся к Небесному наставнику, а настоятель Тара - к магу. После чего противники убрали войска с боевых позиций, а наставник Чжан поблагодарил Тан Ина за поддержку. Командир отвечал:

– Нынче я сумел добиться возвращения послушника, а уж завтра вы, почтенный, решайте исход битвы самостоятельно.

Тот признался:

– Насчет завтра я приберег кой-какую мыслишку.

На следующий день маг-повелитель дисков вместе с настоятелем Тара снова выехали на позиции. Разъяренный Небесный наставник молча мчался им навстречу на своем великолепном скакуне, выставив семизвездный меч: на кончике меча горел огонь, на коем монах жег амулеты. Он выкликнул:

– Явись!

И один за другим поочередно спускались на землю небесные полководцы, которых Небесный наставник просил избавить от черного монаха-повелителя дисков.

Первым явился небесный полководец Ма. Он вознесся ввысь на благовещем облаке и метнул оттуда золотой слиток^[185] прямо в череп могущественного старца.

Однако маг поймал слиток на свой диск, и небожителю ничего не оставалось, как попросить вернуть талисман и убраться восвояси. Следующим с небесных высей спустился полководец Чжао из скита Дракона и тигра. Размахнувшись, он стал бить старца своей волшебной металлической палицей со слепящим огнем. Однако маг отбивал удары множющимися дисками, и Чжао пришлось исчезнуть в поднебесье.

Наконец, по зову Небесного наставника на землю спустился небесный полководец Вэнь, что служит у алтаря почтенного Бога грома, и заявил:

– Оба этих небесных полководца – люди твердые, но товар у них негодный. Один сделал пробный ход – как говорится, бросил кирпич, дабы заполучить яшму, – да разве так поймаешь нечисть? Другой стегал злодея палицей – сколь простонародное занятие, так ли поразишь оборотня? У меня есть ваджра – особый жезл для укрощения демонов, ни на небе, ни на земле не сыщешь места, где бы о ней не слышали! Мне ли убоятся чертей и духов?

Маршал Вэнь пустил в ход ваджру, но бесчисленные диски черного монаха плотно облепили священный жезл, сковав его действие. Вэнь вскочил на облако и был таков.

Небесный наставник призвал на помощь еще одного из четырех святых-военачальников, покровителей даосизма – известного своей честностью и бескорыстием Гуань Юя. Тот поочередно вызвал к себе духа земли Могадишо, а затем и духа-хранителя города. Оба утверждали, что не в силах воспрепятствовать нахождению черного Монаха с летающими дисками на их территории, ибо того пригласил лично султан.

Гуань Юй спросил духа города, приходилось ли ему видеть эти диски, и тот признался, что видывал:

– На диске мужеского рода нарисована голова – то ли человек, то ли дух, с глазами, носом, ушами и огромным ртом, а на диске-самке изображены бесчисленные головы с глазами, носами, ртами, ушами. Вот всё, что я могу сказать.

Полководец Гуань Юй тут же заявил, что сие означает не что иное, как то, что болезнь входит через глотку^[186]. Эти слова несказанно удивили духа города:

– Да этот маг круглый год питается вегетарианской пищей. С чего ему болеть?

Гуань Юй и рассердился, и рассмеялся:

– Да я не имею в виду только болезни. Вот послушай! Император вкушает разнообразнейшие яства: не означает ли это, что глотка – предмет его постоянной заботы? Гражданские и военные чины при дворе получают высокое жалование – разве сие не для ублажения глотки? А горемыки-студiosы, что готовятся к императорским экзаменам, перебиваясь на жидкой похлебке, – их ли не терзают заботы о глотке? Крестьянин в мае собирает урожай зерна – нешто не для насыщения глотки? Ремесленник, что получает казенное довольствие зерном, – он ли не заботится о глотке? Торговцы, кои утоляют голод и жажду, – им ли неведомы заботы о глотке? Богачи, что роскошествуют и обжираются, – неужли сие не ради ублажения глотки? Бедняки раз в три дня съедят чашку риса – им ли не тревожиться о насыщение глотки? Есть миска каши и чашка похлебки – можно жить, а нет, так и помирай! Коли наешься до отвала винцом да мясцом, тут-то и снизойдет на тебя беспредельная благодать! А ежели буддийские наставники звонят в колокол уже после еды^[187], не униженье ли это для тех, кто ждет момента наполнить глотку? Или, например, вот я нынче в Китае постоянно совершаю обряды жертвоприношений – неужли сие не связано с заботами о глотке? Или ты здесь, на земле Могадишо, требуешь от населения жертвоприношений – это ли не ради глотки?

– Да не смею я требовать никаких жертвоприношений, – стал поспешно оправдываться бодхисаттва, дух города.

– Ну, ладно, оставим в покое твои дела, лучше принеси-ка сюда хороший шмат свинины.

– Нет у меня свинины.

Тогда Гуань Юй обратился к духу земли, но тот ответил, что может достать только соевый творог.

– А откуда он у тебя? – удивился Гуань Юй.

– Местный народец не видит дальше своего носа, – вздохнул дух земли. – У духа города положение высокое и жалованье хорошее, вот его и уважают, а у меня и звание низкое, и доходы малые, посему мной и пренебрегают. Свиные головы от жертвенных животных тащат ему, а мне достается соевый творог.

Полководец Гуань аж в лице переменялся и набросился на духа города:

– Ты что же, болтал, что не требуешь жертвоприношений, а сам берешь себе свиные головы, а духу земли оставляешь соевый творог?

Видя гневливость Гуань Юя, дух города затрепетал от страха и благоговения – поистине, как чиновники в древности перед императором. Он бухнулся наземь и отвесил несколько земных поклонов:

– Виновен! Уповаю на снисхождение!

– Довольно, на сей раз прощаю. Как ты готов искупить вину? – рявкнул Гуань Юй.

– Приказывайте, всё исполню, не убоюсь ни кипящей воды, ни пылающего огня преисподней.

– Возьми шматок свинины и исхитрись незаметно обмазать рты на дисках свиным жиром. По диску-самцу мазани разок и довольно, а у дисков-самок рты обмажь несколько раз со всем тщанием. Как услышишь ответный писк, шепни: «Забота о глотке». Они тотчас и смолкнут.

– А как улучшить подходящий момент?

– Я отвлеку старца беседой, он потеряет бдительность, и ты сможешь свершить свое дело.

– Всё исполню, как прикажете, – пообещал дух города.

Тем временем полководец Гуань оседлал облако, подлетел к магу и крикнул:

– Эй, ты, лысая бестия! Какой веры придерживаешься? Сидишь, медитируешь, как буддист, а сам людей убиваешь!

Старец вежливо ответил:

– Я, смиренный, людей не убиваю, я пришел спасти их от страданий.

Он еще не закончил фразу, а дух города уже успел обмазать рты на обоих дисках и произнести: «Забота о глотке».

Черный монах снова собрался забросить свои волшебные диски, да только те объелись-осоловели и едва-едва могли взлететь дальше, чем на три чи. Вернувшись в храм Летящего дракона, святой старец очистил диски и на другой день снова вступил в схватку с Бифэном. Да только тот был достойным соперником, подбросил вверх свою патру червонного золота, и вот уже тысячи, сотни тысяч патр с переливчатым звоном закружились в воздухе, и каждая, сделав сальто, преграждала путь дискам.

Долго продолжался сей бой-состязание. Стало смеркаться, на востоке всходила луна, и противники засобирались восвояси. Когда Государев советник вернулся на корабль, военачальник евнух Ма с удивлением спросил, почему тот не сумел полностью проявить свои сверхъестественные способности и захватить в плен черного мага. Бифэн ответил, что маг – тоже последователь буддизма, и он не посмел нанести сокрушительный удар единоверцу.

– Как в таком случае завершить ваше противостояние? – не унимался военачальник.

- Пару дней терпенья – и маг покорится по доброй воле.
- А ежели нет, то сколько еще ждать?
- Постараюсь завтра всё уладить, – заверил Государев советник.

На другой день Бифэн захватил противника в плен, но не решился его изничтожить, ожидая, что тот покорится добровольно.

Сказывают, что оба главнокомандующих сидели в ставке, так и эдак обсуждая план действий, но не смогли прийти ни к какому решению. Засиделись допоздна. Вице-адмирал Ван задремал – он вроде спал, а вроде и не спал. Видит – в ставку входит какой-то господин при параде: высокая шапка, широкий кушак, в одной руке кусок свинины, в другой – летающий диск. Оказалось, это дух города. Он покался:

- Из-за всех этих дел я согрешил, иначе нынче с помощью того же приема господин командующий сможет отличиться.

Тут в ставке раздался какой-то шум, Ван открыл глаза и сообразил, что это был сон – несбыточная греза. Он глубоко задумался и, наконец, разгадал смысл сновидения. Ван вспомнил, как дух города мазал свиным салом жадные пасти дисков, – а теперь явно подсказывал ему, что надо снова подкормить сих злобных духов скромным. Понять-то он понял, но на деле всё казалось непросто. Как он, обычный человек, сможет справиться с тем, что проделал дух? Он погрузился в раздумье, пока ему в голову не пришла замечательная задумка.

Сказывают, что командующий Ван тайно отдал приказ командирам эскадр и дивизий: в каждом из подразделений смастерить по 1250 соломенных чучел в полный человеческий рост, надеть им на голову повязку с иероглифом «Храбрец», обрядить поверх халатов в темно-желтые верхние кафтаны, обуть в туфли и носки и не позднее рассвета доставить в ставку. При этом под страхом смерти не допустить утечки сих секретных сведений. А еще приказал всем командирам в чине *юцзи* раздобыть по сотне собак и не позднее рассвета следующего дня доставить животных в ставку, сохранив всё в строжайшей тайне.

Командиры эскадр и дивизий бросились выполнять приказ: заготовили лошадиную траву полынь, сделали из нее чучела, раскрасили им лица, одели-обули, как приказано, и не прошло и полдня, как всё было готово. Дождавшись рассвета, они отнесли чучела в ставку. Командующий Ван лично всё проверил, после чего военачальники ушли, приняв жезлы, удостоверявшие их полномочия.

А в это время командиры *юцзи* думали-гадали, где раздобыть собак, да еще и побыстрее. Один предложил обрядить лазутчиков под местных жителей с тем, чтобы те открыли мясную лавку и начали скупать у населения коз, овец, собак по достойной цене – по *ляну* за штуку:

- Недаром исстари говорится: коль цена высока – прибудет гость издалека^[188]. Местные налетят, как пчелиный рой, и мы за один день наберем сотню собак.

Командир Ма похвалил:

– Неплохо придумано! Как говорится, под вывеской барана продашь и собачину болванам.

Другой командир описал свой хитроумный замысел:

– Мне известно одно древнее средство. Я стану скручивать мудры и представлять, будто пытаюсь изгнать злого духа, наславшего эпидемию на собак. Для этого попрошу притащить ко мне всех животных для обряда излечения. Полдня не пройдет, как наберем сотню. Можно свершить обряд в буддийском храме за восточными воротами – бьюсь об заклад, что жители весь храм животными завалят.

Юцзи Ма засомневался:

– Да не хотелось бы поступаться честью и во имя спасения своей шкуры изображать в храме злого духа, а ради собак самому ползать на брюхе.

Командир Ху поддержал:

– Да и вывешивать бараньи головы в лавке не дело.

Тогда командир Ма изложил свой план:

– Мы получили важное военное задание. Как можно, находясь здесь, распускать в городе слухи, учинять беспорядки? Предлагаю разделить на две группы: одна отправится в Джубу, другая – в Бараво. Каждая берет с собой отряд всадников, луки со стрелами и «летающие когти» и охотится там в горах. Не брезгуйте ничем, сгодится кто угодно – олени, зайцы, собаки, бараны. Охота – наше личное дело, и местные ничего не заподозрят. Даже когда привезем пойманных животных, они всё одно не догадаются. Секретность обеспечит успех. По-моему, план весьма достойный.

Командир Ху глядел одобрительно, но *юцзи* Хуан возразил:

– Мне сие не по душе. Помните поговорку – после того, как заяц убит, из гончей тоже варят похлебку? Кабы нас не постигла подобная участь.

Юцзи Ма снова напомнил о приказе, и Ху опять его поддержал:

– К чему препираться! Собак надо сдать не позже завтрашнего дня. Быстрее пойдем – скорей вернемся, не то и половины не добудем.

Так и поступили. Отправились в Джубу и Бараво, за полдня подстрелили сотню, а то и две собак, не считая оленей и зайцев, и на рассвете доставили добычу в ставку. Командующий Ван отдал секретный приказ: распотрошить собак, спустить всю кровь и слить ее в кувшины для вина, а завтра на рассвете подняться с кувшинами на вершину горы в строящийся новый лагерь и ждать распоряжения. На другой день он послал еще одну верительную стрелу с приказом выставить во вновь отстроенном и огражденном со всех сторон лагере чучела воинов – да так, чтобы видны были только макушки. Затем командующий Ван пригласил Небесного наставника взглянуть на новый лагерь. Тот отправился вместе со всеми послушниками. Увидев головы расставленного за воротами несметного количества воинов, Небесный

наставник выразил сомнение, что даже подобное войско сможет противостоять Монаху с летающими дисками:

– Он их попросту сожжет.

Вице-адмирал нарочито громко ответил:

– Числом победил – в бою господин. Чего бояться? Угощу каждого вояку чашей вина для поднятия духа.

И тут же приказал вроде как налить им, да так, чтобы все выпили до дна, а ежели кто не выпьет, вылить вино на голову.

В этот момент маг вместе с настоятелем Тара выехали за городские ворота и обнаружили на вершине горы бесчисленное войско во главе с конным Небесным наставником. Маг рассвирепел и со словами «хочешь убить врага – захвати инициативу, промедление грозит гибелью» выпустил летающие диски. Диск-самец нацелился точнехонько на Небесного наставника, а диск-самка стал размножаться в воздухе, и вот уже туча дисков направилась в сторону войска. Диск-самец покружил немного в воздухе и, не сумев заполучить Небесного наставника, тоже двинулся на врагов. Маг уже решил: «Отрубят головы этим воякам, и большая победа за мной!» Мог ли он предположить, что всяк диск, отрубив голову, беспомощно рухнет оземь, не в силах снова взлететь? Для мага потерять возможность управлять дисками – всё равно что для нищего лишиться чаши для подаяний. А Небесный наставник на своем вороном и с семизвездным мечом наперевес уже мчался на него – свирепый и готовый покарать. Маг развернулся и поспешно влетел обратно в городские ворота.

Небесный наставник тоже развернулся и, подъезжая к лагерю, обратил внимание, что воины стоят всё так же прямо и неподвижно. В его сердце закралось сомнение. Вернувшись в ставку, он увидел двоих коленопреклоненных полуголых монахов жалкого вида, а на столе – пару дисков, точно таких, кои были у старца. Вице-адмирал Ван с сияющим лицом вышел навстречу:

– Простите великодушно, что беспокоил!

Небесный наставник в ответ:

– Нынче я нахожусь в полнейшем замешательстве! Позволю себе обратиться к почтенному господину Вану за разъяснениями – что это за соломенное воинство?

Ван описал свой план – пропитать чучела воинов собачьей кровью, дабы, тем самым осквернив и опоив диски, лишить их возможности двигаться.

– А что за пара монашков сидит у ступеней? – полюбопытствовал Небесный наставник. В ответ услышал, что слева – Монах с летающими дисками, а справа – настоятель Тара:

– Не удивляйтесь! Это я, недостойный, заранее приказал Ван Мину и Хуан Фэнсянь спрятаться в храме Летящего дракона. Стоило потерпевшим поражение магу и настоятелю вернуться туда, наши молодцы их связали и без малейших усилий притащили в ставку.

Небесный наставник только и смог воскликнуть:

– О, доблестный господин Ван! Это о вас сказано:

Кто в нынешних *цилиневых* палатах

Отмечен станет первым по заслугам?

Светило наших дней, он превзойдет

В науках воинских седую древность^[189].

– Смею ли я удостоиться столь высокой оценки? – ответил Ван.

В этот момент ординарец доложил, что за дверью ставки ожидают дозволения войти все три правителя – Могадишо, Джубы и Бараво, готовые вручить вассальные грамоты, акты о капитуляции и списки дани. Главнокомандующий велел увести обоих пленников и пригласил гостей. Представ перед адмиралом, те затрепетали от страха, бухнулись на колени и стали истово кланяться, припадая головой к земле. Саньбао повелел им подняться:

– Довольно церемоний!

Владыки успокоились, а командующий пригласил их сесть и обратился со словами:

– Наши доблестные воины отправились в Западный океан, дабы умиротворить варваров и вернуть драгоценность, коя сгинула в странах Западного океана, и мы жаждем вновь ее обрести. Иных намерений у нас нет. Мы изначально послали вам тигровую пластинку с изложением целей экспедиции. Как вы осмелились чинить препятствия и задержать нас на столь долгий срок?

Все трое правителей принялись извиняться и кланяться. Князьки Джубы и Бараво уверяли, что это вина не их, а султана Могадишо, а тот в свою очередь обвинил во всём мага и настоятеля Тара, кои неоднократно принуждали его к неповиновению. Главнокомандующий ответил, что виновные схвачены и всякого постигнет положенное наказание:

– Нынче я милостиво прощаю вас, однако впредь запомните, что наша Небесная династия – что солнце в вышине. Как можно соперничать с его сиянием?!

Правители снова поклонились и пообещали вовеки не выказывать непокорность. Затем они вручили вассальную грамоту для императора и акт о капитуляции. Саньбао сорвал печать и прочел:

«Султан Могадишо, князья Джубы и Бараво бьют челом и почтительнейше подносят грамоту к стопам великого военачальника. Как отчетлива разница между высшими и низшими, так различен и долг, установленный для исполняющих и повелевающих. Ежели народы дальних стран не смиряются, войско императора отправляется в поход. Именно так Китай и инородцы постигают авторитет власти – небо и земля держатся этим. Нам выпала редкая удача – из-за кусочка гнили вы не вырвали с корнем целое дерево. Приветствуя гостей земным поклоном, не осмелимся более переоценивать свои силы, уподобляясь

богомолу, пытавшемуся лапками задержать колесницу^[190]. Трепещем в страхе и благоговении».

Засим посетители вручили общий список даров. Командующий приказал принять дань, а сам стал просматривать список. Там значились:

Нефритовая статуя Будды (гладкая, белейшая, словно живая плоть, при свете видны все мышцы), по паре нефритовых скипетров и нефритовых подголовников, камней драгоценных – по две пары «кошачьего глаза» и крупных изумрудов. А еще зверей разных попарно: антилоп аль Маха, внешне похожих на оленей, узорчатых зебр, львов и леопардов. Значились там и десять рогов носорога, полсотни слоновьих бивней, десять ящиков серой амбры, а также две тысячи золотых и пять тысяч серебряных монет (с изображением султана на них). Упомянуты были и пятьдесят даней необычайно ароматного и крупного розового риса^[191] и кориандра.

Ил. 7. Традиционные китайские подушки-подголовники

Адмирал поблагодарил за столь щедрые дары, а в ответ вручил каждому правителю парадную чиновничью шапку, пояс, церемониальное платье и дщицу для записи распоряжений. Посетители поблагодарили и удалились.

Засим в книгу записей были внесены все свершенные в сей стране великие деяния, а подвиг вице-адмирала Вана – первой строкой. Закатали пир и раздали награды. Командующие обратились к Небесному наставнику и Государеву советнику:

– Как решить судьбу мага и настоятеля Тара?

Бифэн попросил:

– Помилуйте их ради меня!

Саньбао согласился, но потребовал преподать им урок и научить уму-разуму. Позвали обоих. Государев советник облачился в парадное одеяние, всё чин по чину, и как только те вошли, объявил:

– Нынче вы сами накликали на себя беду и недостойны помилования. В соответствии с законом командующий требовал казни. Я хлопотал за вас, просил сохранить вам жизнь, как братьям по учению.

Затем спросил монаха, повелителя дисков, куда бы тот пожелал отправиться. Маг не удержался, чтобы не схитрить:

– Хотел бы вернуться в пещеру Лазоревого неба, да только есть одно дельце. Пришел я сюда с парой летающих дисков, а уйду без них, как-то нехорошо получается. Надеюсь, господин дозволит вернуть их мне.

– Нет, так не пойдет, – отрезал Государев советник. – Ежели диски будут у тебя, ты со временем непременно снова используешь их во вред.

Маг стал клятвенно заверять, что никогда более не допустит подобного.

– Тогда не стоит более сие обсуждать. Подожди тут, я пойду распоряжусь ими.

С этими словами Бифэн отправился на нос корабля и попросил Юньгу принести оба диска.

Вы только взгляните, как почтеннейший во всём блеске проявляет свой божественный дар! Одной рукой достал патру, другой взял диски, дунул в патру, и там начал разгораться великий огонь *самадхи*^[192] – вот он уже неистово полыхает, озаряя всё окрест. Доблестный Бифэн не торопясь бросил в огонь один диск; послышался оглушительный, словно раскат грома, треск, и диск медленно расплавился. Так же он поступил со вторым диском. Засим Бифэн несколько раз встряхнул патру, и в ней оказались девятикратно очищенные пилули бессмертия^[193], отбрасывающие вокруг ослепительное сияние и рассылающие благовещие облака. Бифэн прошептал заклинание: «Начала *инь* – *ян*, явите свое взаимодействие и противостояние». Не успел договорить, как расплавленные пилули, словно струя из бутылки, потоком стали стекать на нос корабля. Непонятно – откуда в небольшой патре из двух дисков образовалось такое обилие металла? Струя текла и текла безостановочно более двух долгих часов. Вы спросите, что вытекло? А вытек сверкающий медный столб наподобие той пограничной вехи, что при династии Хань установил некий полководец, покоривший южные окраины китайской империи. Бифэн спрятал патру, отвесил три приветственных поклона со сложенными ладонями, произнес «Амитофо», – и вот уже колонна стремительно поднялась ввысь на целых три *чжана*, на каждой ее стороне было выгравировано: «Слава Будде-Амитабхе!», а на верхушке появился украшенный самоцветами полог. Даже если бы гравировку делали самые умелые мастера – и то не могли бы сделать искусней. Сей столб предназначен

был не просто навечно обеспечить безопасность сей гавани, но и запечатлеть в веках деяния почтенного буддиста. Благодаря ему все существа на просторах неба и земли обретут возможность наслаждаться счастьем и покоем! На каком из проходящих мимо кораблей не воскликнут: «Стела сия воздвигнута Государевым советником империи Великая Мин, возжелавшей умиротворить варваров!» И правители всех стран окрест будут помнить о сей достопримечательности.

Монах с летающими дисками возблагодарил Государева советника, но заметил:

– Одначе ежели вы оставите меня здесь, как я смогу вернуться к своим истокам, к своему изначальному облику?

И Светозарный отправил его обратно в небесные сферы. После чего к милосердию Бифэна стал взывать настоятель Тара, умоляя с помощью заупокойных сутр избавить его от мучений в потустороннем мире. Проницательный Государев советник решительно отказался:

– Из гнилого дерева хорошей вещи не вырежешь. Ты всегда был пронырой и хитрецом, крал еду, находясь у Лотосового трона Будды. С какой стати нынче избавлять тебя от страданий?

Тара продолжал молить о снисхождении.

– Ну да ладно, – смилостивился Бифэн. – Раз уж мы повстречались, назначу тебя Хранителем медного столба.

Настоятель пал на колени и стал кланяться, припадая головой к земле, и тут Бифэн с силой дунул ему прямо на темя. Тара подпрыгнул и тотчас стал высоченным – поболее чем в два человеческих роста и весь с головы до пят обряжен в форму воеводы: шлем, воинские доспехи, на ногах кожаные ботинки.

– Но, почтеннейший, – удивился настоятель, – это вовсе не мой изначальный облик!

– Нарядишься святым – станешь святым, обрядишься в черта – станешь чертом, – отрезал Бифэн. – Коли ты теперь Хранитель медного столба, то и вид должен иметь соответствующий. Разве лучше оставаться с лысой головой и черпаком в руках?

Настоятель принял поучения, просветлел душой, поблагодарил Государева советника и исчез.

Флотилия двинулась дальше, и через какое-то время ординарец доложил, что впереди показалось неизвестное государство:

– Просим дозволения командующего послать лазутчиков для выяснения обстановки.

Ежели хотите узнать, куда далее лежал путь флотилии, слушайте следующую часть.

Часть девятая^[194],

***кля глаголет о посещении Земли
ладана, уличных представлениях в
богатом Ормузе, о том, как удалось
перехитрить султана Адена, и о
великолепии Святой Мекки***

Приятны мне осенние беседы,
Когда суда стремятся за зарей
И видится – с водой сольется небо,
И слышен рокот волн порой.
Потоки слёз вельмож в краю далеком;
Кто истинный талант вознаградит?
Мы, варваров смилив, очистим землю,
И гимн победы в честь героев прогремит.

Сказывают, что как только ординарец доложил о появлении впереди очертаний незнакомой страны, командующий Ван вынес решение: «На войне ценится быстрота – не стоит тратить время на разведку». Командирам четырех эскадр было приказано выдвинуть войска, окружить городские ворота, установить штурмовые лестницы, развернуть сяньянские камнеметы и для начала трижды ударить из них, дабы явить свою мощь. Командирам летучих патрульных отрядов поступило распоряжение обеспечить взаимодействие эскадр, а командирам дивизий – выставить морское заграждение и круглосуточно вести наблюдение. Кто осмелится послушаться?!

Эскадры высадились на берег. Городские стены были сложены из камня и имели четверо врат. Стражники, заметив приближающееся к городу чужеземное войско, тут же задвинули засовы. У каждых ворот китайские отряды установили штурмовые лестницы и разместили по девять камнеметов. Затем по сигналу рожка камнеметы трижды громыхнули, скорее для устрашения, а не разрушения, посему целились не по воротам, а обрушили удары на городскую стену, да так, что посыпались искры и некоторые камни треснули. Эхо прокатилось по ущельям, и горы словно закачались. Всего прогремело двенадцать залпов, осветив на миг даже дворец местного владыки. Жителям показалось, что обрушилось небо и треснула земля, все до смерти перепугались. Султан обратился к приближенным:

– Что, моя голова еще на месте?

– Да мы сами не знаем, на каком мы свете, – пролепетали сановники.

Тут примчались стражники и доложили:

– Небо грозит новостями, да *плохими*.

– Какое еще *попымя*? – не расслышал султан. – Отчего не кликнули водоноса его загасить?

– Да мы не о том, – и стражники растолковали, что невесть откуда в гавани появилось несметное число гороподобных кораблей, на их бортах столько флагов, что они затмевают солнце, а звуки рожков и барабанов оглушают небо. С кораблей спустились четыре отряда всадников, кои словно железным обручем окружили городские ворота и дали по три залпа у каждого, до смерти перепугав жителей.

– Да что за войско устроило пальбу? – вздрогнул владыка.

Главная советница султана – почтенная матушка Ло – сообразила, что это не иначе как китайские корабли и орудия. Тут и другие вспомнили, что еще несколько лет назад заходившие в их гавань моряки с иноземных судов поговаривали о китайской армаде, нагрянувшей в Западный океан усмирять туземцев. Султан нахмурился:

– Ежели вы заранее о том прослышали, так, верно, знаете, чего от них ждать?

Советница Ло отвечала:

– Китай – это край совершенномудрых, там восходит солнце и туда заходит луна. Нет стран, где бы флотилию не привечали, не оказывали почестей. С чего бы ее войску свирепствовать?

– Не стоит верить слухам, – отрезал султан. – Лучше обратимся к нашему святому отроку Вэйчоу – божеству счастья и благополучия.

Ему молились по любому случаю, о чем ни спросят – всё знает, а ведая, не утаит. И султан с советниками и небольшой свитой отправился в малую дворцовую мечеть, где и сделали подношения Вэйчоу. Султан совершил молебен, советники ударили в колокол и в барабан. И тотчас с небес спустился божественный отрок, посвистел, поплясал, дубинкой помахал, кулаками потряс. Султан сжег ритуальные бумажные фигурки животных и поведал божеству о постигшем страну несчастье:

– Я, смиренный, глазам своим не верю, не пойму, что за войско такое, на горе или радость оно к нам пожаловало? Прошу просветить!

Отрок изрек^[195]:

– Золото рождается в Ли^[196].

Госпожа Ло тотчас вспомнила полную фразу – «золото рождается в водах Ли» – и велела принести божественному отроку воды. Тот с ходу осушил десять бурдюков. Это еще что такое? – спросите вы. А дело в том, что в тех местах дожди иногда не выпадали по несколько лет, и воду из колодцев хранили в бурдюках из овечьих шкур.

Владыка выступил вперед, сложил руки в приветствии и попросил отрока разъяснить, откуда явилось сие войско. Тот в ответ изрек еще

две фразы. В первой – «Пять постоянных, четыре...» – последнее слово «великих»^[197] договаривала за него советница Ло. Она же закончила и следующую фразу – «Слева дойдешь до Зала...» – словом «просветленных» (мин). Сложив оба слова, заключила:

– Сие означает, что прибывшие – посланники империи Великая Мин.

Султан стал выведывать, кто именно послал флотилию. Отрок в усеченном изречении назвал имена двух знаменитых правителей древности: из опущенного иероглифа рождалось слово «император». А по омонимичному звучанию слова «жемчужина» (чжу), недоговоренного в следующей фразе, советница догадалась, что флотилия послана императором Чжу. Отвечая на расспросы владыки о численности кораблей и войска, святой отрок снова использовал фразы из «Тысячесловия»:

– «В каждой семье телохранителей тысяча» и «Милость распространяется на десять тысяч направлений». Сие означает, что кораблей множество и воинов тьма, – растолковала советница.

– И с какой целью они прибыли? – забеспокоился султан.

Из обрывочных фраз отрока советница, собрав воедино выпущенные слова, вывела мысль о том, что правителю не о чем беспокоиться – его ждут радость и успех. Султан уточнил, как же в таком случае следует встречать флотилию. Отрок рек: «В посланиях излагать..., приветствовать земным поклоном и...», а советница заканчивала фразы словами «суть» и «дважды поклониться».

– Как организовать радушный прием? – продолжал допытываться султан.

В ответ услышал: «накормить досыта, приготовить...», а еще «музыка, пение и великий...»; «мясо» и «пир» – заканчивала изречения советница Ло. Султан от всего сердца возблагодарил святого за наставления.

В этот момент вошел дворцовый сановник с сообщением о прибытии какого-то важного генерала флотилии, кой желает побеседовать с султаном и вручить ему тигровую пластинку. Правитель немедля вернулся во дворец. Встретившись с гостем, султан попросил его представиться. Прибывший назвался Ма Драконоподобным, военачальником в высоком чине *юцзи*. Султан тотчас приступил к расспросам о численности высших военных чинов на кораблях. *Юцзи* Ма не скрыл:

– В целом – тысяча командиров возглавляют войско в сотни тысяч воинов.

От этих цифр султан пришел в смятение, долго молчал и, наконец, едва вымолвил:

– Почту за честь, ежели вы поведаете, с какой целью приблизились к берегам моей страны.

Юцзи Ма повторил, что посланы они императором Чжу династии Великая Мин с единственной целью – «умиротворить варваров и вернуть сокровище»:

– Главнокомандующий вручил мне сию тигровую пластинку, дабы по прочтении ее у вас не осталось сомнений в истинных целях экспедиции.

Правитель созвал советников и всех приближенных, военных и гражданских, внимательно, слово за словом, вслух зачитал послание и только после этого успокоился, подумав, насколько сбывается провидение божественного отрока: «Пришла пора сдаваться, заколоть свинью, зарезать барана и подготовиться к пиршеству». Приняв сие решение, султан обратился к командиру Ма с просьбой передать главнокомандующему нижайший поклон:

– Государство наше малое, народ бедный, наследственной драгоценной печати Великой Мин не имеем. Что же до грамоты и акта о капитуляции, всё сделаем как положено, не извольте беспокоиться. Передайте адмиралу просьбу отозвать отряды от городских ворот. Потерпите денек, подготовим и документы, и дань. Я, ничтожный, самолично прибуду на корабль поклониться и повиниться. Нижайше прошу адмирала удостоить и нас своим посещением. Не выразить словами моих мыслей и чувств, прошу принять во внимание всё, мною сказанное.

Столь любезные манеры государя убедили юцзи Ма в том, что тот не собирается хитрить и изворачиваться, а посему он так же вежливо поинтересовался наименованием государства. Султан сообщил, что земля сия зовется Ласа^[198].

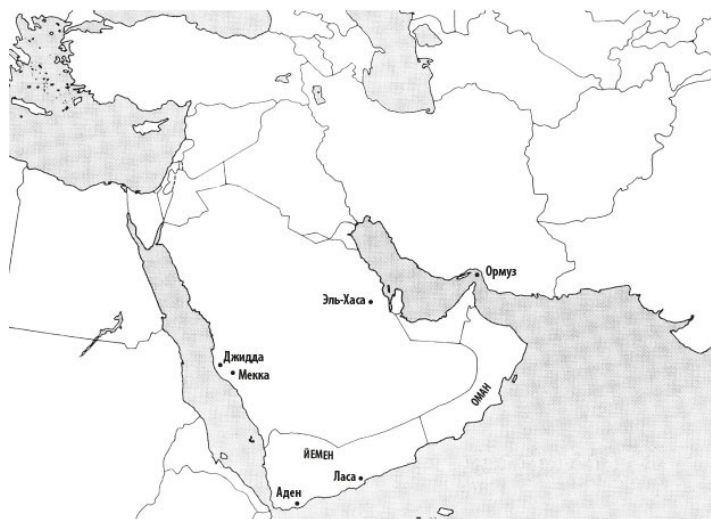

Рис. 7. Аравийский полуостров в эпоху плаваний Чжэн Хэ

Вернувшись в ставку, Ма Драконоподобный в деталях описал адмиралу встречу с правителем. Главнокомандующий признал необходимость достойно ответить на проявленную учтивость и приказал расположенным у городских ворот отрядам вернуться на корабли.

На другой день султан с приближенными прибыли на флагманский корабль и почтительно вручили обоим командующим писанную сусальным золотом грамоту. В ней говорилось: «Я, государь Ласы, совместно со своими главными советниками официально подтверждаю, что, рожденные Небом, люди бывают высокой и малой добродетели, высокого и низкого ранга, благородные и худородные. Всем им следует блюсти себя, следовать древним установлениям. Преклоняемся пред совершенством и мудростью императора Великой Мин, пред его славными деяниями. Слава и могущество великого флотоводца заполнили всё пространство меж небом и землей, его моральное воздействие повергает в трепет западных и северных варваров. Покорнейше прошу принять то, что позволили выразить в словах мои ничтожные, как репа и редис, достоинства».

По зачитании документа правитель перешел к списку даров. В перечне значились: пара зрачков китовых глаз – символ зоркости^[199] – и пара верблюдов; четыре ящика серой амбры и восемь – знаменитого ладана, производимого из ароматной босвеллии (листья у дерева острые, как у вяза-ильмовника; местные жители надрезают кору, чтобы получить душистую смолу); по четыре пары удивительных фарфоровых пиал, расписанных пейзажами, фигурками людей, травами, цветами и птицами: ежели наполнить их водой, то рисунки словно оживали – горы и реки приобретали зеленый и голубой оттенки, люди раскланивались, травы и цветы – покачивались, а птицы – взлетали.

И всё это не считая злата-серебра, атласа и шелка, а также провианта всяческого: риса и зерна, перца, сандалового дерева, быков и баранов, кур и уток. Командующий отказался было от столь щедрых даров, но после многократных уговоров, дабы явить благосклонность, согласился взять десять *даней* риса, по одному быку и барану и по десятку кур и уток. В ответ он одарил султана парадными шапкой и поясом, церемониальным костюмом и мягкими сапогами.

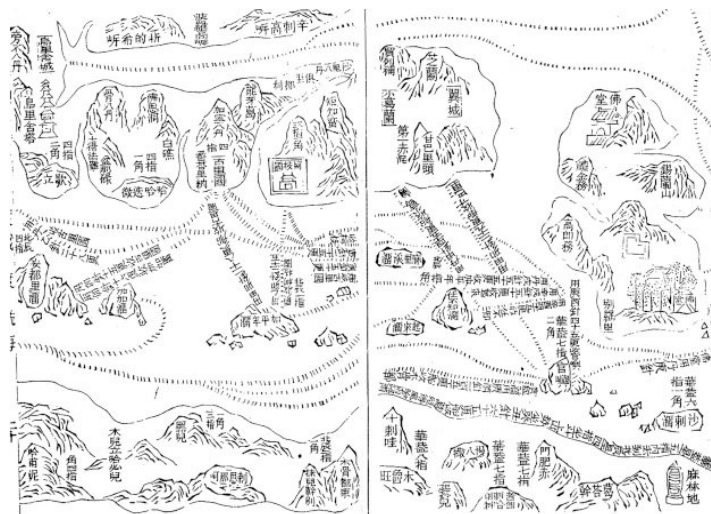

Рис. 8. Карта навигации Чжэн Хэ. Бассейн Аравийского моря. Фрагмент карты Мао Куня, 1430 год

Получили подарки и сопровождавшие султана приближенные, все согласно рангу. Затем был устроен пышный пир. Владыка откусал и собрался уходить, снова подивившись прозорливости божественного отрока, кой предвидел даже угощение на чужеземных кораблях. Вслух он молвил:

– В стране моей лишь горы да пустыни, земля бедная, из зерновых собираем только пшеницу, да и той немного. В течение нескольких лет не выпадают дожди – не могу выразить, сколь мы обездолены. Коровы, овцы, лошади питаются лишь сушеной рыбой, посему дары наши могут показаться недостойными вас. Однако мы воистину бесконечно и от всей души признательны командующему за оказанную высокую честь и милость.

– Ваша искренность дорогого стоит – как можно говорить о непочтительности, – ответил Саньбао.

По окончании пира преисполненный благодарности султан покинул корабль.

Адмирал отдал приказ отправляться в путь.

– Прелюбопытное, однако, сие государство, – заметил он.

А командующий Ван подчеркнул:

– Не предъяви мы им наперед могущество нашего войска, навряд ли они подчинились бы по доброй воле. Тогда бы и вы по-другому заговорили. – И добавил: – Как сказано в древних конфуцианских трактатах, покоряются не по сердечному влечению, а по недостатку силы.

В тот же момент в ставку с сообщением явился воитель Ван Мин – впереди показалось еще одно государство:

– Мне ведомы способы заставить его покориться. Сызмальства я обучен всяким хитрым трюкам и выполняю их зело ловко – могу во сне явиться, могу стать благовещей сорокой, а то напялю личину божества и почну народ дурачить, могу и деревья заставить расцвести. Или вовсе удивлю – превращусь в питона или в парящую в вышине птаху, обернусь цилиндром сказочным иль диким гусем. Нет ничего, мне неподвластного, и проделываю всё вельми искусно. Дозвольте заранее явиться ко двору местного князя и уверить его в благом предзнаменовании нашего появления. Неужли и тогда он не подчинится безо всякого принуждения?

Командующий Ван заинтересовался:

– И как же ты собираешься пробраться во дворец?

– В последнее время я научен проникать под землю, способен в мгновение ока преодолеть хоть тысячу *ли*. Не скрою, свое искусство мне передала Хуан Фэнсянь.

– Ну, что же, отправляйся. Выполнишь задание – получишь щедрое вознаграждение, а как вернемся в столицу, так и дети, и внуки твои будут купаться в славе.

И Ван Мин двинулся в путь. С таким-то даром как не одолеть любое расстояние – в мгновение ока он добрался до неведомых земель. Город со всех сторон был окружен каменной стеной, на коей красовался щит с надписью: «Государство Зафар^[200]». Дворец правителя, выстроенный из камня, высотой был в пять-семь ярусов, словно пагода.^[201] Дома горожан тоже не маленькие – в три-четыре яруса; в самых богатых имелось всё – залы для приема высоких гостей, в более скромных – кухня, отхожее место и опочивальня.

Войдя в город, Ван Мин осмотрелся и задумался: «Шибко я расхвастался перед командующим! А теперь придется хорошенько поразмыслить, как мне встряхнуть этого владыку». Да ведь верно сказано: «нахмурь брови – и план созреет». Ван Мин решил побродить по городу с травой-невидимкой, всё высмотреть и вывести допрежь того, как являться пред очи местного правителя. Так и сделал. Взял свою травку, приподнял полы одежды, и побрел по улицам и проулкам. Видит – люди здесь роста высокого, облика приятного, речи ведут безыскусные и искренние. «Славное местечко», – подумал Ван Мин. А еще заметил, что на воротах всех домов сушится рыба. Он перешел на местное наречие и спросил, к чему это.

– Дык мы что сами не съедаем, сушим и скоту скармливаем, – объяснили люди.

«Прямо как в Ласе», – вспомнил Ван Мин.

Еще походил, глядит – у мужчин волосы вьются, на голове у каждого – белый холщовый тюрбан, одежды длиннополые, на ногах что-то вроде сандалий. Женщины, выходя из дому, тонкой тканью прикрывают голову и лицо, на макушках торчат косички – у кого три, у кого пять, а то и десять. Ван Мин подивился и спросил у местных, зачем

столько косичек. Ему объяснили, что их число означает количество мужей:

– А ежели десять мужей, приходится заплетать десяток – не другим же их за тебя носить?!

Ван Мин выдал себя за торговца из Ласы:

– Я в детстве сюда приезжал, но не видывал такого.

В ответ услышал:

– Да вы, верно, были мальцом и не обратили внимания. У нас в стране мужчин много больше, чем женщин, вот братья и берут в дом одну жену на всех, а ежели родных братьев нет, то с кем-нибудь братаются, а иначе и жену не найдешь!

«Ну и дела! – подумал Ван Мин. – Чудные нравы у этих туземцев, нам не подойдут».

Побродил еще немного, чувствует – в нос шибает какие-то непривычные запахи, а откуда доносятся – непонятно. Расспросил местных – те объяснили, что завтра в мечети состоится праздник с воскурением благовоний. Примет участие сам эмир, посему по всей стране нет жилища, где бы и стар, и млад загодя не готовились: «Уже нынче вся одежда пропитана ароматами, так неужли подобное благоухание не заполнит улицы!»

«Прекрасно, – подумал Ван Мин. – Вот эта мечеть и станет местом моего явления народу».

С травой-невидимкой он проник в мечеть и спрятался в укромном местечке.

Наутро следующего дня запели зурны и бамбуковые рожки, и показался большой паланкин в сопровождении несчетного количества слонов, верблюдов и всадников со щитами в руках. Перед мечетью эмир сошел с паланкина: голова обмотана белоснежной чалмой из тонкой местной ткани, поверх свободной одежды из белого шелка с голубым цветочным узором накинут широкий халат, расшитый по краям узором из золотых нитей^[202], на ногах – носки и парадные черные кожаные туфли.

Войдя в мечеть, правитель возжег благовония и начал отвешивать поклоны. Ван Мин с заветной травинкой в руках проник вслед за ним в главный зал, готовясь изобразить бодхисаттву. Дым от курильниц постепенно сгущался, и вот уже в нем явно проступили очертания спасающего от горя и избавляющего от бед, преисполненного великой доброты и сострадания бодхисаттвы Авалокитешвары^[203]. Слева была видна Дочь дракона, а справа – любимый ученик в образе белого попугая: девчушка словно подавала руками какие-то знаки, а попугай переступал с лапки на лапку. В экстазе эмир пал на колени перед курильницей, отвесил три земных поклона и, проделав ритуалы поклонения духам неба, земли и душам умерших, приступил к молитве:

– Уповаю на то, что бодхисаттва прозреет мою карму, подскажет, что ждет страну и как мне действовать – наступать или избегать столкновений. Признательность моя бесконечна.

Дочь дракона по-прежнему будто на что-то указывала, а попугай всё перескакивал с лапки на лапку.

– Имеющий уши не слышит, имеющий глаза не видит – нынче я таков, – взмолился владыка. – Посему с нетерпением жду от бодхисаттвы воздаяния по деяниям моим.

Лишь после третьей мольбы новоявленный бодхисаттва отверз уста и молвил:

– Слушай меня, Али!

Эмир, услышав, что к нему обращаются по имени, завопил:

– Я здесь, здесь!

А бодхисаттва продолжил:

– Ныне император Чжу империи Великая Мин послал в Западный океан огромную флотилию во главе с двумя военачальниками, тысячью полководцев и тьмой храбрых воинов. Через десять дней корабли приблизятся к твоим берегам. Не вздумай проявить непочтительность!

– До сей поры ничего не знал – не ведал, однако благодаря вашему научению не посмею выказать неучтивость, – затараторил эмир.

Авалокитешвара не замолкал:

– Заранее подготовь вассальную грамоту, акт о капитуляции и подношения. Выходи встречать гостя далеко от дома, подготовь великий пир и множество подарков. Прodelай всё в точности, как я велю, – любая оплошность грозит обернуться большой бедой.

Правитель вновь отвесил поклоны и пообещал всё выполнить. И в тот же миг клубы дыма вокруг курильниц начали разрастаться – вот они уже стали высотой в десять, сто, тысячу, десять тысяч чжан, поднялись до девятого неба и растаяли без следа. Эмир, устремив взор в небеса, еще долго кланялся, а потом вернулся во дворец.

Ван Мина всё же не оставляли сомнения в воздействии его пророчеств: «Они мусульмане – вдруг да дерзнут не покориться!» Он вернулся на корабль и изложил командующему всю цепочку причинно-следственных связей.

– Так что это за государство? – спросил Саньбао.

– Зовется Зафар, – ответил Ван Мин.

– Доберемся – разберемся, – рассудил командующий.

Сказывают, что эмир меж тем вызвал советников и стал выпытывать, не заметили ли они чего необычного во время сегодняшнего праздника в храме.

– Вроде как всё подлинно, это и в самом деле божество, – дружно откликнулись те. – Ежели наш государь относится к явлению бодхисаттвы с искренней верой, то не стоит пренебрегать наставлениями.

Эмир тотчас приказал подготовить документы и дары, накрыть богатый стол с обильными яствами, а старейшинам выехать на джонках навстречу флотилии. Сам правитель отправился в гавань, что находилась в тридцати *ли* от дворца-крепости, и ежедневно и еженощно оджидал там появления кораблей.

Выплывшие навстречу флотилии местные суда с ярусной надстройкой простояли в море пять-шесть дней, столько же провели и ожидавшие в гавани. И вот наконец показалась армада: флаги застыли солнце, гром рожков и барабанов сотрясает небо. Местные старейшины сообщили главнокомандующему, что правитель ожидает в гавани, дабы приветствовать его. Прошло еще несколько дней, корабли вошли в гавань, и эмир смог самолично засвидетельствовать свое почтение со всеми церемониями. Саньбао в свою очередь проявил положенную гостям учтивость. Эмир удовлетворенно подумал: «Как славно, что бодхисаттва заранее уведомил меня, а то ведь мог и нарушить этикет! И тогда их гороподобные корабли и тигроподобные воины тучеподобным войском обрушились бы на нас и раздавили легко, словно гора Тайшань грудой яиц. Что толку потом горевать!» Вот уже видны городские ворота. Правитель въехал первым – и тут же во дворце вручил грамоты и список дани. По окончании церемонии главнокомандующий принял и прочел акт о капитуляции. В нем после почтительнейшего обращения к нему говорилось:

«Страна наша находится в глухих местах на дальнем побережье, мы ничтожны и неразличимы, как муравьи и медведки. Нами правит государь, но у нас нет ни оружия, ни армии. Прибыв издалека, вы почтили нас своим визитом, и мы взираем на вас с надеждой и уважением. Высокое небо, бескрайняя земля дают ощущение необъятности вселенной, солнечный свет и сиянье луны позволяют познать ее великое спокойствие. Рыба в котле борется за выживание – на что ей надеяться? Что может решать загнанный в нору заяц? Сие послание не в силах передать наше почтение».

Засим были вручены дары. В начале списка значились статуя Будды и драгоценная, не сгорающая в огне буддийская ряса из наследия самого Сакьямуни.

Было в списке и множество всяких зверей и птиц: по десятку пантер, зебр и страусов, коих называют «птица-верблюд»^[204]: черные, высоченные, с горбом на спине и копытами как у верблюдов, они способны пробежать в день триста *ли*, чужестранцы даже ездят на них. А еще десяток великолепных скакунов и удивительных добрых коней с небольшими рожками на голове, как у единорогов (они понимают человеческую речь, способны двигаться в такт ритму барабанов и гонгов). Особо ценными были десять ящиков амбры серой и столько же ладана из лучшей в мире местной босвеллии.

Среди дани числилась и тысяча отчеканенных местным князем мелких золотых монет *таньга*: легкие по весу, диаметром чуть больше *цуня*, на одной стороне узоры, на другой – человеческие фигурки^[205].

Ил. 14. Образец монеты таньга

Командующий осмотрел подношения и еще раз выразил благодарность хозяевам. Эмир принес в дар еще много чего – золото и серебро, атлас и шелка, сандаловое дерево. В качестве довольствия – рис, зерно, черный перец, быков и баранов, кур и уток – хватило на всё войско. Адмирал был поражен:

– Сколь щедр и почтителен сей правитель! Раздайте малую толику всем командирам, дабы те убедились в его искренности.

Саньбао устроил эмиру и его свите теплый прием и вручил ответные дары – церемониальное платье, шапку и пояс, мягкие сапоги и всё такое прочее, никто не был забыт. Правитель назвал счастливым день и пригласил флотоводцев посетить город.

И вот оба командующих, Небесный наставник, Государев советник и еще четверо командиров-евнухов высшего состава в указанный султаном день сначала прибыли в мечеть и воскурили там благовония. По окончании церемонии огляделись – стены чистые, блестящие, аж глазу приятно. И тут евнух Ма предложил:

– Мы проделали долгий путь, уже несколько лет находимся вдали от дома. Как можно не запечатлеть наше посещение в сем высокочтимом храме на знаменитой горе?

Вице-адмирал Ван тут же подхватил:

– Благодарю господина Ма за столь ценный совет.

После чего приказал принести четыре драгоценности для письма и поднес их главнокомандующему для почина. Саньбао только вздохнул:

– Мне, ничтожному, сызмальства не довелось учиться и штудировать каноны. Так и остался необразованным, да поздно о том сожалеть!

Ван запротестовал:

– Господин слишком скромен; просим набросать хоть пару строк.

– Ну, коли просите, не стану отказываться, напишу один старинный стих, дабы заполнить пространство.

И он начертал строки из стихотворения потомка Конфуция – поэта эпохи Тан, где описывались красоты горы Белой лошади и стоявшего на ней храма:

Над Линцзю^[206] поднимается башня,

Воздымаясь до ворона-солнца.

Мы в святилище это ступили,

Где в обитель бессмертных оконце.

Саньбао отложил кисть:

– Ну, будет, не то станете надо мной смеяться.

Но военачальник евнух Ван похвалил:

– Превосходные строки!

Начертали по несколько строк и другие военачальники, а также Небесный наставник и Государев советник.

Стоило покончить с виршами, как эмир пригласил всех во дворец на пир. Три дня пировали, а навеселившись вволю, разошлись, и корабли снова двинулись в путь.

Ван Мин испросил дозволения командующего отправиться вперед и зело возрадовался, встретив согласие, ибо его подвиги уже были записаны в реестровой книге как самые важные. Он двинулся в путь прежним волшебным способом – сквозь подземные ходы, а только выбрался наружу и поднял голову – перед ним город!

Это и был город-государство Ормуз^[207].

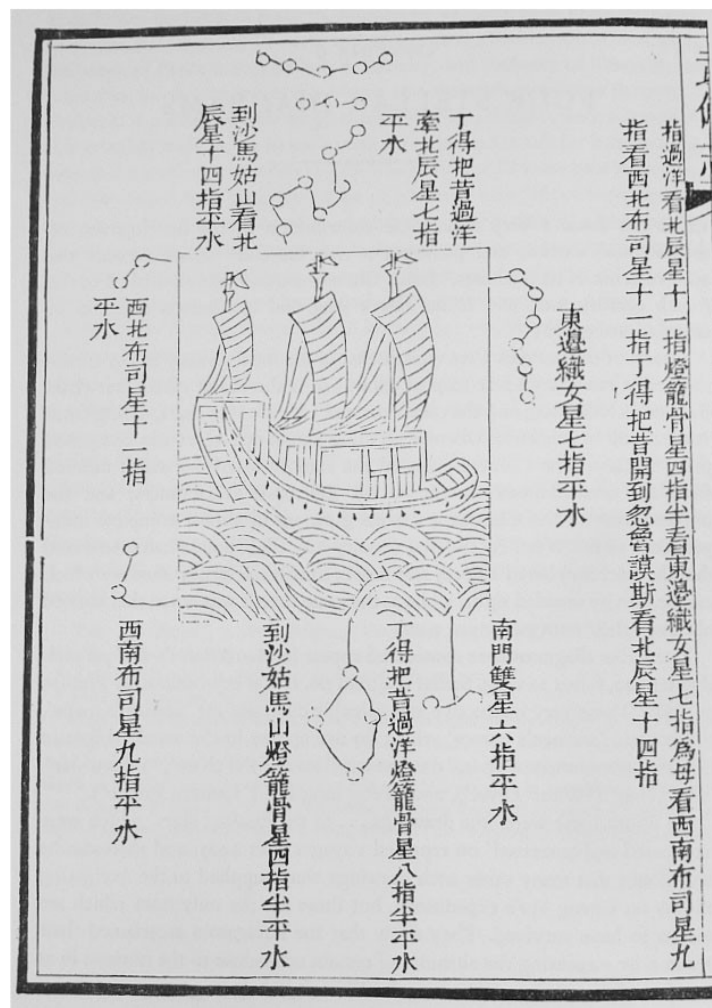

Рис. 9. Карта навигации Чжэн Хэ из Индии в Ормуз. Фрагмент карты Мао Куня, 1430 год

Ван Мин достал траву-невидимку и отправился бродить по улицам и проулкам. Видит – дворец эмира, возведенный из камня высотой в шесть-семь уровней; у простых людей дома тоже каменные, не меньше трех-пяти ярусов: кухня, отхожее место, опочивальня, зала для приема гостей – всё там было. Навстречу ему попало несколько жителей. Внешне они отличались от виденных ими ранее – высокие, стройные, светлолицые, одеты нарядно, по манерам весьма походили на жителей Китая. Встретились и женщины – волосы заплетены в косички, свисающие со всех сторон и покрытые желтым лаком, уши украшены золотыми монетками на веревочках, на шее – ожерелья из драгоценных камней, жемчуга, кораллов; на запястьях и лодыжках – золотые и серебряные браслеты, глаза красиво и аккуратно подведены измельченным в порошок и смешанным с водой лазуритом.

Побродил еще и увидел людей с разными табличками на шее – на одних написано «народные целители», на других – «предсказываю судьбу, познаю тайны сокровенного». Встречались в толпе и всякого рода фокусники, ремесленники и торговцы. Вскоре Ван Мин проголодался, да и во рту у него пересохло. Он огляделся в поисках питейного заведения, но не увидел ни единой вывески. Тогда наш доблестный Ван Мин перешел на местный язык и стал спрашивать у прохожих, где тут можно пропустить стаканчик. Те объяснили, что распитие вина в стране запрещено, а ежели кто самолично гонит, то по закону за это положена публичная казнь. «Вот беда-то!» – ужаснулся Ван Мин.

Пошел дальше и увидел на перекрестке толпу людей – сбились в круг, орут, галдят, толкаются. Ван Мин смекнул, что там, верно, что-то происходит, и стал проталкиваться. Травя-невидимка помогла незамеченным проникнуть в первые ряды. И тут он увидел – идет представление. Какое? А вот какое: старик держал на веревке небольшую черноголовую макаку. По обеим сторонам были сооружены стойки, а на них чего только нет: маски, военная форма, пики, мечи, дубинки! Старик ударил в барабан, стукнул в гонг, и обезьяна тотчас напялила маску, нацепила военный мундир и принялась размахивать оружием – в точности как положено воину. Да это еще что! Дальше – больше: любой из зрителей мог подойти и, крепко-накрепко завязав обезьяне глаза платком, несколько раз стукнуть ее по голове, а затем скрыться в шумной толпе. После этого старик снимал повязку с глаз обезьяны и громко приказывал: «Найди того, кто бил». Обезьяна начинала вертеться, словно высматривала кого-то, и тогда старик разрешал: «Пойди, поищи». Обезьяна скакала в толпе от одного к другому, пока не находила обидчика. Прodelывала этот фокус и раз, и десять, да хоть сто – ни разу не ошиблась. Вот это да!

Ван Мин пришел в восторг, ему тоже не терпелось стукнуть мартышку по башке, но он помнил о своем ответственном поручении и чувствовал, что не вправе терять время. А еще опасался – мало ли что животное может выкинуть.

Немного поколебавшись, он зажал покрепче свою травку и отправился дальше. Вышел на еще одну открытую площадку, заполненную галдящей толпой, – а там смешались люди и кони, одни горланили, другие ржали. Ван Мин поверить не мог – неужто и здесь забавное зрелище? Будучи человеком настырным, он спрятал травя-невидимку, протиснулся сквозь толпу – а там балаган с шестом. Участвовали в представлении семеро: один держал на веревке белого горного козлика^[208], у остальных на плечах были длиннющие шесты из пихты, причем первый ствол длиной в один *чжан*, а каждый последующий – на *чжан* выше. Парни разложили шесты на земле, затем двое стали бить в гонги и барабаны, а остальные с песнями и плясками

расставляли шесты. Когда приготовления завершились, всё на минуту смолкло, и представление началось.

Первый помощник укрепил шест, дрессировщик подтащил к нему животное и, слегка пританцовывая, стал бубнить что-то себе под нос. Под несмолкающие звуки гонга и барабана козел вслед за человеком тоже что-то проблеял и стал бить копытами, словно в танце. Музыка зазвучала быстрее и настойчивей, и козлик в мгновение ока вскарабкался на шест, уцепился за верхушку передними копытцами, а задние свесил вниз. Стоявший у шеста дрессировщик хлопнул в ладоши и закричал:

– Ласточки летают парой!

Козлик тотчас прямехонько вытянул нижние конечности чуть в сторону и стал покачивать ими, словно это птицы в полете. Дрессировщик снова хлопнул в ладони:

– А теперь трели иволги!

Козлик, расслабленно свесившись, прижался всем туловищем к шесту и принялся быстро-быстро крутиться вокруг него. Дрессировщик еще раз хлопнул в ладони и закричал:

– Воткни цветок слева!^[209]

Козел поджал правое копытце, а левое вытянул и покрутил им в воздухе согласно указанной ему позиции поединка с мечами, а когда дрессировщик скомандовал: «Воткни цветок справа!», козел продел то же самое, поменяв положение копыт. Дрессировщик еще раз громко хлопнул в ладоши:

– Уткнись луковкой в землю!

Козлик резко задрал задние копытца – голова вниз, хвостик вверх, словно собирался рухнуть на землю.

– Боевая стойка «державший небосвод», – продолжал дрессировщик.

Козел тотчас оперся о кончик шеста задними копытцами, а передние вытянул вверх. Следующей была команда ушу «петушиная стойка на одной ноге». Козлик поджал три копытца и, опершись четвертым о верхушку шеста, застыл неподвижно.

Но дрессировщик не успокаивался:

– Сплетенные корни старого дерева!^[210]

Козел подобрал все четыре копытца, наклонил голову и, опершись на хвостик, устроился задом на верхушке шеста – при этом верхняя часть туловища словно застыла.

Команды продолжались: «Смеется, глядя в небо»^[211] – козлик вмиг извернулся, и словно прилипнув позвоночником к верхушке шеста, устремил копытца к небесам и заблеял. Дрессировщик хлопнул в ладоши и выкрикнул: «Дуга лука!» – козел мгновенно оперся о шест всеми четырьмя копытами и выгнул спину – ну точно натянутая дуга.

Дрессировщик еще раз хлопнул в ладоши и выкрикнул:

– «Хлопья снега устилают крышу»!^[212]

Козел неожиданно спрыгнул, отскочил от шеста на несколько *чи* и стал безостановочно кружить вокруг него.

А дрессировщик свое:

– «Раскаты грома на равнине»!^[213]

Тут козел – бэмц! – подпрыгнув, с налета повис на верхушке шеста, а внизу загремели гонги и барабаны как звуковое сопровождение грома.

Представление длилось довольно долго, было выполнено множество разных трюков, а ведь все их проделывал один и тот же козел, который словно понимал человеческий язык и точно исполнял команды.

«Ты глянь-ка на этих варваров, – подумал Ван Мин, – они и на всякие забавы мастера». Он совсем было собрался уходить, как вновь услышал звуки гонгов и барабанов и увидел, что второй дрессировщик устанавливает шест в два *чжана* высотой. Представление повторилось точь-в-точь с теми же приемами – дрессировщик хлопал в ладоши, отдавал команды, а козлик с блеяньем проделывал те же трюки. Затем козел дал то же представление на третьем шесте, а после этого – и на высоченном четвертом. Когда установили пятый шест, дрессировщик не стал отдавать команды, а приказал поставить рядом последний шест – самый длинный, в шесть *чжан* высотой. Зазвучали гонги и барабаны, и тогда дрессировщик опять что-то пробормотал, сделал несколько движений, словно в танце, и выкрикнул:

– «Удачной карьеры старикам»!^[214]

Козлик в мгновение ока вскарабкался на верхушку пятого шеста, а затем, не мешкая, перепрыгнул оттуда на шестой и там не то сел, не то встал, слегка покачиваясь. Внизу зазвучали гонги и барабаны, и дрессировщик выкрикнул:

– Эй, ты, наверху! Высокого чина опасно добиться, власть и могущество могут развалиться. Опомнись, пока не поздно!

Только прозвучали эти слова, как смысленый козлик вмиг скатился с шеста и улегся поудобнее на земле. Шесты опустили, снова забили барабаны, зазвенели гонги, а дрессировщик обратился к козлику:

– Ну, братец, меч и пила ждут впереди^[215] – нет ли увечий на передних копытцах?

Козел помотал головой из стороны в сторону и вытянул копыта. Дрессировщик внимательно их осмотрел:

– Вроде и вправду нет, ну, пока убери их.

Козел послушно выполнил команду.

Дрессировщик продолжал:

– Котел для казни позади – нет ли увечий на задних копытцах?

Козел опять покрутил головой и вытянул задние копыта. Дрессировщик их тоже осмотрел и приказал:

– Подбери копыта.

В этот момент в последний раз прогремели гонги и барабаны, и действие завершилось.

Ван Мин решил: «Их представление закончилось – настал мой черед!» Он вынул травку невидимку, и, с шумом крутанув, одним махом закрепил на площадке третий шест – тот, что в три *чжана* высотой. Никто из зрителей не видел Ван Мина, поэтому прошел шепоток:

– Глядите, глядите, шест сам задвигался, это еще что за чудеса!

Тут шест словно заскрипел, и все увидели, как он превратился в Тысячелистный лотос, на одном из лепестков которого виднелась крошечная фигурка Будды. Еще минута – и в нос ударили дивные ароматы, к небу поднялись звуки нежных мелодий. Зрителей от страха аж пот прошиб, тело покрылось испариной. Не переставая класть земные поклоны, они взмолились:

– Государь-будда, ради каких добрых предзнаменований явил ты нам свой лик?

Даже мѳлодцы-актеры – и те затрепетали и стали истово кланяться:

– Не осуждай нас, государь-будда, мы ведь просто зарабатываем на пропитание. Мы не собирались осквернять святых. Прости и помилуй!

Ван Мин довольно улыбался: «Всех переполошил, вот и ладно». Он не предполагал, что нагнал страху и на самого правителя.

Сказывают, что эмир, восседая во дворце, учуял аромат благовоний и услышал приятную музыку. Он немедленно послал воинов разузнать, что происходит. Те напрямик помчались в соседний квартал, сочли, что Лotosовый трон и Будда – это благая весть, и метеором вернулись с докладом. Эмир прошел в тронный зал, созвал приближенных и стал выпрашивать, поистине ли на радость подобное знамение. Тут вперед выступил военачальник по имени Шима и заявил, что первопричина явления Будды кроется в представлении с бамбуковыми шестами. Правитель удивился:

– Представления с шестом бамбука, новые коленца коего всегда тянутся ввысь, символизируют стремление к счастью. Можно ли принять сие за святотатство? Неужто Будда счел это оскорблением?

Первый министр уверил, что сердце у святого милостивое и навряд ли он ни с того ни с сего станет выискивать обиды:

– Скорей всего, его явление и вправду сулит государю счастье и удачу.

Но эмир был недоверчив: «Всё это еще не доказательства. Помимо прочего, не стоит проявлять неуважение к буддийским истинам. Пожалуй, лучше мне пойти самому и пригласить государя-будду в мечеть».

С этими мыслями правитель направился в соседний квартал, где и вправду возвышался Лotosовый трон с сидящим на нем Буддой. В страхе и трепете эмир распростерся ниц и, словно благоговейный почитатель буддизма, клал земные поклоны и совершал молитву. Затем

созвал нескольких воинов и стал советоваться, как бы перенести сей трон в мечеть. Думали-гадали, но так ничего не надумали. Стоявший рядом невидимый Ван Мин решил: «Ну, здесь я уже задал им головоломку, теперь надо устроить явление Будды в храме». Ван Мин снова маленько поколдовал, раздался грохот – и Тысячелистный лотос исчез вместе с Буддой, остался лишь голый шест.

– О, государь-будда, – взмолился эмир, – ежели ты оценил мою искренность, молю, явись мне в мечети.

Он отправился в мечеть, а там на Тысячелистном лотосе уже восседал Просветленный. Владыка несказанно обрадовался, разложил пожертвования, снова стал кланяться. Ван Мин забеспокоился: «Мне ловко удалось изобразить Будду – но какие найти слова, дабы убедить правителя?»

В этот момент эмир объявил приближенным:

– Уже вечереет, я, пожалуй, останусь в храме на ночь, буду поститься, совершать омовение и приносить жертвы. Да и вам всем не худо принять очищение.

«Пусть только задремлет, это как раз то, что мне надо», – обрадовался Ван Мин.

Стемнело, и правитель приступил к омовению. Тут наш brave мблodeц снова прибег к волшебю – и в тазу с водой появилось отражение лотоса с сидящим на нем Буддой. Эмир испугался:

– О мудрейший, отчего ты снова явился – неужто не простил мне, недостойному, мое святотатство?

А как только правитель взялся за еду, Ван Мин еще чуток поколдовал, и Будда на Лotosовом троне был явлен эмиру прямо на блюде. Потрясенный, тот взмолился:

– Государь-будда, поскорей сообщи, что значат твои знамения! Молю, воздай по деяниям моим! Я безмерно напуган!

Ближе к ночи эмир зажег свечи, и Ван Мин устроил чудесное явление Будды прямо в пламени. Правитель запаниковал, места себе не находил. Во власти сих невеселых мыслей он приказал приближенным подготовить всё ко сну. Сам расположился в отдельной зале, а остальным повелел ночевать в разных помещениях согласно званиям. Под утро Ван Мин провернул еще одно представление. Эмир встал с петухами, стал возжигать благовония и класть поклоны перед статуей Будды; фонарь и свечи ярко горели, от курильницы клубами поднимался густой дым. Эмир поднял глаза – а где же государь-будда? В ужасе он возопил «Ну и дела!» и кликнул приближенных. Те прибежали и, не увидев статуи, в один голос закричали:

– Воистину чудо чудное!

Первый министр успокоил:

– Не пугайтесь! Нынче государь-будда явился мне во сне и сообщил, что дня не пройдет, как к нам пожалуют два полководца, посланные императором Чжу династии Великая Мин. Они ведут с собой тысячи

кораблей с тысячей отважных командиров и тьмой храбрых воинов, дабы умиротворить варваров и вернуть сокровище. Повинуемся – ждет нас счастье и удача, воспротивимся – грядут великие беды. А напоследок святой настойчиво повторил: «Всё запомнил?» Я, смиренный, отвечал, что запомнил.

Эмир вскричал:

– Мне снился тот же сон!

Не успел договорить, как второй министр и все приближенные наперебой сообщили, что и они видели сей удивительный сон. Наконец, эмир уверился, что и многократные пришествия Будды, и его явление во сне разным людям отменяют все сомнения в приближении армады кораблей:

– Нечего и говорить, что следует во всём «пойти навстречу».

– Какую такую поддержку? – не понял главный министр.

Эмир признался, что четко расслышал еще две фразы, произнесенные Буддой: «выйти навстречу»^[216] и «сделать великие подношения». И добавил:

– Думаю, нам следует поторопиться, промедление сочтут преступлением.

Правитель тотчас отправил два десятка вельмож во главе двух сотен чиновников местной администрации на десяти джонках навстречу флотилии. А еще послал два десятка командиров во главе двух сотен отборных конных гвардейцев для встречи кораблей на суше. Он также приказал своим советникам через крупных и мелкооптовых посредников связаться с чужеземными купцами и сторговать побольше товаров для дани. Дворцовым поварам было велено приготовить редкостные яства из щедрот воды и земли, устроить великое пиршество, а актерам разыграть музыкальный спектакль. А еще эмир распорядился подготовить дворец для радужного приема – украсить дворцовые палаты, повсюду расстелить нарядные циновки и подушки для сидения, расставить дорогую посуду, возжечь благовония. Ничто не было забыто, ничто не было упущено.

Только теперь Ван Мин, наконец, смог отправиться в обратный путь через тот же подземный схрон и со всеми подробностями доложить командующему о том, что с ним приключилось в городе под названием Ормуз, – о представлении с шестами, Лotosовом троне с Буддой и о событиях в мечети.

– Где ты всему этому научился? – подивился командующий.

Ван Мин признался, что магией увлекалась вся его семья, и он усвоил ее с самого детства.

– Отменно, отменно! – похвалил командующий. – И какой же прием они собираются нам оказать?

Ван Мин в деталях расписал, какие почести готовит эмир.

– Почтительное отношение к нам обоих сих государств – полностью твоя заслуга, – отметил Саньбао.

На что Ван Мин скромно отвечал:

– Да какие там заслуги, просто сие гораздо приятней, чем принуждать и запугивать, как в Ласе.

Не успел договорить, как к флотилии приблизились суда, на коих прибыли местные гражданские чины для почетного сопровождения. Они представились адмиралу, и тот приказал:

– Плывите вперед, наши корабли последуют за вами.

Корабли-сокровищницы вошли в бухту, а там на берегу их уже встречал местный военачальник с двумя сотнями гвардейцев на отменных скакунах в полной боевой выкладке: мечи, пики, луки – всё при них.

Адмирал заметил:

– Да это хорошо вооруженное государство! Лишь благодаря силе и сноровке Ван Мина нам устроили такую встречу.

На что тот отчеканил:

– Возблагодарим счастливую звезду императорского дома и могущество нашего военачальника!

Тем временем навстречу выехал сам эмир в сопровождении пышной свиты – слева гражданские, справа военные чины, и все поклонами приветствовали главнокомандующего. Эмир держался с достоинством, попусту не улыбался и не болтал. Командующий тоже выказал уважение и обошелся с ним весьма любезно. Правитель первым покинул корабль, а приближенные задержались, дабы расспросить, чего, собственно, надобно флотилии. Командующий распорядился вручить им тигровую пластинку для правителя и лично четко всё растолковал во избежание появления у того любых подозрений.

Когда эмир ознакомился с доставленным во дворец посланием и уверился, что у флотилии нет никаких чрезмерных запросов, он приказал без промедления начертать грамоты и подготовить дань и подношения. После чего устроил для командующих пир, кой длился три дня. Перед тем, как гости покинули дворец, эмир вручил им вассальную грамоту для императора, акт о капитуляции, а также дары.

В грамоте эмира Ормуза^[217] содержались принятые в Китае формулы почтения и преданности.

Окончив чтение документа, адмирал заявил:

– Совершенный человек скромен и уступчив, с поклоном принимаю сей документ.

Эмир приказал приближенным внести подношения. Саньбао было остановил его:

– Грамот достаточно, ни к чему затруднять себя дарами.

Эмир воспротивился:

– Сии дары весьма скромные, нынче осмелюсь обременить вас их доставкой к императорскому двору. Впоследствии отправим еще и посланника по особым поручениям, дабы выразить наш пиетет пред императором.

Видя, сколь достойный и соблюдающий церемонии человек перед ним, командующий почувствовал себя не вправе отказаться от подношений, и рек:

– Буде мы удостоились особого расположения с вашей стороны, не смеем проявить неучтивость. Обеспокоим вас просьбой загрузить дары на корабли, а пока позвольте ознакомиться со списком.

Там значились редкостные животные: по паре львов, единорогов, узорчатых зебр, похожих на осликов, и ориксов – саблерогих аравийских антилоп. Были там и ящеры-панголины – сплошь покрытые панцирем, размером с кошку или собаку и с повадками хамелеона: стоит кому-то из крупных хищников глянуть в их сторону, они тотчас пригибаются к земле и сливаются с ней, меняя окраску. А еще по десятку страусов, породистых скакунов и особых козлов, коих там специально разводят для боев: длинная шерсть передней части туловища волочится по земле, а задняя часть – словно ножницами выстрижена.

Далее перечислялись нефритовые изделия: по паре подголовников, больших блюд, кувшинов для вина с десятком чарок, десяток прекрасных ваз; пара мастерски сработанных фигурок восьми даосских святых и сотня фигурок нефритовых красавиц – глаза, брови, ничто не забыто; по паре нефритовых львов и единорогов, а драконов и тигров – десять пар. Камней драгоценных: по три огромных алых рубина, темно-синих сапфира и желтых топаза, полсотни крупных жемчужин^[218] величиной с плод «драконий глаз», десять пар балас-рубинов, два десятка пар первосортных темно-зеленых изумрудов и две пары обычных изумрудов, камень «кошачий глаз», десяток громадных веток кораллов, а еще янтарь множества разных оттенков, в том числе «черный янтарь» – гагат. Дальше значилась посуда из цветного хрусталя, ковры, полотенца из тончайшего шелка, парча, тюль, вуаль, знаменитая сакала^[219] и еще множество разных тканей. Всё это с трудом погрузили на корабли.

Просмотрев список, командующий возгласил:

– Мы бесконечно благодарны за подношения и благорасположение.

На что эмир отвечал:

– Разве дело в дарах и этикете? Мы испытываем невыразимый трепет и смущенье.

После чего Саньбао повелел доставить правителю ответные дары и отдал команду к отплытию. Эмир и адмирал расстались, испытывая друг к другу самое доброе расположение.

Как только корабли отплыли, Ван Мин снова вызвался отправиться на разведку, но Небесный наставник его остановил и пояснил, что прошедшей ночью сжег заклинания на кончике меча и прозрел, что впереди флотилию ждет беда. Командующий поддержал его и сказал, что в таком случае Ван Мину лучше остаться на корабле. Храбрец настаивал:

– Обещаю действовать по обстановке, ежели возможно – двинусь дальше, а почую беду – вернусь.

Адмирал согласился, но предупредил:

– Помни, что малейший промах нанесет ущерб нашей стране.

Сказывают, что при попутном ветре суда шли несколько дней, пока впередсмотрящий не доложил, что по курсу показались городские стены, – верно, это новое государство. Командующий пригласил даосского и буддийского монахов посоветоваться. Небесный наставник напомнил о своем гадании, а Государев советник сообщил, что узрел взвивающийся к небу белый дымок, – сие означает пребывание в данной местности бесовских сил и злобных магов:

– Следует проявить крайнюю осторожность.

Военачальник евнух Ма предложил пройти мимо берегов не останавливаясь, но адмирал возразил:

– Как говаривали древние, стоит ли при возведении высокой горы не досыпать корзинку земли?

И приказал без спешки разбить сухопутный лагерь и организовать морское ограждение.

Как только все приготовления были закончены, Саньбао послал лазутчиков, пообещав каждому полсотни *лянь* серебром. Как говорится, коль вознаграждение не пустяк – всегда найдется и смельчак. Те сразу и отправились. Возвратились в тот же день к вечеру и доложили, что это Царство среброглазых, а называется оно так потому, что белки глаз у жителей светлые, словно серебряные, а на них точка – зрачок-не-зрачок, но они всё же зрячие:

– Страна расположена у горы под названием Баолинь^[220] – «Лес сокровищ», и на каждом склоне они особые. На одном – розовая соль^[221], кою местные жители молотами отбивают от скалы кусками весом триста-пятьсот *цзиней* и затем измельчают в пищу, а еще вырезают из соляных пластов разные плошки-миски и хранят в них пищу, тогда ее и солить не надобно. А другой склон весь алый от киновари-вермильон^[222]; на третьем – «белый нефрит», как называют известь, ей обмазывают стены жилищ, – тогда ни дождь, ни ветер их не повредят; четвертый склон весь желтый от куркумы, ею красят ткани. Местный правитель назначил четверых уполномоченных, ответственных за охрану каждого склона. А еще к горе постоянно прибывают суда для закупки здешнего товара, коим затем торгуют в разных странах. Это и есть четыре сокровища сего царства-государства.

Командующий вспомнил, что в Ормузе тоже была подобная гора, но лазутчики пояснили, что та гора была не более нескольких десятков *ли* в окружности, а нынешняя – несколько сотен *ли*. Они добавили, что видели и город, со всех сторон окруженный каменной стеной и протоками, впадающими в воды гавани:

– К востоку находится таможенная застава.

Лазутчики также доложили, что в стране есть военачальник по прозвищу Байлиин – Гусь Перелетный: он столь ловко орудует парными мечами, что те летают, словно крылья птицы. Его супруга – тоже опасная воительница: скачет на коне аки вихрь, всё сметая на пути; кто встанет поперек – того зацепит и на куски изрубит своим волшебным алым лассо с множеством крючков. Есть среди помощников военачальника и даосский монах, восседающий на черном быке и владеющий волшебной дудочкой-талисманом.

Пока длилось обсуждение, ординарец доложил, что местный военачальник на боевом коне с мечами в руках расположил свое войско лагерем за воротами заставы и вызывает на бой «варваров из Срединной империи».

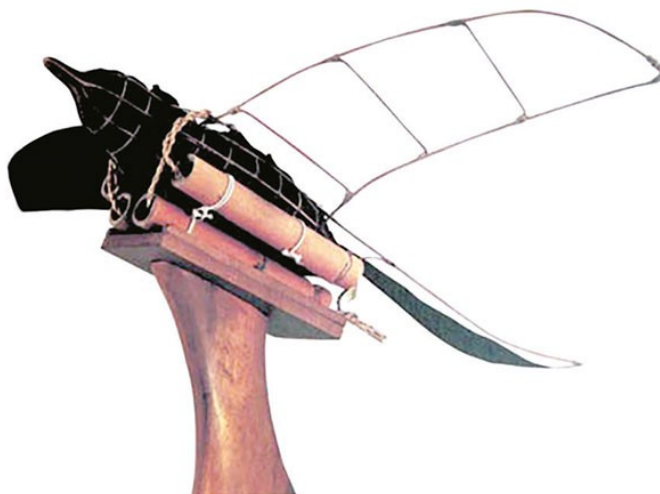
Адмирал приказал трое суток не отвечать на вызов, а в течение последующих трех дней начинать сражение только по получении от него верительной стрелы с приказом^[223] и самовольно ничего не предпринимать. И вот, наконец, на четвертый день командующий послал командиру авангардной эскадры приказ выступать, снабдив его странной припиской: «Поражение позволительно, победа недопустима».

Один за другим в бой с местным военачальником вступали китайские командиры, но, повинаясь приказу, каждый раз покидали поле битвы, не завершив сражение, им даже запрещалось брать с собой огнестрельное оружие. Почему? А вот почему: древняя стратегия Сунь-цзы учит держать врага в неведении, не давая подготовиться: «бей, когда он не ждет, наноси удар, когда он не готов»^[224].

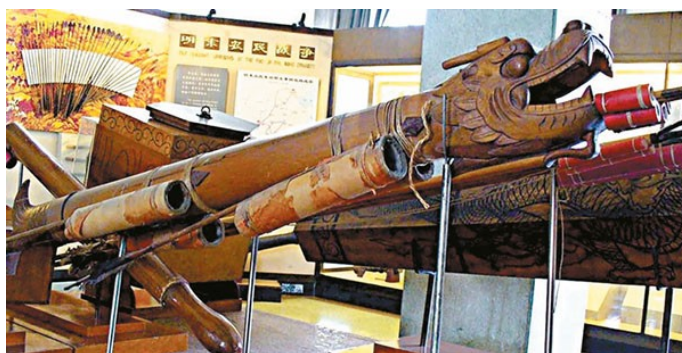
Сам командующий Ван глубокой ночью выехал из военного лагеря, за ним следовали шестеро конников из разных подразделений для обеспечения взаимодействия – все в тяжелых доспехах и с острыми мечами в руках. Они доскакали до подножья горы – город отстоял от нее на несколько десятков *ли* к востоку. С запада гору плотно окружали морские просторы, столь удобные для подхода к ней на судах, а путь посуху практически отсутствовал. Оценив обстановку, командующий Ван приказал сопровождавшим подать ему кисть и тушечницу и начертал на камне известные строки: «Куда дикий гусь не долетит, туда человек за славой домчит»^[225]. Командиры не поняли смысла надписи и решили, что господин Ван выразил свои личные ощущения. Только под утро Ван вернулся на корабль и отдал приказ: всем кораблям передислоцироваться в бухту и выставить морские заграждения, а эскадрам передвинуться от западных ворот города на дорогу, ведущую к горе Баолинь, и расположиться лагерем вдоль ее подножья – цепочкой на расстоянии десяти *ли* одна от другой.

Командующий Ван также отдал распоряжение каждой эскадре построить в своем лагере высокую каменную наблюдательную башню, а на последней повесить доску с надписью «Застава Хэнъян».

Не разгадав замысла противника, военачальник Гусь Перелетный со своими приспешниками двинулись к башням. И в этот самый момент со всех сторон загремели выстрелы – летели зажигательные стрелы, стреляли из самопалов, летели ракеты под названием «огненный дракон выходит из воды»^[226]. Пути к горе и к морю были перекрыты отрядами китайских воинов. Местный военачальник и его отряд сгорели в кольце огня.

Ил. 17. Устройство «летающий ворон с волшебным огнем»

Ил. 18. Устройство «огненный дракон выходит из воды»

Милосердный Государев советник предложил собрать все останки, засыпать землей и провести положенный обряд: «Это и называется сотворить добро». Командующий не посмел ослушаться и приказал всех захоронить у подножья горы. Получился большой холм, на коем поместили табличку с надписью «Смилуйся, Будда».

Позже, когда все большие и малые военные чины собрались в ставке, дабы поздравить командующего Вана с победой, он наконец раскрыл суть своего плана:

– Поначалу местные воины были полны воинственного пыла, да и военные навыки их таковы, что с ними непросто было скрестить оружие. Древняя военная стратегия гласит: «удар по укрепленным объектам противника тормозит продвижение»^[227]. И дальше: «атака укрепленных позиций может оказаться трудно осуществимой даже при слабом противнике, а удар по уязвимым позициям может быть успешным даже при сильном противнике».

– А что означал приказ «поражение позволительно, победа недопустима»?

– Мы сильны, но должны были притвориться слабыми. С древности говорится: «зазнавшийся воин погибнет». Мой приказ как раз и означало дать врагу возможность ощутить свое превосходство, тем самым ослабив его бдительность.

Командующий Ван продолжил:

– Прилегающие к бухте береговые пространства бескрайни, подобный рельеф на руку противнику, зато вдоль подножья горы тянется узкая дорога, не позволяющая туземному войску развернуться, – сей расклад был в нашу пользу. Приказ передислоцировать лагерь, построить наблюдательные вышки как раз означал создание ситуации «арбалет полон, осталось нажать спусковой крючок».

Закончил вице-адмирал разъяснением смысла сделанной им надписи:

– Местного военачальника звали Гусь Перелетный. Запись на табличке – это предостережение: говорят, у нас в Хэнъяне^[228] есть столь высокий пик, что дикие гуси не могут его преодолеть.

В этот самый момент ординарец доложил, что по приказу князя распахнулись западные врата, там бьют барабаны, слышатся воинственные кличи, и с отрядом воинов скачет всадница на алом коне^[229] с летающим мечом в руках. Это вдова военачальника Бая жаждет отомстить за смерть мужа и вызывает на бой. Стоило взглянуть на нее – широкие брови, большие глаза, высокая грудь с торчащими сосками^[230], меч в руках, лассо и колокольчик на поясе, – как становилось ясно, что нрав у вдовицы крутой.

Многие военачальники вступали с ней схватку, но не могли одолеть. Удалось это только с помощью обманной стратегии – Ван Мин хитростью усыпил воительницу и украл ее талисманы. Китайские же воины изукрасили свои наблюдательные башни алой свадебной тканью и заявили правителю, вышедшему наблюдать схватку воительницы, что вдова Бая якобы дала согласие стать наложницей Тан Ина. Князь пришел в ярость от подобного предательства. На самом деле это были две части плана. Сначала Ван Мин использовал ход китайских шашек «объявив мир, съесть ладью»^[231], а Тан Ин применил стратегию, суть которой сводилась к тому, чтобы «посеять рознь в рядах противника», – её называют «стратегией обратных шпионов»^[232]. Дабы доказать владыке свою преданность, вдовица вступила в новую схватку. С

помощью лассо китайским командирам удалось подсесть коня врагини – тот повалился на землю и сбросил ее наземь. Вскочив, разъяренная воительница помчалась по дороге, уповая на необычную скорость своих ножек-лотосов, но металлические шипы, заранее воткнутые китайскими воинами в щели дорожных камней, не позволили ей удрать от преследователей и избежать гибели.

Командующий возжелал казнить князька и его приближенных, но Государев советник воззвал к его милосердию и, обратившись к пленникам, изрек:

– Вы полагались на неприступность вашей местности и не пожелали смириться. У вас от природы глаза под пеленой, и вы не отличаете добра от зла. Посему впредь запрещаем вам иметь государство, иметь правителя, а также какие-либо государственные учреждения.

– Ежели мы лишимся собственного государства, как мы, люди с серебряными глазами, сумеем отыскать приют в других странах? – взмолился правитель.

– Вот когда вы лишитесь государства, у людей сама собой спадет пелена, появятся обычные зрачки, и вас будут приветствовать соседние страны, – заверил Бифэн.

Золотые уста, яшмовые речи! Так впоследствии и произошло, вот почему ни в канонах, ни в летописях не найти упоминания о Царстве среброглазых.

Командующий Ван приказал выдать награды всем, кто участвовал в этом состязании ума и силы: Тан Ин с супругой получили по полсотни *лян* серебром, каждый *юцзи* – по семьдесят, командующие эскадрами – по тридцать, а ординарцы – по двадцать *лян*, ну и, само собой разумеется, цветы на чиновничьи шапки.

Наконец корабли продолжили путь. Шли без всяких происшествий более двадцати дней, пока дозорный не доложил, что впереди показалось некое государство. Командующий отдал приказ причаливать, а затем отправил командиров в ранге *юцзи* для вручения тигровой пластинки правителю. Как только пришвартовались, дозорный сообщил о прибытии важного сановника из местных – голова обмотана куском полотна, одежды – из тонкой ткани, на ногах сапожки. Господин поднялся на корабль, назвался военачальником и пожелал встретиться с главнокомандующим. Ординарец впустил гостя, тот преклонил колени, отвесил поклоны и сообщил, что город зовется Аден, а имя султана – Салах-ад-дин Ахмад^[233].

Командующий поинтересовался численностью в стране чиновников разного ранга и особенно войска. Военачальник сообщил, что купно гражданских и военных числом не менее пятисот, а воинов пеших и конных – так поболее восьми тысяч наберется. Вслед за тем Саньбао спросил:

– Существуют ли стена и ров вокруг города?

– От горы до моря город невелик, но хорошо укреплен.

– А что, ваш султан более преуспел в гражданских делах или в воинском искусстве?

– Имея сердце, преисполненное добродетели и гуманности, он равно достиг высот и в хлеборобстве, и в ратном деле.

– Так вы явились по приказу султана?

– Подданные от себя лично не ведут дела с иноземными державами. Мог ли я решиться посетить вас без повеления государя?

– И с каким поручением он вас направил?

– Нет иной цели, кроме как по обычаю приветствовать важных гостей.

Разузнав, что военачальника зовут Лаймоха^[234], командующий просил передать султану поклон и сообщить, что они посланы императором Чжу династии Великая Мин и слово в слово повторил цели экспедиции и требования.

– Передайте султану тигровую пластинку – там изложены все наши доводы и основания, он поймет. Ежели правитель пожелает выразить почтение и повиновение, можем встретиться завтра, а коли замыслит вооруженное сопротивление, то и трех дней не продержится, – напутствовал адмирал гостя. С тем тот и удалился.

– Интересно, с какой целью он приходил? – размышлял вслух Саньбао.

Командующий Ван высказал подозрение, что отнюдь не с добрыми намерениями, – в противном случае султан явился бы лично, да еще с подношениями, а не прислал бы какого-то вояку:

– Говорил-то он гладко, но истинные цели не ясны.

– У них всего восемь тысяч воинов, чего их бояться!

– Может, всё же отправить лазутчиков?

– Дак ведь крошечное государство – проткнем его, как бумагу иголкой. Чего с ним валандаться!

– Думаю, стоит послать нескольких *юцзи*, пусть под видом местных жителей проникнут в город. Лучше, как говорят, совместить усилия извне и изнутри.

– К чему резать курицу бычьим ножом и строить хитроумные планы? Нынче попируем, повеселимся, а завтра решим.

– Ну, будь по-вашему.

К вечеру ординарцы доложили, что городские ворота накрепко заперты и по всему городу развешаны флаги:

– Что бы это значило?

Саньбао растолковал сие так:

– Что поделаешь! Всяк по-своему защищает город. Вот ежели завтра не подадут капитуляционную грамоту, тогда и будем думать, как поступить.

Командующие устроили пиршество, пригласили Небесного наставника и Государева советника, все наслаждались – кто скоромным, кто постным. Четверо военачальников из евнухов пировали

каждый на своем корабле, как и командиры эскадр. После нескольких чарок Саньбао возгласил:

– Как сказано у древних, в военном лагере не повеселишься, пусть хотя бы гвардейцы из ставки исполнят танец с мечами и с поднесением заздравных кубков.

И вот уже воины выстроились рядами, и мечами помахали, и кубки поднесли. Затем Саньбао приказал отобрать в батальонах умелых певцов для вдохновенных песнопений. Пришли и певцы – выстроились, спели, поднесли заздравные чаши. А адмирал всё не унимался:

– А есть ли такие, кто знает песни царства Чу? – И напомнил: – В давние времена ханьский правитель^[235] окружил Сян Юя, тот ночью услышал песни царства Чу, но меч уже был выхвачен.

Тут же нашелся воин, назвавшийся потомственным военным:

– Жил я слева от моста через реку Уцзян^[236], там с детства из уст в уста передавались песни царства Чу. Не соблаговолит ли господин послушать?

– Ежели голос позволяет – спой, хотя содержание не имеет к тебе отношения, – улыбнулся Саньбао.

И воин затянул:

О, гора Тайшань, курган земли,

О, морская даль и сирый челн!

Мне б вернуться к окунькам домашним сладким,

Но я – чуский узник^[237] в колпаке ученом.

Лишь песня смолкла, командующий воскликнул:

– У нас в ушах всегда звучат напевы царства Чу, навевающие думы о родном крае. Так поднимем чарки!

Не успев ее осушить, Саньбао пожаловался на боли в животе, после чего у него началась рвота, как при холере, и адмиралу пришлось откланяться:

– Вице-адмирал Ван останется за хозяина. Прошу обоих наставников не покидать пир. Мне неможется, полежу малость и снова буду с вами.

Буддийский и даосский монахи испросили разрешения покинуть празднество, но Саньбао воскликнул:

– Нынче ночь веселья! Продолжайте песни и пляски, всё должно идти своим чередом, как положено круговороту вещей. Завтра вернусь и тоже буду наслаждаться. Одначе, ежели по возвращении хоть одного не досчитаюсь, виновный понесет наказание по законам военного времени.

Отдав распоряжения, доблестный адмирал отбыл.

Пированье возобновилось, вино лилось рекой.

Командующий то и дело присылал гонцов с настойчивой просьбой оставаться и угощаться, с приказом к певцам и танцорам продолжать показывать свое мастерство.

И так все пили-ели, пели да плясали до рассвета. И только поутру ординарец передал от адмирала приглашение оставшимся почтенным господам во искупление его вины за небрежение ночным застольем продолжить торжество во дворце.

Командующий Ван не поверил своим ушам и только нашелся спросить, где же находится адмирал. Ординарец доложил, что адмирал среди ночи отправился в город и ноне приглашает мудрейших на почестный пир у султана Адена. Ван только руками развел:

– Обычные люди не способны постичь хитроумные замыслы и тонкие расчеты главнокомандующего.

Военачальники отправились во дворец. Саньбао встретил их словами:

– Прошу простить, что вечер вас покинул! – И раскрыл свой замысел: – У меня накануне появилась одна задумка. Памятуя о том, что войско местного правителя не столь велико, я порешил обратить его в бегство испытанным способом «чуских напевов». Иными словами, под сим прикрытием избежать возможных неверных шагов. Султан прислал ко мне посланника с приветствием – я в ответ отправил к нему своего генерала. Обычный обмен любезностями, ничего подозрительного, не так ли? По моему приказанию бригадный генерал Чжоу Юаньтай надел костюм важного сановника – парадная шляпа, украшенный яшмой пояс, а под одеждой – тонкие латы и острый меч. Его сопровождал переодетый ординарцем командир арьергардной дивизии генерал У Чэн, вставший на страже у дворцовых ворот. За каждым из четырех городских ворот спрятались наши командиры в ранге *юцзи*, а на учебном плацу – еще двое командующих морскими подразделениями и двое офицеров-*юцзи*. Все в боевой готовности ожидали сигнального ружейного залпа. Генерал Чжоу, завершив переговоры, сделал вид, что собрался уходить, а сам неожиданно схватил султана. Приближенные выступили вперед, желая его защитить, но Чжоу выхватил меч и закричал: «Эй, вы! Жизнь султана в моих руках! Повинуетесь – вас ждет удача, воспротивитесь – пеняйте на себя». Грозный окрик послужил сигналом для командира У Чэна, кой тут же дал ружейный залп. Офицеры-*юцзи*, прятавшиеся за городскими воротами, убили стражей, и наши отряды ворвались в город. А та четверка командиров, что скрывалась на военном плацу, прокладывая путь мечами, захватила и связала четверых местных военачальников. К моменту моего прибытия в город операция была удачно завершена, все ждали дальнейших распоряжений. Однако мне не хотелось бы принимать решение единолично, прошу командующего Вана присоединиться, – закончил Саньбао свой рассказ.

Ван покачал головой:

– То-то адмирал меня высмеял, когда я заикнулся о необходимости объединить усилия, – мол, собираюсь резать кур ножом для забивания коров.

– Прошу простить, ничего не поделаешь: военная тайна – вещь серьезная, – оправдывался Саньбао.

Адмирал приказал пригласить султана. Тот вошел, командующий Ван встретил его, как положено по этикету, что весьма обрадовало гостя. После этого Ван обратился к правителю:

– Султан, ваша страна расположена далеко в Западном океане, посему вам неведомы различия между китайцами и инородцами. Исстари инородцы подчиняются Китаю, как дети отцу, – таков закон природы. Вчера вы прислали на корабль вместо себя военачальника. Вам что, неизвестны правила этикета? И этот ваш вояка болтал невесть что, не соблюдая никаких церемоний. Пришлось адмиралу преподать вам урок. Ведомо ли вам, что в то же время наш командующий входит в ваше положение и желает уберечь вас от беды?

Султан поспешно заверил:

– Я, ничтожный, всё понимаю и уже имел честь нижайше просить господина адмирала потерпеть несколько дней, пока будет составлена вассальная грамота и подготовлены дары. И ежели просрочу хоть денек, пусть адмирал обогрит меч моей кровью, я не взропщу на справедливое возмездие.

Командующие милостиво согласились, любезно обошлись с султаном, отпустили захваченных в плен местных военачальников, а после застолья отозвали войска и вернулись на корабли.

Не успели расположиться, как перед командующими бухнулся на колени глава военной администрации:

– Мы давно покинули столицу, щедро раздавали награды, а нынче в казне не хватает денег на довольствие войску.

Главнокомандующий стал допытываться:

– Честно ли расходовались средства?

– Да кто же решится на растрату? Ведь в законе есть на то статья.

– И сколько денег осталось?

– Согласно вчерашней проверке, не более тысячи двухсот *лян* серебром.

– Полагаю, сего достаточно.

Командующий Ван не согласился:

– Так ведь сколько у нас кораблей и воинов!? Как говорится, прежде чем двинуть войско в бой, готовь провиант и фураж с собой. Сколько можно закупить на тысячу с лишним *лян* серебра? Надо помнить, что щедрая награда – храбрецу радость, а без нее кто же будет выкладываться? На какое вознаграждение хватит этих денег?

– Провианта и фуража у нас в избытке! – воскликнул Саньбао.

– Путь далек: ежели неостанет, пополнить неоткуда, – настаивал Ван.

Адмирал поначалу не вполне осознал положение дел, но услышав тревогу в голосе вице-адмирала, и сам обеспокоился:

– Верно замечено, в данной ситуации посреди пути ничего не сделаешь. Как продержаться в случае недостачи? Лучше сразу повернуть обратно.

Господин Ван резонно возразил:

– Мы покинули Нанкин пять лет назад, вряд ли нам удастся вернуться быстрее, чем за год. Неужли оставшихся средств хватит на обратный путь?

Тут вмешался один из военачальников – евнух Хоу:

– Ничего удивительного, что довольствия не хватает! Каждый раз, как нам хотят сделать подношения, все становятся такими неподкупными, ничего не принимают, а потом из нас жилы тянут.

– Что толку каяться в прошлых грехах? Лучше подумаем, как нынче выйти из положения, – урезонил его главнокомандующий.

И тут вице-адмирала Вана осенило:

– Не волнуйтесь, я придумал способ перераспределения средств. Как сказано, «количество дарованных небом и землей материальных благ ограничено, и это достояние народа, а не чиновников»^[238]. Скажем так – средства Поднебесной принадлежат как чиновникам, так и народу. Тем более это относится к нашей казне: монеты из нее использовались как награды для отличившихся командиров, так нешто эти деньги не у наших людей на кораблях?

– Как же их вернуть? – недоумевал Саньбао.

– Вы, почтеннейший, напишите официальное объявление, – посоветовал Ван. – Обратитесь к командирам всех чинов и рангов с просьбой сдать в казну кто сколько может. А по возвращении в императорский дворец им всё возместят в двойном размере: взамен десяти серебряных *лянь* получают двадцать, вместо ста – две сотни, а вместо тысячи – две. Это ли не способ движения денежных средств?

– Прекрасно! – одобрил командующий и тотчас начертал особое уведомление.

Как только весть об этом дошла до кораблей арьергардной эскадры, Тан Ин поинтересовался у супруги, сколько денег у них накопилось за время плавания. Та ответила, что не более трех-пяти сотен *лянь*.

– Да уж, не то что у этого сукина сына Ван Мина, он только за последние пару дней отхватил три тысячи.

– Стоит ли об этом горевать? – заметила Фэнсянь. – Разве главное не в том, чтобы забыть себя ради государства?

– Да это не я рассуждаю о деньгах, а командующий издал приказ отдать жалованье, словно ведомственный налог^[239], – всё до последнего гроша. А по возвращении будут ходатайствовать перед государем о возмещении средств в двойном размере.

– Так и сказал? – переспросила Фэнсянь.

Супруг передал ей табличку с предписанием, и она внимательно прочла:

«Служебное предписание главнокомандующего отправленной в Западный океан флотилии во главе с Чжэн Хэ. Довожу до всеобщего сведения, что по причине давности отплытия драгоценных кораблей из столицы и щедрости выдававшегося в пути вознаграждения денежные запасы к настоящему времени истощились. В связи с этим повелеваю генералам и офицерам всех судов передать в распоряжение командующих всё серебро, полученное ранее в качестве наградных, помимо уже истраченного, для внесения в расчетную книгу. Означенные средства будут использованы исключительно на походные нужды, а после победного прибытия на родину возвращены в двойном размере в соответствии с докладом двору. Всю наличность следует сдать начальству независимо от величины суммы. Подобное передвижение средств принесет двойную пользу – и личную, и общественную. К возврату денег отнестись со всем тщанием, сдавать всю сумму полностью, утаивание либо частичное сокрытие недопустимо. В то же время недозволительно сему противиться и принимать подобные требования за оскорбление. О чем и надлежит направить сие сообщение».

Ознакомившись с документом, Хуан молвила:

– Да в чем сложности? Я лично пойду к главнокомандующему, внесу деньги на общественные нужды и не стану просить их обратно.

Тан Ин не понял, что имеет в виду жена, и воскликнул:

– Ты ошибаешься! У нас с тобой не более нескольких сотен *лянь*. Разве из одной нити сплетишь ковер?

Хуан не стала ничего объяснять, только бросила:

– Десять раз по три сотни – уже три тысячи, а сто раз – триста тысяч, из малого копится большое. Вот и славно!

Тану пришлось согласиться с женой. Они вместе отправились в ставку, перед входом в которую был установлен щит с надписью: «Вход для заимодателей». Хуан Фэнсянь вошла. Командующий Ван приветствовал ее словами:

– Воительница Хуан желает сдать деньги?

Хуан отвечала, что тотчас по получении сообщения ощутила готовность сделать взнос. Обрадованный сим известием, командующий тут же повелел вписать принесенную Хуан Фэнсянь сумму в расчетные книги, да еще указал:

– Сию сумму, сданную на общественные нужды, занести лично на имя Хуан и приравнять к награде первой степени.

Открыв расчетную книгу, господин Ван спросил, сколько денег та вносит:

– Давай их сюда, сейчас и запишем!

– У меня с собой нет денег, – ошарашила его Хуан.

Ван здорово осерчал и приказал вытолкать обманщицу вон и отрубить ей голову.

Хуан удивилась:

– Неужто нынче за благоволение безвозмездного пожертвования рубят голову?

– Ты ничего не принесла – какое это пожертвование? Сие приравнивается к оскорблению императорского двора и карается смертной казнью.

– Сначала сделайте запись в расчетной книге, и на основании этого я внесу сколько захотите.

– Пустые хвастливые речи ради успокоения. Я, к примеру, требую миллион.

– Хорошо, пишите миллион.

От этих слов у стоявшего рядом супруга сердце затрепетало, как у испуганного олененка. Эта женщина, подумал он, совсем обезумела, какой там миллион, мы и тысячи не наскребем, может, пара сотен только и наберется. Ван оборвал ее:

– В армии шуткам не место, пообещала миллион, теперь даже девятьсот девяносто тысяч не примем.

Хуан уверила:

– Командующему виднее. Посмею ли я попусту болтать и беду на себя накликать?! Ежели господин мне не доверяет, я готова подписать клятвенное обещание. И ежели внесу хоть на один *лянь* меньше, тогда и рубите голову.

На том и порешили.

Хуан взяла кисть и бумагу, написала обязательство, поставила имя и подпись, а затем приписала: «Совместно с супругом командиром Тан Ином». Тот изумился:

– Ты указала мое имя, зачем еще и подпись?

– Да что тебе мешает ее поставить? Ничего особенного от тебя не требуется, – убеждала Фэнсянь.

– Подписаться не трудно, а миллион где достанем?

– Ну, коли не достанем, нас ждет всего лишь казнь.

– Ты обрекаешь себя на смерть, а меня-то пошто за собой тащишь?

– Ты ученый муж, разве тебе не ведомо изречение: в жизни под одним одеялом любили, в смерти спали в одной могиле?

– Если ты такая образованная, то, верно, слышала и другую фразу: супруги – что птички в общем гнезде, вмиг разлетятся, коли в беде.

– В прошлом всяко случалось – молодой Цзицзы^[240] был невежливо встречен невестками, а Майчэня^[241] вообще покинула жена. Принято считать, что женщины недальновидны, для них в природе вещей льнуть к сильным мира сего, привечать по одежке – чтоб шапка высокая да пояс с жемчужной пряжкой, – сердито, но с улыбкой укоряла Хуан.

Командующий Ван прервал:

– Ну, хватит, не заставляй его подписывать. А когда ты сможешь достать деньги?

– Да такое задание всегда срочно, как на пожар. Далеко ходить не нужно, но что вы имели в виду, спросив «когда»? Я же не знаю, когда вам нужно, – переспросила Хуан.

Ван обратился к геоманту, дабы уточнить время на тот момент: оказалось, десять часов сорок пять минут утра.

– Ну, что же, – пообещала Хуан, – часа через два-три добуду деньги.

Тан Ин просто онемел, никто из присутствовавших командиров тоже не мог понять, что она задумала. Даже вице-адмирал Ван, слушая ее щедрые и дерзкие посулы, усомнился:

– Ты что же, собираешься за сей краткий миг раздобыть столь огромную сумму? Ну, отправляйся, только оставь расписку, о коей договаривались.

– Да я здесь, перед командующими достану деньги, зачем еще куда-то ходить? – уверила Хуан.

– Что значит здесь? – переспросил господин Ван. – Пойди и раздобудь деньги.

Хуан попросила его только об одном – дать ей в помощь нескольких воинов.

– Помочь донести деньги? – не понял тот.

Хуан разъяснила:

– Не монеты принести, а доставить сюда два *даня* желтозема, лист тонкой оконной бумаги, две пики с флажками и фонарь. Вот, пожалуй, и всё.

Вице-адмирал нехотя отдал приказ, и когда всё доставили, Хуан горкой насыпала желтозем на носу флагманского корабля, нарисовала на бумаге городские ворота и приклеила их у основания горки. Затем с обеих сторон ворот воткнула пики с треугольными флажками, а перед воротами вырыла небольшую ямку, разметила четыре стороны света и зажгла фонарь. Командующий Ван с недоумением наблюдал за ее хитроумными приготовлениями. Закончив, Хуан отчеканила:

– Командующий, вы начальник. Ответственность за деньги на мне, а за фонарь – на вас. Фонарь ориентирован на определенную сторону света, нельзя ни прикоснуться к нему, ни дать ему погаснуть. Иначе все мои усилия окажутся не только бессмысленными, но и губительными.

– Да что всё это значит? – всполошился господин Ван.

– От передвижения фонарь станет бесполезен, а ежели он погаснет – сие тем паче приведет к печальным последствиям. Ответственность за выполнение наших договоренностей – на мне, а вина за нарушение этих двух условий – на вас, – уточнила Хуан.

– Неплохо придумано, деньги еще неизвестно где, а на меня уже возложена ответственность, – возмутился тот.

– Я не впутываю командующего, просто мои требования необходимы для успеха дела, – ответила Хуан. Ван вынужден был согласиться.

Тогда дева неторопливо подошла в бумажным воротцам, одной рукой приподняла подол платья, а другой толкнула створки, приказав: «Отворись». Ворота со скрипом распахнулись, и Хуан исчезла. В тот же миг поднялся ветер, и створки с шумом захлопнулись. Командующий Ван был потрясен, а евнух Ма заявил, что, возможно, это не более чем трюк для отвода глаз:

– Верно сказано, что на корабле иголка не пропадет, а из узкогорлого кувшина черепаха не уползет. Дева наверняка где-то здесь на корабле. Ежели не верите, я задую фонарь, и вы ее сразу обнаружите.

Однако командующий Ван, памятуя наказ, не позволил:

– Я не собираюсь ее губить.

Тогда Ма предложил:

– А что ежели чуть сдвинуть фонарь? В таком случае, как она и предупредила, ее волшебство всего лишь не принесет пользы. Пусть попробует еще разок.

С этими словами он, не дожидаясь дозволения, чуть подвинул фонарь: до этого его луч указывал на юго-восток, а сейчас – точно на восток.

– Ну, вот, теперь, буде дева не достанет денег, меня же и обвинят. Нехорошо получилось, – пригорюнился господин Ван.

Время перевалило далеко за полдень. И тут снова налетел порыв ветра, створки ворот распахнулись, вошла Хуан Фэнсянь с корзиночкой для вышивания в руках и тут же спросила:

– Кто двигал фонарь?

– Что ты сразу про фонарь? – возмутился господин Ван.

– Да потому что из-за этого я не смогла достать денег.

– Тогда вступает в силу подписанное тобой обязательство, – тут же набросился на нее Ма.

– Я заранее предупреждала, что ежели фонарь передвинут, мои усилия окажутся тщетны. Теперь вся вина ложится на господина Вана, – отрезала Хуан.

Но тот сразу отмежевался – фонарь-то передвинул не он. И только спросил:

– Мы вас не виним, но растолкуйте, как связаны фонарь и деньги?

Хуан объяснила, что, войдя в ворота, она двигалась строго по лучу света, отбрасываемого фонарем, а поскольку он указывал точно на восток, то она по ошибке оказалась на складах флотилии в Малакке:

– Сначала я не разобрала, в чем дело. Увидела кучи золота, серебра и драгоценных камней – протяни руку и бери. Однако все контейнеры были опечатаны пломбами нашего главнокомандующего. И тут я поняла, что лучше вернуться с пустыми руками, чем дотронуться до сокровищ. Притом я побаивалась, что вы усомнитесь в посещении мною Малакки, посему в доказательство кое-что придумала: взяла кусок извести, нацарапала им свое имя на внутренней стороне входа в

хранилище – как подтверждение моего там присутствия. Опасаясь, что командующие и тогда не поверят, я разыскала генерала Ван Тана, оставленного там охранять склады, и попросила у него официальную бумагу с личной подписью и печатью как доказательство моего там появления. Вот сей документ.

Оба командующих взяли прошение – и действительно увидели на нем и подпись, и печать хранителя складов в Малакке. Пораженный услышанным, командующий Ван попросил Хуан еще разок отправиться на поиски, пообещав на сей раз не притрагиваться к фонарю.

Фэнсянь заново наклеила бумажные ворота, установила фонарь, точно определив направление, и настойчиво напомнила:

– От этой лампы зависит моя жизнь, ведь я рискую ради императорского дома. Прошу строго присматривать за ней!

Командующий Ван пообещал, и Хуан тем же путем ушла через бумажные ворота. Снова взвыл ветер и створки захлопнулись.

– На сей раз, надеюсь, ей удастся осуществить задуманное, – заметил Ван.

А евнух Ма всё не унимался:

– Эта Хуан, как говорится, сама ничего не знает, а вид знатока напускает. И еще этот документ! Недаром сказано: за большие деньги и черти в преисподней согласятся жернова крутить.

Не успел договорить, как снова взвихрился ветер, створки ворот распахнулись, и в них появилась Хуан Фэнсянь с двумя куклами в руках – желтой и белой. Командующий Ван осведомился, не сбилась ли она с пути и добыла ли деньги. Хуан ответила, что поскольку светильник не трогали, то и дорогу нашла, и деньги достала:

– Деньги на корабле, а вот эти куклы поедут с нами в Китай посмотреть мир, – пояснила она.

Ван пробурчал:

– Не зря господин Ма считает, что ты и черта заставишь жернова крутить. Мы тут пока ни одного *ляна* не видели.

Тогда Хуан предложила поднять одну из досок на палубе^[242] и проверить, найдется ли что в тайном хранилище. Командующий Ван, а с ним Саньбао и все остальные командиры пошли взглянуть – так и есть: трюм был забит серебряными слитками. Все обомлели – не иначе как кудесница: там и вправду было не менее миллиона, на ощупь слитки оказались тонкими, как волос, пластинками.

Адмирал заявил:

– Великому подвигу – великая награда!

Он тут же вернул Хуан расписку, приказал занести её деяние в книгу подвигов, украсить шапку цветами и угостить вином. Сам командующий Ван лично вручил ей три кубка. Осушив последний, Хуан спросила, довольно ли этих денег, и вице-адмирал подтвердил, что монет хватит с лихвой.

– А ежели нет, можно продать кукол, они немало стоят, – сообщила Хуан.

Господин Ван любопытствовал, сколько за них можно выручить в Китае.

Хуан повернулась к куклам:

– Командующий разрешил взять вас в Китай, выпейте со мной по этому поводу, – и поднесла каждой по чарке. Те залпом выпили, после чего дева скомандовала: – Выпили, и ладно! А теперь отправляйтесь в трюм-хранилище.

И куклы самостоятельно двинулись в путь.

– Откуда они взялись? – поинтересовался Ма.

– Да всё от тех чертей, что жернова крутят, – подколола Хуан.

– А что, разве не так? Сама их принесла и не знаешь, кто такие, – съязвил Ма.

– Ежели бы я на самом деле не знала, неужто посмела бы делать вид, что знаю? – отвечала Хуан.

На лице у Ма было написано крайнее смущение, а Хуан откланялась. Саньбао заметил, что Хуан совершила великий подвиг и испытывает законное удовлетворение от выполнения своих обещаний, хотя ей следовало бы рассказать обо всём подробнее. И адмирал предложил расспросить самих кукол – ведь ежели Хуан их похитила, то это уже преступление. Заглянули в трюм – а где же куколки? Вместо них там стояли две огромные, в семь чи, фигуры: та, что в желтом, оказалась из чистого золота, а та, что в белом, – из серебра. Саньбао был потрясен:

– Хуан воистину всем сердцем предана стране. С такими запасами слитков мы непобедимы, а тут еще эти две драгоценные куклы. А я-то удивился, когда она сказала, что они поплывут с нами в Китай. Вернемся – поднесем их двору в качестве дани, зачтется ей сей подвиг.

Радости адмирала не было границ, и он приказал пожаловать Хуан еще по два золотых и два серебряных цветка на шляпу, пару золотых уток-неразлучниц и шелка красного и зеленого на четыре одеяния – на лицевую сторону и на изнанку.

Сказывают, что Хуан и от тех даров, что ранее поднес командующий Ван, возгордилась, а получив столько щедрот от адмирала, еще более воссияла. А супруг заметил:

– Золотые и серебряные цветы – это еще ладно, а вот верная уточка-мандаринка – это и вправду ты.

– А ты загляни в корзинку – уток-то там пара!

– Что ты хочешь этим сказать?

– Пока что они вместе, но боюсь, придет час испытаний, и одна уточка улетит в другую сторону.

Тан проглотил намек, поняв, что спорить бессмысленно, и с виноватой улыбкой пробормотал:

– Ну, что ты, жена, всё обиду на меня держишь.

Тем временем султан Адена, как сказывают, повелел приближенным подготовить грамоты и подношения, после чего с золотой короной на голове и в дорогом одеянии, подпоясанный украшенным яшмой поясом прибыл на поклон к командующим и рассыпался в благодарностях за поистине отцовские милости. Те приняли его со всеми положенными высокому гостю почестями. Султан поднес вассальную грамоту для императора на золотой пластине, а также акт о капитуляции. Командующий сорвал печать и зачитал: «Восхваляю посланца Сына Неба, почитаю его мощь и величие! Некоторые невежественные южные и северные инородцы опрометчиво бьются о непробиваемую стену. Следует предвидеть, что от справедливого возмездия не скрыться, – лучше задуматься о путях возрождения. Мы удостоились обновления и, осуществляя доброе правление, получаем новый мандат Неба». Послание заканчивалось выражением любви и преданности.^[243]

Засим князь передал список даров. Чего там только не было: четыре золотых головных убора в форме лотоса, кои испокон веку носили высшие даосские патриархи; два украшенных драгоценными камнями золотых пояса, пара чудесных волшебных подушек: положишь на них голову – и можно во сне узреть все материки и острова.

Среди драгоценностей значились: две пары огромных камней «кошачий глаз», десяток рубинов разных оттенков, по десятку сапфиров и малахита, сотня роскошных круглых жемчужин. Были там еще две пары рожек местной рогатой гадюки, кои использовались как материал для разных поделок, панцирь черепахи, агаты и сто раковин для изготовления украшений; десять штук алого стекла^[244] и сто пластин глазурованного, полсотни парных комплектов янтарных чаш, а еще более сотни нарядных шейных золотых замочков-украшений с искусно вырезанными на них фигурками людей, животных и растений.

Кроме того, в списке значились разные животные: четыре единорога – каждый высотой в два человеческих роста, с высоко поднятой головой и чуть опущенным задом, четверо львов, два десятка верблюдов и местный дикий бородатый козел: пробегая тысячу *ли* в день, он способен сразиться с тигром – ударит копытом, и тот падает замертво. А еще пять пар зебр и три пары леопардов, по десятку белоснежных оленей, фазанов и благовещих птиц, два десятка страусов, сотня местных домашних овец, безрогих и длиннохвостых; пара мифических животных, чья шерсть не притягивает пыль и потому идет на мягкие матрасы, и пара мифических животных «мать ветра»^[245], похожих на гиббонов: убитый, зверь этот возрождается от порыва ветра, но ежели сунуть ему в нос корень аира, то он более не оживет.

Было в списке и всякое другое: сто стволов дорогого сандалового дерева, сто бутылей розовой эссенции, по сто *даней* красной как пламя и белой как серебро соли, сто ведер манны – верблюжьей колючки джантак, выделяющей лекарственный сладкий мед; много бутылей

ценного оливкового масла, что спасает от чесотки и лишаев, и масла орехов кукуя свечного дерева^[246], а кроме них – десять ящиков прозрачной, как лед, смолы камфорного дерева^[247].

В конце списка еще упоминались сто *даней* ценной, как серебро, булатной стали (способна разрубить точильный камень, имеет природный рисунок) и используемые султаном местные монеты из чистого золота весом в один *цян* и с узорами на обратной стороне.

Помимо сего, еще поднесли золото и серебро, цветной атлас, посуду из сине-белого фарфора, сандаловое дерево. А для корабельной кухни – различные фрукты и живность: быков, баранов, кур и многое другое – не было только свиней, коих там не разводили.

Командующий обратился к султану:

– Сколь щедрые дары! Позвольте спросить, отчего вы, как говорится, переменялись от спесивости к учтивости?

– В проявленной непокорности нет моей вины, виноват военачальник.

– Позвольте, есть и некая доля вашей вины, почтеннейший. Неужли вам не ведомо, что, отправляясь в плавание, мы выполняем волю Неба? Как вы осмелились вместо положенных почестей выслать для встречи флотилии военачальника? По получении вассальной и капитуляционной грамот мы покидаем государство – вы что же, снова прикажете ему проводить нас?

– Ничтожный виновен, молю о снисхождении.

– Обсудили – и ладно, что уж тут за вина такая!

С этими словами адмирал поднес султану и всей его свите ответные дары из предметов китайского производства – никого не обошел!

Султан поблагодарил, вернулся во дворец, велел накрыть пышный пир и, дабы выразить свое уважение, пригласил обоих командующих отведать цветочной эссенции, кою там потребляли вместо вина. Командующий удивился, почему на пиру не подают свинину, и султан пояснил, что в стране исповедуют мусульманскую религию, запрещающую есть мясо сего животного. Саньбао поинтересовался:

– В вашей стране жаркий климат. А бывают холодные периоды?

– Во все сезоны стоит жара, прохладных дней нет вовсе.

– А как исчисляется год?

– Его составляют двенадцать месяцев.

– А сколько длится месяц?

– Новый месяц начинается в день новолуния.

– Как определяются времена года – весна, лето, осень и зима?

– Наступление нового сезона изначально не установлено, его с высокой точностью исчисляют астрологи-геоманты: определяют начало весны – и вправду расцветают цветы и деревья, укажут начало осени – в природе происходит увядание. Сие касается всего – солнечных и лунных затмений, периодов дождей и ветров, приливов и прочего.

- По дороге мы миновали торговые кварталы, повсюду шумно и оживленно.

- В торговых рядах вы найдете всё, чего ни пожелаете, - книги и разноцветные шелка, лотки с готовой снедью и разной утварью, есть у нас и рынок, и общественные бани.

- Процветающее государство и богатый народ - веское доказательство добродетельного правления.

- Я, ничтожный, исповедую ислам, не взимаю тяжелых налогов, посему народ не нищенствует. Богатые и бедные живут в мире и согласии - сего достаточно. Осмелюсь пожелать и вашей правящей династии десять тысяч лет счастья.

- Вот вы, добродетельный правитель, исповедуете ислам - а откуда пошла сия вера?

- Ее колыбель на крайнем Западе - это Небесная обитель Мира высшего блаженства^[248].

- И что, сможем мы туда доплыть?

- Вы уже проделали путь в несколько сот тысяч *ли*, неужто не продержитесь еще пару месяцев?

- Какие страны нам встретятся на пути?

- Наше государство находится на краю земли, дальше ничего нет. А что касается земель крайнего запада, то мы, ничтожные, там не бывали.

Командующий Ван предложил погадать на чаше^[249], чтобы узнать, дойдут ли туда корабли. Что это за гадание такое?

Ил. 12. Пластинки для «гадания на чаше»

Ван взял в одну руку острый меч, в другую – чашу с розовой водой и, обратясь к небу, произнес:

– Ежели суждено доплыть до Небесной обители, пусть меч рассечет чашу надвое, а коли нет – пусть пронзит пустоту.

С этими словами он подбросил чашу и одним ударом рассек ее пополам.

– Как говорится, добрым намерениям и Небо благоволит, – с одобрением произнес султан. – Гадание сулит удачу. Командующему остается назначить день отплытия.

В этот самый момент страж городских ворот доложил о прибытии издалека посланцев от владыки Небесной обители. Это были три драгомана и четверо мусульман с дарами – мускусом, фарфоровой посудой и прочим. Они желали приветствовать отправившегося в Западный океан главнокомандующего флотилией империи Великая Мин. Султан был потрясен, это было похоже на сон. Оба командующих тоже не могли поверить в столь удивительное небесное благоволение: стоило упомянуть святую землю – и вот уже оттуда заявили послы! Как слух о флотилии мог столь мгновенно достичь сего отдаленного края? Опомнившись, вице-адмирал Ван даже переспросил стражника, правда ли всё услышанное, но тот уверил, что не посмел бы солгать.

– Диво дивное! – подтвердил султан.

Адмирал повелел пригласить прибывших, и вот все семеро явились – высокие, крепкие, лица смуглые. В ответ на расспросы сообщили, что трое из них толмачи, а остальные – личные советники правителя Мира высшего блаженства, специально уполномоченные приветствовать командующего флотилией.

– Каким образом ваш государь проведал о нашем местонахождении? – поразился Чжэн Хэ.

И драгоманы перевели, что в их стране находится мечеть – храм предков государя, о чем там ни спросишь – на всё получишь ответ:

– Прошлым годом в новолуние первого месяца с неба спустилась пара обтянутый кисеей красных фонарей – они осветили храм и не гасли семь ночей. Государь наш истово помолился своему предку, дабы прознать смысл знамения. Предок явился ему во сне и рек, что сии фонари ниспосланы богиней моря Тяньфэй, дабы освещать флотилии Великой Мин путь в Западном океане. Корабли еще не прибыли, а фонари уже здесь. «Направьте, – повелела богиня, – посланцев, дабы приветствовать флотилию в стране Аден». Государь наш так и поступил. Как видите, пророчество сбылось.

– Каким путем пожаловали – сушей или морем? – продолжал расспросы Саньбао.

Драгоманы перевели, что прибыли сушей, а сколько дней шли, им неизвестно, но знают, что в пути семь раз встречали новолуние.

– Так сие означает семь месяцев? – расстроился адмирал.

Но султан пояснил, что по суше путь далек и извилист, а морем вдвое короче. Посланцы добавили, что привезенные ими малые дары – лишь небольшой знак огромного уважения и искреннего расположения их государя.

Саньбао удивился:

– Ну ладно мускус – а тонкий фарфор как сумели в целости доставить?

– На верблюдах, – ответствовали гости.

Адмирал простился с султаном Адена, приказал флотилии трогаться и пригласил посланцев из Мекки проделать обратный путь на китайских кораблях:

– Морское передвижение спокойнее и быстрее!

Корабли при попутном ветре покинули берега Адена, взяли курс на запад и плыли без единой остановки более трех месяцев^[250].

Как-то в конце пути в ставку примчался один из толмачей и, отбивая земные поклоны, объявил, что через семь дней корабли приблизятся к Мекке. В ответ на выказанное командующим недоверие он пояснил:

– На каждом из четырех углов ее городской стены – высоченные башни в тридцать шесть *чжан*, их тени далеко падают на поверхность земли и воды. Как завидишь их – знай: до города семь дней пути.

Еще через два дня с кораблей стал виден свет красных фонарей, о чем и доложили командующему.

– Ну, что же, – воскликнул Саньбао, – всё ранее сказанное и ныне увиденное полностью совпадает – благодаря чудотворной силе богини Тяньфэй и благословию Небес, полученному императором Великой Мин!

На седьмой день ординарец доложил, что впереди показался город^[251]. Толмачи подтвердили:

– Это и есть наша земля. Просим командующего отдать приказ пришвартовываться.

Правитель – шариф Мекки^[252] – лично прибыл на корабль в ставку приветствовать гостей: мужчина ражий, величественный, в желтом халате, подпоясанном украшенным золотом поясом, на голове золотой обруч, на ногах – кожаные сандалии, говорит только по-арабски. У всех сопровождающих лица смуглые, на головах тюрбаны, одеяния длинные и цветные. Адмирал принял правителя радушно, поблагодарил за встречу, не погнушался приветственными церемониями. Шариф почтительно поддакивал и отбивал низкие поклоны.

Минуло еще три дня, и оба командующих вместе с Государевым советником, Небесным наставником и командирами разных рангов отправились осматривать этот край. Кругом царили такие покой, гармония и умиротворение, каких не видывали с тех пор, как отправились в плавание. Шариф вышел их встречать к городским воротам и пригласил на пиршество во дворец. Столы ломились от яств,

но вина не было. Саньбао спросил, действительно ли сии земли называют Небесной обителью. Правитель рассказал, что его владения именуют еще Западным краем:

– Здесь наш пророк проповедовал основы ислама, и по сей день народ привержен его догматам. Мы не выращиваем свиней и не делаем вино. Земли у нас тучные, урожаи риса обильные, нравы добрые, народ мирно трудится. Я, ничтожный, являюсь верховным правителем, не взимаю непосильных налогов, посему народ не бедствует, нет нищих-попрошайек, нет и разбойников-грабителей, так что нет и нужды в наказаниях и штрафах. С древности и по сей день у нас царят чистота нравов и согласие меж правителями и народом. Искренне уверяю: здесь поистине Мир высшего блаженства.

Адмирал принялся расспрашивать, в какой стороне находится храм, и правитель ответил, что в западной части города и туда полдня пути. Командующий выразил общее желание поклониться богине Тяньфэй за покровительство, а также местному пророку, явившемуся правителю во сне. Шариф вызвался сопровождать гостей.

Прибыв к месту поклонения^[253], они увидели, что мечеть ориентирована на все четыре стороны света, и на каждой стороне – девяносто ниш-проемов, обрамленных колоннами из белого нефрита, а пол выложен желтой яшмой. В центре – святилище Кааба, облицованное разноцветным мрамором^[254]. Снаружи оно четырехугольное, верх плоский, поднимается уступами, как пагода, высотой приблизительно девять ярусов. Перед святыней – камень поклонения^[255], упавший с небес во времена ранней Хань, площадью один *чжан* на один *чи*. По обе стороны от входа – изваяния двух черных львов^[256]: ежели посетители храма ведут себя недостойно или вовсе попадают разбойники и воры, львы их заглатывают, посему в стране нет грабителей. Балки внутри храма выточены из ароматного дерева алоэ, стропила покрыты позолотой, кою каждый год обновляют. Стены благоухают цветочной эссенцией и амброй. Посреди зала восседает пророк.

Кааба облачена в покрывало кисва из черного шелка, скрывающее очертания строения. Перед входом – табличка с золотыми письменами: «Мечеть Небесной обители»^[257]. Ежегодно десятого числа двенадцатого месяца сюда прибывают мусульмане из самых дальних мест, дабы воскурить благовония и прочесть сутры. Каждый из приходящих отрезает кусочек шелкового покрывала, и это именуется «ароматной памятью». Шариф ответственен за ежегодное обновление чехла.

Слева от святыни – усыпальница пророка Исмаила, выложенная бледно-зелеными топазами^[258] и окруженная стеной из зеленого оникса высотой в пять *чи*, по окружности более 3,2 *чи*^[259].

По обе стороны от святилища возвышаются мраморные минареты мечетей отцов-основателей, поражающие своим великолепием.

Примерно на расстоянии одного *ли* от святыни находится Медина, где похоронен пророк Мухаммед^[260]. От его усыпальницы днем и ночью поднимаются тонкие лучи света, образуя свечение, напоминающее радугу в Китае.

Позади могилы находится колодец Ацзинсань с чистой и прозрачной, сладковатой на вкус водой^[261]. Покидая святыню, иноземцы набирают воду в кувшины и хранят их на своих судах. Поговаривают, что стоит брызнуть этой водицей, любой ураган тотчас стихает, а волны умирятся, – одним словом, не иначе как святая вода. Словами не выразишь величие сего памятника! Командующие и их сопровождающие не могли налюбоваться и искренне благодарили хозяев.

Сказывают, что Саньбао, происходивший из мусульман, чувствовал себя словно дракон в родной стихии. Он был невыразимо счастлив, читал сутры и отвешивал поклоны.

– Сейчас самое время что-либо продекламировать, – предложил евнух Ма.

Но военачальник евнух Ван возразил:

– Мы ничего во всём этом не смыслим, лучше просто просить об отпущении грехов.

Командующий Ван поддержал:

– Тем, кто искренен в помыслах, тем и святые откликнутся, а здешние святые с нами не общаются. Нешто осмелимся оскорбить их какой-то декламацией?

Государев советник молча медитировал, а Небесный наставник только напомнил:

– До каких гор ни доплывешь, сколько дорог ни пройдешь, но пора и к себе возвращаться.

С этими словами оба монаха покинули мечеть и вернулись на корабли.

Правитель вручил адмиралу капитуляционную грамоту, и Саньбао сорвал с нее печать. Грамота была составлена от имени шарифа Мекки Аджлана^[262]. В ней, в частности, говорилось: «Семь светил – Солнце, Луна и пять планет – вот основа небесного свода; зенит, надир и четыре стороны света освещают всё вокруг, покровительствуют и поддерживают самые отдаленные страны. Велик Китай – стоит только взглянуть на одеяния его жителей; это мы, глупые и бестолковые пигмеи на далеких окраинах, запахищаем полы одежды налево. Престиж и культурное влияние Китая на соседей далече простираются. Осмелимся ли мы здесь, в отдаленной пустыне, отстраниться от него?! Мы не в силах выразить свои чувства, пребываем в страхе и смятении».

Едва командующий закончил чтение, шариф произнес:

– Простите за отсутствие литературного таланта. Хотелось, однако, выразить мое искреннее почтение, а также поднести императору наши скромные дары.

Командующий в ответ:

– Коль мы удостоились такой чести, не осмелюсь проявить непочтительность, – и принял список, в котором значились:

Картина с изображением Каабы^[263]; четыре свитка пейзажей Мекки в разные времена года, кои были представлены различными цветами и красавицами: в зависимости от сезона цветы изображались увядшими или раскрывающимися, а девицы двигались в танце, будто в такт музыке. Множество драгоценных камней: жемчужина, светящаяся во тьме – в темном помещении она освещает всё вокруг, как свеча; пара «жемчужин высшей чистоты»^[264] – блещут так, что озаряют всю комнату, и ежели взглянуть, в них словно колеблются тени святых, фей, журавлей в облаках: что бы ни случилось – наводнение, засуха или военный поход – помолишься жемчужине – на всё откликнется; четыре драгоценные жемчужины – изумрудные, словно слюна птицы Гаруда; пятьсот разных драгоценных камней – яхонт, жемчуг, кораллы, янтарь, алмазы. Помимо этого: стеклянных кубков десять пар, алойного дерева сто коробок, благовония из лечебных плодов священного в индуизме растения Слезы Рудры – рудракши (местные используют эти плоды в виде четок, носят как бусы и подвески). Кроме них в списке были атласные ткани, мускус, сандаловое дерево и фарфоровая посуда.

А еще перечислялись животные и птицы удивительные: страусов полсотни, верблюдов и антилоп по сотне, пара единорогов, четыре пары львов и десяток мифических баранов^[265]. Их пупки зарывают в землю, поливают, и в определенный день рождается животное, пуповиной связанное с землей. Тогда по традиции бьют барабаны, и пуповина у новорожденных спадает; бараны до осени щиплют траву, а в животе-пупке у них зарождается новое семя. Значилась в списке и пара птиц огня^[266]: они похожи на ласточек, а если положишь такую птицу в огонь – пламя не причиняет ей вреда явно потому, что их яйца зарождаются от омовения птиц в воде. Была и пара львят семи дней отроду, ибо таких легче приручить, и полсотни огромных породистых скакунов – настоящие небесные кони.

Завершали список тысяча местных золотых монет^[267] – каждая весом в десятую долю *ляна* чистого золота, две десятых от золотой пробы в Китае.

Помимо указанного, в списке значилось и обилие даров войску на довольствие – мелкое злато-серебро, множество отборных фруктов – громадных груш и персиков, рис и пшеница, быки и бараны, куры и утки, плоды разные.

Командующий заметил:

– Я чувствую смущение, принимая столь щедрые дары.

Султан в ответ:

– Это нам неловко от скудости наших подношений.

Адмирал устроил пышный прием с угощением, но без вина, а также щедро одарил шарифа, всех его советников, приближенных и толмачей. Правитель был тронут великой милостью командующего.

Когда адмирал отдал команду подготовиться к отплытию, шариф откланялся и собрался покинуть корабль. Неожиданно он вернулся, дабы осведомиться, куда держит путь флотилия, и, узнав, что на запад, несказанно удивился:

– Моя страна расположена на крайнем западе морского простора, и я слыхом не слыхивал о каких-то землях подалее от нас. Ни один из наших мудрецов никогда о подобном не говаривал. Думаю, командующему стоит хорошенько поразмыслить, прежде чем отправляться дальше.

Саньбао отвечал:

– Земля имеет 3600 осей вращения^[268] – возможно ли, чтобы они здесь исчерпались?

– Я высказал мое скромное мнение, остальное на усмотрение командующего, – поклонился шариф.

Саньбао поблагодарил за предостережение и подтвердил свое решение продолжить путь. Шариф покинул корабль.

Флотилия, не останавливаясь ни днем, ни ночью, двигалась на запад. Окрест лишь вода сливалась с небом да небо с водой – всё было подернуто туманной пеленой и мглой. Дни шли за днями, незаметно их минула сотня, месяц шел за месяцем – вот и три промелькнуло. Командующие пригорюнились-призадумались: может, прав был правитель Мекки? Ведь сколько дней плывут, а никаких признаков земли, так что же – поворачивать? Понапрасну, выходит, столь долгий путь проделали! Командующий Ван обратился к Саньбао:

– Почтеннейший, вам решать, но ведь мы покинули столицу почти шесть лет назад. Мне неизвестно, сколько еще времени понадобится на усмирение бунтовщиков, но думаю, нам следует воспользоваться случаем и возвращаться. Всё равно одним махом всех инородцев не умиротворить. Кроме того, за эти годы наши командиры и офицеры постарели и ослабели. Какое бы мы ни приняли решение – идти вперед или отступать – всё одинаково плохо.

Адмирал возразил:

– В ваших словах немало верного, но есть одно обстоятельство. Мы потратили огромные средства, проделали столь долгий путь. Пусть даже наказ «умиротворение варваров» не стоит сожалений – но разве мы добыли печать? Мы получили некие драгоценности в качестве дани – но разве они равноценны государевой печати? Нынче у нас нет иного пути, как только вперед.

– Боюсь, что продолжать плавание не только бесполезно, но и опасно. Потом поздно будет раскаиваться, – настаивал на своем командующий Ван.

- Подобная предусмотрительность зело похвальна, - одобрил Саньбао. - Давайте всё же испросим мнение Небесного наставника. Да и к Государеву советнику не худо обратиться.

К Небесному наставнику отправились вместе, и адмирал без околичностей изложил ему все тревоги. Даос признался, что тоже обдумывал ситуацию, но не пришел ни к какому решению.

- Можно беспокоить вас гаданием? - обратился к нему командующий Ван.

Небесный наставник признался:

- Простое гадание хотя и разрешает сомнения, но, боюсь, не столь серьезные, как наши с вами. Попробую-ка я исчисление судьбы под названием «святой расчет восьми ворот»^[269] - посмотрим, какую судьбу это нам предречет. Вы уж не гневайтесь, потерпите до завтрашнего утра. Для подобного гадания необходимо, чтобы все восемь врат выстроились у Небесного дворца Нефритового императора. Затем отправим ему послание, а Владыка спустит свое решение, указав либо на врата счастья, либо на врата беды.

- Ну что ж, так и поступим, - подчинился вице-адмирал. - Нефритовый император-вседержитель не ошибется. Поутру будем ждать высочайшего уведомления.

На другой день, едва посветлел небосклон и занялась неяркая заря, Небесный наставник лично явился в ставку и с ходу объявил:

- Много бед, мало удач! Наше послание осветило врата Тревоги и тут же натолкнулось на врата Смерти, коим, к счастью, преградили путь врата Благодати, и это сулит возможность спасения. Вплоть до смерти искать спасения - вот что имелось в виду^[270].

Командующий Ван не соглашался:

- После стольких лет, проведенных в походах, после того как мы уже привели к повиновению множество стран, - не лучше ли повернуть назад?

Саньбао стоял на своем:

- Дело не во мне, а в нашей общей цели! Мы так и не отыскали государеву печать! Ведь именно куда-то в эти края умчал ее белый слон.

- Перед нами непростой выбор, - согласился Небесный наставник и предложил обратиться к Государеву советнику.

Оба командующих отправились к Бифэну испросить совета. Но буддист только вздохнул:

- Амитофо! О судьбе войска должен беспокоиться командующий: двигаться дальше или остановиться - его решение. Что я, скромный монах, могу предложить?

Саньбао пояснил, что проблема не в неспособности флотилии двигаться вперед, а в гадании Небесного наставника - оно предвещает многие беды.

– Ну, коли так, – согласился Государев советник, – то наша общая с даосом задача – обратить несчастье в удачу, добиться благого знамения.

Командующие возрадовались:

– В таком случае, двинемся вперед – а там хоть страна демонов, хоть преисподняя!

Если хотите знать, куда занесет флотилию на этот раз, слушайте следующую часть.

***Часть десятая^[271],
кля глаголет о страстях загробного
мира, а также о грехопадении
целомудренного монаха***

Дорога до Фэнду^[272] в стране чертей
Не человеком торена, а Небом.
В пути доверься ветру, облакам,
И Покровителю дождя, конечно.

Сказывают, что обещанием обратить несчастье в удачу Государев советник развеял беспокойство, рожденное мрачными предсказаниями Небесного наставника. Командующие успокоились и отважно двинули флотилию вперед. Плыли не менее двух месяцев, и вдруг что-то изменилось. Прежде днем ориентировались по солнцу, ночью – по звездам, и даже без фонаря богини Тяньфэй по ряду признаков осваивались и следовали нужному курсу. Но сейчас всё вокруг выглядело иначе: небо заволокли черные тучи, лег густой туман – словно глубокой зимой в Китае, и со всех сторон неслись какие-то невнятные звуки. Вот уж поистине – не проехать, не проплыть! Оставалось лишь крепче ухватиться за руль и двигаться строго на запад: возьмешь чуть левее или чуть правее – и уже неясно, куда держать путь. О том, чтобы повернуть назад, теперь не могло быть и речи!

С особой осторожностью плыли еще около месяца, пока корабли аванпоста не уперлись в крутой берег, заросший полыньей. Ординарец доложил в ставку. Командующий решил, что здесь наверняка раскинулось какое-то государство, и приказал причаливать:

– Там разберемся, что за местность.

Тьма так сгустилась, что на расстоянии вытянутой руки ничего невозможно было разглядеть, словно и вправду наступила ночь.

Однако вскоре забрезжил призрачный свет, и можно было предположить, что рассвело. Командующие отдали приказ лазутчикам спуститься на берег и выяснить обстановку, но те в испуге отказались. Тогда адмирал предложил отправить вперед Ван Мина. Храбрец воскликнул:

– На краю неба и в дальних морях побывали – с чего бы тумана и мрака убояться?

Взял в одну руку траву-невидимку, в другую – острый меч, спустился на берег и не торопясь двинулся в путь. Прошел с десятков *ли*, впереди вроде чуть развиднелось, еще через десять *ли* посветлело, двинулся дальше – а там и вовсе прояснилось. Моросил мелкий дождик, туман висел, словно глубокой осенью, но непроглядная тьма отступила. «Со мной моя всегдашняя удача! – решил Ван Мин. – Поистине, как говорится, отбросим мрак и устремимся к свету – в том замысел небесного царя».

Сказывают, что, пройдя еще немного, Ван Мин уткнулся в городскую стену, плотно окруженную множеством жилищ. Храбрецу не терпелось поскорей всё разузнать и доложить главнокомандующему, дабы ему зачли еще один подвиг. Он поспешно сделал несколько шагов и вошел в город. Жители выглядели на диво чудно, каких тут только ни было: кто с коровьими головами или с лошадиными мордами, со змеиными ртами, а то и с ястребиными клювами, одни синемордые, другие краснорожие, те с выпирающими зубами, эти с обнаженными деснами. Их причудливый облик наводил страх. А ведь у человека руки-ноги подчинены сердцу, стоит тому затрепетать – тут и руки задрожат, и ноги ослабеют. Неудивительно, что охваченного ужасом Ван Мина будто стреножили: он упал, и, хотя тотчас вскочил, вся одежда оказалась перепачканной. Воин забеспокоился, что в таком виде может вызвать у жителей подозрения, и направился к реке.

И вот поистине – иным людям самим Небом уготованы счастливые встречи, кои влекут за собой множество событий. Что сие означает? А вот что. Пока Ван Мин застирывал на берегу одежду, на противоположном берегу полоскала белье какая-то женщина. Они посмотрели друг на друга – женщина показалась Ван Мину знакомой, да и та вроде его узнала. Некоторое время эти двое не отрывали взора, пока Ван Мин не сообразил, что женщина точь-в-точь напоминает его умершую жену. Та, видно, тоже его признала, и хотя не решилась заговорить, но, поднимаясь на взгорок, несколько раз обернулась. Ван Мин не выдержал и окликнул ее:

– Госпожа, не оттого ли вы оглядываетесь, что мое лицо кажется вам знакомым?

Женщина в ответ стала допытываться, из каких краев он родом, как зовут и зачем пожаловал. Ван Мин назвался морским офицером династии Великая Мин, находящимся в подчинении командующего, кой возглавляет поход в Западный океан:

– Имя мое Ван Мин, прибыл с секретным военным поручением.

Женщина переспросила, не звали ли его раньше Кэсинь^[273], и, опасаясь совпадений, еще и уточнила, кто из родственников остался дома, пока он в плавании. Ван Мин признался, что отец давно умер, старушка мать жива, и за ней ухаживает его младший брат:

– Была у меня жена из рода Лю, но десять лет назад она заболела и умерла. Я, служивый, отправился в плавание, да так больше и не женился, остался без потомства.

Эти подробности окончательно убедили женщину, что перед ней и в самом деле ее бывший супруг. Будто кто ножом полоснул по сердцу, и, еле сдерживая льющие потоком слезы, она вскричала:

– Перейдите сюда по мосту, я хочу вам что-то сказать.

Ван Мин перешел на другой берег, женщина притянула его к себе и сквозь рыдания призналась, что она и есть его умершая супруга. Ван Мин совсем растерялся – будь это ложь, так ведь глаза его не обманывают, да и слова подтверждают, а ежели правда, то как могло случиться, что человек, умерший десять лет назад, стоит перед ним как живой? Терзаемый страхом и любовью, он воскликнул:

– Ежели ты и вправду моя умершая женушка, как ты здесь оказалась, да притом живехонька? Где раньше скрывалась?

Госпожа Лю заметила, что на улице беседовать неудобно, и пригласила его к себе домой.

Свернули они разок-другой и вошли через ворота с пышно украшенной клинообразной аркой во внутренний двор, где располагались три простых и изящных строения из темно-синего кирпича с прожилками белого цемента^[274]. Войдя в главный дом, увидели три зала – центральный и два боковых. Госпожа Лю остановилась и поклонилась Ван Мину.

– Чей это дом? – недоумевал тот.

– Погоди, – прервала его Лю. – Расскажу всё по порядку. В тот год 13 октября, как только я испустила дух, посланцы загробного мира потащили меня вместе с другими одновременно умершими в подземное царство – всего насчитали нас сорок две души^[275]. Прежде чем владыка ада Яньло приступил к судебному разбирательству в своем Лучезарном дворце^[276], нас привели к чиновнику-делопроизводителю, ведущему учет жизни и смерти, дабы он занес наши имена в реестровую книгу.

Ван Мин совершенно растерялся:

– Ты о каком-таком владыке Яньло говоришь? О каком чиновнике? Нешто это потусторонний мир?

– Да не паникуй ты, сейчас объясню, – успокоила Лю. – Письмоводителя зовут Цуй Цзюе^[277]. После того как он внес в список наши имена и фамилии, мы предстали перед владыкой ада, и судья начал по одному нас выкликать – оказалась сорок одна душа. Яньло удивился: «Мы изначально утвердили сорок две – отчего нынче на одну меньше?» Цуй пояснил, что одна душа была записана по

недоразумению, и он желал бы вернуть ее в мир живых. «О, сколь сие милосердно! Освободить душу безвинно погибшего от новых страданий! Скорей отпусти ее!» – возгласил Яньло. Чинуша поспешно закивал, схватил меня и привел к себе в дом. Я помянула о его обязательстве отпустить меня в мир живых, но он отрезал: «Да ты и есть та самая сорок вторая душа! Но я узрел твою красу несказанную, а у меня в покоях жены-то и не хватает. И соединимся мы с тобой, словно пара фениксов». «Зачем вы насильно хотите связать нас узами брака? Как это понимать?» – припомнила я данное им обещание. «Послушай, все эти речи о воскресении души – только прикрытие. Неужто ты приняла их за чистую монету?» «Вы же официальный чиновник, как можно не поверить вашим обещаниям!» «Только-только почувствовала волю – сразу раскомандовалась! Будешь противиться, отправлю обратно в судилище», – пригрозил Цуй. Сколько я ни молила, ничего не помогло, пришлось стать его супругой, – закончила Лю свой рассказ.

– Так это в самом деле потустороннее ведомство^[278]? – спросил Ван Мин.

– А что же это, по-твоему, – мир живых? Мы называемся страной Фэнду по названию горы, расположенной где-то в тысяче *ли* к западу. Поднявшиеся на эту гору никогда не возвратятся в мир людей. Это мир страданий, но здесь всё же лучше, чем в аду, – призналась Лю.

Ван Мин поинтересовался, существуют ли в мире духов какие-то ведомства. Лю объяснила:

– У нас здесь правят владыки десяти судилищ преисподней^[279], не считая мелких контор.

– Ежели это такое жуткое местечко, зачем ты меня сюда зазвала? Я лучше пойду.

– Чего засуетился? Хоть это и потусторонний мир, но я-то здесь.

– Ты же теперь новобрачная делопроизводителя Цуя.

– Вот глупец! Какая еще новобрачная! Ты мой супруг в прижизненном браке, с чего бы мне от тебя отрекаться?

– Боюсь, всё не так просто. Ты супруга Цуя, это его дом – с какой стати он станет меня здесь терпеть?

– Об этом не беспокойся! Он чиновник, занят делами и вернется только к ночи, мы можем расположиться в боковом флигеле и спокойно побеседовать.

Ван Мин полюбопытствовал, что они здесь пьют-едят, и Лю сказала, что всё то же, что и на земле:

– Ты проголодался?

Ван Мин признался, что с утра проделал длинный путь и здорово голоден.

– А я тут с тобой толкую о всяких скорбях и печалях, даже чаю не предложила! – встрепелась Лю.

На ее зов прибежали служанки. Она представила Вана как своего родственника, велела принести чаю, закуску и вина на их усмотрение.

Ван Мин с жадностью набросился на еду, подчистую всё съел и выпил. Но, как еще древними замечено, напьются-наедятся, и палочки^[280] кой-для чего еще сгодятся, вот Ван Мин и завел:

– Помнишь, как родители сговорились о свадьбе? А нашу комнату с красными свечами для новобрачных? Как мы были счастливы! А потом ты умерла, я отправился в плавание, и мы расстались вроде как навеки. Кто бы подумал, что я вновь обрету тебя в потустороннем мире? Как думаешь, можем ли мы восстановить наши прошлые чувства?

Лю уловила игривый смысл его речей, но ясно дала понять:

– Мы хоть и встретились с тобой нынче, но ты принадлежишь земному миру, я – потустороннему, и потому опасаясь осквернить твоё тело прежними отношениями. Помимо того, нынче я служу господину Цую и принадлежу ему. Какое право я имею нарушить эту связь? Пусть даже Цуй не узнает – лучше ли это, чем ты бы прознал о подобной измене в земном мире? В общем, коли человек при жизни блюдет целомудрие и верен долгу, он и после смерти остается честным и преданным.

Славная Лю, она ли не образец доброго духа? Ван Мин не нашелся, что возразить, откланялся и собрался уходить.

Однако теперь уже Лю задержала его расспросами:

– Как случилось, что, отправившись в плавание, ты очутился в загробном мире?

Ван Мин живописал, как лет эдак пять-шесть тому флотилия покинула Нанкин, посетила несколько десятков государств, а командующий упорно желал продвигаться всё дальше и дальше:

– Шли вслед за попутным ветром и неожиданно очутились у ваших берегов. Ну, адмирал и послал меня вызнать, что за местечко. Думал ли я, что это потустороннее судилище?! Вот и вошел в ворота.

– Так у вас и командующий есть? – подивилась Лю.

Ван Мин описал ей мощь флотилии, не забыв упомянуть даосского и буддийского монахов.

– А ты в каком звании? – любопытствовала Лю.

– Я рядовой служака, один из десяти тысяч наших славных воителей.

– Успел совершить какой-нибудь подвиг?

– С помощью вот этой травинки я совершил немало подвигов, – и Ван Мин вытащил траву-невидимку.

– Коли так, по возвращении непременно получишь чиновничью должность, и я, как твоя жена, пусть и в потустороннем мире, упокоюсь без тревог.

– Мне пора. Командующий ждет отчета.

– Ладно, иди. Цуй скоро вернется.

Не успела договорить, как в зале послышались шаги Цуя и его вопрос, кто там беседует. Ван Мин растерянно шепнул:

- Выйди к нему, а я здесь останусь. Не беспокойся, я воспользуюсь травой-невидимкой.

Но Лю объяснила, что травка сия годна лишь в мире людей, но не духов:

- Как говорят, пусть скрытно дурные дела он творит, глаз божий повсюду правду узрит. Тебе лучше тоже показаться, но после меня.

Ну и Лю! Она двигалась с достоинством, проделала все положенные церемонии и произнесла:

- Это я вела беседу.

- С кем? Чую дух живого человека, - допытывался Цуй.

- Со своим старшим братом, - отвечала Лю.

- А как он здесь очутился?

- Я стирала у реки, встретила его и пригласила зайти.

- Он уже предстал перед судьей?

- Нет, он живой человек из мира людей и попал сюда случайно. Плыл по Западному океану под предводительством главнокомандующего с огромной флотилией в тысячу драгоценных кораблей. Попутным ветром их занесло сюда. Командующий послал его разведать ситуацию, а он по ошибке зашел в город.

- Чудные дела! Звать-то его как?

- Ван Мин.

- Интересно, твоя фамилия Лю, а брата - Ван?

Лю ловко извернулась:

- Мы из бедной семьи, брат вошел в семью родителей жены, ее отец господин Ван - известный военачальник. Брат пользовался его благосклонностью, а поскольку у тестя не было сыновей, тот дал ему свою фамилию.

- Коли так, скорей зови братца сюда, желаю познакомиться, - вскричал Цуй.

- Да он простой воин - как осмелится предстать пред столь высоким сановником? - потупилась Лю.

- Ошибаешься, женушка, - расхохотался Цуй. - Ежели он твой брат, то мне он шурин. В каждой семье найдется бедный родственник - что за беда? Зови скорей!

Ван Мин вошел, отвесил поклоны.

- Говорят, понимающего тебя человека и в тысячу лет не встретишь, - приветствовал его Цуй. - Ты, шурин, из мира людей, мы - из потустороннего ведомства, такая встреча и в десять тысяч лет редкость!

- Не знаю, как быть! Надеюсь, вы, почтеннейший, простите мой опрометчивый проступок! - потупился Ван Мин.

- Да брось! - отрезал судья и попросил рассказать о флотилии.

Ван Мин назвал имена обоих военачальников, а также великого праведника с горы Дракона и тигра в чине Небесного наставника и

почтенного Цзинь Бифэна в звании Государева советника. При имени Цзинь Бифэна судья закивал:

– Хорошо, что он здесь. Лично с ним не встречался, но слышан. А много ли кораблей во флотилии? С какой целью отправились в путь?

Ван Мин расписал, что кораблей тысячи, командиров и воинов тьма, а плывут, дабы умиротворить варваров и вернуть драгоценность.

– И что же, нашли драгоценность? – живо поинтересовался судья.

– Это не обычная драгоценность, а наследственная государева печать. Найти ее не удалось, потому и было решено упорно двигаться вперед. Так и доплыли сюда.

– Да, ошибочка вышла! А в Небесной обители – стране высшего блаженства – побывали?

– Побывали.

– Она расположена на краю Западного океана, а Фэнду находится еще дальше – на краю Западного неба. Вы в тупике, как намерены выбираться? Кроме того, здесь буянит множество всяческих злых духов. Они вмиг состряпают жалобу судье, мол, появился сюда какой-то вояка, дабы усмирить варваров и добыть драгоценность, нас ни за что убивает! К счастью, ты оказался моим шурином, я-то рад повидаться, всё же родня.

– Чего хотят эти злые духи? – перепугался Ван Мин.

– Стоит тронуть их, они потребуют жизнь за жизнь, и не вернуться вам в родные места.

От этих слов у Ван Мина аж живот схватило, и он стал поспешно прощаться. Но Цуй его удержал:

– Дражайший шуринок, это как-то не по-людски. С таким трудом до нас добрался и сразу покидаешь. Нынче уже поздно, прикажу-ка я твоей сестрице приготовить угощенье в честь дорогого гостя. Попотчует по всем правилам, заночуешь здесь, а завтра возьму тебя с собой в инспекционную поездку, покажу наши места для бичевания. Не зря же ты сюда прибыл.

Ван Мин только и вымолвил:

– Мне повезло встретить ваше превосходительство!

А Цуй добавил:

– Сейчас ты всё одно не сможешь вернуться и отчитаться перед земным начальством.

Тут глядишь – и столы накрыли. Ван Мину, несмотря на обходительность Цуя, ничего в глотку не лезло, доброжелательное расположение хозяина дома было невыносимо, и он еле выдержал эту ночь.

Наутро под водительством Цуя они отправились в путь. Едва приблизились к городским воротам, завыл-закрутил ледяной ветер, сгустилась мгла, и в ней нарисовались фигуры охраняющих ворота чертей: слева синерылый клыкастый, справа – посверкивающий, как разноцветное стекло.

– Тьфу, – насторожились они, узрев Ван Мина, – да это человек из мира людей! Ты как сюда попал?

Но судья на ходу бросил:

– Хватит болтать, это мой шурин, как смеее нас задерживать?

И черти послушно отступили.

Ван Мин проследовал за судьей в ворота, за коими слева вскоре показалась громадная башня высотой эдак в десять *чжан*, вздымавшаяся ввысь каменными уступами. Справа и слева ее опоясывали две лестницы со стертыми ступенями: левая вела вверх, правая – вниз. Куда ни глянь – всюду души: одни, явно охваченные тревогой, поднимались на башню, другие спускались вниз с глазами, полными слез.

– Что это за башня, досточтимый зять? – шепотом поинтересовался Ван Мин. – Отчего плачут эти люди?

– Ведомо ли тебе, дорогой шурин, – обстоятельно растолковал Цуй, – что тотчас после смерти душа человека попадает в капище бога родного селения, а на другой день – в храм духа священной даосской горы Тайшань^[281], где мягкосердный и праведный владыка сей горы присваивает духу порядковый номер.

Лишь на третий день души попадают в мир Фэнду. К этому времени их сердца еще бьются, и потому владыка ада, согласно издавна установленному порядку, позволяет им взойти на эту башню и в последний раз взглянуть на родные края. В сей миг каждый разражается рыданиями, и тут-то душа его умирает безвозвратно и окончательно. Башня так и называется – Вид на родные края^[282].

Справа такими же каменными уступами громоздилась другая башня – тоже не менее десяти *чжан* высотой. К вершине вела лишь одна лестница, но и та пустовала. Ван спросил, каково назначение сей башни и почему на нее никто не поднимается.

– Послушай меня внимательно, шурин, – отвечал Цуй. – У людей на земле есть два пути – добродетели и греха. Добродетель вознаграждается, грех наказуем. Сия башня предназначена для добродетельных. После того как души предстанут пред владыкой загробного мира Яньло, для ожидающих воздаяния за добродетель готовят разноцветные знамена и барабаны, и души праведников с вершины сей башни возносятся в рай. Посему ее именуют башней Вознесения.

Ван Мин с удивлением спросил:

– А почему на ней только одна лестница?

– Ибо возвратного пути нет.

– Отчего же на башне так мало людей?

– Да неужли столь многие из живущих на земле посмертно достойны вознесения?

– Удостоиться сего весьма отраднo и почетно, но странно, что башня расположена справа^[283].

– Исстари так повелось: слева вступают в наш мир, справа – его покидают, таков установленный порядок, и нечего тут обсуждать.

Пройдя еще немного, они узрели две горы, расположенные по обеим сторонам дороги. Над одной, застя небосклон, поднимались клубы дыма и пламени. Цуй назвал ее Огнедышащей:

– После приговора Яньло здесь поджаривают тех, кто при жизни был холоден и безразличен к страждущим, не возвращал долги^[284], а также всех нетерпеливых и необузданных. Их обжигают на этой горе до тех пор, пока не сгорят дотла кости, и к утру в остывшей печи остается лишь прах.

Другая гора была густо утыкана мечами и ножами: они торчали, как деревья в лесной чаще. Называлась она Горой мечей^[285]. На нее отправляли двуликих и лицемерных – тех, кто наносил удар из-за угла, у кого на устах мед, а за пазухой меч. Ножи и мечи раздирали их плоть в клочья, оставляя кровавое месиво.

Они прошли чуть дальше, и поскольку перед тем, как покинуть дом, Ван Мин опрокинул пару чарок вина, у него пересохло во рту. И тут он увидел сидящую под навесом старуху, коя раздавала проходящим бурлящий напиток.

– Уважаемый зять, – обратился Ван Мин к Цую, – я бы чайку попил.

Тот расхохотался и предупредил, что вряд ли дорогому шурина понравится здешнее пойло.

– Отчего же? Я готов заплатить, – ответил Ван Мин.

– Платить и вправду надобно, – согласился Цуй. – Старуха эта когда-то носила фамилию Тань, что значит Алчность. В течение семи поколений она возрождалась в миру распутной певичкой. Но однажды Яньло не позволил ей возродиться в человеческом облике. Тогда она соорудила здесь навес и стала раздавать питье. Да только это не чай: стоит сделать глоток, в голове помутится так, что забудешь свое имя и откуда родом, потому его и называют Отвар забвения. Похоть распутниц такова, что они, даже став духами, продолжают морочить людей.

Пройдя еще немного, они оказались перед Рекой нечистот^[286], через кою был переброшен мосток, состоящий из одного скользкого бревна не более *чи* в окружности.

Подойдя ближе, Ван Мин разглядел, что по мосту шествовали какие-то люди в сопровождении отроков с развевающимися стягами и роскошными балдахинами. А под мостом в реке крови барахтались несчастные, терзаемые золотыми драконами и серебряными скорпионами, железными псами и медными змеями, кои безжалостно их грызли и рвали в клочья. Цуй назвал сей мост Карающим, по нему предстояло перейти всем душам на пути в потусторонний мир:

– Ежели при жизни помыслы людей были чистыми, а поступки праведными, ежели им нечего скрывать и нечего стыдиться перед Небом, сим благородным мужам Яньло выказывает уважение, посылает

золотых отроков и яшмовых девиц своей свиты сопровождать их, и те переходят мост аки по ровной земле. А злобных людишек с нечистыми помыслами и коварными поступками, нарушителей норм человеческих взаимоотношений и установленного Небом порядка Яньло приговаривает к падению с моста в реку – там их гложут чудища.

– Верно сказано, – рассудил Ван Мин, – зло ли, добро ли – за оба деяния раньше или позже жди воздаяния.

Пройдя еще отрезок пути, они оказались перед дамбой. Окрест – тишь и безмолвие, только резал лицо ледяной ветер и нескончаемо сыпал холодный дождь, навевая тоску и уныние. Цуй поведал, что сие есть Дамба скорби^[287]. Ни одна душа, попавшая в загробный мир, ее не минует, а как приблизится к ней, из глаз ручьями потекут слезы, сердце наполнится скорбью и смятением. Дамба тянулась на несколько километров, и вдоль нее в разных направлениях брели человечки. Вот небольшая группка: шли пошатываясь и нелепо размахивая руками, одни выкрикивали «трижды глотнем», другие «дважды солжем»^[288]. «Души пьяниц», объяснил Цуй. Рядом тащились группки одетых в лохмотья жалких существ, черноликих и желтозубых, одни сжимали в кулак одну руку, другие – аж обе. Цуй назвал их духами нищеты^[289]. Была и группа побольше: брови нахмурены, глаза закрыты, головы повернуты на восток, а ступни на запад, руки вытянуты вперед, а тела движутся назад. Вид их был столь нелеп, что невозможно было разобрать, кого они напоминают – живых или мертвых. Цуй бросил: «Духи мора»^[290]. А вот еще пятеро, а может и больше: те что есть силы махали кулаками, кто вправо, кто влево. Одни, наткнувшись друг на друга, испуганно вопили, другие, напротив, без разбора подзывали знакомых и незнакомых: «Ну-ну, давай сюда!» Некоторые, пританцовывая, настраивали себя на драчку и что-то выкрикивали резко и злобно. Цуй объяснил, что это души задир и грубиянов. Невдалеке – толпа человек в семь, а то и восемь десятков с сильно выпирающими зубами. Ван Мин подивился, кто такие, и судья назвал: «Скалозубые»^[291].

Около сотни людей распластались на земле как во сне – запрокинув головы, при этом они дрыгали руками и ногами, моргали и двигали губами, будто разговаривая. Цуй разъяснил, что это души буянов и скандалистов. Было там еще около десятка странных людей – полуодеты, полураздеты: на головах шляпы, но без полей, сами в куртках, а нижняя часть тела не прикрыта, в башмаках, но без носков, в одной руке посох, в другой – кокосовый черпак. Цуй назвал их душами попрошаек. Рядом толпилось еще с десятков душ, у каждого на плече – потолочная балка, в руках – веревка. На вопрос Ван Мина, кто такие, Цуй бросил: «Души висельников»^[292]. А чуть подалее несколько десятков человек разбрасывали по земле медные монеты с золотистым ободком^[293], другие их хватали, крутили и жадно разглядывали, снова подбирали и снова рассматривали, сбивались в кучу, шумели и

скандалили. Цуй пояснил: те, что разбрасывают деньги, – жертвователи-благодетели, а те, что собирают и разглядывают, – души скряг. Хотя дамба была длиннющая и по ней сновало множество разных душ, за разговором Ван Мин не заметил, как они ее миновали.

Он поднял голову и увидел пред собой величественные врата, на коих было начертано: «Лучезарный дворец». Путники вошли внутрь и очутились перед множеством высоченных дворцовых палат с широкими алыми входными дверьми. Похоже, тут обитало важное начальство. Ван Мин насчитал целых десять палат, в них вершили суд десять властителей преисподней – на прибитых к входу досках были начертаны их имена.

– А что за конторы в боковых строениях? – поинтересовался Ван Мин.

В ответ услышал, что там расположены цензораты^[294]: слева – Воздаяний за добрые дела, а справа – Наказаний за прегрешения. Ван Мин испросил разрешения взглянуть, и они пошли туда.

Сначала направились к цензоратам Воздаяний. За главными вратами высились дивные дворцы под голубой черепицей – прекрасные, как лунные чертоги, их насчитали восемь. Над парадным входом каждого висела красная табличка с писанным золотыми иероглифами названием. Первый – Дворец сыновней преданности. Цуй ввел Ван Мина внутрь – стоявшие по обеим сторонам воины почетного караула держали атрибуты для церемонии посмертных почестей: зонты с украшениями из перьев и пятицветные хоругви. В воздухе кружились божественные цветы, благодатные испарения наполняли зал тонкими ароматами, звучала чарующая небесная музыка. Ну чем не обитель небожителей? По знаку судьи им навстречу вышли отроки и девицы в императорских тиарах, роскошных парчовых одеяниях и расшитых жемчугом туфлях: слева – юноши, справа – девы. Гости и хозяева расселись, вскоре подали чай, и они завели беседу, всё согласно церемониям в мире живых. Цуй представил Ван Мина как воителя, отправившегося из империи Мин в Западный океан: корабли сбились с пути, но он набрался смелости заглянуть в потусторонний мир. Присутствовавшие признались, что при жизни они тоже пребывали в Великой Мин, но ныне отгорожены от нее преисподней.

Сопровождавший Ван Мина письмоводитель Цуй поведал о деяниях некоторых из присутствовавших, кои были вознаграждены и Небом, и государем.

Покидая дворец, Ван Мин поинтересовался, отчего сии почтительные сыновья в круге перерождений не удостоились возвращения в мир людей. Цуй пояснил:

– Все эти души – носители мощной энергетической субстанции, «истинной *ци*» вселенной, равно даруемой всему сущему и потому гуманной. При появлении просвещенного правителя в эпоху мира и порядка сии души возрождаются в облики высших гражданских и

военных чинов, дабы оставить добрую славу потомкам. Однако пока нет такового, они наслаждаются почетом и славой в потустороннем мире.

На табличке следующего строения красовалась алая надпись: «Дворец почитания старших братьев», а на третьем – «Дворец преданных и совестливых», там обитали души хранивших приверженность трону и государству, готовых отдать жизнь за правое дело. Внутри каждого из сих дворцов всё было устроено точно так же, как в первых двух. В соседнем, четвертом дворце пребывали души верных и надежных друзей. Цуй кратко представил некоторых из них: вот чиновник эпохи Сун, по сговору ему предстояло жениться на прекрасной девушке, а когда та заболела и онемела и все уговаривали его выбрать другую, он не нарушил обещания. Покидая дворец, Ван Мин торжественно произнес:

– Следует помнить, что верность слову дороже тысячи золотых: кто много болтает – тот зря обещает.

Путники приблизились к зданию с красной табличкой: «Дворец почтительных и благопристойных». Цуй привел слова одного из находящихся там духов: «Благородный муж пиететом укрепляет свое доброе имя, а ничтожный человек прикрывается им, дабы избежать наказания». Затем путники посетили Дворец почитающих долг и справедливых. Ван Мин обрадовал судью, сказав, что знает некоторых из присутствующих там благородных конфуцианцев:

– Мне не ведомы события прошлых эпох, а вот о деятелях моего времени слухами земля полнится, их сильная воля и кристальная честность выжмут слезу и у злых, и у добрых духов. Я хоть и маленький человек, но не могу не знать о них.

Седьмой ямэнь назывался «Дворец неподкупных чиновников». Ван Мин признался, что наслышан о многих из его обитателей, живших в прошлом веке:

– Вот начальник уезда Чжоу, он был честен, не искал выгод от просителей, посему ему доверили аттестацию чиновников на предмет поощрений и взысканий. А это Чжан И-нин – хранитель императорских указов и государственный историограф, член Академии Ханьлинь. Он был назначен с высокой миссией в Аннам, но по дороге скончался^[295], завернувшись в единственное, что имел – грубое одеяло. А это управляющий казначейством господин Гу Пу: за всю жизнь он не накопил имущества и не оставил детям ничего, кроме груды рукописей на столе.

Они заглянули и во Дворец кристально совестливых – он ничем не отличался от предыдущих. Войдя, Цуй обратился к шурину:

– Ну, ежели ты и здесь кого признаешь, почту тебя за образованного человека.

Ван Мин указал на знатного советника:

- Он служил в департаменте по умиротворению регионов. Начальник пытался одарить его золотом, но сановник спросил с укором: «Сим вы желаете выразить благосклонность или устыдить меня?»

Кое-кого представил и Цуй:

- Сей муж - член Академии Ханьлинь. Он считал зазорным облачаться в роскошные традиционные наряды и носил холщовую одежду простолюдина. Получив должность правителя округа, отказался разъезжать в богатой колеснице и ходил пешком. Вот здесь - воспетый в стихах сановник Чжао Бянь. Стыдясь окружать себя сонмом слуг, он отправился к месту службы лишь с цитрой да журавлем^[296].

Ван Мин смутился:

- Это всё деятели прошлых эпох.

- Коли не слыхивал о них, значит, не питаешь почтения к древности, - отрезал Цуй.

Ван Мин возразил:

- Шурин, неужто вы не слыхали строки Ли Бо:

Вот луна, на нее наши предки смотрели,

Только нынешней им не видать.^[297]

Затем оба навещателя посетили учреждения, предназначенные для наказания злодеев, при жизни не исполнявших заветов конфуцианства. Их тоже было восемь.

- Не хотелось бы знаться с подобными душегубами, говорят же: глядеть на дурное - всё одно как лить на язык кипятков, - заметил Ван Мин.

- Давай-ка тогда пойдем глянем на восемнадцать ступеней ада, согласен?

- А что, там и женщины есть? Вместе с мужчинами?

- Для женщин существуют особые отделения, структура их та же, что и для мужчин.

Ван Мин пожелал побывать и там, но Цуй остерег:

- Как правило, мужчинам туда вход запрещен. Боюсь, Яньло прознает и заведет судебное дело.

- Ну, коли так, пойдемте смотреть преисподнюю, - согласился Ван Мин.

Через несколько *ли* открылся обыденный пейзаж - сумрачный дневной свет, свист и вой ледящего ветра. Всё пространство окружала каменная стена высотой в пятнадцать и более *чи*, с ворот стекало расплавленное железо. На воротах - табличка, на ней белым по черному начертано: «Ады вездесущего захвата»^[298]. Как только они подошли, ворота распахнулись, и оттуда выскочили несколько посланцев ада - чудища с бычьими головами, выпученными глазами, вздернутыми носами. Стук в ворота и требование их отворить явно расстроили стражей:

– Не везет нынче, прислали какую-то хворостину – кожа да кости^[299].

С чего они так сказали? Дело в том, что Ван Мин от природы был худющий, а черти отвечали за то, чтобы схватить и доставить грешника в ад, вот они и посетовали: такой тощий, с него даже мяса не состругаешь! Цуй смекнул, что те имели в виду, и прикрикнул:

– Хватит болтать, это мой шурин, пришел поразвлечься.

Как говорится в пословице, важен не твой мундир, а то, что ты – командир, и не твоя должность, а то, что я тебя слушаться должен. Кто посмеет возразить? Ван Мин вслед за своим проводником вошел в низенькие воротца – за ними и находился первый ад. Табличка над воротами гласила: «Ад вихрей и грома». Ван Мину сразу бросилась в глаза медная колонна, к коей были привязаны грешники. Чертенята ловко щелкали бичами по опоясывающему колонну огромному медному кольцу, утыканному короткими, острыми ножами^[300], и под завывание ветра колесо начинало вращаться. Чем громче свистел ветер, тем стремительнее вращалось кольцо, тем сильнее впивались ножи в тела грешников. Внезапно откуда-то из-под кольца раздавался раскат грома. К этому моменту плоть человека оказывалась изодранной в клочья, кровь ручьями заливала землю. Умертвив грешника, черти вновь щелкали бичами по кольцу, на сей раз заставляя его вращаться в обратном направлении. Гром и ветер стихали, а с земли, нарастая, поднимался новый вихрь: он нес останки искромсанных тел, и, сливаясь, они вновь обретали человеческий облик. Ван Мин подивился, откуда эти гром и ветер. Цуй пояснил:

– Гром бога Кришны и Ветр воздаяния за грехи.

– За что эти люди попали сюда?

– Сим грешникам, совершившим при жизни одно из десяти чудовищных злодеяний, нет прощенья.

– И всем им не миновать эту ступень ада?

– Тебе уже известно, что после смерти души предстают перед судьями десяти ведомств. Достойных мужей тотчас направляют в цензорат Воздаяний за добрые дела, а оттуда – напрямик в один из дворцов, соответствующих проявленной ими добродетели. А вот грешников после допроса заставляют последовательно пройти все осьмнадцать ступеней ада и лишь после всех испытанных страданий отсылают в цензорат Наказаний за прегрешения. В зависимости от совершенного преступления они томятся по три года в том или ином отделе цензората. И только после этого их души возрождаются в облике какого-либо животного – коровы, овцы, собаки или свиньи. Люди сдирают с них кожу, дробят кости, бьют и клянут.

– Есть ли конец этим страданиям?

– Число перерождений зависит от содеянного – большой либо малый грех, тяжкий либо мелкий. Свершившие все десять тягчайших грехов обречены страдать в течение бесчисленных кальп, практически вечно.

Над воротами второго ада было начертано: «Ад бодхисаттвы Ваджрапани». Войдя в низенькие воротца, Ван Мин увидел лежащий на земле огромный жернов из грубого камня, около восьми чи в окружности. Каждый из восьми чертей, восседавших вокруг него, крепко сжимал в руках железный молот. Рядом с ними стояли четверо здоровенных чертей, кои поочередно хватали несчастных и пинком швыряли на жернов, а остальные черти молотами расплющивали их в лепешку, словно сушеную хурму. Так и шла работа: хватали, швыряли, в лепешку разбивали. Затем появлялась еще пара чертенят, кои объявляли: «Пора печь лепешки». Тут каждый хватал по одной, вертел в дыму, словно мясо коптил, и те снова превращались в человечков. У Ван Мина от этого зрелища внутри всё похолодело.

– Досточтимый зять, – пробормотал он, – меня охватывает ужас при виде сих пыток.

Над воротами третьего ада было начертано: «Ад Огненной повозки»^[301].

Внутри виднелась повозка со сваленными в ней мужскими фигурами. Раздался посвист чертенят – и она стремительно двинулась вперед. Черти дунули – внутри повозки вспыхнуло пламя. Чем быстрее она мчалась, тем ярче оно разгоралось – человечки обгорали до головешек, а потом и вовсе от них оставался лишь пепел. Чертенята обливали пепел водой – и люди вновь восставали, хоть и не совсем в прежнем виде. Повозка ни на миг не останавливалась, а люди никогда не сгорали безвозвратно. Ван Мин не удержался от восклицания:

– Сколь безжалостно сие пламя!

– Так и получается, – отвечал Цуй, – сколько бы преступлений человек ни совершил, пока пламя не обожжет – ничего не осознает.

– Зачем же возвращать сгоревшие души в прежнее состояние? – недоумевал Ван Мин.

– Возмездие настигает их непрестанно – сотни, десятки тысяч кальп.

Четвертый ад именовался Адом мрака и холода. Ван Мин увидел круглый бассейн с чистой водой, вокруг коего толпились чертенята. Они с визгом бросали человечка в воду, где его целиком заглатывали огромные большеголовые сомы^[302]. Черти опять вопили, кидали в пруд очередную жертву, и снова рыбыны ее заглатывали. Так продолжалось, пока не сбрасывали десятерых, и рыбы, насытившись, принимались довольно подпрыгивать. Тогда черти требовали: «Отдай моего человечка, каким взяла». Тут большеголовые сомы исчезали, и вместо них появлялись золотые карпы с теми самыми человечками в пасти, коих они выплевывали, и те принимали первоначальный облик.

– Уважаемый зять, неужто рыбы в пруду ученые? – подивился Ван Мин.

– Рыбы зарятся на приманку и заглатывают крючок, жадные до наживы люди столь же неразумны, – наставлял Цуй.

Над воротами пятого ада было начертано: «Ад слизкого дракона». Там Ван Мин увидел расположившиеся в ряд бесчисленные громадные шесты, и с каждого свисал дракон. Внизу к шестам были привязаны нагие здоровенные молодцы. Черти подносили дракону чарку, и тот изрыгал на страдальцев кипящее и бурлящее кунжутное масло. Обрушиваясь на головы несчастных, оно стекало вдоль их туловищ – от него лопалась кожа и размягчалась плоть. Когда человек становился похож на обугленную головешку, чертенята подбегали, обливали его крутым кипятком, и он обретал прежний вид. Ван Мин ужаснулся:

– Достопочтенный зять, неужто в пасти дракона действительно кипящее масло?

– Да, это так, – признал Цуй.

– Зять мой, сколь сие жестоко! – возопил Ван Мин.

Но тот ответил известной поговоркой:

– Сотворившего зло Небо накажет, и тут человек ничего не скажет.

Шестой ад носил название «Скорпионья яма»^[303]. За воротами Ван Мин узрел глубокий ров, кишачий ядовитыми змеями, желтыми осаами, черными длиннохвостыми скорпионами. Черти хватали жертву и швыряли туда. Гады с шипением набрасывались на человека, пронзали кожу, высасывали кровь, вгрызались в мясо, пока тот не терял человеческий облик. Черти швыряли в яму новую жертву, и снова ядовитые гады ее терзали – и так одного за другим, пока всех не перебросают. Затем выскакивал маленький чертенок, дул в свистульку и командовал: «Давай сюда!» – и несчастные в прежнем виде вылезали из ямы. Правда, их кожа и мясо всё еще были изодраны в клочья, и на теле не оставалось ни единого целого места. Ван Мин содрогнулся:

– Для чего в яме все эти мерзкие твари?

Цуй ответил:

– Сие уготовано самой природой. Не бойся, подойди ближе.

– Сколь беспощадно они терзают людей! – не выдержал Ван Мин.

– Можно ли так рассуждать! – возразил Цуй. – Как принято говорить, на всякого злодея найдется еще более коварный, пред кем тот беспомощен.

Седьмым по счету был Ад ступы. Там красовалась громадная ступа в несколько *чжан* шириной. Окружавшие ее четверо чертенят, держа в одной руке большие пестики, другой бросали людей в ступу. Чертенята их толкли, и оттуда явно доносился хруст раздробленных костей – в мгновение ока человек превращался в месиво, напоминающее чесночную пасту. Чертенята скатывали из нее шарики и клали на стоящий слева Поднос возвращения души. Раздавался скрежет – и человек обретал прежний вид.

– Досточтимый зять, до чего безжалостна сия ступа! – ужаснулся Ван Мин.

Восьмым был Ад меча и пилы^[304], где Ван Мин лицезрел жуткое зрелище: меж двух досок были зажаты человечки – и мужчины, и

женщины. Двое чертей распиливали их тела от макушки до пят – кого на две, кого на три или на множество частей, а то и вообще на мелкие кусочки. Затем появлялся черт, который, уговаривая да приговаривая, аккуратненько собирал все кусочки веничком, и человек возникал в прежней ипостаси. Одначе его тело было испещрено шрамами и кровоподтеками. Ван Мин не сдержался:

– Зять мой, сколь сие немилосердно!

Но Цуй отрубил:

– Бывает, при жизни вина не доказана, но пыткой посмертной ясно показана.

Они совсем было приблизились к воротам девятого ада, как услышали, что кто-то окликает Цуя:

– Куда направляетесь, уважаемый?

Это был страшный черт с бычьей головой и лошадиной мордой, одетый в длиннющий черный халат, подпоясанный алым шелковым кушаком, на ногах – черные кожаные сапоги с белой подошвой.

– Пошто допытываешься? – откликнулся Цуй.

Посланец в черном сообщил, что сам властитель Яньло вызывает его по срочному делу. Не успел договорить, как с той же вестью прибежал еще один – свиноголовый с собачьей мордой, а за ним и третий – с ослиной головой и бараньим рылом:

– Владыка Яньло в зале, требует вас, поторопитесь.

При виде зловещих созданий Цуй остановился и спросил, что такое стряслось, почему за ним послали сразу троих. Черты отвечали, что сие им неведомо, и смогли только сообщить, что во дворце собрались невинные души, отпущенные царем Вращающегося колеса – Чакраварти Буддой. Цуй недоумевал – ежели их невинность доказана, пускай перерождаются, зачем ему-то являться в палаты Яньло? Черты пояснили, что в зале толпятся подавшие жалобы невинно убиенные, посему от Цуя требуется заново просмотреть книги записей судебных дел и тем помочь разобраться в виновности каждого.

Цуй предложил Ван Мину самостоятельно пройтись по оставшимся десяти ступеням ада:

– Там много интересного – перетирают, сжигают, насаживают на ножи.

Одначе наш воин решительно воспротивился:

– С меня хватит и того, что повидал. Пожалуй, я с вами распрощаюсь.

Цуй направился в Лучезарный дворец, строго наказав Ван Мину дожидаться его дома. Тот попытался было отказаться, но Цуй настаивал:

– Как так? У меня письмо к родственникам, затрудню тебя просьбой захватить.

Пришлось нехотя согласиться. Он вернулся в жилище Цуя и, увидев Лю, разублаился:

– Ну, что, женушка, ты теперь заделалась моей сестрицей. Добрая у меня сестрица!

– А Цуй неплохой зятек-то!

Так они сидели и весело болтали.

Сказывают, что Цуй прошел прямо в Лучезарный дворец, отвесил положенные поклоны, и владыка ада объяснил, что явившиеся к нему души объявляют себя несправедливо казненными и требуют отмщения – жизнь за жизнь. Он попросил делопроизводителя тщательно разобраться, дабы вынести справедливое решение.

– Проверить несложно, – согласился Цуй. – Выслушаю их устные показания и сравню с записями в книге преступлений, и все дела.

Яньло тут же приказал поочередно вызывать жалобщиков. Что же, как говорится, ежели ты владыка ада, кто посмеет не выполнить твое приказание? И все эти души убиенных, выстроившись у ведущих к трону красных ступеней, принялись излагать суть поданных челобитных.

Когда все закончили, Яньло молвил:

– Письмоводитель Цуй, прошу тщательно и скрупулезно сверить показания. Тех, чьи прегрешения поистине ужасны, отправлять к Судье злоумышленников^[305], а уж он пропустит их по всем кругам ада; к тем, чьи грешки при жизни были не столь велики, можно проявить снисхождение и направить к владыке Вращающегося колеса для последующего перевоплощения. А за безвинно погибших от мечей воинов Южной династии пусть отдадут свои жизни их обидчики – будь то хоть главнокомандующий, хоть какой важный генерал: у нас тут всё по закону, ничего тайного. В прошлом даже Танскому императору Тайцзуну пришлось поплатиться за отнятые человеческие жизни, что уж говорить о простых смертных?

Все жалобщики вышли на время, а доблестный Цуй с кистью в одной руке и книгой учета в другой стал внимательнейшим образом сверять записи – от начала до конца, раз за разом, дабы избежать ошибки. Как говорится, следует трижды подумать, прежде чем действовать. И только засим доложил:

– Есть точные показания, есть и ошибочные.

– Коли ты всё дотошно сверил, – порешил Яньло, – зови всех сюда, и прилюдно разберемся.

Цуй приказал челобитчикам вновь явиться в зал и каждому огласил приговор.

Сии приговоры, все в той или иной мере оправдательные по отношению к мореходам, основывались на положенных жалобщикам наказаниях за прегрешения, свершенные ими в прежних рождениях. Среди прегрешений были и те, что противоречили конфуцианским нормам, и те, что нарушали буддийские заповеди: непочтительность к старшим, супружеская неверность, присвоение чужого добра, пьянство и азартные игры, уничтожение живых существ (работал мясником или

облил кипятком муравейник). Кое-кому ставили в вину нечестные торговые сделки (подсыпали в водку снотворный порошок, обсчитывали покупателей и недовешивали товар). К примеру, одному из сыновей военачальника государства Золотого лотоса и слоновой кости, кой пожаловался, что китайский воин выколол ему глаза, судья объявил, что сие есть справедливое воздаяние, ибо при жизни юнец осмеливался бросать гневные взгляды на жену старшего брата. Что же до туземного воинства этой страны, судья заявил, что в предыдущих рожденьях все они были конским табуном и вытапывали пять основных продовольственных культур, посему ныне обречены на гибель. Носорогам объявили, что в предыдущих перерождениях они были даосскими монахами, бездельничали и в грязном неопрятном виде возносили молитвы перед алтарем, их нынешний звериный облик – возмездие, а рог – намек на головной убор даоса: «Залезшие вам в нос сколопендры – это наказание со стороны ваших же учеников и последователей».

К некоторым пострадавшим от мореходов было проявлено снисхождение. Воительница Царства женщин Ван Ляньин, оказывается, в прошлой жизни была женой, почтительной к родителям мужа, и, как положено добродетельной супруге, носила головной убор с жемчугом и бисером и парадную накидку на плечах. В нынешнем перерождении она пострадала за незначительный проступок – без ведома свекрови съела курицу.

После того как челобитные были рассмотрены и просители разошлись, у ступеней трона Яньло остались лишь пятеро душ.

– А этим чего еще надобно? – поморщился владыка ада.

И тут все пятеро подскочили к трону и дружно завопили:

– Письмоводитель Цуй берет взятки, ловчит и изворачивается при регистрации дел!

Яньло потребовал доказательств.

– Ну, хоть и не берет взятки, но уж точно нечисто ведет дела, – отговорились челобитчики.

Начал военачальник государства Золотого лотоса и слоновой кости Цзян Лаосин. Он с возмущением заявил, что Цуй отправил его, честно исполнявшего свой долг, к судье злоумышленников:

– Коли так рассуждать, то не стоит отдавать все силы своей стране.

Цуй возразил, что его земле не грозило никакой опасности, и не было нужды в подобной жертве. И всё же военачальник Цзян настаивал, что гигантская флотилия Южной династии представляла смертельную опасность для государства. Письмоводитель возразил:

– Когда это было, чтобы воины Южной династии уничтожали людей, земли и пашни, посягали на имущество? Мореходы готовы были довольствоваться капитуляционной грамотой – какая тут угроза для жителей? Вы сами затеяли жестокое сражение и навлекли на себя несчастья.

Обвинения Цуя возмутили пятерых духов:

– Это на каком таком основании? С древности говорится: убил человека – заплати жизнью, взял деньги – верни долг. Они нас рубили мечами! Что это вы закон извращаете?

Тут скандальная пятерка подняла невероятный шум и гвалт. Видя, что ситуация становится угрожающей, Цуй вскочил и прикрикнул:

– Эй, вы! Как смее нести всякий вздор?! Я, видите ли, корыстен! А что, моя кисть тоже имеет свой расчет?

Духи подскочили к нему и вырвали кисть с воплем:

– Острая сечка^[306] не дает осечки! А твоя кисть вихляет, как паучья клешня, у твоей кисти из всех щелей торчат нити^[307] корыстолюбия!

Письмоводитель аж зубами закрипел от ярости:

– Чушь несете! Я, видите ли, корыстен! А вот эта книга записей – она что, тоже ищет собственную выгоду?

Расхрабрившиеся духи подскочили к нему и выхватили книгу со словами:

– А то нет! Она хоть и на шелковой бумаге, а словно гвоздями приговждает, там внутри всё оплетено нитями стяжательства!

Тут Цуй окончательно рассвирепел. Он вскочил, сжал кулаки и стал отчаянно размахивать ими во все стороны, стараясь побольнее ударить обидчиков. Но духи оказались наглецами – отражали удар за ударом и вовсе не собирались уступать. Недаром говорится: добрый молодец всем нравится, но в одиночку с двоими не справится, а тут на Цуя наступали пятеро. Духи сдернули с его головы повязку, разорвали в клочья шелковый халат, растоптали парадный кушак, украшенный пряжкой с буйволиным рогом, и даже умудрились стянуть парадные сапоги. Чинуша топал ногами от ярости, не зная, что предпринять. Наблюдавший за сими бесчинствами Яньло тоже вскочил от возмущения, потребовал немедленно вызвать охрану и отправить всех обидчиков в мир тьмы – на гору Иньшань:

– В прошлой жизни вы творили немало дурного, посему в нынешней – наказание в порядке вещей. Как смеете оскорблять господина Цуя?

Испугавшись гнева владыки ада, духи смягчили тон:

– Вам, почтенный, виднее, мы ведь так, по пословице: коль люди обижаются – их голос поднимается, камни сталкиваются – искры высекаются. Нешто мы кого оскорбляли?

– Вы еще смеете утверждать подобное? Позвольте спросить: вы сорвали с его головы повязку – это ли не поругание чести? Разорвали парадное платье – это ли не надругательство? Бесцеремонно растоптали драгоценную пряжку на поясе – и дерзаете говорить, что не выказали ни капли враждебности? А о сапогах следует сказать отдельно. Легко было их стаскивать? Признавайтесь, это ли не оскорбление? – возмутился Яньло.

И в этот момент в зал опрометью ворвались стражи сначала главных, затем малых городских ворот, а потом и Лучезарного дворца. Они бросились на колени с криками:

– Срочное донесение! Ох, беда, ой, лихо!

Стражи так истошно вопили, что Цуй задрожал от страха, а Яньло начисто выбросил из головы все предыдущие дела. Пятеро духов более не осмеливались упорствовать и отправились в назначенные им места наказаний.

Стражи меж тем наперебой докладывали одно и то же: мол, не понимаем, откуда такие взялись, но через ворота прорвались пятеро грозных всадников, оружием поигрывают, сам Златоглавый главный черт с ними не сладил. Они уже приблизились к Лучезарному дворцу, гарцуют перед воротами и без продыху орут:

– Желаем схватить письмоводителя Цуя! Требуем встречи с Яньлованом!

Оказывается, Ван Мин отсутствовал семь дней, и от него в ставку не поступало никаких известий. За эти дни небо прояснилось, и, хотя постоянно накрапывал дождик, в целом погода напоминала осень в Срединной империи. Главнокомандующий был зело обеспокоен отсутствием храброго командира. Командующий Ван его поддержал:

– Мы что же, отправились в Западный океан, дабы безучастно сидеть и ждать?

Сия простая фраза скрывала в себе многое, и прежде всего – упрек всем командирам, кои вроде как не желали брать на себя ответственность. Подобный намек должен был их подтолкнуть: как говорится, потри камень – высечешь искру, поставь преграду – водный поток взметнется к вершине горы.

Так и случилось: не успел вице-адмирал договорить, как четверка командиров на горячих скакунах с оружием в руках один за другим вызвались отправиться на разведку. К ним присоединился и Тан Ин.

Пятеро всадников преодолели более десятка *ли* сквозь розовую дымку тумана, небо постепенно светлело.

– Не торопитесь, господа, – остановил спутников Тан Ин, – страна сия до крайности необычная, давайте-ка сообща пораскинем мозгами и решим, как действовать. Беспечность тут неуместна!

Командиры согласно закивали. Проскакав чуть дальше, по-прежнему не встретили никакого жилья. Преодолели еще с десятков *ли*, и только тогда разглядели вдали гребень невысокой городской стены с низенькими воротцами посредине. В них-то они и въехали – на конях и с оружием.

Внутри увидели охрану – двух синерылых клыкастых чертей и еще двоих с бычьей башкой и лошадиной мордой.

– Куда прете? – заорали черти. – Человечьим духом несет!

От их вида и слов командиры не на шутку встревожились.

– А не царство ли это теней? – предположил Тан Ин.

– Весьма походит на преисподнюю, – согласились остальные.

Тан Ин предупредил:

– Не показывайте виду, что испугались!

Не успел договорить, как синерылые возопили:

– Эй вы, чего лезете в ворота? А дорожную пошлину кто платить будет?

Тан Ин в ответ:

– Что это за застава? С чего нам платить пошлину?

Синерылый возмутился:

– Глаза-то у вас вроде есть, а ворота ада не признали?

Тан Ин взгляделся – и вправду над воротами невзрачная надпись: «Врата ада».

– Господа! – обратился он к сотоварищам. – Куда это нас занесло?

– Подумаешь, врата ада! – отмахнулся Чжан Волчий Клык.

Командир Цзинь поддержал:

– Кто бы ни охранял заставу, надобно прорываться.

Все согласно кивнули, и, потрясая оружием, помчались вперед. Черти в страхе разбежались, решив, что это не люди из мира живых, а настоящие духи, да еще жуть какие свирепые:

– Мы перед ними юнцы незрелые!

Пятеро всадников ворвались в город и увидели на городской стене еще табличку: «Древняя страна Фэндун». Тут-то они осознали, что и вправду попали в прибежище душ мертвых. В этот миг им навстречу выскочила орава чертенят во главе с большеголовым высоченным чертом эдак с *чжан* ростом – на голове золотом посверкивают рожки, руки сжаты в кулаки.

– Эй, вы, – заорал он, – откуда такие шустрые? Живо слезайте с коней и кланяйтесь. Я – Златоглавый, начальник всех чертей, как это вы меня не признали?

Услыхав, что за шишка перед ними, пятеро командиров дружно издали боевой клич и направили на него каждый свое оружие. Тут уж не только чертенята струхнули, но и сам большеголовый: до смерти перепуганные, они умчались прочь. Но куда бы они ни бежали, их везде настигали удары легендарной плети о тридцати шести коленцах – она била наповал так, что все черти, словно опутанные по рукам и ногам, сваливались наземь.

А всадники вскоре домчались еще до одной городской стены. Она была пониже прежней, а ворота уж совсем узехонькие, там так же завывал ледяной ветер и всё окутывал морозный туман. На воротах красовалась надпись: «Запретный город». Ученый Тан сразу сообразил, что тут восседает владыка загробного мира.

– Ну, что, решимся войти? – обратился он к спутникам.

Чжан Волчий Клык пошутил:

– Что нам владения Яньло? Только, боюсь, от них не дожждаться капитуляционной грамоты.

Чжан отвечал:

– А без этого так и не узнаем, что за страна перед нами.

Юцзи Лэй молвил:

– Как говорится, Яньло не страдает, коли черти тощат^[308], а нам с чего о них беспокоиться! Свяжем покрепче, и всё тут.

В этот миг из ворот с шумом и криками высыпали чертенята во главе с огромным предводителем, ростом не менее чжана, голова белая с двумя рожками:

– Что, не признали меня, Среброглавого?

Командиры дружно воскликнули:

– Что еще за Среброглавый? Мы пощадили вашего Златоглавого, хотя едва не переломали ему хребет.

С этими словами всадники опрокинули черта на землю. Чертенята тут же бесследно исчезли, а воины понеслись дальше с оружием наперевес.

Вскоре прискакали куда-то – вал вроде не городской, да и ворота не похожи на городские – алые, широченные, за ними палаты высоченные. Ясно, что это владения правителя, а на дверях табличка: «Лучезарный дворец». Тан сообразил:

– На сей раз мы прибыли ко дворцу владыки ада, будьте начеку.

Сотоварищи с ним было согласились, и только генерал Цзинь аж привскочил в седле:

– У нас одна дорога – вперед, что значит начеку?

Чжан Волчий Клык добавил:

– Взялся за дело – доводи до конца смело, с чего нам какого-то Яньло опасаться?

И все дружно заорали:

– Схватим письмоводителя Цуя! Требуем встречи с Яньло!

Об этом-то с таким ужасом и докладывали черти.

Сказывают, что даже сам владыка ада, услышав о прорвавшихся во дворец пятерых вооруженных всадниках, оторопел и не мог сообразить, кто такие. Он стал выпрашивать Цуя, не пометил ли тот по ошибке галочкой каких-либо злых демонов, когда проверял казенные бумаги. Цуй на минуту задумался, а затем твердо уверил, что ничего такого не было.

– А коли не было, откуда взялись лиходеи, бесчинствующие у входа? – недоумевал Яньло.

Не успел договорить, а пятеро лихих всадников уже перед самым тронем владыки. При виде их разъяренных лиц тот понял, что ему несдобровать, и приказал Цую разобраться, откуда эти люди и чего им надобно: «Только ни в коем разе не задирай их!» А сам поспешно удалился в задние покои. Письмоводитель остался в зале один-одинешенек – не одет, не обут. Он трясся от страха, да к тому же еще не успел разыскать свою книгу записей и кисть. А военачальники враз заорали:

– Ну, ты, что топчешься на ступенях трона, спускайся и доложи, кто таков! Да не мешкай, не то всё здесь разгромим, а тебе быстренько тут могилку прикопаем. Поздно будет каяться!

Цуй не посмел ослушаться и, с трудом сохраняя важный вид, спустился со ступеней:

– Вы кто – колдуны-оборотни, злобные демоны? Как смеее бесчинствовать в покоях главного из десяти владык ада? Как дерзнули въехать сюда верхом, да еще с оружием?

Тан, услышав, что это и вправду покои Яньло, вежливо отвечал:

– Не извольте беспокоиться, мы военачальники, днем сражаемся в мире людей, а ночью – в потустороннем мире. Посланы императором Чжу империи Великая Мин в Западный океан, дабы умиротворить варваров и добыть драгоценность, иначе не проявили должной осмотрительности.

– Наши владения расположены на краю Западного неба, сюда нелегко добраться, – заметил Цуй.

Тут вмешался Чжан Волчий Клык:

– Ерунда всё это! Какое нам дело, где это – на краю или не на краю неба, царство духов здесь аль нет! Ступай поживей, доложи твоему черноликому старцу, пусть скоренько намалюет капитуляционную грамоту да передаст нам нашу драгоценность, не то отведаст наших мечей!

Тут уж Цуй возмутился:

– Господин ошибается! Ваш великий император Чжу Ди – сын Неба в мире людей, а наш владыка страны Фэнду – сын Неба в потустороннем мире. На земле равно существуют силы *инь* и *ян*, посему должности наших государей и положенные им церемонии – на одном уровне. Как вы смеее требовать капитуляционную грамоту и какое-то ваше сокровище?!

Чжан еще больше распалился:

– Тьфу ты! Мы прошли более трех десятков стран Западного океана, и ни одна не осмелилась отказать нам в грамоте и дарах! Да хоть какие ни были храбрые военачальники, пусть хоть небесные, хоть земные святые – все, поджав уши, лебезили перед нами. А ты тут, злобный дух мора, осмеливаешься молоть языком и объяснять нам, что хорошо, а что плохо!

Письмоводитель не растерялся и предложил:

– Дак за то, что вам удалось благополучно миновать столько стран, вы должны именно мне отвесить четыре земных и восемь поясных поклонов.

Тут уж Чжан Волчий Клык и вовсе вышел из себя, в ярости выхватил булаву и принялся лупить чинушу по башке. Совсем разошелся, а тут еще к нему присоединились остальные – кто трезубец в ход пустил, кто плетью охаживал, кто лопатой «лунный зуб» колошматил. К счастью, Цуй был духом, способным к разной волшбе, потому боли и не

почувствовал. Меж тем военачальники плотной массой окружили его, и как тот ни пытался уклониться то влево, то вправо, ничего не получалось. Наконец, не принимавший участия в драке Тан Ин остановил сотоварищей:

– Оставьте его, сначала расспросим подробно, а убить успеем.

– Вот именно! – воскликнул Цуй. – Я вам сейчас всё объясню, а потом решите, кто из нас прав.

Военачальники прислушались к словам Тана и прекратили избиение.

Письмоводитель Цуй подробно изложил, как он решал дела всех убиенных, подавших жалобу на китайских воинов, не удовлетворив их требования взять жизнь за жизнь.

– Неужто подобное разбирательство не стоит ваших поклонов? – закончил он свою речь.

– А ты какую должность занимаешь, что обо всём судишь да рядишь? – спросил Тан.

– Мое имя Цуй Цзюе, я главный делопроизводитель во владениях Яньло, по прозвищу «железная сечка не дает осечки».

– Ежели ты и вправду тот самый, что же так неопратно одет и без свиты?

– Говорю вам, вы должны отвесить мне поклоны!

Чжан только сердито сплюнул, но Тан его остановил:

– погоди, дай ему сказать.

Тогда-то Цуй поведал им о душах пяти особо свирепых и дерзких челобитчиков, кои обвинили его в корыстолюбии и несправедливости из-за того, что он отказался заставить китайских воинов отдать жизнь за жизнь ими убиенных:

– А когда я стал этим охальникам выговаривать, они бесцеремонно набросились на меня, повалили, сорвали головной убор, порвали одежду, стащили сапоги, даже книгу записей и кисть – и те испортили. Оттого-то я предстал в сем неряшливом виде и без помощников.

– Значит, это ваш беспристрастный суд привел к издевательствам со стороны пятерых чертей? – уточнил Тан.

Чжан Волчий Клык сердито одернул:

– Нечего слушать его рассказы, пусть лучше вручит грамоту и дань. А станет отказываться, я его вразумлю булавой – попомнит, как тут командовать.

После чего он и остальные трое командиров, размахивая оружием, окружили Цуя, не давая ему убежать. Тан снова прикрикнул на них, приказывая:

– Немедленно отпустите его!

Сказывают, что в то время как Яньло прятался в задней части дворца, к нему явился его тесть и, выслушав рассказ о дерзком наскоке китайских воинов, заинтересовался:

– Ну, и как ты с ними разобрался?

Яньло признался, что всё пошло наперекосяк:

- Хотелось вызвать посланцев ада да пустить в дело наши инструменты – веревки для блуждающих духов^[309], сверла, коими протыкают души, ножи для соскабливания с них мяса и всё такое подобное, но тогда они отправились бы к праотцам. А это могло оскорбить честь и достоинство находящегося на их кораблях Светозарного Будды. Посему я допустил некое послабление, да только они не оценили сего, начали творить невесть что, хамить и безобразничать, а это нанесло урон моей чести и достоинству. Как быть?

- Тебе известна только одна сторона дела, – начал старец и поведал, что каждый из пяти командиров флотилии – не простой смертный, а дух крупной звезды. Яньло вздохнул:

- Ежели духи звезд спустились на землю, навряд я с ними справлюсь. Тем более что на кораблях находится еще буддийский праведник. Придется проявить любезность.

Старец посоветовал Яньло самому пойти разобраться.

Владыка ада вернулся в главный зал и услышал, как чей-то голос приказал:

- Немедленно отпустите его!

Яньло воззвал:

- Где мои приближенные?

Как говорится, из залы окликнут, с лестниц хором отзовутся. У ступеней трона откуда ни возьмись появилось более сотни галдящих чертей: они выстроились с обеих сторон, а Яньло грозно возвышался посередине. Зрелище было вельми внушительное. Владыка ада стал грозно вопрошать всадников:

- Вы, там, кто такие? Как посмели явиться верхом, с оружием и угрожать моему чиновнику?

Цуй, наконец, вырвался из окружения, а Тан Ин, отметив внушительный вид вопрошавшего, корону на его голове и роскошные одеяния, сразу понял, кто перед ним. Он осадил коня и отчеканил:

- Мы – воины в шлемах и латах, нам не сподручно слезать с коней и отвешивать поклоны. Мы посланы императором Чжу династии Великая Мин, дабы умиротворить варваров и разыскать драгоценность – нашу императорскую печать. Прошли до конца пути, но так ее и не обнаружили. Нам ничего не оставалось, как без дозволения вторгнуться в ваши владения.

- Вот и убирались бы подобру-поздорову, зачем же моего помощника запугивать? – возмутился Яньло.

- Да мы и не думали ему угрожать, просто чуток не сошлись во мнениях, а он сразу разгорячился, – оправдывался Тан Ин.

Цуй не сдержался и указал на Чжана:

- А вон тот, черноликий, требовал от нас капитуляционную грамоту и дань.

- В этом они сильно ошибаются! - воскликнул Яньло. - Мои служебные обязанности те же, что у Сына Неба на земле, однако не следует забывать о различиях двух миров - света и тьмы^[310]! Какая у нас может быть грамота, какая дань?!

- Верно, у двух миров разные пути, но этикет общения не имеет отличий, - стоял на своем Тан. - Раз уж нынче нам удалось встретиться, мы просим выдать грамоту потустороннего мира^[311], дабы по возвращении предъявить ее императору Южной династии как доказательство посещения ваших владений.

- Вы сказали «по возвращении», но боюсь, вам непросто будет вернуться назад. По пути вы уничтожили сотни тысяч человеческих жизней, некоторые нынче уже являлись сюда, вопия о несправедливой обиде и требуя возмездия. Невзирая на то, что уважаемый Цуй твердо отклонил все прошения, их гнев и возмущение достигли Неба, и вам не удастся избежать опасности. Все ваши корабли могут пойти ко дну!

- Неужли ничего нельзя сделать? Подскажите, как бы на месте со всем разобраться.

- Ну уж нет! Вы сами разбирайтесь и ищите способ ублажить обиженных.

- Нет у нас такого способа.

- Возвращайтесь на корабль и обратитесь к Государеву советнику, он разберется, - завершил спор Яньло.

Его слова вельми встревожили Тан Ина. Он предчувствовал, что в таком случае на кораблях их ждут неприятности, и решил пойти на мировую:

- Император Чжу - Сын Неба в земном мире, владыка Яньло - Сын Неба в потустороннем мире, оба мира взаимодействуют. Отчего вы отказываетесь от взаимовыручки?

Но Яньло оставался тверд:

- Вернетесь на корабли - просите совета у буддиста, я ничем не могу помочь. Одначе, раз уж вы пожаловали ко мне во дворец, прошу представить каждого, ибо желаю преподнести вам кое-что по случаю нашей нежданной встречи.

Тан назвал поочередно всех командиров по именам и званиям. Яньло воскликнул:

- Славные воины! Неудивительно, что вы самые могущественные в вашем мире, да и здесь, в потустороннем царстве, вам нет равных в воинском искусстве.

С этими словами он потребовал письменные принадлежности и начертал четверостишие. Затем приказал зрителям хранилища принести драгоценность в алой шкатулке. Послание он наказал с поклоном вручить Государеву советнику, а шкатулку подарил пятерым военачальникам. Тан Ин поблагодарил, всадники пришпорили коней и выехали за ворота.

Как рассказывают, кони домой – плетка долой, миг – и вот они уже на корабле и двинулись в ставку. А в это самое время Ван Мин описывал командующим свои волнующие приключения в потустороннем мире – и встречу с умершей женой и чинушей Цуем, и увиденные им страшные пытки на разных ступенях преисподней:

– А после я слышал, как пятеро чертей устроили переполох, и еще, рассказывали, какие-то пять духов звезд там скандалили. Узнав об этом, я предпочел поостеречься и убрался восвояси.

Тут Тан Ин, не выдержав, расхохотался и объяснил, что они и есть те самые звездные духи, кои бранились и колобродили в подземном царстве. Затем он обстоятельно изложил командующему всё, что им удалось там увидеть: о встрече с владыкой ада, о переданном им кратком послании для Государева советника и о полученной в дар драгоценности. Командующий, услышав о послании, радостно одобрил:

– Ну и дела! И о потустороннем мире столько всего разузнали, и вассальную грамоту подземного царства раздобыли, и драгоценность получили. Чудеса, да и только!

Он тотчас пригласил Государева советника и Небесного наставника, и Тан почтительно вручил буддисту послание. Тот сорвал печать и прочитал начертанные в нем четыре семисловные строки:

Десятки лет провел я на природе,
Достигнув Вайрочаны^[312], я обрел покой.
Мечтал примкнуть к наставнику из Чжао^[313],
Но блуда сладость обернулась лишь бедой.

Прочтя стихи, Бифэн явно расстроился и поинтересовался, что за вещицу подарил им Яньло. Тан Ин передал командующим алую шкатулку. Они открыли ее – там лежал яшмовый пресс для бумаги в виде спящего льва.

Ил. 8. Пресс-папье в виде спящего льва. Династия Цин, XVIII век

Командующий Ван заметил, что владыка ада явно по ошибке подарил письменную принадлежность военачальнику, однако Государев советник возразил:

– О, нет, вряд ли это заблуждение, сей подарок таит в себе глубокий смысл. Пресс имеет свою историю и намекает именно на нее.

Командующий заинтересовался и попросил подробно обо всём рассказать.

Государев советник поведал историю пресса^[314]. Во времена династии Тан некий генерал-губернатор, он же поэт Гао Пянь, подарил сей пресс известной поэтессе – певичке Сюэ Тао. Через много столетий молодому учителю Тянь Мэнъи в местности рядом с могилой Сюэ Тао стала являться некая прекрасная и талантливая дева. Возникла любовь, они вместе сочиняли стихи, и дева вручила ему в дар изящный пресс. Однако через некоторое время выяснилось, что юноше являлся дух умершей поэтессы, а не она сама. Мэнъи хранил дорогой подарок, но его украл привратник. Разъяренный Мэнъи несправедливо обвинил в краже служанку и засек ее до смерти. Попав в царство духов, служанка подала жалобу Яньло. Владыка ада призвал к себе привратника, заставив его таким образом заплатить жизнью за жизнь, а пресс оставил у себя во дворце. Именно его он и подарил юцзи Тану.

Командующие обратились к Государеву советнику с просьбой расшифровать скрытый смысл подарка.

– Ну, что же, пожалуй, – откликнулся буддист. – Слово «*во*» – «спящий» – созвучно слову «обладать», а слово «*ши*» – «лев» – звучит так же, как «*рать*»: сие означает, что пятеро командиров сосредоточили в своих руках крупное войско; слово «*юй*» – «яшмовый» – созвучно слову «высочайший» и означает, что всадники явились пред владыкой; слово «*чжэнь*» – «пресс» – звучит так же, как «сотрясать»: получается, что командиры заставили владыку преисподней содрогнуться. И, наконец, слово «бумага» – «*чжи*» – омоним слова «остановиться»: имеется в виду, что войско дошло до царства теней, и здесь следует остановиться. Иными словами, Яньло убеждает нас повернуть войска.

Сказывают, что командующий умолил Бифэна растолковать значение и стихотворного послания Яньло. Буддист смущенно пробормотал, что не в состоянии произнести это вслух, хотя в целом смысл послания тот же, что и надпись на прессе, но в нем по аналогии скрыта жестокая насмешка над буддийскими монахами:

– Я столь смущен и растерян, словно мне в спину воткнули колючку.

– Желательно всё же послушать, как звучат стихи и какова в них доля насмешки, – настаивал командующий.

Государев советник пояснил, что Яньло прислал именно те первые четыре строки из восьмистрочного стиха, в коих содержится намек на нетвердость монахов в исполнении зарок:

– В этих строках звучат сожаления о монахе Юйтуне, нарушившем обет целомудрия.

Командующий заинтересовался, каким образом сие произошло:

– Надеюсь, вы не откажете в моей просьбе.

И Бифэн повел свой рассказ^[315].

Давным-давно, во времена династии Сун в округе Линьань^[316] на вершине горы Бамбуковая роща находился буддийский храм Ясная луна. В нем обитал монах Юйтун, столь добродетельный и высоконравный, что вся община и окрестное начальство почитали его как настоятеля. Более трех десятилетий он не спускался с горы, совершенствуясь и постигая учение в обители. Каждый раз при вступлении в должность нового начальника округа Юйтун отправлял с подношениями кого-нибудь из учеников, и никто из новых назначенцев никогда его за это не порицал. Но вот однажды после сдачи императорских экзаменов к месту службы в округ прибыл некий господин по фамилии Лю, а по имени Проповедник. На церемонию вступления в должность явились все без исключения местные чиновники, школьные учителя, настоятели монастырей, буддийские и даосские монахи. Просматривая визитки, сановник не обнаружил карточки настоятеля храма Ясная луна, вместо которого пришел юный послушник. Лю возмутился: «Какое небрежение!» Тут же написал распоряжение об аресте и приказал немедленно привести и допросить Юйтун. Монахи бросились на колени и стали объяснять, что Юйтун – спустившийся в мир живой Будда, он уже тридцать лет не выходит за ворота монастыря. Волостные власти тоже замолвили словечко за настоятеля. Но Лю, как всякий вновь назначенный высокий чин, считал себя большой шишкой и, несмотря на просьбы и заступничество, затаил в душе обиду. Через несколько дней в канцелярии Лю был устроен пир, пригласили певичек. Среди них внимание Лю привлекла юница лет шестнадцати с тонкой талией, прелестная и грациозная. Он подумал, что она вполне подойдет для мести капризному монаху. По окончании пиршества, когда все разошлись, Лю подозвал девицу и подробно расспросил. Та отвечала, что зовут ее Хунлянь, живет она дома с родителями, не ублажает гостей в публичных местах и нынче лишь в качестве исключения дала согласие выступить в казенном учреждении.

– К каким приемам ты прибегаешь для обольщения? – поинтересовался Лю.

– Ежели в совершенстве владеешь ремеслом, не нужны и специальные приемы, это происходит само собой. Как принято говорить, в молодости не расстараяешься – в старости сокрушаешься, – отвечала девица.

– Значит, и старика соблазнить можешь?

- Отчего же нет? Имбирь чем старше, тем острее.
- А как насчет даосов?
- Легче совратить не шибко праведных, у кого, как в древности сказано, шапка набекрень.

- Сие относится и к буддийским монахам?

- Почему бы и нет? Они хоть и святые, но не отрекаются от жизни.

Тут-то Лю и заявил, что у него к девице есть дельце – кое-кого совратить. Та с готовностью откликнулась:

- Осмелюсь ли не выполнить приказание господина? Да я готова на любые жертвы, хоть плыть через кипяток, хоть ступать по огню, смерти не убоюсь.

Лю пригрозил смертной карой, ежели девица не выполнит поручение, зато в случае успеха обещал награду в сто *лян* серебром:

- Да еще дам тебе возможность покончить с твоим занятием, получишь состоятельного содержателя.

- Так что за монах – даос или буддист? – спросила Хунлянь.

- Сообразительная девица! Зришь в корень! Это Юйтун, настоятель монастыря – слыхала о таком? – довольно ухмыльнулся Лю.

- Мы не встречались, но, исходя из личного опыта, он, чаю, не лишен обычных человеческих порывов.

- Только не вздумай плутовать! В доказательство принесешь выплески его спермы!

Всю дорогу домой девица раздумывала, как бы половчее осуществить сей план. Посоветовалась с матушкой, и та подтвердила, что настоятель – человек необычный: «Ему непросто обрить голову». Хунлянь нахмурилась: «Ничего, и на него бритва найдется».

Среди ночи она собралась, взяла с собой сухой рис, сменную одежду и вскарабкалась на вершину горы к общественному кладбищу для бедняков. Там она вырыла яму в форме могилы, переделась в траурную одежду и громко заголосила. А кладбище, надо сказать, находилось не далее чем в ста шагах от жилища монаха, и плач девицы был там хорошо слышен. Как говорится, бесконечные слезы скорбящего даже обезьяне надрывают душу – могли ли они оставить равнодушным Юйтуну? Лишь рассвело, он решил узнать, откуда доносятся рыдания. В храме в это время никого, кроме него, не оказалось – послушники отправились на гору Утай, а их ученики – в ближайшую деревню обрушивать рис. Мимо ковылял лишь старый глуховатый монах, который ответил, что кто-то голосит на кладбище у свежевырытой могилы. «Ой, лихо!» – закручинился настоятель. А плач не стихал с рассвета до заката и затем до поздней ночи; продолжался он и на второй, и на третий день, и так семь дней подряд. Юйтун славился милосердием, и эти нескончаемые причитания разрывали ему сердце. К тому же стояла промозглая, почти зимняя погода, бесконечно моросил дождь. На седьмой день поднялся сильный холодный ветер, даже вода замерзла, повалил снег. «Ну, вот, – решила Хунлянь, – пришла пора

платить по счетам». Среди ночи, не прекращая воплей, она остановилась под окном медитировавшего Юйтун: «Государь-будда, впустите, дозвоьте укрыться от снега. Коли не проявите милосердия, окоченею здесь, как собака». Юйтун в течение семи дней слышал ее громкие стенания – мог ли так умирать дурной человек? А теперь она молила у него под окном – можно ли было заподозрить ее в дурных намерениях? Как не проявить милосердие, ведь живая душа замерзнет, а это и по закону не положено. Отбросив подозрения, Юйтун поднялся с жесткой кушетки для созерцания, отворил дверь и при свете лампы из разноцветной лазури разглядел женщину в траурной холщевой одежде. Хунлянь, продолжая всхлипывать, поведала, что живет в этом городе на улице Наньсинь, фамилия мужа У, да только прожили они вместе всего полтора года, и супруг скончался:

– Я желаю умереть вместе с ним, но, к несчастью, у меня нет ни свекра, ни свекрови, вот и приходится самой его захоранивать. Ежедневно, еженощно я рою могилу на этом кладбище, через денек-другой закончу работы, тогда и самой помирать можно. Но неожиданно начался снегопад, а коли я замерзну, все усилия пойдут прахом. Я чувствую себя совершенно беспомощной, потому и осмелилась столь бесцеремонно вторгнуться в ваш дом и просить ночлега.

– Удивительная преданность! – воскликнул Юйтун. – Посидите пока в зале созерцания, я разожгу огонь, вам надо согреться.

– Не беспокойтесь, не нужно огня, просто посижу немного. У меня так болит душа, что я и без огня горю изнутри, – вывернулась Хунлянь.

Девушка семь дней рыдала в отдалении, а встретившись, сразу попросила ночлег. Однако Юйтун был слишком доверчив и ничего не заподозрил. Преисполненный сочувствия, он желал лишь одного – помочь бедняжке. Откуда ему догадаться, что ее рассказы – не более чем отвлекающий маневр, как его исстари называют: при свете дня строить мостки вдоль скалы, а под покровом темноты перевалить через гору и напасть на врага. Девушка же, глядя, как мирно светит лампа, как безмятежно устроился жалостливый монах на своем диване, опустилась на круглый молитвенный коврик, заохала, заплакала и принялась рукой массировать живот. Затем и вовсе со стоном повалилась на пол: катается, зубами стучит, но нарочно ни о чем не просит. Юйтун забеспокоился: «С этой женщиной прямо беда – то семь дней на могиле рыдала, потом ее чуть снегом не замело, а теперь того и гляди помрет здесь – что делать?» Ему ничего не оставалось, как подняться с дивана.

– Верно, старая хворь обострилась? – наклонился он к девушке.

Хунлянь снова притворилась, будто не в силах слова вымолвить, и только после того, как монах несколько раз повторил вопрос, еле выдавила:

– Я давно страдаю желудочной болезнью, но после смерти мужа некому меня лечить.

Юйтун и тут не насторожился, принял всё за чистую монету и спросил:

– И как же муж вас лечил?

Девушка замялась:

– Да как-то неудобно рассказывать об этом почтенному настоятелю.

От этих слов монах еще более уверовал в ее искренность:

– Милая госпожа, напрасно вы так говорите, жизнь отделяет от смерти один вздох. Говорите поскорей, не стесняйтесь.

Хунлянь медленно произнесла:

– Когда муж был жив, он согревал меня своим теплом.

Монах догадался, что такой способ означает прижаться животом к животу, но не осмелился произнести это вслух и только спросил:

– Эти боли у вас под ложечкой или в самом животе?

Хунлянь откликнулась:

– Слово даю, сама не пойму, они бродят – то там, то тут.

Монах не помышлял ни о чем ином, только опасался, как бы бедняжка не скончалась от подобных мучений:

– Госпожа, вы уж не погнушайтесь, коли старик прижмется к вам животом.

Девушка, чувствуя, что ее уловки ведут к цели, стала отнекиваться:

– О, нет, как я, ничтожная, посмею согласиться? Лучше отойти в мир иной к желтым источникам^[317], чем запятнать репутацию почтенного!

Юйтун воскликнул:

– Вы же необыкновенная женщина, почитаете свекровь, выполняете свой долг по отношению к супругу – думаю, таких немного на свете! Могу ли я, буддийский монах, безучастно смотреть, как вы погибаете, и не пытаться вас спасти?

Тут Хунлянь еще отчаянней стала кататься по полу и стонать так, будто пришел ее последний час. О, достопочтенный монах! Он обхватил девушку обеими руками, уложил на диван для созерцания, распустил монашеское одеяние, расстегнул на деде верхнюю одежду и тесно прижался к ее животу. И вдруг, непонятно как, с девушки соскользнула одежда, прикрывающая нижнюю часть тела. Одновременно её маленькие ножки заеложили вокруг него, да так активно, что через минуту и с него сползли нижние штаны. И тут девушка, продолжая свои козни против ничего не подозревавшего монаха, неожиданно коснулась его неудобного места. Неискушенный Юйтун не устоял против умело выстроенного плана: в нем вспыхнул огонь страсти, его завертел поток похоти. Недаром говорится: дабы не навлечь напрасных подозрений, на чужой бахче не наклоняйся завязать шнурки, под чужой сливой не поправляй шапку.

Сие есть поучительный пример того, сколь нелегко следовать заветам Будды. Вот уже монах исподволь бросает страстные взгляды, его дыханье прерывисто, словно иволга челноком снует меж ивовых ветвей; девушка же в сладостном томлении бормочет что-то

непослушным языком, трепещет, как бабочка на цветущей ветке. Монах шепчет ей на ухо, проклиная любовное томление, а Хунлянь с подушки клянется ему в любви – вечной, как моря и горы. Боюсь, что впредь храм Ясная луна не станут более называть буддийской Чистой землей, ибо диван для созерцания обернулся весьма веселенькой молельней.

Так буддийские практики просветления и милосердия превратили добрые намерения в злостные преступления! А Хунлянь, как только завершились страстные излияния дождя и тучки, незаметно завернула остатки спермы прямо в свою траурную одежду, вежливо поблагодарила монаха и, весьма довольная, покинула келью. Тут, наконец, Юйтун всё понял и в отчаянии дважды стукнул кулаком по деревянной рыбе^[318]: «Стоило чуть отвлечься, как дьявол овладел моими мыслями. Ясно, что это происки нового начальника округа, кой не простил, что я не поздравил его с назначением. Это он заставил меня нарушить монашеский обет и рухнуть в преисподнюю. Одначе всё свершилось, поздно раскаиваться!» К тому времени рассвело, и он увидел на пороге кельи юного ученика.

– Откуда пожаловал? – спросил Юйтун.

– Да вот закончил обрушивать рис в деревне и возвратился, – отвечал юнец.

– Через какие ворота входил в город?

– Через улинские^[319].

– Встретил кого-нибудь?

– Встретил женщину, но чуть подальше, у ворот Циньпо^[320]. При ней был сверток с холщовой одеждой, ее сопровождали двое посыльных, а она бубнила что-то вроде: «Благочестивый Будда спустился на грешную землю». Точно не расслышал, но смысл такой.

– Да тут нечего и обсуждать, – горестно вздохнул Юйтун.

Он позвал служку и попросил согреть воды: «Хочу помыться». Затем затребовал письменные принадлежности: «Надо кое-что написать». Когда всё принесли, настоятель черкнул коротенькую записку, аккуратно ее сложил и сунул под курильницу. К тому времени вода согрелась, монах тщательно помылся, сменил монашескую робу и велел ученику возжечь благовония. Ученик выполнил указание и, войдя в зал, увидел наставника восседающим на диване для созерцания. Тот обратился к нему:

– Ученик мой, вскоре начальник округа пришлет сюда гонца с приглашением прибыть в ямэнь. Передай ему: учитель наш погрузился в паринирвану^[321], вот тут под курильницей он оставил письмецо для вашего начальника. На том завершаю.

С этими словами Юйтун закрыл глаза, сосредоточился, сжал кулаки, его ноги начали холодеть, а три разумных души и семь злых отлетели в дальние дали. Ничего не понимающий ученик продолжал допытываться у наставника, что такое паринирвана, и, не получив ответа, наконец

осознал, что душа учителя навсегда покинула брренное тело. Он решил посоветоваться с монахами по поводу траурной церемонии, но не успел – прибыл посланец из городского ямэня.

Оказывается, после того как Хунлянь собрала доказательства порочной связи с монахом и, рассыпавшись в благодарностях, ушла, у ворот Циньпо ее подстерегали двое посланцев начальника округа, кои и сопроводили девицу в его резиденцию. Лю немедля их отослал, а Хунлянь поведала в деталях обо всём происшедшем и передала одежду со следами порочной страсти. Лю зело обрадовался и не переставая повторял: «Будда спустился на грешную землю». Он вручил гетере обещанную сотню *лян* серебром, велел бросить неподобающее занятие и взял в наложницы. Девица учтиво поблагодарила и ушла. Лю приказал слуге спрятать холщовую одежду в черную лаковую коробку, кою опечатал бумажным ярлычком. Он не обозначил точную дату происшествия, а вместо того черкнул четыре строчки:

Юйтун, сей добродетельный святоша,
С вершины горной не желал спуститься.
Увы, девицы лотосову чашу
Срамно он окропил святой водицей.

Коробку отправили с посыльным в храм Ясная луна с требованием вручить настоятелю и безотлагательно дать ответ. И вот уже гонец стоит у дверей храма.

– Ваш господин приглашает нашего настоятеля? – спросил монашек.

– Именно так, откуда тебе известно? – удивился посыльный.

– Перед тем как преставиться, настоятель оставил кое-какие распоряжения, – ответил монашек.

Посыльный несказанно удивился:

– Помер? Да как такое могло случиться?

– Смею ли я обманывать? – заверил монашек. – Вон он на диване созерцания.

Посыльный вошел в залу – да, всё именно так. Он заволновался:

– Ну и чудеса! Как я господину своему доложу?

– Об этом не беспокойтесь, – успокоил послушник. – Наставник оставил ему записку под курильницей. Он так и наказал: «Коли правитель округа позовет меня к себе, передай эту записку».

Посыльный еще более удивился:

– Ваш наставник и вправду спустившийся в мир святой! Какое провидение, поразительно!

Он отнес записку окружному начальнику. Господин Лю вскрыл печать и прочел. Там оказалось восемь стихотворных строк – буддийская гата почившего:

К вратам небытия иду с открытым сердцем,
Полвека был свободен от сомнений,

Один лишь помысел мой оказался скверным,
И сладострастием нарушил я завет.
Вы для сего ко мне девицу подослали,
Отныне я в долгу пред ней за эту ночь.
Моей души незамутненность осквернив,
Вы погубили собственную честь.

Эти строки потрясли Лю: «Настоятель-то и вправду был праведник, а я осквернил чистоту его души и тела». Он немедленно приказал подготовить ступу для захоронения и пригласить для церемонии сожжения тела известного своей добродетелью монаха Факун из буддийского храма Чистоты и милосердия, что на горе Наньшань. Факун прибыл в храм Ясная луна и, увидев застывшего в паринирване настоятеля, не сдержал вздоха скорби: «Столь праведный буддист, а одно неверное намерение, и он скатился в бездну греха». Факун попросил установить ступу позади храма, взял в одну руку факел, другой обвел на земле «образ круга»^[322] и продекламировал гату. Вот ее полный текст:

Десятки лет провел я на природе,
Достигнув Вайрочаны, я обрел покой.
Мечтал примкнуть к наставнику из Чжао,
Но блуда сладость обернулась лишь бедой.
Весна всё так же красит персики да ивы,
И ручейки журчат, струясь между камней.
Рассвет нам вновь укажет путь к прозренью,
И боле нет нужды во всём винить Хунлянь.

Закончив декламацию, Факун запалил костер, затем заполнил ступу пеплом. Оттуда вознесся золотой луч и исчез в небе.

Свой рассказ Государев советник закончил так:

– И вот теперь Яньло прислал не последние четыре строки, в которых праведник Факун спасает душу Юйтуна, а первые, где монах сокрушается о нарушении обета целомудрия. Это ли не ядовитая насмешка над попранием буддистами зарока пресекать вожделения, над их непоследовательностью?

Командир Тан напомнил предупреждение Яньло о том, что, поелику воины флотилии по пути уничтожили множество человеческих жизней и те возопили к небесам, то кораблям суждено затонуть, посему владыка ада и предложил обратиться за спасением именно к Государеву советнику. Бифэн ответил, что он прекрасно понял, что имел в виду Яньло:

– Тотчас начну заупокойное чтение сутр, дабы молитвой избавить от страданий души невольны согрешивших и души погибших.

Командующий выразил недоумение:

– С чего так?

Государев советник пояснил:

– Суть намека владыки ада – в строках гаты Факуна, ведь это заупокойная молитва по душе почившего Юйтуна. Чтение подобных сутр – вот ключ к спасению всех нас.

Доблестный Бифэн тут же соорудил два алтаря – воды и суши, и вот уже реют знамена, гремит музыка; днем он читал сутры, а ночами зажигал фонари и приносил жертвы духам. Его песнопения достигали поочередно каждого из тридцати трех небес, а стук посоха – каждой из восемнадцати ступеней ада. Минуло семижды семь – сорок девять суток, солнце завершило свой круговорот, и почтенный советник самолично отслужил благодарственный молебен и почтил память убиенных.

После того с неба спустились трое святых, кои назвались Ясной Луной, Полевым Цветком и Душистой Травой и сообщили, что посланы Небесным императором сопровождать корабли в обратный путь при попутном ветре и ясной луне.

– Коли так, – воскликнул командующий, – пора выбирать благоприятный день для возвращения!

Однако Бифэн остановил:

– Все события в мире имеют свою последовательность и завершенность, они порождают друг друга, бесконечно повторяясь. Перед походом император устроил большой пир для официальных чинов и наградил солдат. Вдохновленные сим напутствием, командиры и рядовые воины проявили замечательную доблесть, четко повиновались командирам и оказались непобедимы. Нынче мы доплыли до столицы загробного мира, дошли туда, куда прочие не доходили^[323], достигли области, коей другие не достигали. При покровительстве Земли и Неба, с благословения и по милости святых мы совершаем великие подвиги. В подобных делах спешка неуместна, следует, сообразовываясь с обстановкой, еще раз хорошенько всё обдумать.

– Это уж по вашей части, почтеннейший, – ответил адмирал.

– По моему разумению, – предложил Бифэн, – в соответствии с ритуалом следует установить алтарь и принести жертву морскому богу, организовать разудалое бражничанье для высших чинов и щедро вознаградить низших, и только после окончания церемоний трогаться в обратный путь.

Командующий высказал одобрение и тут же отдал соответствующие распоряжения, а еще приказал выбрать день для жертвоприношения. Ординарец пригласил обоих флотоводцев совершить церемонии, те обратились к Небесному наставнику и Государеву советнику. Монахи стали взаимно раскланиваться, уступая друг другу. В конце концов Государев советник прочел гату – гимн-четверостишие:

И вот мы на краю морей,
Границе Западного неба.

О, духи Океана и Небес,
Молю – не подведите нас!

По окончании церемонии началось празднество, наградили всех солдат и офицеров. Высшие командные чины собрались на борту флагманского корабля, а младший командный состав – в своих эскадрах, дивизиях, отрядах.

Сказывают, что вельми знатный пир устроили в тот день для командиров. И хоть пир сей состоялся на краю моря-окияна, но столы накрыли по всем правилам, да и закуски были, какие положено.

А уж как разукрасили торжество! Повсюду установили праздничные помосты:

К воде спустились крытые галереи, ряды помостов к Млечному пути стремят; шелка халатов, жемчуга сверкают на одеждах, и реют темно-красные знамен подвески. На яшмовых перилах зимородки, а на стропилах – утки-мандаринки. От расписных курильниц – запах благовоний, и он манит бессмертных с самого Пэнлая^[324].

А на флагманском корабле на столах —

Духовиты, изысканны яства на яшмовых блюдах, полных всем, что рождает вода и земля. В серебряных фляжках – настойка бамбуковых листьев среди виноградных гроздьев на золотых подносах. Поистине, найдешь там всё, чего ни пожелаешь.

Слева от помоста расположились музыканты:

Нежно звучали серебряны гусли и цитры^[325], пели свирели и флейты, дробь барабанов молитвой взлетала к Восточному пику. Ритм на бивнях слонов отбивали, палочки по утвари золотой стучали, все ступени пентатоники звучали. Танцы в одеяниях бессмертных – лунных чертогов достойны.

Справа от помоста расположились комедианты:

Лицедее с искусно вырезанными куклами заново разыгрывали старые сценки^[326]: с шестом ходили по канату, изображали кулачный бой, жонглировали копьями и мечами, выполняли упражнения в подражание движениям тигра, оленя, медведя, обезьяны, аиста; представляя отрывки музыкальной драмы, раскачивались на веревочных качелях.

Прелестные юные девы и святые старцы – все наслаждались сим великим празднеством.

По окончании торжества адмирал предложил Государеву советнику выбрать счастливый день для возвращения. Но Бифэн заметил:

– В древности Ма Юань установил медный столб, отметив южные границы Срединной империи^[327], однако он не вышел за ее пределы. Мы же дошли до края земли – так можно ли тихо и бесславно повернуть назад, не оставив потомкам никаких свидетельств нашей славы?

– Прекрасная мысль, – согласился командующий. – Да только на сем крутом берегу несподручно устанавливать пограничный столб.

Тогда Бифэн прочел заклинание, и у него из рукава выскочил крохотный монашек. Патриарх велел ему отправиться на северо-западный склон горы Сумеру, где есть малый горный отрог эдак в тридцать шесть *чжан* длиной, и переместить его на обрывистый берег:

– Да не мешкай, поторапливайся!

Монашек умчался на световом луче и в мгновение ока возвратился, притащив горный отрог. А буддист снова отдал распоряжение:

– Слева от пика Небесный столп^[328] высится небольшая каменная колонна высотой три с половиной *чжана*. Ухвати ее и аккуратно переставь на сей отрог. Да поторапливайся!

Монашек снова умчался на световом луче, в мгновение ока возвратился и доложил Бифэну о выполнении поручения. Тогда Государев советник спросил, обучен ли он грамоте, и узнав, что не обучен, отослал его.

Затем он снова прочел заклинание, и из огненного луча появился страж буддийской веры Вэй-то и поклонился почтеннейшему буддисту. Бифэн ему объяснил:

– На сем крутом берегу отныне возвышается невысокий утес, на нем – каменный столб восьмигранный. Твоим мечом «ваджра» выгравируй на нем несколько строк. На южной стороне выбей: «Поставлен главнокомандующим, отправленным на Запад по высочайшему повелению императора Чжу империи Великая Мин». На каждой из остальных семи сторон начертай: «Слава Будде-Амитабхе». Да пиши поразборчивей.

Вэй-то вскочил на облако и немедля всё выполнил, после чего Бифэн распрощался и с ним.

Радость командиров была столь велика, что они совсем забыли о Небесном наставнике. Как говорится, воспевая одних, подчеркиваешь недостатки других, или, как еще в древности сказано, чем больше хвалят красотку Сиши, тем обиднее дурнушке Дунши. Небесный наставник подумал: «Цзинь Бифэн развернул такую деятельность – а что же я, святой во многих поколениях, остался в стороне? Надо бы и мне что-нибудь эдакое воздвигнуть». И, нахмутив брови, решительно заявил:

– Господам командующим сверху виднее. Что и говорить, Государев советник проявил чудеса и сотворил две замечательные вещи – и утес передвинул, и колонну с надписью воздвиг. Но вот если бы еще поставить каменную стелу и на ней выгравировать мемориальную надпись – было бы совсем прекрасно.

Саньбао засомневался:

– Надпись можно впоследствии уничтожить.

Но Небесный наставник возразил:

– Разве вы не слышали поговорку о великих заслугах – на стеле записаны, в камне выгравированы?

– Никак невозможно, но, как говаривали древние, несомненно желательно, – вмешался командующий Ван.

– Что имеет в виду почтеннейший командующий Ван, произнеся «никак невозможно» – приказать такое, установить стелу или сделать мемориальную надпись? – уточнил Небесный наставник.

– Надпись придумать несложно, с этим и я уж как-нибудь справлюсь – но где стелу достать?

– Ежели почтеннейший господин обеспечит надпись, то стелу я раздобуду.

Командующий Ван приказал приближенным немедленно принести письменные принадлежности – кисть, тушь, тушечницу и бумагу – и начертал:

Сим возвещаю в Фэнду
О нашей Великой Мин,
Дабы на сей скале
Славу ее утвердить.
Святых и ученых земля,
Воителей всех поколений,
Где всякий почтения полон
И благородных стремлений.

Небесный наставник воскликнул:

– Прекрасно! Без столь талантливой поэзы не удастся смирить Яньло.

Господин Ван ему:

– К чему столь избыточные похвалы! Прошу Небесного наставника установить стелу.

В тот же миг даос сложил ладони в поклоне, затем воздел их вверх, согнув все пальцы, кроме большого^[329], издал какой-то гортанный звук – и тут же на его зов, сложив оба крыла, явился Бог грома.

Небесный наставник извинился за причиненное беспокойство и попросил бессмертного доставить чистую стелу без надписей. Бог грома исчез струйкой дыма, а через мгновение возвратился со стелой, кою установил перед каменной колонной. Стела оказалась ненамного ее короче – всего на пять *чи*. Бог грома совсем было собрался улететь, но Небесный наставник остановил его:

– Как говорится, порядочный гость не беспокоит одной просьбой разных хозяев, посему еще попрошу выгравировать на стеле сии поэтические строки.

Всё было тотчас исполнено. Небесный наставник снова задержал святого и попросил добавить несколько строк: «Сочинено почтенным Ваном, начертано^[330] почтенным Чжэном, писано киноварью скромным даосом, установлено досточтимым Богом грома». Святой вмиг выполнил и это поручение и, не простившись, торопливо исчез.

Все действия Небесного наставника явно были направлены на то, чтобы уязвить Бифэна – особенно тем, что он поставил себе на службу Бога грома, отстранив буддиста. На сей раз все командиры стали наперебой расхваливать даоса: «О, доблестный Небесный наставник!»

В этот момент был получен приказ – в связи с отправкой флотилии возвратиться на свои корабли. И уже там Юньгу обратился к Бифэну:

– Для чего это Небесный наставник удумал соорудить каменную стелу перед колонной?

– Ее как раз и не хватало. Благородный муж всегда помогает творящему добро, – откликнулся Государев советник.

– А почему стела немного короче столба?

– Сим даос принизил себя. Благородный муж не стремится быть выше прочих.

– А зачем Небесный наставник призвал Бога грома?

– Бог грома свиреп, а, как сказал Конфуций, благородный муж не помогает людям претворять то плохое, что заложено в них^[331].

Не успел договорить, как послышалась команда: «Приготовиться к отплытию!»

Если хотите узнать, какие приключения ждали флотилию на обратном пути в столицу, слушайте следующую часть.

Эпилог^[332],

***кой глаголет о приключениях
обратной дороги - встрече с морскими
чудищами и духами рек, о том, как
сбылся сон командующего, и о
благополучном возвращении в Нанкин***

Послу государя вручили Небесный рескрипт —
Высокую волю нести в чужеземны пределы.
Скользили суда по просторам ревущих морей,
Разрезав бескрайние дали гремящих валов.
Огромные волны влекут их вперед и вперед,
Зеленые горы, как в дымке, встают по берегам.
Имперский указ с ликованьем встречают повсюду,
Вожди и султаны приезжих спешат поприветить
И злато подносят, дары своих южных земель,
А это всегда восхищенья и верности знак.^[333]

Сказывают, что, покинув загробное царство, корабли полмесяца двигались при ясной луне и попутном ветре, и даже в безлунные ночи небо осыпали звезды, не уступавшие ей в яркости. Однажды, когда оба монаха и командующие мирно беседовали в ставке, все заметили, что адмирал хмур и молчалив. Отвечая на расспросы Государева советника, Саньбао признался:

– Ночью мне снился сон – я в сомнениях и не пойму, что он пророчил. В третью стражу явился некий старец и вежливо так глаголет: «Есть у меня две вещицы, затмевающие сияние луны – так их называют. Затрудню вас просьбой доставить их в Южную династию в дар моему владыке». Сам старец назвал свою фамилию – Цзинь, а имя – Тайбо, как у звезды Великая белизна^[334]. Обитает, мол, на горе Сун – Срединном пике пяти священных гор^[335] даосизма. Имя владыки назвать отказался – сказал: «Хозяин Срединного пика». Когда же я спросил, где находятся те две вещицы, он сообщил, что переправил их на корабли – одну к коротышке по имени Чжи, другую – к бородачу по фамилии Ли. Тут прозвенел колокол, ударили барабаны, и я проснулся. Боюсь, сон не к добру.

Бифэн вздохнул:

– Небесный механизм полон таинств, скромному монаху не под силу их разгадать.

Небесный наставник заявил, что не видит в сновидении дурного предзнаменования, и тревоги адмирала напрасны.

Командующий Ван растолковал сон так:

– Слово «сияние» – «мин» – есть название династии Мин, а выражение «затмевающие сияние луны» намекает на ее величие. Передача вещей владыке Южной династии подразумевает возвращение флотилии к императорскому двору. Что же до имени старика, то неужли не ясно, что с подобным сообщением к командующему явился сам Белый император^[336] – божество звезды Великая белизна?

Оба монаха одобрили подобное толкование:

– Сие столь логично, что нечего более обсуждать, – заметил Государев советник.

Однако все эти рассуждения не убедили командующего:

– Слишком много траурного белого цвета. «Затмевающие сияние луны» остались для меня непонятным белым пятном. В имени небесного старца тоже присутствуют слова «Великая белизна». Известно, что радостные события отмечают в сокроенных темных тонах, а похороны – в белом. Похоже, сон к несчастью.

Как видим, радужное толкование Небесного наставника не устранило тревог Саньбао. По натуре он был человек подозрительный, и отказ Государева советника разобраться в таинствах небесного механизма лишь усилил его сомнения. Он уловил мало утешительного в словах буддиста, а ему он доверял больше, чем прочим, потому не

очень-то полагался на мнение Небесного наставника. Тут вмешался военачальник евнух Хоу, заявивший, что главное – верно растолковать сновидение, а на кораблях, к сожалению, нет никого к сему способного. Небесный наставник удивился:

– Неужто не найдется такого среди десятков тысяч отважных воинов и тысяч командиров?

Главнокомандующий тотчас принял решение:

– Как известно, кто слухи распускает, сам ложь от правды не отличает. Вот пусть уважаемый Хоу и найдет толкователя снов.

Господину Хоу ничего не оставалось, как про себя улыбнуться: «Верно сказано: чем больше болтаешь, тем больше споров вызываешь. А еще говорится: кто везде первым быть старается, сам на неприятности нарывается. Ничего не поделаешь, придется искать толкователя снов».

И вот идет господин Хоу да выкрикивает:

– Я, почтенный, ищу толкователя снов! Я, почтенный, ищу толкователя снов!

Кричит-распинается, уже все корабли обошел, да так никого не встретил и расстроился: «Пошел с радостью, да возвращаюсь ни с чем! Может, не стоит называть себя почтенным, вдруг ясновидящий подумает, что я больно много о себе возомнил. Недаром сказано: проявишь учтивость – получишь желаемое». И заорал:

– Мне, неразумному, требуется толкователь снов!

Кричал-орал, пока на одном из кораблей не набрел на пожилого человека: борода густая с проседью, одет в свободную робу, на голове тюрбан. Командир посторонился влево, пропуская его, но тот сделал шаг вправо, и они столкнулись. Сей господин молвил:

– Неразумный ищет толкователя снов – пригласите меня, почтенного.

Не успел договорить, как евнух Хоу цепко ухватил его и потащил за собой к Лотосовому трону, где поджидали командующие. Мужчина средних лет вежливо отвесил поклоны каждому поочередно. А на расспросы отвечал, что он – уроженец горного местечка из области Чжэцзянь, по фамилии Ма, по имени Хуань, в экспедиции служит переводчиком. Что же до толкования снов, то он немного знаком с этим делом.

– Будешь что-нибудь выдумывать? – подозрительно спросил Чжэн Хэ.

– Наставники и друзья – источник знаний для каждого.

– И кто же был твоим наставником?

– Моим учителем был почтенный Цзоу, коего прозвали Цзоу Звездочет. Он всю жизнь растолковывал людям самые причудливые и невероятные сны, связанные с их врожденными свойствами и природными способностями.

– И насколько точно твой наставник определял сновидения?

– Вообще-то он гадал не по звездам, а на иероглифах, разбивая их на элементы и давая им новое толкование.

– Иными словами, несмотря на прозвище на деле он к звездам и не обращался – похоже на историю в моем сне: есть имя, но нет предмета. Пустое!

– Помилуйте, как вы могли подумать такое о моем учителе! Мне в нынешнем году шестьдесят четыре, кому я только ни гадал по его методу – богатым и знатым, бедным и худородным, мудрым и неразумным, добродетельным и непутевым – всё сходилось. Нешто это пустое?

– Вы полагаете, что сон определяется характером и поведением человека?^[337]

– Именно, у всех мною названных разные сны.

– О чем же грезят знатные и обеспеченные?

– Вот вам пример мечтаний богатея. В давние времена некий богач, нажившийся на грабеже странствующих купцов, с детства видел во сне, будто он седлает дракона и взмывает к облакам.

– А существуют ли известные истории о снах знаменитых личностей?

– Несомненно. Первому императору династии Хань во сне достался персик бессмертия из садов богини Сиванму.

– А каков сон бедняка?

– Бескорыстному чиновнику тех же давних времен, что впоследствии был назван Покровителем нищих, однажды приснилось, что он подобрал золотой.

– А что видит во сне недостойный человек?

– Порочный буддийский монах превращается в похотливую пеструю змейку^[338].

– Что же снится постигшему истину мудрецу?

– Конфуций до старости видел во сне свой идеал – легендарного правителя древней династии Чжоу.

– А каковы сновидения глупца?

– Несколько веков назад некий недалёковидный сановник, сопровождая наследника престола, не сумел правильно назвать цвет дракона, якобы привидевшегося ему во сне, – вместо желтого императорского назвал черный.

– А каковы ночные грезы людей просвещенных?

– Древний философ Чжуан-цзы превратился в бабочку^[339].

– А что скажете о снах ничтожного человека?

– Слабовольному сыну легендарного императора Яо привиделось, как он, словно Великий Юй, обуздывает потоп.

Слушая свободно льющуюся речь переводчика, командующий проникся к нему уважением и продолжил расспросы:

– Есть ли такие люди, коим ничего не снится?

– А то как! – ответил Ма. – Логика вещей требует парности.

И начал перечислять:

– Вот известный в древности генерал – попивая, он со счетными бирками в руках до рассвета проверял свои доходы, – это ли не богач без сновидений? Или вот строка великого Ду Фу: «не сплю, и будто слышится мне поворот ключа в замке ворот дворцовых», – это ли не возвышенный человек без сновидений? Еще пример: благородный сановник древности одиноко замерзал без сна в засыпанном снегом доме, не пожелав никого беспокоить расчисткой дорожки. А человеку низкого происхождения – например, ожидающей посещения государя наложнице, – как сказано в стихах, осталось ночи коротать, тоскливо греясь у жаровни. Что до людей высоконравных, не забывающихся в сновидениях, то правитель династии Чжоу сидел в нетерпеливом ожидании утра, дабы осуществить изученные им за ночь великие принципы и деяния правителей прошлого. Глупец не спит, ибо сторожит пень в ожидании зайца^[340], а о бодрствующем просвещенном мудреце сказано: проснулся, а окно уж розовеет – значит, спал крепко, безмятежно. Или взять меня, маленького человека – храплю до утра без всяких сновидений. Как несколько веков назад писал поэт: мирской удел – лишь миг, весенний сон. Я же толкую ночные видения, полагаясь на свое красноречие.

– Дар красноречия – это прекрасно! – воскликнул командующий. – Ну, тогда растолкуйте-ка мой сон.

И он подробно пересказал явление странного старца, поручившего ему доставить на Срединный пик две вещицы, «затмевающие сияние луны». Переводчик сразу заявил, что сей сон – к великой радости:

– Луна означает ночное путешествие, а «затмевающие сияние луны» – не что иное, как пара жемчужин, светящихся в ночи. В таком сочетании слово «сияние» – «мин» – созвучно названию нашей империи Мин. Одна жемчужина – в утробе коротышки, прозвание коему Чжи, – ее вы невдолге увидите, а вторая, что у бородача Ли, найдется нескоро. Отослать жемчужины означает вернуться в империю. Срединный пик являет собой символ территории императора Великой Мин, находящейся в центре земли, и его самого как владыку Китая и варваров.

И закончил прорицание так:

– Иными словами, в день возвращения из похода вы встретитесь с императором, прокричите ему здравицу и вручите две редкостные драгоценности. Засим вас ожидает повышение в должности, получение важного пожизненного титула^[341] вплоть до придворного. Это ли не благое знамение?

Услыхав таковы речи, адмирал воскликнул:

– Вот этот последний кусок я бы ни за что не осмыслил, переводчик молодец!

Ма Хуань заскромничал:

– Слова не доказательство, будущее покажет.

Саньбао успокоился, повеселел и щедро вознаградил переводчика.

Полководец вернулся на флагманский корабль, ни на минуту не забывая о драгоценных жемчужинах. Флотилия благополучно двигалась по маршруту, а командующий отдал приказ тщательно досмотреть каждого из мореходов согласно спискам личного состава. Однако коротышку Чжи так и не нашли, обнаружили какого-то бородача Ли, но жемчужины у него не оказалось.

Время летело стремительно, миновал месяц с тех пор, как корабли двинулись в обратный путь. Флотилию сопровождал попутный ветер, ночью морякам светили луна или звезды, и было светло как днем. Так они и плыли, как вдруг в один из дней налетел штормовой ветер, северо-запад заволокли тучи, а юго-восток окутал густой туман.

Это бы еще ничего, но оказалось, что с борта быстроходного транспортного судна шлепнулся в воду какой-то матрос. Доложили в ставку, и командующий приказал дознаться, кто таков, откуда родом, да еще подумать, нет ли возможности его найти и спасти. Вскоре ординарцы доложили:

– Фамилия морехода Лю, имя Гусянь, служил в отряде Нанкинской лейб-гвардии. Он стоял на верхней палубе, оступился и упал за борт. Ветер трепал паруса, и удержать его было несподручно.

Командующий приказал опросить всех на том самом корабле, не заметили ли они на водной поверхности тело воина или его отражение. Ему отвечали, что видали, как Лю какое-то время барахтался в волнах, пытаюсь плыть вослед кораблю. Чжэн Хэ вскричал:

– Ох, неспроста всё это! И жемчужины не нашлись, и моряк наверняка утонул. Видно, переводчик Ма ошибся!

Вице-адмирал Ван не согласился:

– Воин упал в воду по собственной неосторожности – какое отношение имеет сие событие к сновидению? Лучше позаботиться о том, чтобы при подобном шторме не перевернулись корабли.

Оба командующих отправились к Государеву советнику и поведали о своих печалях – и о наверняка утонувшем моряке, и о неожиданном волнении на море.

– Ветер с гор обычно поднимается в полдень и к ночи успокаивается, – заметил вице-адмирал Ван. – Однажды сей ураган поднялся вчера под вечер; нынче уже середина дня, а он не утихает. Боюсь, к ночи и вовсе разгуляется.

– Пожалуй, – подтвердил главнокомандующий. – Днем еще можно разглядеть стороны света, а ночью и вовсе беда.

Не успел договорить, как послушник Юньгу доложил, что на носу корабля стоят два молодца: один, обросший и длинноволосый, держит за лапу обезьяну, другой – бритый и гладколицый, с белым псом в руках. Государев советник велел пригласить обоих. Лохматый представился духом горы Хунло, и Государев советник сразу вспомнил,

что изначально он звался святой Оленья Шкура. А горный дух продолжал:

– После того как почтенный буддист наставил меня на путь истинный, я охраняю флотилию. Вместе со мной в облике обезьяны явилась Фея ветров – одна из тех, что в подчинении крылатого Бога ветров. Отверзнет пасть – выдохнет ветер, взмахнет руками – вихри запляшут-закоlobberдят, топнет ногами – помчится ураган, а напившись, заставляет порывы ветра впадать в буйство. Она-то и подняла ураган.

После беседы с Государевым советником фея покаялась, и, хотя тот предположил, что обратный путь займет не меньше года, твердо пообещала водную тишь да гладь на весь срок.

Сказывают, что командующий поинтересовался вторым гостем, и бритый представился Владыкой Медного столба.

– А, это ты, изначально звавшийся настоятелем Тара? Зачем пожаловал?

Тот отвечивал:

– После того как почтенный буддист наставил меня на путь истинный, я также сопровождаю флотилию. А собака со мной – это Отрок пассатов. Одним взмахом ноги он посылает вести – быстрые, как ветер. Сей святой тоже находится в подчинении Бога ветров и отвечает за верное направление муссонов и пассатов: в третьем месяце по лунному календарю посылает северо-восточный пассат «птичьи вести», в пятом – пшеничный, а в июле-августе – муссон под стрехой. В Западный океан он шлет смерч и ураган, а летом на реках, озерах – корабельных весел муссоны^[342]. В древности к восточным воротам царства Лу он насылал зимние шторма, что называли «ветром перелетных птиц»^[343]. Сей святой отрок пригонял ветерок, раскачивавший золотые колокольца хоругвей на шестах у дворцов пяти братьев императора Сюаньцзуна при династии Тан, а еще вызывал пассат, заставлявший звенеть нефритовые пластинки в бамбуковой роще дворца этого государя. Он гонит и всё очищающий волшебный ветерок горы Куньлунь, а в сезон разрастания древесных ветвей выпускает ветер «сорочьи гнезда»^[344]. Коли разгневается, выдыхает ветер «Мать-земля», а в радостные времена шлет ветер «шум ветвей».

– Насылать ветра – это забота Феи ветров. Какое имеет к сему отношение Отрок пассатов – ветров вестей? – запутался Государев советник.

– Верно, Фея принимает решение послать ветер, но ветер не поднимется, пока не будет подана весть – именно Отрок-посыльный определяет силу ветров и их количество в определенный сезон, – пояснил Владыка Медного столба.

Бифэн велел отослать Отрока, приказав:

– Достаточно того, чтобы он впредь не подавал вестей, тогда и ветров не будет.

После их ухода командующий отправил ординарца глянуть, что творится за кормой, и тот доложил, что ветер и вправду мало-помалу стихает, чем весьма обрадовал Саньбао.

– Есть и другая радостная новость, – добавил ординарец.

– Что за новость? О драгоценных жемчужинах? – встрепнулся командующий.

– О другом. Тот самый моряк, что намерен свалиться в океан, спасся, ухватившись за хвост огромной рыбы, и сейчас находится на транспортном судне, – сообщил ординарец.

Командующий приказал немедленно доставить воина на флагманский корабль. И вот уже тот преклонил колена перед адмиралом и в ответ на расспросы сообщил, что сумел спастись и догнать корабли благодаря гигантской рыбе.

– Что еще за рыба? – удивился Саньбао.

– Неохватная, не меньше десяти *чжан* в длину, цвета лазури, с черными плавниками. После того как я очутился в воде, мне удалось на нее вскарабкаться, а ей шторм нипочем, она преспокойненько качалась на волнах, – ответил Лю.

– Да ведь ты уже несколько дней как упал в океан, да еще в бурю. За это время уж и не знаю, какой длины путь мы проделали. Как тебе удалось нас нагнать?

– Я всё это время восседал на рыбе – и сам не знаю, сколь долго мы плыли.

– Как же ты на нее взобрался?

– Она пасть открыла и приказала: «Влезай!» Миг – и вот я уже на корабле. На прощание молвила: «Поклонись Государю-Будде».

Бифэн покивал и произнес:

– Всё ясно.

Это и была та самая Рыба бирюзовых вод, подобным образом отблагодарившая буддиста за сотворенное тем некогда моление об избавлении ее души в потустороннем мире.

Время летело стрелой, солнце и луна сновали по небу, как ткацкий челнок. В один из дней ординарец пал на колени пред командующим и доложил:

– Ничтожный все годы странствий неусыпно сторожил паука – того самого, что перед прибытием на Яву сполз по стене мачты флагманского корабля прямо к Государеву советнику. А нынче я обнаружил, что паук исчез, в корзине остался только кругленький светлый камешек размером почти с куриное яйцо. Как быть?

Командующий приказал принести корзину. Он вытащил камешек, пригляделся – смотрится необычно, от него словно сияние исходит. Саньбао призадумался, и вдруг рассмеялся и приказал позвать вице-адмирала. Взглянув на командующего, господин Ван поинтересовался, что того так сильно обрадовало. Указав на камешек, флотоводец ответил:

– Попробуйте догадаться!

– Похоже, вы достали светящуюся в ночи жемчужину. О, радость! Поздравляю! Но где же коротышка Чжи? – не сообразил вице-адмирал.

Призвали Небесного наставника и Государева советника, и адмирал намекнул, что тот самый коротышка Чжи наконец явился на свет из покоев буддиста. И тут все вспомнили, что, когда корабли подплывали к Яве, подул пассат, и Государев советник сообщил, что в порывах ветра ощущалось какое-то существо – всё из шелковистых нитей, проворно так передвигалось:

– О, значит, имелась в виду не фамилия Чжи, а созвучное ей слово «чжи» – паук, – догадался господин Ван.

Совершенно неожиданно Государев советник кое о чем вспомнил. Он вызвал геоманта и спросил, как долго продолжается обратное плавание, а тот отвечал, что пять месяцев и восемь дней. Тогда Бифэн попросил принести два давно добытых Ван Мином фениксовых яйца. Как только их доставили, Государев советник взял оба яйца в руки, что-то пробубнил, прочел мантры – и вот уже к небу потянулся белый дымок, а в нем пара фениксов: они плавно и привольно взмывали прямо к девятому небу, держа в клювах яйца. Саньбао вспомнил, что в свое время в них было запряжено Царство простоволосых, и забеспокоился:

– Нынче яйца поднялись высоко к солнцу – неужто простоволосые всё еще там?

Бифэн уверил, что все они своевременно освобождены. Командующий встревожился, не нанесен ли за этот срок ущерб народу и армии сего царства, но Государев советник его успокоил и пригласил желающих убедиться в этом. Отправился главнокомандующий и с ним несколько высших армейских чинов. На своем корабле буддист произнес «Амитофо», приказал всем закрыть глаза, вытянул руки и провел у каждого перед глазами вверх-вниз, вправо-влево, и все они тотчас погрузились в сон. Через некоторое время Государев советник велел Юньгу заварить свежего чая и вывести господ из дремоты. Как только чай был заварен, Бифэн зазвонил в колокольчик, и все проснулись.

Присутствовавшие в один голос рассказали, как в сновидении побывали в Царстве простоволосых, встретились с ее жителями и убедились, что народ благоденствует.

Дни шли за днями, пролетело еще три месяца. Государев советник, восседая на Лotosовом троне, пригласил к себе геоманта и осведомился, сколько времени минуло с тех пор, как корабли отправились в обратный путь, и тот назвал цифру – восемь с половиной месяцев. Бифэн подсчитал, что скоро корабли приблизятся к Малакке, но геомант предупредил, что путь неблизкий, и точно рассчитать день прибытия невозможно.

– Одначе при попутном ветре и безостановочном круглосуточном плавании должно достичь Малакки где-то за шесть-семь месяцев. Странно, что мы еще в пути, – удивился Государев советник.

Не успел договорить, как прибыли дух горы Хунло и Владыка Медного столба. Государев советник выразил им признательность за сопровождение флотилии, а те в один голос заявили:

– Мы прибыли известить Государева советника о том, что через трое суток покажутся берега Малакки.

Буддист обрадовался:

– Славно, каждый из вас идет к постижению истины, хотя и своим путем.

И вправду, ровно через трое суток вестовой сообщил, что впереди обрисовались какие-то берега:

– Следует ли пришвартовываться?

Оба командующих тотчас пригласили Небесного наставника и Государева советника. Небесный наставник предложил бросить якоря и послать лазутчиков. Государев советник отмахнулся:

– В этом нет нужды, сие несомненно Малакка. Три дня назад мне поведал о том Владыка Медного столба.

Командующие зело возрадовались:

– Небесному наставнику подчинен небесный полководец, а у Государева советника в услужении горный дух. Воистину, три религии – одно течение. Замечательно, что всяко усилие ведет к общему успеху!

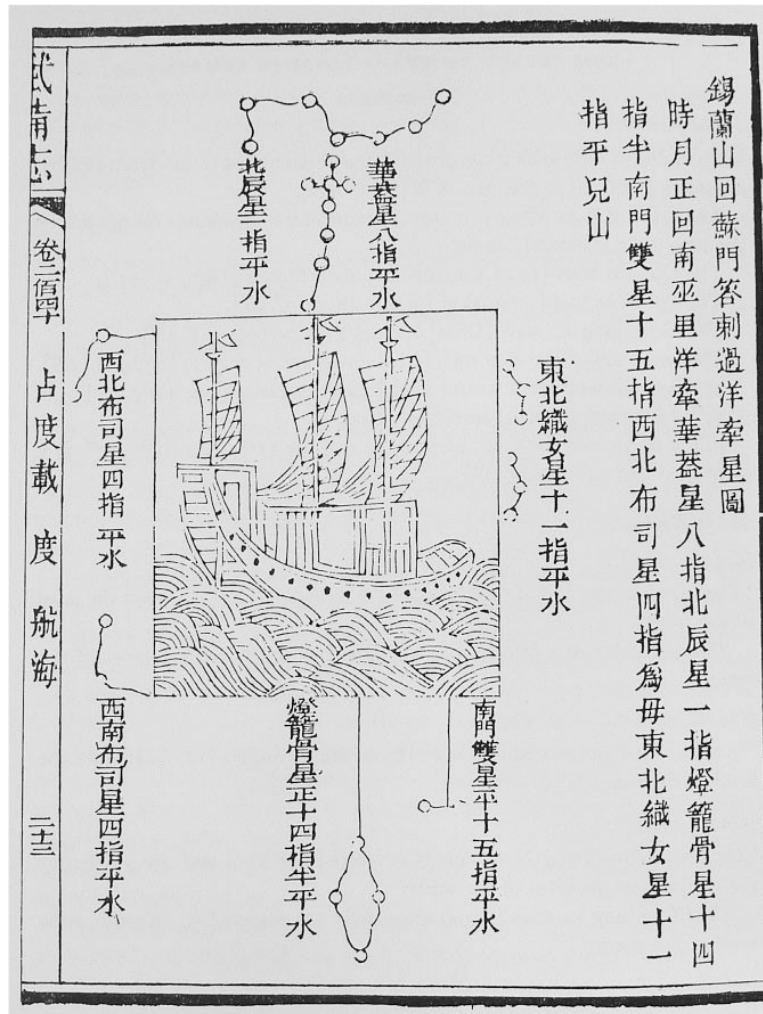

Рис. 10. Карта навигации Чжэн Хэ от Цейлона до Суматры. Фрагмент карты Мао Куня, 1430 год

Адмирал приказал немедленно причаливать. Не успели подплыть к берегу, как снова прибыл вестовой:

– На корме пятеро местных военачальников желают вас поприветствовать.

Саньбао приказал пригласить. Те вошли в ставку и проделали положенные церемонии. Все как один высоченные – ростом не менее *чжана*, с виду похожи на китайцев, только вот макушки остренькие, глазки маленькие, зубки реденькие, а усищи длиннющие и торчат в разные стороны.

– Кем будете? – спросил командующий.

Генералы в один голос ответили, что состоят в дворцовой страже местного владыки, а фамилия их Чу – третья по порядку в списке «Сто фамилий»^[345] и означает просто «солдат»:

– Все мы братья-близнецы, и потому при рождении дали нам имена по порядковым номерам – Чу первый, второй, третий, четвертый и пятый.

– С чем пожаловали? – продолжил расспросы Саньбао.

– Всё это время по приказу султана мы охраняли оставленные командующим склады. Нынче истекает срок хранения, о чем и сообщаем.

– Не нанесено ли складам какого ущерба?

– Ни в коей мере, всё точнехонько, как оставлено, ничто не попорчено. Вот только на задней стороне двери одного из складов появилась надпись «Хуан Фэнсянь». Несколько лет тому назад некая дева проникла внутрь, верно, возжелала похитить деньги и драгоценности. Но мы впятером прогнали ее. Она поняла, что склады охраняются, и оставила надпись как доказательство своего посещения.

Командующий кивнул:

– Всё так, сие мне известно, – и отослал посетителей.

Засим генералы отправились на поклон к Государеву советнику и совершили перед ним большую ритуальную церемонию из 24 поклонов^[346]. На вопрос о цели прибытия отвечали:

– После всего, что мы натворили в Восточной столице^[347], нам пришлось тысячелетиями изучать буддийскую веру и совершенствоваться, прежде чем собраться здесь. Султан Малакки принял нас на службу и поручил стеречь склады. За несколько лет всё сберегли в целости и сохранности. Уповаем на то, что вы, почтенный наставник, запишете наши заслуги и дадите новое наставление, дабы мы продолжили нравственное совершенствование.

Бифэн отвечал:

– После тысячелетий постижения буддизма вы уже встали на сей праведный путь, к сему следует прибавить и ваши заслуги по охране складов, что принесло и мне чувство удовлетворения. Думаю, теперь вы сумеете самостоятельно выполнять практики упайи^[348] для совершенствования своей кармы.

Генералы откланялись и покинули залу, а Бифэн воскликнул:

– Амитофо! Духовное совершенствование дает всем живым существам чувство довольствия собой, а у людей и после расставания проявляется возможность нового свидания.

В этот момент на флагманский корабль поднялся командующий центральной эскадрой генерал Ван Тан, оставленный караулить склады в Малакке. Все принялись рассказывать друг другу о происшедшем за годы разлуки. И тут ординарец доложил о прибытии султана Малакки. Хозяева и гость обменялись приветствиями, выражая самые дружеские чувства. Адмирал распорядился провести инвентаризацию складов, погрузить товар и, не откладывая, сниматься с якорей. Султан просил задержаться, но командующий не соглашался. Тогда султан напомнил о своем желании вместе с флотилией отправиться ко двору

императора Великой Мин. Саньбао дал на то соизволение и выделил отдельное транспортное судно. Султан взял в путешествие жену, детей, множество приближенных и слуг – всего более полусотни человек, после чего на его корабле установили даннический флаг. Не прошло и трех дней, как флотилия оказалась в полной готовности покинуть гавань. После отплытия всем показалось, что заботы остались позади, можно позволить себе отдохнуть и празднично поболтать. Один лишь Саньбао всё тревожился:

– Скоро год со времени моего сна, а бородача Ли так и не видать.

Бифэн успокаивал: мол, не стоит понапрасну беспокоиться, всему свое время.

Однако командующий продолжал горевать:

– Нынче ночью я видел во сне Магнитный хребет – к чему бы это?

– Думаю, бородач Ли находится где-то неподалеку, – предположил Бифэн.

Саньбао свято верил каждому слову буддиста, и с того момента днём и ночью с нетерпением ждал появления подводных хребтов. Солнечные лучи ежедневно заглядывали в окна, а корабли всё плыли и плыли. Прошло ещё несколько месяцев. Государев советник снова призвал к себе геоманта, и тот уточнил, что обратный путь длится уже более одиннадцати месяцев. Бифэн понял, что цель близка. И верно: Владыка Медного столба доложил, что до участка магнитных хребтов не более дня пути. Сообщили командующим. Те вызвали Небесного наставника, дабы решить, стоит ли пришвартовываться, но ушлый даос отослал их к Государеву советнику:

– Тот в этом деле поопытней.

Пригласили Бифэна, однако буддист замялся, ибо в прошлый раз уже потратил немало усилий, дабы обойти магнитный участок:

– На глаз трудно определить, что там да как. Подождем, пока удастся что-нибудь поточнее разузнать.

– Да кого спрашивать в открытом море? – удивился командующий.

– Есть кого, – бросил буддист.

С этими словами он несколько раз качнул головой, и тут же невесть откуда появился низенький старичок. Отбив поклоны, он назвался духом – Владыкой магнитных хребтов. Государев советник спросил его, возможно ли кораблям миновать гиблое место.

– Испокон веку магнитные камни, что разбросаны на протяжении пятисот *ли* по дну океана, препятствовали движению судов, – отвечал дух.

– Неужто за столь долгое время никто не отважился проделать сей путь?

– Проплывать-то проплывали, но обычно те, кто использовал на судах бамбуковые гвозди, либо те, кому случайно повезло. Однако после того, как несколько лет назад флотилия почтеннейшего обогнула

побережье, магнитная россыпь на дне превратилась в золотые камешки, и ноне нечего опасаться затопления кораблей.

– Возможно ли собрать эти камешки?

– Дак ведь они необычные – предназначены для вспомоществования бедным, а не накопления богатства. Кто совсем на дне нищеты, тот вытаскивает здоровенный валун в несколько десятков *цзиней*. У кого бедность еще переносима, тому достается камень поменьше. А коли ты богатый гость или купец, то эти камешки и вовсе не углядеть, а ежели какой случайно достанешь – он простым булыжником обернется.

Командующий Ван вставил:

– Недаром Конфуций изрек: «Я слышал, что благородный муж помогает нуждающимся, но не обогащает богатых»^[349]. В будущем подобные хребты следует величать Хребет мудреца^[350].

– Быть по сему! – изрек Государев советник и приказал местному духу хорошенько оберегать сей хребет, дабы слух о нем дошел до следующих поколений.

Дух заметил, что ежели на камнях не высечь подобное название, то будет сложно их достойно охранять. Государев советник успокоил:

– Отправляйся – на обращенном к морю южном склоне уже красуется новое название.

Дух мгновенно исчез, а оба командующих были поражены известием.

– Признаюсь откровенно, – сказал Бифэн, – стоило господину Вану высказать свое предложение, я тотчас призвал небожителя Вэй-то, и он высек надпись.

Адмирал не удержался от похвалы:

– О, сколь чудодейственна сила провидения Государева советника! Ни бесы, ни духи до сего не додумаются!

Не успел договорить, как вестовой доложил, что корабли проходят мимо опасного участка:

– Надо ли собирать суда вместе?

– Не вижу необходимости, – твердо ответил Саньбао, – ветер нам благоприятствует.

И вправду – и ветер, и вода оставались спокойны, и флотилия легко миновала длиннющий участок хребта.

На следующий день добрались до Простора мягкой воды. Командующие снова обратились к Государеву советнику; тот вызвал духа данной местности и спросил, смогут ли ныне корабли миновать сей участок. Дух отвечал, что изначально сие было делом нелегким, но с недавних пор стало возможным.

– Выходит, в глубоком прошлом сей участок никто не пересекал? – продолжал допытываться Государев советник.

– Отчего же?! Во вселенной существуют три главные точки средоточия мягкой воды, и они все разные. Вот на моем участке вода мягкая, иначе не исключена вероятность его миновать. С тех пор как

Паньгу отделил Небо и Землю в космическом хаосе, в сем месте океана ежедневно существует краткий промежуток времени, когда корабли могут спокойно пройти по воде. Но так запросто сего не распознаешь. Удачливые благополучно минуют сие пространство, а невезучие идут ко дну. Когда Сунь Укун сопровождал танского монаха^[351], ему пришлось обратиться к царю морских драконов и попросить на время превратить воду в жесткую. С тех пор установлено два благоприятных промежутка: примерно по два больших часа^[352] в период утреннего и вечернего приливов. Лодочники точно вычислили, что прилив – наилучшее время для преодоления сего отрезка, а коль зазеваешься – лучше остановиться, всё одно не двинешься дальше. С тех пор как здесь прошли вы, Государь-Будда, жесткой воды поприбавилось, а мягкой поубавилось, ежедневно вода лишь на краткое время остается мягкой. Посему, ежели корабли спокойно плыли днем, то и в полночь не будет преград.

– В давние времена царь драконов любил повторять: «Ох, труден сей путь!»

– Не стоит полностью доверять его речам. Как сказано в поговорке, хочешь сбыть дыню – не признавайся, что она горчит.

– Весьма признателен! Можешь идти.

– Желал бы еще кое о чем доложить. В водной пучине гавани вас поджидают два злых духа, будьте начеку. Один – по виду как гигантская рыбина в сотню *ли* длиной и десяток *ли* высотой. У нее что пасть, что туловище – огромные, зубища торчат, точно горные пики, а глазища – величиной с солнце каждый. Стоит ей открыть пасть – засасывает морские потоки вместе с кораблями, суда и люди бесследно исчезают у нее в брюхе.

– Ну и чудеса!

– Истинную правду говорю! Когда-то в древности не менее пятисот кораблей, пересекавших океан в поисках сокровищ, оказались в пасти чудища: оно заглотнуло их, словно холодные лепешки. Имя чудищу – макара^[353].

Ил. 2. Макара – мифическое морское чудовище

– Ах, так вот кто это мерзкое отродье! – покачал головой Бифэн.

Командующий был потрясен:

– Почтеннейший, вы так беспечно отзываетесь о рыбе-чудище, а у нас от одних этих слов голова пухнет!

– А чего ее бояться? – спокойно отвечал Бифэн.

Саньбао возразил:

– Мы столько лет провели в походе, усмирили множество варваров, собрали немалую дань, и всё благодаря могуществу почтеннейшего. А нынче, влезая в непредвиденные обстоятельства, разве мы добровольно не обрекаем себя на гибель?

– Что вы хотите этим сказать? – переспросил Бифэн.

– Да уж, – подтвердил и стоявший рядом дух. – От такого свирепого создания никогда не знаешь, чего ожидать.

– А что за второе чудище? – не унимался Государев советник.

– Властелин вьюнов – зовется еще морским вьюном или гладким китом. Рыбина весьма крупная, а также многоопытная и изворотливая^[354]. По размеру чуток поменьше макары, длиной эдак в несколько *ли*, высоченная – пять-семь *чжан*, хребет прямой и жесткий, окраска ярко-алая, как кровь, издали смотреть – словно знамена по водной глади полощутся. А опасен сей кит тем, что подцепляет корабль своим огромным языком^[355], словно вилами, – да так, что не вырваться, – и судно тонет.

Государев советник поблагодарил духа и совсем было собрался его отпустить, но тот добавил:

– В гавани есть гора, названная по имени Феи ветров – Фэнъи. На ее вершине тысячи лет живет обезьяна, коя превратилась в оборотня и устраивает всякие беспорядки. Лет эдак пять-семь назад с Западного неба на гору спустился какой-то Небесный владыка Ли и стал ее супругом. У этого Ли есть сокровище, освещающее небо и землю,

чудотворная сила коего безгранична. Для обезьяны и Ли соединиться – всё равно как тигру придать крылья. Вот они и бесчинствуют в гавани. Творят, что вздумается: могут взбаламутить океан, оседлать облака и мчаться сквозь туманы, могут преградить путь и сломать корабли. Почтеннейшему стоит проявить осторожность.

– Ну, это само собой. Можешь отправляться, – закончил беседу Государев советник. Дух поклонился и исчез.

Саньбао призадумался: «Он упомянул Небесного владыку Ли – а вдруг это и есть бородач Ли? А его сокровище – та самая светящаяся в ночи жемчужина? Может, сбудется мой сон!»

А тут и Небесный наставник вспомнил, что именно в этом месте несколько лет назад в начале похода с корабля упал в воду моряк Ли Хай:

– Осмелюсь предположить, что он нашел здесь приют и выдает себя за Небесного владыку.

А командующий Ван заметил:

– Поверить не могу! Неужто, как говорится, пустое зерно – да в хранилище вдруг проросло!

– Неведомы пути, ведущие к спасению души, – заметил Небесный наставник.

– Всё же непонятно! – воскликнул командующий Ван. – В наше-то время, если человек умер и его душа покинула тело, как он мог превратиться в небожителя?^[356]

Не успел договорить, как вестовой доложил, что бухта впереди вроде как заполнена лодчонками с красными флажками, кои непрестанно снуют одна за другой, да так шустро, что не уследишь:

– То ли морские пираты, то ли моряки местные. Сам я не решился ничего предпринять. Жду решения командующего!

– Ну и чудеса! – воскликнул адмирал. – Не иначе как это проделки китов-вьюнов. Не предупреди нас местный дух, попали бы мы им прямо на языки-крюки.

И тут же разослал приказ по всем кораблям: «Виднеющиеся впереди лодчонки – на самом деле гладкие киты. Сии рыбы намерены зацепить наши корабли своими длиннющими языками и утащить под воду. Посему запрещаю шуметь. Рулевым крепко ухватиться за руль, матросам – изо всех сил удерживать паруса, закрепить канаты и тросы. Впередсмотрящим следить за направлением движения, а воинам ударных отрядов держать наготове острые мечи. Как только рыба попытается коснуться судна языком, без колебаний его отсекай, дабы избежать страданий и гибели». Кто осмелится ослушаться приказа адмирала?!

На кораблях всё было приведено в боевую готовность. Командующие вместе с Небесным наставником восседали на Тысячелистном лотосе буддиста и зорко вглядывались вдаль, где безостановочно мелькали алые флажки. Стоило подплыть ближе, как

стало ясно, что это и впрямь скопище китов – гладеньких, словно китайские рыбки выюнки, только размером несопоставимо больше. Воины держали мечи наизготове, но всё же побаивались.

Вдруг – невесть отчего – рыбыны заметались в разные стороны, и, спрятав языки, рванули прочь от кораблей. Командующий зело возрадовался:

– Благодаря могуществу Государева советника рыбы не причинили нам никакого вреда.

Буддист скромничал, но командующий стоял на своем:

– Кабы не ваше буддийское великомощие, неужто рыбы не пустили бы в ход свои огромные языки?

За это время выюны уплыли далеко-далеко, и вот уже вокруг ни души.

В тот же момент вестовой доложил, что впереди над горой появилось непонятное знамение – словно взошли сразу два солнца. Командующий уточнил, с какой стороны идет свечение, и вестовой ответил, что с юго-запада.

– Приближается макара! – испуганно воскликнул командующий.

И тут же отдал приказ рулевым и кормчим на всех судах взять курс на северо-восток. Приказ был немедля исполнен. Сим приказом адмирал рассчитывал уступить путь морскому чудищу. Откуда ему знать, что оно уже совсем рядом? Чем ближе макара подбиралась, тем теснее суда сбивались в кучу. Волны прибивали их друг к другу и теснили к берегу. Вестовой доложил командующему, и тому ничего не оставалось, как отдать приказ спустить паруса и бросить якоря, дабы получить передышку в этой гонке.

Не успели полностью выполнить приказ, а макара уже приблизилась вплотную к бортам кораблей. Матросам она казалась чудовищной гидрой, растянувшейся словно гигантская горная цепь: длину ее невозможно было исчислить, но высота составляла не менее нескольких сотен *ли*. У подножья сей гряды зияла бездонная бездна, куда, как в водоворот, засасывало морскую воду. По обеим сторонам у основания горы клыками торчали острые белые пики, а два светила – слева и справа – по яркости соперничали с небесными. Никто из воинов не посмел произнести ни звука, лишь руками разводили: «Как эдакая глыба может плавать в океане?» А командиры подумали: «До чего же сия гора похожа на Драконий зуб недалеко от Суматры! Но что это за светила по обе стороны от нее?» Они и представить себе не могли, что морское чудище может достичь столь невероятных размеров.

Командующий немедля передал приказ всем судам: «Вздымающийся из воды предмет – не гора, это куролесит злобная и опасная рыба. Дозволяю воинам пускать стрелы, вести огонь из аркебуз и пушек, дабы заставить чудище отступить». Тотчас пять эскадр и четыре дивизии, все высшие командиры, все военные корабли и джонки заняли боевые позиции, и по звуку военных рожков со всех

судов посыпались огненные стрелы из ракетниц. Прошло не менее двух часов, стрел было выпущено несчетно, но чудище не обращало на них никакого внимания. Затем настал черед аркебуз «птичий клюв», а вслед за ними с оглушительным грохотом полетели бомбы под названием «сотрясающий небо гром». Минула еще пара часов – а рыбине по-прежнему хоть бы что. Тогда в ход пошли пушки – поначалу полевые короткоствольные, затем сяньянские камнеметы. Палили долго, снарядов выпустили немерено – и всё напрасно. Командиры доложили главнокомандующему, тот обратился к Небесному наставнику. Даос осерчал:

– Допустимо ли, чтобы злодейка бесчинствовала вблизи кораблей! Без промедления этим займусь.

Доблестный Небесный наставник встал в павильоне Нефритового императора и, бормоча молитвы, резко метнул семизвездный меч прямо в голову рыбины. И та, будто впервые ощутив боль, несколько раз мотнула головой. О, что тут началось! Горы качнулись, земля задрожала, и гигантские волны мощно раскачивали суда от мала до велика, подбрасывая их вверх-вниз, – ни одно не устояло на месте. Видя, что рыбина не отступает, Небесный наставник выкрикнул заклинание и сжег на острие меча четыре магических текста. Тотчас с небес спустились небесные полководцы, и каждый из четверки великих выказал свою храбрость и бесстрашие, всяк выставил свое оружие: Ма – огромный кирпич, Чжао – плетень, Вэнь – палицу, Гуань – меч. Тут, видать, рыбина ощутила некое беспокойство и чуть глубже погрузилась в воду. Сего оказалось достаточно, чтобы ее уровень поднялся на тысячу чжан. Кораблям пришлось немедленно сняться с якорей, в противном случае они оказались бы погребенными в морских глубинах. Небесный наставник, опасаясь чего-либо непредвиденного, вежливо распростился с небесными полководцами, и те улетели на облаке-туче.

Командующий убедился, что с этой тварью непросто сладить:

– Ежели макару не трогать, она так и будет лежать поперек пути, но стоит начать действовать, чудище взбаламутит всё водное пространство. Тогда нам точно не сдюжить.

Отправились за подмогой к Государеву советнику.

– Амитофо! – воскликнул тот. – Неужто рыбина не ведает о моем присутствии?

Бифэн произнес это как бы невзначай, и было непонятно, говорит он всерьез или нет. Вице-адмирал Ван решил, что Государев советник, похоже, несколько переутомился, ежели изрекает подобное: рыба всего лишь безмозглое существо – нешто она способна соображать?

Саньбао прямо спросил:

– А что изменится от того, узнает макара о вашем присутствии или нет?

Государев советник спокойно ответил:

- Ежели узнает, не посмеет вести себя столь дерзко и непочтительно.

Командующий предложил послать кого-нибудь сообщить рыбине о присутствии буддиста. Стали думать, кого.

- Да кого, как не Небесного наставника, - предложил Государев советник.

Пригласили даоса и почтительно стали умолять его оповестить рыбину насчет Бифэна. Даос удивился:

- Я побеспокоил небесных полководцев, даже им не удалось сдвинуть чудище с места. А вы просите меня «оповестить рыбину» - это как понимать?

- Рискните, а ежели она и тогда не сдвинется, я сам ею займусь, - предложил Государев советник.

- И каким образом предлагаете передать макаре ваше послание?

- Позвольте на минуту ваш летающий меч, я начертаю на нем один иероглиф, после чего можете запускать оружие. Только направьте его не в макушку, а прямо в глаза, дабы рыба смогла узреть написанное.

Так и поступили. Государев советник собственноручно начертил на мече иероглиф «Будда», Небесный наставник прочел заклинания и нацелил меч рыбине в глаз. Увидав слово «Будда», рыба тут же закрыла глаза, опустила голову, захлопнула пасть, а туловище ее стало постепенно сморщиваться. Оглянуться не успели, как она стала размером с дождевого червя. Словно совершая почетный буддийский ритуал, макара сделала три круга вокруг кораблей и, вильнув хвостом, исчезла.

Небесный наставник напомнил, что, согласно предсказанию Государева советника, перед возвращением в родные места их могут ждать новые передрыги, а сие уже недалече:

- Прошло полдня после встречи с сей тварью - совсем скоро мы покинем морское раздолье и войдем в устье реки Белого дракона, а там стоит разок повернуть - и вот она, Янцзы. Это ли не врата дома?

Командующий не сдержался:

- Коли впереди ждет река Белого дракона, отчего бы сразу не внести некие изменения в курс?

И отдал приказ рулевым всех судов осторожно развернуть корабли в направлении устья. Однако вестовой доложил, что впереди всё затянуто мглой и туманом, входа в устье не разглядеть, и рулевые не осмеливаются следовать приказу. Командующий приказал ориентироваться по находящейся близ устья горе Фэнью.

- Из-за тумана и горы не видать, - доложил вестовой.

Тут адмирал вспомнил, что дух Простора мягкой воды поминал об обитающей на сей горе тысячелетней обезьяне, коя злонамеренно насылает на корабли ветер и волны, мглу и туманы, преграждая им путь.

- На воде всё непросто, - вздохнул командующий Ван. - Когда отправлялись в плавание, казалось, вот преодолеем все преграды, и обратный путь будет легок. Кто мог предположить, что и по дороге домой нас ждет столько напастей!

От этих слов Небесный наставник до того разъярился, что аж расхрабрился, выхватил из ножен семизвездный меч и сжег на нем заклинания. Государев советник попытался утихомирить даоса:

- Уважаемый, не стоит горячиться. Попробую-ка сначала отослать всех духов-защитников, сопровождающих флотилию, и ежели что пойдет не так, вы и тогда не опоздаете.

Не смея перечить, даос поспешно согласился. Тогда Государев советник призвал к себе даосов-послушников Ясную Луну, Душистую Траву и Полевой Цветок, а еще Владыку Медного столба и духа горы Хунло, выразил им глубокую признательность и простился с ними. И только после того обратился к даосу:

- Хотелось бы получить от вас наставления.

И в этот самый момент прямо перед ними невесть откуда на палубу плюхнулась огромная волосатая обезьяна с глубоко посаженными глазами. Она словно выжидала момент, когда Государев советник отпустит сопровождавших и охранявших флотилию небожителей, а Небесный наставник сожжет заклинания.

- Амитофо! - воскликнул Бифэн. - Это еще что за создание?

- Это и есть обезьяна-оборотень с горы Фэнъи, - объяснил Небесный наставник. - Я как раз собирался поручить небесным полководцам поймать ее!

- Амитофо! - воскликнул Государев советник. И обратился к обезьяне: - Ежели ты повелеваешь облаками и туманами, разгони их поскорей, и делу конец. Почтенный Небесный наставник, не причиняйте ей вреда.

- Помилуйте, Государь-Будда, - вскричала обезьяна, - я прибыла не просто так, а с благими намерениями, почтенный даос пока о том не ведает.

Эти слова навели Саньбао на мысль о светящейся в ночи жемчужине, и он торопливо спросил:

- Что за благие намерения? Может, божественный Ли собирается вручить мне светящуюся жемчужину?

Обезьяна тотчас смекнула, о чем речь:

- Почтенный господин, видно, обладает даром божественного провидения. Речь именно об оставшемся на вершине военачальнике Ли и о светящейся жемчужине.

- Ежели он на горе, отчего ты прямо обо всём не сообщила? К чему было насылать туманы и преграждать путь кораблям? - не понял Саньбао.

- Как говорится, не заметишь рыбака на берегу, проглядишь и набежавшую волну, - отвечала обезьяна. - Не напусти я тучки,

Небесный наставник не позаботился бы о поисках. И как бы тогда генерал Ли вернулся на корабль?

Командующий подобрел и предложил обезьяне чаю, но та отказалась и поспешила обратно за командиром Ли.

В мгновение ока она обернулась туда и обратно. Все военачальники, начиная от адмирала и до самого низшего чина, сам Государев советник и Небесный наставник придирчиво разглядывали гостя – несомненно, это был тот самый моряк, кой упал с корабля в самом начале путешествия. Он почти не изменился за эти годы, только борода отросла. Саньбао с улыбкой хлопнул в ладоши:

– Чудеса, да и только! Отличный сон, и переводчик Ма его точно растолковал.

Небесный наставник предостерег:

– Не торопитесь пересказывать сон, пусть сначала Ли Хай возблагодарит Праматерь-обезьяну и достойно простится с ней.

А Государев советник торжественно произнес:

– Это создание не только спасло нашего воина, но и кормило-поило его все эти годы – сие есть великий подвиг!

И он обратился к Небесному наставнику с просьбой выдать почтенной обезьяне соответствующее свидетельство, возвысив ее в ранг Хозяйки Горы ветров:

– Ей будут совершать жертвоприношения, она насладится счастьем и почетом во веки веков.

Даос не мешкая составил бумагу, проставил печать и вручил обезьяне. Та церемонно поблагодарила и исчезла. Да что там исчезла: небо тут же прояснилось – ни облачка. Корабли развернулись и преспокойно вошли в устье реки Белого дракона.

Ли Хай отвесил командующим земные поклоны и поведал о своих приключениях – как добыл жемчужину и как обезьяна ловко запрятала ее в икре его ноги.

– Там, под кожей, она находится и по сей день, снаружи ничего и не видеть, – закончил Ли Хай свой рассказ.

Командующий попросил его спустить теплые носки: все посмотрели – голень напоминала плоский фонарь, от которого исходило яркое свечение.

– И как можно ее достать? – забеспокоился Саньбао.

Ли Хай признался, что госпожа обезьяна советовала вытащить жемчужину не ранее, чем по прибытии кораблей в столицу, когда воин предстанет пред светлые очи императора.

– А что, сейчас никак? – взволновался командующий.

Ли Хай всё твердил, что он-де человек маленький, по своей воле вынуть жемчужину невозможно – не иначе как в присутствии императора:

– А ежели поторопиться или затянуть время, сие может только навредить.

Пришлось смириться, а командующий Ван не преминул добавить:

– Хоть жемчужина у Ли Хая, но не обошлось без содействия духа звезды Тайбо, так что это заслуга обоих.

Небесный наставник заявил:

– На сей раз поистине все дела завершены, и нечего более обсуждать. Надо дать людям несколько дней отдыха перед встречей с государем.

Все согласились, и команды расположились на отдых. Командующий радостно воскликнул:

– Нынче мы, почитай, у ворот дома! Теперь уж навряд ли что произойдет, доберемся благополучно.

– Вот как войдем во дворец, доложим государю об исполнении миссии, увидим ликование на высочайшем челе, тогда сердце и успокоится. А пока мы на реке и кругом вода, вряд ли можно считать себя в полной безопасности, – остерег Небесный наставник.

– Я придумал замечательный способ, кой оградит нас от любых бед. Счастье и удача императорского дома безмерны, стоит кликнуть – все боги и духи отзываются, стоит призвать – все святые покровительствуют. Тотчас прикажу укрепить на носу корабля дощечку с высочайшим указом – найдется ли дух или нечисть, кои посмеют нас беспокоить?

– Разумно, разумно! Несомненно, оборотни и прочие мелкие бесы не станут нам боле докучать. Однако неужто духи-владыки девяти больших и восьми малых рек не пожелают явиться с изъявлением покорности?

– Да пусть явятся, дело хорошее – с чего бы им отказывать?

Командующий приказал подручным закрепить дощечку с императорским указом на носу флагманского корабля, что и было исполнено. Небесный наставник упредил:

– Господа командующие, приготовьтесь приветствовать духов подводного царства.

Флотоводцы не были полностью уверены, что гости пожалуют, посему промолчали.

Сказывают, что в тот же момент вестовые доложили, будто от кормы поднимается алая дымка, а в ней различимы фигуры трех небожителей – в алых одеяниях высшей знати^[357], ражие да дюжие бородачи, и все в один голос возглашают здравицы императору: «Многая лета! Да живет в веках!» Саньбао предполагал, что табличка с высочайшим указом на носу корабля остановит духов водной стихии, – кто мог подумать, что сие послание их лишь взбудоражит! Командующих вовсе не обрадовала сия новость, им ничего не оставалось, как вновь воззвать к Небесному наставнику с просьбой поскорей отправить духов восвояси. Даос был мастер своего дела и успокаивающе молвил:

– Не тревожьтесь! Я вместе с вами выйду на капитанский мостик встретить гостей. А там поглядим, как от них избавиться!

Все трое поднялись на командный пункт флагманского корабля, где и вправду узрели рослых бородачей в алых одеждах, дружно выкликавших: «Многая лета!» Небесный наставник первым делом осведомился, как их звать-величать. Гости поочередно представились: все они назвались святыми, явившими после смерти свою божественную природу и ставшими духами рек – Цзишуй, Пинцзян и Тунцзян. В их ведении находились три подводных царства реки Янцзы^[358] – верхнего, среднего и нижнего ее течения. Все трое заявили, что, узрев на носу корабля императорский указ, немедленно явились на поклон.

– Аудиенция окончена, все свободны, – заявил Небесный наставник, и духи тотчас исчезли.

Не успели скрыться, как корма вновь озарилась сиянием, в коем виднелся такого же внушительного вида бородач в алом одеянии, выкликавший здравицы императору. Он назвался сановником Цюй Юанем^[359] – «благоприятствующим переправе Владыкой Янцзы». Небесный наставник поинтересовался местонахождением храма сего духа, и тот ответил, что святилище находится в области Чэнду, где у подножья высящейся там горы Эмэй и протекает эта река^[360].

– И каков же на вид сей храм? – поинтересовался Небесный наставник.

Дух поведал:

– До эпохи Сун он выглядел довольно скромно, но затем по приказу господина Вэня^[361], принадлежавшего к высшей знати, его расписали и обновили.

– Аудиенция окончена, можешь идти, – произнес Небесный наставник, и дух исчез.

Вслед за ним на корме в алом сиянии возник дух девяти больших и восьми малых рек в чине их чудотворного покровителя по фамилии Сяо. Еще с эпохи Юань он стал родоначальником трех поколений рыбаков и лодочников, пользовавшихся глубоким уважением сельчан и местных властей. В ответ на прошение об устройстве храма в честь трех поколений семьи Сяо император возвел отца, сына и внука в ранг даосских святых – покровителей рек^[362].

– Замечательно, что простые люди из народа смогли столь возвыситься! – восхитился Небесный наставник и с этими словами отпустил духа.

Не успел тот скрыться, как корма вновь озарилась – в ней проглядывала фигура величественного чернобрового, черноликого бородача в парадной кисейной шляпе, парадных сапогах и с нарядным поясом на одежде. Он неустанно выкликал здравицы императору и назвался духом Янь Сюйцзы^[363]:

- Занимаю государственную должность князя-усмирителя вод в ранге Владыки водной глади.

Небесный наставник признался, что наслышан о том, как почтеннейший всю жизнь ненавидел зло и боролся с ним:

- Я всегда вас глубоко почитал. Как продвигалась ваша служебная карьера?

- В начале установления монгольской династии Юань меня как кадрового чиновника взяли на службу в Ведомство по поставке парчи во дворец. Монголы бесчинствовали, предъявляли непомерные требования по поставкам ткани. Среди ткачей был один из бедной семьи по имени Пу Второй, занимавшийся еще и окраской тканей. Он не успевал вырабатывать положенную норму, что приносило убытки, и посему был признан начальством виновным. Ему пришлось за калым продать двух юных дочерей и сына, но вырученных денег высокому начальству показалось недостаточно. Я сочувствовал несчастному и пытался покрыть его долг деньгами из своего жалования. А когда и этого не хватило, продал дорогие украшения жены, чем и спас бедолагу. Небесный владыка оценил мою твердость и справедливость и возвел меня в ранг божества. Дабы выполнить сей указ, мне пришлось завершить земное существование. Прежде чем эта весть дошла до родных краев, я привиделся сельчанам в необычном облике: будто еду по родным равнинам в одеждах сановника высокого ранга и в сопровождении почетной свиты верховых. Все оторопели от восторга и изумления: «Поистине, со славой возвращается в родные края, сразу видать – высоко взлетел». Где-то через месяц в деревню привезли мой гроб. Односельчане перепугались, засомневались, стали перешептываться. Они поняли, что в тот день, когда им явился мой образ, я испустил дух. Домашние открыли гроб и переглянулись – он был пуст! Стало ясно, что я освободился от брэнной плоти и стал бессмертным небожителем. Тогда-то в мою честь и выстроили храм. Ныне я честно исполняю свой служебный долг по охране рек и озер, стараясь не допустить ни малейшего промаха.

- Давно вами восхищаюсь! С чем прибыли нынче?

- Узрев государев указ, я почувствовал себя обязанным явиться на поклон.

- Аудиенция окончена, можете идти, – произнес Небесный наставник, и дух реки тут же исчез.

Не успел он скрыться, как по корме снова разлился алый свет, в коем был явлен небожитель – громадного роста, в золотом шлеме и латах, от всего облика исходило слепящее сияние. Громовым голосом он многожды выкликал здравицы императору. Назвал он себя Фэн Небесная Телега^[364]:

- Получил даосский божественный чин Духа речных просторов. Сам я из уезда Фэнду в округе Сычуань – того самого Фэнду, чьим именем названа столица загробного мира. От рождения у меня три глаза:

посмотрю одним на небо – предскажу любой шторм и грозу; другим гляну окрест – заранее вижу любые перемены, вплоть до того, где равнину затопит или море высохнет; третьим взгляну на человека и вмиг пойму, что его ждет – радость или беда. Благодаря сему дару Небесный владыка и назначил меня стражем вод, дабы я предупреждал обо всех неожиданных переменах на небе, на реках, а также в мире людей.

Прежде чем отпустить гостя, Небесный наставник спросил, ведомы ли тому в таком случае и дворцовые дела. Дух вод с достоинством ответил:

– Я оберегаю каждый шаг и каждый вздох в императорских покоях. Мне ли не знать, что там творится?

Тогда Небесный наставник поинтересовался, по-прежнему ли император восседает в Нанкине, и, услышав, что так оно и есть, произнес:

– Третьего дня мне сообщили, что в Пекине строится императорский дворец, и государь собирается туда переехать. Правдивы ли слухи?

Дух вод подтвердил и добавил:

– Недавно государь лично посетил Пекин, но затем возвратился в Нанкин. Вопрос о переносе столицы решен, но переезд пока не осуществился.

Небесный наставник изрек:

– Ежели двор еще не переехал, сие означает, что наша встреча в Нанкине predetermined судьбой.

После сих слов дух вод простился и исчез, а командующий попросил разъяснить смысл predeterminedности. Даос пояснил, что пребывание императора в южной столице благоприятствует докладу об исполнении эдикта о походе, ибо это тот город, откуда флот отправился в плавание.

Не успел дух вод исчезнуть, как нос корабля окутала черная дымка. Небесный наставник пояснил:

– Благодаря императорскому указу, предусмотрительно укрепленному командующим на носу корабля, нас посетили прославленные божества великих рек. Их окутывали яркое свечение и благовещие испарения – провозвестники удачи. А заставшая небо черная дымка предвещает явление оборотней и бесов.

В тот же миг в воздухе раздалось слабое погромыхивание, небо перечертила дуга, нижним концом упиравшаяся прямо в нос корабля. Она была разноцветная – и алая, и синяя.

– Что это? – встревожился командующий.

– Сие редкостное явление носит название радуги. Возникает она от смешения в воздухе частиц *инь* и *ян*, образующего столь необычные цвета и форму, – пояснил Небесный наставник.

Командующий Ван вмешался:

– В древности была красавица по имени Радуга – где же о ней написано?

– Это история давным-давно вошла в сборник легенд «Сад чудес», – поведал Небесный наставник. – В древности жили-были супруги, зело бедные, в неурожайный год они умерли от голода и превратились в два воздушных потока – синий и алый, поистине, как то дивное благовещее сияние меж созвездиями Быка и Ковша, о коем упоминалось в старых книгах. Посему его и назвали Радугой красавицы. О том сложены стихи:
Восходит к звездам поясом волнистым,
Рассеяно за горизонтом чистым.
Богатырям прекрасное виденье,
Оно красоткам дарит наслаждение.

– Пусть радуга и настоящая, всё же прошу Небесного наставника ее убрать, – взмолился командующий.

– Не смею отказать! – ответил тот, сложил мудры, и в тот же миг усилиями небесных духов и полководцев радуга погасла.

И тотчас всё окрест окутал густой туман. Адмирал заметил:

– Странно, стоило радуге исчезнуть, небо затуманилось. Как быть?

Небесный наставник успокоил:

– С этим я справлюсь.

Снова сложил мудры: в воздухе послышался какой-то отзвук, туман исчез, и всё окрест залила ослепительная синева. В сей же миг перед носом корабля откуда ни возмись возникла старая сосна без веток, без корней: сказать длинная – ничего не сказать, сказать огромная – ничего не сказать; она, как шест, торчала из воды перед капитанским мостиком.

Неожиданно сосна стала расти вверх и вширь, становясь необъятной в объёме. Саньбао встревожился: это было похоже на проделки нечистой силы.

Небесный наставник вызвался выяснить, чьи это козни и чего сей злобной твари надобно. Он распустил волосы, оперся о меч и возопил:

– Эй, ежели ты человек, покажись, ежели дух – яви свой лик.

В ответ сосна словно ожила и, извиваясь как дракон, рухнула на поверхность воды. Небесный наставник приказал вестовому хорошенько ее рассмотреть – перед ними лежало вовсе не бревно, а пальмовый канат. И тут Небесный наставник догадался:

– Вы не забыли, господин командующий, что, когда мы в спешке отправлялись в плавание, в воду упал пальмовый канат? И вот нынче благодаря разным атмосферным явлениям он преобразился, бесконечно меняет форму и препятствует движению флотилии.

В ответ на недоуменный вопрос адмирала, как канат связан с движением воздуха, даос пояснил:

– Даосский патриарх Люй Дунбинь в свое время говаривал, что в крупице проса сокрыт целый мир, а куча соломинок способна превратиться в целую армию. Что говорить о пальмовом канате?

– Значит ли это, – заинтересовался командующий, – что всяк предмет по-своему реагирует на климатические условия?

Небесный наставник уточнил:

– Иногда такое случается, иначе сие нельзя считать закономерностью.

Тут канат оказался прямо перед носом корабля, стал извиваться и хлопать по воде, да так оглушительно, что сотряслись земля и небо. Затем он лопнул, разделившись на три части, каждая из коих отвердела, выпрямилась вертикально, и вмиг пред Небесным наставником предстали трое небожителей в золотых латах, шлемах и кольчугах. Они поклонились даосу и молвили:

– Простите нас, учитель. Еще в древности, упав в воды Янцзы, мы превратились в трех братьев. Нам присвоили фамилию Цзун, что означает пальмовый канат^[365]. Мы творили добро, помогая кораблям, и за великие заслуги Небесный владыка своим указом возвел нас в ранг божеств. Однако мы еще не успели уведомить об этом земного владыку – императора, потому и поджидаем вас здесь. Осмелимся беспокоить вас просьбой довести наши подвиги до сведения государя.

И каждый из братьев поведал о своих благих деяниях по спасению проезжающих по рекам.

Небесный наставник милостиво согласился. Братья на радостях пообещали:

– Коли Небесный наставник дал слово, мы обеспечим попутный ветер, тогда корабли за одну ночь домчатся до Нанкина, и завтра утром у вас будет возможность войти в императорский дворец с донесением.

С этими словами братья исчезли, а флотилия спокойно продолжила плавание.

И день наступил, когда надо вернуться назад:

Фрегаты-драконы опять бороздят океаны,

Оставив во мгле и тумане пустынные земли.

Вот в городе стольном предстали они пред престолом,

Склонивши главу, поднесли государю дары.

Божественный лик озарился счастливой улыбкой,

И милостей дождь на посланцев имперских пролился.

Попутный ветер мигом домчал корабли до Башни принца Тэна^[366].

На следующее утро вестовой доложил:

– Извещаем о прибытии флотилии в Нанкин. Флотилия полностью вошла в глубоководную бухту Янцзы в районе Сягуань, что за городской стеной близ теснины Соломенные сандалии^[367]. Командующие имеют возможность сойти на берег для доклада императору.

При этих словах адмирал вздрогнул:

– Неужто и вправду вернулись в Нанкин, и все годы тревог и волнений позади!

Он тут же отдал распоряжение командирам всех рангов собрать воедино списки дани, полученной от разных стран. Затем оба командующих со всевозможными донесениями и реляциями отправились во дворец. Когда они миновали главные ворота Запретного города, было как раз около четырех утра^[368] – время начала утренней аудиенции. Адмирал и командующий Ван вошли в тронный зал, где уже собрались гражданские и военные чины. Вместе с сопровождавшими их командирами они расположились у красных ступеней трона, отвесили большой церемониальный поклон и прокричали здравицы в честь государя. Великая радость озарила царственный лик, и император воскликнул:

– Сколько же лет вы отсутствовали?

– Мы отправились в плавание на седьмом году вступления высочайшего на престол, а нынче у нас четырнадцатый год великого правления^[369]. Сие означает, что наш поход длился более семи лет, – отчеканил главнокомандующий.

– Сколько стран вы привели к повиновению?

– Их множество, все до единой прислали вассальные грамоты, а также дань и подношения.

– Назовите первую из посещенных вами стран и зачитайте вассальную грамоту.

– Первым значится государство Золотого лотоса и слоновой кости.

С этими словами командующий достал грамоту и огласил текст.

– Смотрите-ка – варвары, а грамоте понимают и изъясняются благопристойно, – молвил государь. – Недопустимо относиться к ним с небрежением. Одначе в дальнейшем увольте нас от зачитания сих бумаг.

Тогда командующие передали список дани, дежурный евнух зачитал его вслух, а затем почтительно вручил императору. Государь заинтересовался названием раковины жемчужной устрицы «морское зеркало».

– Название дали за то, что ее лучи поднимаются прямо к солнцу^[370], – пояснил Саньбао.

Затем император полюбопытствовал, откуда есть пошло название благовония «белый журавль» и повелел евнухам его возжечь. Как только те зажгли в курильнице кусочек дерева, в воздух стали подниматься колечки дыма, цепляясь друг за друга словно пары белых журавлей. Император остался весьма доволен зрелищем – что уж говорить о придворных, кои хором воскликнули: «Редкостное сокровище!»

Засим командующий поочередно передавал дежурному евнуху вассальные грамоты владык посещенных флотилией стран и списки дани, кои тот зачитывал. Каждый список подлежал утверждению

государем. Некоторые удивительные вещицы особо впечатлили императора, и он просил пояснений. Так, ему приглянулись кубок «драконий глаз» и опахало из хвоста феникса, присланные из Пандуранги.

Ознакомившись со списками дани, император изрек:

– Ценность многих предметов поистине велика, но на деле от них мало проку.

И все присутствовавшие в один голос согласились:

– Не стоит переоценивать редкостные вещицы^[371]!

Когда адмирал собрался передать императору бумагу с обязательством султана Явы лично посетить государя, император его остановил:

– В том нет нужды. Султан Викрамавардхана в сопровождении двух советников уже прибыл ко двору и в качестве возмещения за убиенных привез серебряными монетами шестьдесят тысяч *лян* и еще в качестве дани десять тысяч *лян* золотом. Мы решительно отказались от денег, прощаем и нечего больше об этом говорить.

Командующий всё не мог успокоиться:

– Викрамавардхана вельми невежественный и жестокий властитель – необходимо установить порядок в той стране, дабы сие послужило предостережением на будущее.

Император изрек:

– Привезенная мзда за убиенных ясно выказывает его страх и трепет пред нами. Нам сего достаточно.

Император проявил великодушие и в отношении правителя Цейлона, доставленного в оковах:

– Сей правитель был жесток и немилосерден, но считаю, что с него довольно путешествия в кандалах, дабы лишиться дерзости и смирить дух. Посему объявляем о помиловании и приказываем отправить его вместе с султаном Малакки в Палату иноземцев четырех стран света^[372].

Привезенных из разных стран животных государь повелел использовать согласно их природе или отпустить на волю, а всю съедобную живность – индюшек, кур, баранов и прочее – сдать в Пиршественный приказ:

– Слоны могут сгодиться для тяжелых работ как челядинцы. От белых кошек и крыс никакого толку, дарю их моим приближенным евнухам. Белую черепаху выпустить в дворцовый ров, привезенную из Палембанга пару оленей отправить в Пурпурные горы близ Нанкина, а страусов и редких попугаев – в парки Императорского дворца. Да следите, дабы ни военные, ни гражданские не стреляли в них из рогаток и не причиняли иного вреда.

Здоровенных быков из Коллама государь приказал отдать окрестным крестьянам в хозяйство. Смутил императора присланный из Ламбри маленький львенок:

– Сие означает, что его надо самим воспитать?

Командующий пояснил, что пока зверек мал, его легче дрессировать. На что император заметил:

- Дрессировать ни к чему. Повелеваю челяди проследить, дабы львенок не навредил жителям моей страны.

В отношении других редких животных из африканских стран государь заметил:

- Антилопы аль маха, зебры и львы хоть и достались легко, но заниматься с ними челяди трудновато. Впредь подобные дары не принимать.

Восхищение императора вызвала только «быстроходная ладья» – гепард из Каликута. Знаменитых скакунов из Самудры и других стран государь приказал передать в ведение Пяти армейских управлений.

- А как возможно использовать чужеземных рабов? – заинтересовался государь.

- Они прекрасно играют на музыкальных инструментах, – доложил Саньбао.

- Отправьте их в Придворную школу актеров и музыкантов^[373], и с этим покончим. А для чего сии алые кристаллы?

- Это лекарство для заживления ран.

- Раздайте высшему командному составу. А ежели что останется, то и младшим командирам.

И все присутствовавшие восхитились:

- О, сколько сострадания к простому люду звучит во всех распоряжениях государя!

Особое внимание императора привлекла древесная смола из Малакки. Командующий пояснил, что при нагревании смола горит легким пламенем и ночами может заменить фонари, на что государь недовольно заметил:

- К чему это? Людям только лишние заботы и ненужные расходы.

Зато он заинтересовался увеличительными стеклами, кои, по словам командующего, вроде очков и полезны при чтении книг.

- Жалую их моим приближенным – старым служакам, изучающим канонические книги, – постановил император.

Пробудил любопытство государя и индийский буйвол из Нагура – тот самый, чьи длинные рога следует спиливать каждые десять дней, не то бык умрет.

- Люди пьют их кровь и живут по пятьсот лет – столько же, сколько быки, – сообщил командующий.

- Согласен прожить столько вместе со всем простым народом, слугами и челядинцами, – заключил государь.

И все гражданские и военные чины хором возгласили:

- Нет людей, не желающих долголетия, но долголетие государя превыше всего.

Услыхав, что малое государство Египет прислало на корабли через посыльных в дар сто *цзиней* шелковой ваты тутового шелкопряда, коя

так согревает, что на куртку идет не более одного *ляна*, а положишь чуть больше – взопреешь, государь изрек:

– На пограничных заставах воины страдают от холода, приказываю раздать им. Принять к исполнению.

Красный сандал император приказал бесплатно передать в ткацко-красильные мастерские. И снова приближенные вознесли хвалы:

– Небо высоко, земля огромна, но всех греет милость государя.

Император внимательно изучил список неведомых тканей из Бенгала, и командующий пояснил, каковы их местные названия и что они из себя представляют.

Поначалу император выразил недовольство обилием дани из малых стран:

– Ежели страна малая и народ темный, ни к чему лишать их и сего имущества, дабы не нанести урон благосостоянию.

Слова эти относились и к огромному количеству шлифованного риса и коры коричневого дерева из Самудры:

– Разве то не есть нарушение принципа бескорыстия?

– Они сами настаивали, мы не принуждали к этому, – оправдывался командующий.

И лишь после того, как адмирал заверил, что пожертвование даров местной земли не лишит сию страну достатка, император распорядился их принять:

– Быть по сему!

Удивление императора вызвали богатые подношения Багдада и маленькой Ласы:

– Откуда у крошечной страны такое изобилие?

Командующий уточнил:

– Страна невелика, но народ там зажиточный.

Внимательно выслушав отчет о Царстве простоволосых, жителей коего, обреченных на три года великих бедствий, Государев советник отправил в Чистую землю Сукхавати для совершенствования, а потом освободил для дальнейшей спокойной и счастливой жизни, император заметил:

– Ежели чужеземцы могут мирно жить и трудиться, оно и хорошо, не нужна нам ни грамота, ни дань.

И снова все приближенные дружно выдохнули:

– Наш государь неустанно скорбит и заботится даже о варварах – поистине, он чужд корысти!

С особым вниманием император отнесся к полученным в дар статуям Будды, строго наказав не допустить их осквернения. Статую из Могадишо предписал установить в древней кумирне под названием Глиняный кувшин и совершать там моления, а ту, что из Зафара, – отвезти в знаменитый буддийский храм Воздаяния^[374]. Решение сие приближенные единодушно одобрили:

– Сколь мудро отправить статую в дальний храм! Как говорится, божеств и духов уважай, но держись от них подальше.

Полученный из Могадишо необычный длиннозерный ароматный рис император повелел раздать хлеборобам для последующего выращивания на китайской земле, а кориандр передать садовникам и оставить на семена для посева. Приближенные воскликнули:

– Это ли не означает обогатить народ и способствовать земледелию!

Впоследствии в Китае стали высаживать сей рис, а кориандр и ныне привозят в качестве дани. Трава эта с ароматными пышными побегами необыкновенно буйно разрастается, разрывая глиняный горшок, и командующий даже дал ей новое название – «трава из горшка».

Просмотрев списки даров из Ормуза и Адена, император поразился их обилию и роскоши, на что Саньбао заметил:

– Чем дальше на запад, тем богаче страны, тем чистосердечней народ.

А государь изрек:

– Как сказано нашими древними философами, есть и среди людей запада мудрец, способный управлять страной.

Недоброжелательно отозвался командующий о Царстве сереброглазых:

– Владыка сей страны жесток и безжалостен, доверяет всякой нечисти, оказал сопротивление императорскому войску. Государев советник запретил сей стране оставаться самостоятельным царством и иметь списки податного сословия.

Государь наставительно изрек:

– Следует проявлять осторожность, лишая людей их государства и тем самым ставя в безысходное положение.

Но командующий пояснил, что Государев советник справил заупокойное чтение сутр, заставив местного князя посмотреть на мир другими глазами. Хотя тот не оправдал себя как правитель, но в будущем на той земле воцарится мир, покой и достаток.

С интересом расспрашивал император о Небесном квадрате – Мекке. Командующий рассказал, что, побывав в сем уголке на краю земли у Западного неба, флотилия не отступила и, дерзко продвигаясь вперед, оказалась в загробном мире Фэнду, где они выразили почтение владыке ада Яньло:

– Доказательством могут служить две вещицы, кои владыка передал нашим командирам – яшмовый пресс для бумаги со спящим львом и буддийская гата. Мы опирались на волю Неба и государя, и духи проявили к нам уважение. Помимо обычных даров, дух звезды Тайбо пожаловал две светящиеся в ночи жемчужины. Обе они не людьми, а самой природой сотворены: одна оказалась в брюшке у паука, что спустился на корабль самого Государева советника, а вторая нынче запрятана в голени воина Ли Хая. На протяжении всего плавания

дорогу нам указывал небесный фонарь богини Тяньфэй, а на обратном пути трое братьев Цзун сопровождали нас, обеспечивая попутный ветер. Ноне сии святые ждут императорской милости.

– А нашлась ли наша потомственная государева печать? – спросил император.

– Мы не сумели обнаружить никаких ее следов, – вздохнул командующий.

Тогда государь изрек:

– Величайшая польза похода – в мужестве и предприимчивости всех командиров, в помощи и поддержке, оказанной им Небесным наставником и Государевым советником, а еще – в благодатном воздействии на инородцев и распространении сведений о нашей стране. Сие деяние заставило иноземцев восхищаться Китаем и подражать ему. Пересечь моря и океаны, взмыть на плоту к небу^[375] ради поисков редкостей и чудес света – отнюдь не в этом главная ценность похода. Каждый из подаренных львов, слонов и прочих тварей за день сжирает больше, чем уходит на пропитание десяти человек. Какая в сем нужда? Найдите заинтересованные ведомства и отправьте на их содержание всех не подлежащих дрессировке зверей, дабы те не причинили вреда людям. Безобидных птиц и зверушек отпустите на волю. Полезные вещицы сдайте в различные ведомства, пусть найдут им применение. Сокровища и драгоценности передайте в дворцовое казначейство, там сумеют ими распорядиться.

Присутствовавшие в зале гражданские и военные чины собрались было восславить героев походов, но последовало высочайшее повеление: отставить поздравления до тех пор, пока соответствующее ведомство не подготовит доклад о всех свершенных подвигах и предлагаемых наградах. На другое утро Военное ведомство представило подробный отчет на утверждение императору. И только засим последовал императорский эдикт:

Отправленному в Западный океан главнокомандующему Чжэну пожаловать второй высший из восемнадцати чиновных разрядов^[376], наградить расшитым драконами парадным одеянием с украшенным яшмой поясом, оставить главой Инспектората церемоний, а также одарить золотом, серебром и дорогими тканями по высшему разряду. Заместителю главнокомандующего министру Вану пожаловать почетный древний титул «опора государства»^[377] и звание одного из трех высших сановников империи – «наставник двора»^[378], с распространением на потомков^[379] права занимать высшие сановные должности без прохождения императорских экзаменов. Также одарить золотом, серебром, дорогими тканями по высшему уровню. Каждого из командующих пяти эскадр и четырех дивизий повысить в ранге на три разряда; одарить золотом, серебром, дорогими тканями согласно чину. Командиров высоких рангов сухопутных войск и купно командующих морских подразделений повысить в табеле о рангах на два разряда и

соответственно одарить золотом, серебром и дорогими тканями. Присвоить Хуан Фэнсянь второй разряд в титуле о рангах для женщин^[380] и также одарить золотом, серебром и дорогими тканями. Ван Мина и Ли Хая назначить на высокую должность командующего местным военным гарнизоном, присвоив третий разряд в табели о рангах и соответственно чину одарить золотом, серебром и дорогими тканями. Прочих командиров среднего и низшего состава наградить согласно рангу. Особо отметить тех, кому удалось взять в плен чужеземных воинов. Выбрать счастливый день для устройства почестного пира для всех командиров и рядовых воинов, принявших участие в экспедиции. По окончании празднества обязать обоих командующих, командиров эскадр и дивизий, а также остальных командных чинов с положенными церемониями вернуть ранее полученные печати, удостоверяющие их обязанности на время похода, будь то печати правительственных учреждений или прямоугольные печати прочих ведомств.

Согласно императорскому эдикту, Ведомство церемоний также провело совещание, после чего предложило Государеву советнику и Небесному наставнику высокие правительственные посты, но оба вежливо отказались. Отказались они и от почетных наград. Так же поступили буддийские монахи Фэй Хуань и Юньгу, прочие даосские наставники с чиновным рангом и даже рядовые монахи и мальчишки-танцоры храма Чаотянь.

Последовал новый императорский эдикт:

Поелику Государев советник и Небесный наставник отказываются от почетных должностей, повелеть Ведомству общественных работ выбрать участок земли для возведения буддийского храма Цзинь Бифэна^[381], а местным властям построить на горе Дракона и тигра даосский храм Нефритового императора^[382]. В обоих храмах совершать обряды жертвоприношения.

За проявленную главнокомандующим неутомимую отвагу поручить Ведомству общественных работ выбрать место для возведения курильницы перед храмом, на коем выбить надпись: «Храм Море спокойствия»^[383]. За проявленное заместителем главнокомандующего неутомимое усердие поручить соответствующим ведомствам соорудить в его честь прижизненный храм – в память следующим поколениям.

Ил. 22. Стела перед храмом Море спокойствия

Государев советник, Небесный наставник, адмирал и вице-адмирал низкими поклонами выразили императору свою признательность. Оба командующих представили также письменное прошение о сооружении даосского храма в честь богини Тяньфэй, а также двух кумирен – братьев Цзун и Белого угря. Император дал добро.

Ил. 23. Стела в честь богини Тяньфэй у посвященного ей храма в Нанкине

Вскоре по приказу государя за городскими воротами Нанкина были сооружены храм Бифэна и храм Море спокойствия, а близ реки Лунцзян

воздвигли храм богине Тяньфэй^[384] и кумирни Трех братьев Цзун и Белого угря.

Обо всех этих событиях свидетельствуют мемориальные надписи в храме Море спокойствия и храме Тяньфэй^[385], а также в монастыре Бифэна. Надписи те получили название «Записки о том, как в скиту Фэй Хуаня воскуряли благовония пред статуями»^[386].

Конец сказа

Приложение 1

Главные действующие лица романа

Император

Чжу Ди – третий император династии Мин в Китае (годы правления 1402–1424, девиз правления Юнлэ), в царствование которого начались походы флотилии Чжэн Хэ

Божественные покровители флотилии

Светозарный Будда (Будда Дипанкара) в земном воплощении Государева советника, буддиста Цзинь Бифэна

Небесный наставник Чжан с горы Дракона и тигра – земное воплощение даосского патриарха Чжан Даолина, жившего во времена поздней династии Хань, основателя даосской школы Небесных наставников направления «Истинное единство»

Богиня Мацзу – богиня-покровительница мореходов, фигурирующая в романе под именем Тяньфэй (Небесная принцесса), полученным ею в XIII веке

Четверо небесных полководцев: Гуань Юй – военачальник царства Шу эпохи Троецарствия; Чжао Гунмин – военачальник, бог богатства; Вэнь Цюн – Владыка Восточного пика (другое название горы Тайшань); Ма Тяньцзюнь – трехглазый Небесный владыка света и славы

Лу Бань – святой-покровитель плотников, носивший титул Великого мастера покровителя Империи

Ху Динцзяо, или Ху Лудильщик – святой-покровитель ремесленников

Чжан Саньфэн – полулегендарный китайский даос, якобы достигший бессмертия; имел прозвища Преемник великих и Чжан Неряха; считается основателем школы духовных боевых искусств Удан

Буддийские монахи - участники похода

Фэй Хуань - ученик Цзинь Бифэна, настоятель его храма

Юньгу - ученик Фэй Хуаня

Командующие флотилией

Чжэн Хэ, он же евнух Саньбао - адмирал, главнокомандующий

Ван - второй командующий, бывший глава Военного ведомства, на время походов получивший чин вице-адмирала; явно подразумевается один из флотоводцев - Ван Цзинхун

Четверо военачальников-евнухов

Ма - бывший глава Ведомства общественных работ

Ван - ни имя, ни статус этого героя в романе не обозначены

Хоу - явно подразумевается Хоу Сянь, известный дипломат времен начала династии Мин, принимавший участие в нескольких морских походах

Хун - явно подразумевается Хун Бао, активный участник походов, несколько раз возглавлявший отдельные эскадры флотилии

Командиры отдельных войсковых частей

Чжан Цзи (по прозвищу Западная Лагуна) - командир левого авангарда

Лю Инь (по прозвищу Восточная Лагуна) - командир правого авангарда

Командиры пяти эскадр (батальонов) в чине *да дуду*

Ван Тан - командир центральной эскадры

Хуан Дунлян (Опора Государства) - командир левой эскадры

Цзинь Тяньлэй (Небесный Гром) - командир правой эскадры

Ван Мин - командир авангардной эскадры

Тан Ин - командир арьергардной эскадры, знаток военного искусства

Командующий четырьмя морскими дивизиями

генерал Юй (*да дуду*)

Командиры отдельных дивизий в чине *фу дуду*:

Хуан Цюаньянь

Сюй Ичэн (Честнейший)
Чжан Бо (по прозвищу Волчий Клык)
У Чэн

Командующие военно-морскими силами

Чэнь Тан (в чине *дуду*)
Цзе Инху (в чине *фу дуду*)

Командующий в чине *цайцзян*:

Чжоу Юаньтай

Командиры в чине *юцзи*

Ма Жулун (Драконоподобный)
Лю Тяньцзюе (Благородный)
Лэй Инчунь
Ху Инфэн
Хуан Хуайдэ (Добродетельный)
Хуан Бяо (Богатырь)

Прочие моряки

Ван Лян (сын Ван Мина)
Ли Хай

Сотники

Лю Ин – левый дозорный
Чжан Гай – правый дозорный

Командиры в чине *бацзун*

Яо Тяньси
Лян Чэнь

Командиры личной охраны адмирала

Чжэн Тан
Те Лэн

Иноземные воители и маги

Цзян Лаосин – командующий страны Золотого лотоса и слоновой кости

Цзян Цзиньдин – воительница, дочь Цзян Лаосина

Чэнь Цзуи – пират из Палембанга

Ван Ляньин – дева-военачальница из Царства женщин

Златоглавая, Среброглавая и Медноглавая – жительницы Царства женщин

Хуан Фэнсянь – тюремная надзирательница Царства женщин, супруга Тан Ина

Бараний рог (или Рогатый) – святой праведник с горы Бараний рог

Се Вэньбинь – военачальник государства Лаво

Яо Рыбий Глаз по прозвищу Осушающий Море – разбойник с острова Ява

Ван Шэньгу (Ван-чудотворица) – военачальница, супруга Яо Рыбьего Глаза

Огнедышащая, или Праматерь огня – наставница Ван-чудотворицы

Почтенная матушка горы Лишань – наставница Огнедышащей

Секандар – претендент на престол в государстве Самудра

Тимур Драконий Глаз – воин-маг из Царства простоволосых

Си Морской Змей – военачальник из Царства златоглазых

Златовласый даос – маг из Царства простоволосых

Тара – маг, настоятель монастыря из Могадишо

Байлиин по прозвищу Гусь Перелетный – военачальник из Царства среброглазых

Яньло (сокращение от санскр. Ямараджа) – владыка загробного мира

Цуй Цзюе – делопроизводитель загробного мира

Приложение 2

Организация китайской армии и вооружение в эпоху плаваний Чжэн Хэ и написания романа^[387]

Организация китайской армии и флота

Армия

Династия Мин официально была провозглашена в 1368 году. Руководство армией было сосредоточено, как и при предшествующей, монгольской династии Юань, в руках императора.

В начальный период установления династии Мин в конце XIV века население страны насчитывало 65 миллионов человек и разделялось на две категории – податные «гражданские» дворы и освобожденные от налогов «военные» дворы. Численность последних, т. е. войска, достигала 1 400 000 человек, а уже к началу XV века выросла до двух миллионов человек.

Военные дворы делились на солдатские и офицерские. Их объединяло то, что воинская служба для всех проживающих во дворах членов семей мужского пола была наследственной, т. е. китайские войска состояли из потомственных военных. Согласно постановлению от 1403 года, при наличии в семье военнотружущего троих военнообязанных службу нес один из них: он считался «основным», а остальные – «запасными».

Офицерские кадры были потомственными, однако существовала теоретическая возможность выдвижения по службе и непотомственных кандидатов, если они проходили военные экзамены в общей системе императорских экзаменов на получение чиновной или военной должности. Это давало им возможность быть зачисленными в штат военных чиновников с правом дальнейшего продвижения по службе и передачи своей должности по наследству.

Сама армия делилась на столичные войска (около 400 000 человек, расквартированных в Пекине и Нанкине), и провинциальные, размещенные вдоль границ и в административных центрах империи. Кроме того, в уделах, выделенных императором для своих сыновей, имелись их личные вооруженные формирования – от 3000 до 19 000 солдат и офицеров.

В период походов Чжэн Хэ для повышения уровня воинской подготовки по приказу императора в Нанкине было создано три воинских формирования столичного гарнизона, состоящих из отборных полевых войск, а именно: Батальон пяти армий (150 000 воинов), Батальон трехтысячников (ударная наемная группировка монгольской конницы, 6000–7000 воинов) и Батальон чудесных механизмов (вооруженный огнестрельным оружием, он состоял из 5000 человек). Последним командовал непосредственно император. К 1449 году в этих трех батальонах насчитывалось около 170 000 воинов.

В целях усовершенствования расквартирования и переброски войск в мирное и военное время, а также для сокращения государственных расходов на содержание армии при династии Мин практиковалась система организации территориальных военных гарнизонных поселений, которые должны были удерживать стратегические пункты, дислоцированные по границе Китая: один округ (более мелкая по сравнению с провинцией территория) учреждал местную войсковую часть «со» численностью 1120 человек во главе с тысяцким, а несколько округов создавали военно-административную единицу «вэй» – гарнизон, составленный из пяти со и насчитывающий соответственно

около 5700 человек. Система *вэй-со* (гарнизон-часть) стала повсеместной уже с 1384 года.

В мирное время поселенцы находились на самообеспечении за счет выполняемой ими трудовой деятельности, а во время войны из них формировались армейские части. Для организации военных поселений 70 % солдат от общей численности подразделений в приграничных районах и 80 % – в центральных наделили землей, инвентарем и рабочим скотом. В целом по стране к началу плаваний Чжэн Хэ насчитывалось 329 внутренних (охрана безопасности внутри государства) и внешних окружных гарнизонов, входивших в систему *вэй-со* (при количестве 140 округов и 193 области того же уровня).

Однако эта система довольно скоро потерпела крах, ибо продовольственное снабжение поселенцев не удалось наладить, а получаемые ими время от времени награды были явно недостаточны, чтобы заинтересовать солдат в продолжении службы. К концу походов Чжэн Хэ, а именно к началу 1430 годов, от системы *вэй-со* пришлось отказаться и вернуться к профессиональной добровольческой армии.

Флот

В 1420 году число судов династии Мин составляло 3800 кораблей, в том числе 1350 патрульных и 1350 военных кораблей, а также дислоцированных на базе Синьцзянкоу в Нанкине 400 больших кораблей и 400 судов-зерновозов, 250 из которых назывались океанскими кораблями-сокровищницами – *баочуань*. Кроме того, имелось значительное количество сторожевых и дозорных кораблей, патрулировавших и защищавших морское побережье и дельту реки Янцзы в районе Нанкина. Знаменитый флот Чжэн Хэ являлся частью могущественного военно-морского флота империи Мин.

Согласно историческим данным, в каждом из походов Чжэн Хэ участвовало около 27 000 человек. Если исходить из реалий организации армии при династии Мин, то по численности это количество соответствует примерно пяти окружным гарнизонам *вэй*. Есть сведения, что в основном туда входили приморские военные формирования. Флот Чжэн Хэ комплектовался из воинских частей трех видов: морского флота, военно-морского десанта и почетного эскорта. Части военного флота были организованы в четыре морские дивизии (или «дозора») и вели боевые действия на воде. Сухопутная воинская часть, способная вести бой и на суше, и на воде, использовались для высадки десанта и была организована в пять эскадр (или батальонов), в каждой из которых насчитывалось по 5000 человек. Задачей кораблей почетного эскорта была личная охрана ставки и отправдение положенных церемоний при общении с иностранными государями.

Похоже, что автор романа использовал при обозначении частей флота Чжэн Хэ названия, относившиеся к принятой где-то с конца XV

века, после развала системы *вэй-со*, системе *ин-шао* (батальон-дивизия) Согласно этой системе, морские формирования в зависимости от размера судов имели различный личный состав и были организованы по такому принципу: три десятка моряков составляли отделение, три отделения – дивизион (*шао*, 90 человек), пять дивизионов – соединение (*цзун*, 450 человек), а пять соединений – эскадру, или батальон (*ин*, 2250 или около 3000 человек).

В последний период династии Мин, то есть ко времени написания романа, остатки системы *вэй-со* и система *ин-шао* начинают разделяться по своим функциям. Подразделения *вэй-со* в основном несли сторожевые функции, отвечали за общественную безопасность и подготовку новобранцев. Войска *ин-шао* отвечали за маневренные боевые действия. В эпоху написания романа существовали уже отдельные списки бойцов подразделений *вэй-со* и *ин-шао*, и чтобы задействовать гарнизоны охранных войск *вэй-со* во время военных действий, их следовало формально занести в списки системы *ин-шао*.

Руководство армией

Командование армией в целом осуществляло подчинявшееся государю Военное ведомство (министерство). Однако для управления военными поселениями в дополнение к Военному ведомству в 1361 году был организован столичный Высший военный совет, который в целях децентрализации управления в 1380 году реформировали в орган, который назывался «Пять армейских управлений» и был предназначен для осуществления контроля над столичными и местными гарнизонами системы *вэй-со*. Каждое из находившихся в столице управлений ведало теми или иными провинциальными военными управлениями, а те в свою очередь – региональными военными штабами, под непосредственным командованием которых и находились подразделения *вэй-со*. Для решения оперативных вопросов на местах в каждом округе был назначен высший офицер в чине *юцзи*, командовавший мобильными соединениями (летучими отрядами), готовыми выступить по первому приказу.

Пять армейских управлений ведали личным составом армии на местах и ее управлением в мирное время, в то время как переброска воинских частей и командование ими в военное время оставалось прерогативой Военного ведомства, которому для осуществления своих функций требовался заверенный особой печатью документ от императора. На период военных действий Военное ведомство по приказу императора назначало командующих (для чего выдавало им соответствующие чину печати, которые по окончании военных действий они сдавали двору), и командующие возглавляли мобилизованные формирования *вэй-со*. По окончании боевых действий воинские формирования возвращались в гарнизоны.

Воинские чины и звания

Прежде всего уточним, что звание – это ранговое понятие, а чин – должностное. В Китае периода империи Мин, как и во многих других армиях того времени, было недостаточно четкое разделение воинских чинов и званий. Все означенные в тексте воинские чины и звания существовали в системе временных соединений *вэй-со*.

В период плаваний Чжэн Хэ (до конца XV века) главнокомандующий, как и прочие военачальники, на время войны нанимался и получал звание и печать адмирала, которую возвращал по окончании военных действий; количество подчиненных ему воинов не было строго установлено. Главнокомандующий и его заместитель обычно назначались из генерал-губернаторов (в чине *дуду*), командиров региональных гарнизонов (коиными были особы высшей знати первых трех из пяти рангов), а прочий высший командный состав – из вельмож следующих двух рангов.

Генералы (*цзянцзюнь*) делились на несколько категорий. Полный генерал (*да цзянцзюнь*, высшее воинское звание) мог иметь высший чин первого класса. Затем шли генералы и прочие назначенные на период военных действий командиры, но они не получали чиновничьих рангов.

Чин *цзунбин* в первой половине правления династии Мин был формальной синекурой, это был помощник губернатора по военным делам, который мог одновременно исполнять обязанности командующего этим военным округом. При династии Мин их было по стране не более двадцати человек, под началом каждого состояло более 10 000 воинов.

В подчинении у *цзунбина* состоял командующий войсками одного из важных приграничных пунктов в чине *цаньцзян*, под началом которого насчитывалось от трех до пяти тысяч воинов. Этот достаточно высокий офицерский чин был учрежден при династии Мин.

Ниже находился *юцзи* – чин, в котором состояли командиры мобильных (летучих) отрядов обороны и под управлением которого было несколько тысяч человек.

По нисходящей от него значился командующий тысячей (тысяцкий), а еще ниже – командир в ранге *бацзун*, в распоряжении которого находилось обычно 440 воинов.

Оружие, описанное в романе

Военная техника

Военная техника эпохи Мин представлена в романе катапультами, продолжавшими некоторое время использоваться с эпохи Юань. В их

число входили катапульты с противовесом – сяньянские камнеметы (появились в Китае в связи с осадой двух китайских городов войсками монгольского хана Хубилая в 1268-1273 годах, эквивалент европейскому требюше), станковые арбалеты (*чуан ну*), а также разнообразные осадные приспособления – тараны, лестницы, хотя к началу походов Чжэн Хэ существенная часть этих орудий уже не использовалась. В XIV веке параллельно с отказом от сяньянских камнеметов происходит характерное для истории китайской артиллерии перенесение названий метательных машин на некоторые виды огнестрельных орудий, поэтому не исключено, что в романе под сяньянскими камнеметами имелись в виду пушки.

Холодное и метательное оружие

Войска в романе вооружены разнообразным древковым и клинковым оружием, включавшим короткие и длинные мечи-сабли, пики, ножи, трезубцы, большие и малые секиры, молоты, простые и двузубые алебарды, копья, булавы, металлические плети.

Использовались два типа мечей – *цзянь* и *дао*: первые являлись колющим оружием, а вторые рубящим. Соответственно, *цзянь* – обоюдоострый прямой меч – заканчивался острием и имел рукоять, которая могла быть как короткой, так и длинной, а *дао* был однолезвийным и в основном изогнутым, т. е. представлял собой меч сабельного типа и во времена династии Мин выполнял роль основного оружия ближнего боя.^[388] Например, меч Гуаня – *гуаньдао* (названный по имени военачальника эпохи Троецарствия, он же меч «зеленый дракон» или «ущербная луна») был серповидным, с широким клинком. Он состоял из древка с подтоком и широкого изогнутого клинка с пробойником на обухе (обух – незаточенная часть клинка с противоположной стороны от лезвия, т. е. заточенной части меча). Общая длина оружия достигала двух – двух с половиной метров. Будучи длинным и тяжелым, этот меч предназначался в основном для всадников, а не для пехотинцев.

Парные мечи в целом похожи на обычные *дао*, но одна сторона не имеет ножевого диска, благодаря чему их можно было сложить вместе.

Дротики *бяо* были небольшими по размеру и выполняли метательную функцию, прицельная дальность их полета доходила до 25 метров.

Секира – одна из разновидностей боевого топора с длинным крючкообразным лезвием. Большая секира *юэ* по форме несколько отличается от малой секиры *фу*: ее лезвие на треть шире и более дугообразно, а топориче – на половину *чи* длиннее.

Алебарда *цзи* в длину больше секиры и представляет собой сочетание клинка секиры с острым обухом на длинном (2-2,5 метра) древке с копейным острием. Под двузубой алебардой, очевидно,

имеется в виду упоминавшееся еще в романе «Троецарствие» колющее и режущее древнее холодное оружие, соединявшее в себе клевец (род багра на длинной рукоятке с поперечным лезвием) и пику: на конце длинного древка – острое копье, а с двух сторон – лезвия в форме полумесяца наподобие клевца. Двузубая алебарда *фантянь хуацзи* (в Европе это оружие было известно как рунка) имела два острых лезвия в форме полумесяца, соединенных на стержне с копьем, – таким оружием можно было и колоть, и рубить.

Пика *цян* – разновидность древнего боевого копья, появившаяся в вооружении Европы в начале XV века. В отличие от копий пика длиннее и тяжелее, поскольку предназначена не для броска, а для пробивания доспехов, потому ее наконечник имеет узкую граненую форму ромба, а у копья он плоский и обоюдоострый. Пехотинцы использовали пику, держа ее двумя руками, при этом древко зажимали под мышкой, чтобы удерживать наконечник под нужным углом. Судя по музейным экспонатам, в эпоху Мин ширина наконечника пики могла достигать почти четырех, а его длина – семнадцати сантиметров.

В романе упоминаются разновидности секционной плети *цзебянь* – гибко-суставчатого холодного оружия, представляющего собой цеп из нескольких металлических сегментов. Подвижное цепное соединение могли иметь и «летающие когти» *чжуа*. Изначально *чжуа* – древнее ударное древковое оружие типа кистеня с цапками на конце, которое могло быть длинным и коротким. Особо опасными были «железные когти» (*те чжуа*). Их боевая часть изготавливалась в виде человеческой ладони или лапы с растопыренными когтями. Они могли использоваться для нанесения царапающих ударов и даже захватов оружия противника. У некоторых видов когти боевой части были закреплены на шарнирах, что позволяло осуществлять особо эффективные захваты.

Оружие дистанционного боя было представлено луками (как простыми, массовыми, так и композитными) и арбалетами (в том числе и многозарядными). Наконечники стрел были разнообразными в зависимости от назначения и носили особые названия, такие как «серп луны» или «волчий зуб».

Арбалет – лук, оснащенный механизмами взведения и спуска тетивы. Стрельба из него производилась следующим образом. Дуга арбалета укреплялась впереди, поперек деревянного или металлического станка – ложи. Специальное приспособление удерживало натянутую до отказа тетиву и отпускало ее. Направление полета короткой арбалетной стрелы задавалось либо желобом, вырезанным наверху ложи, в который закладывалась стрела, либо двумя упорами, закреплявшими ее спереди и сзади. Если дуга была очень упругой, то для натягивания тетивы на ложе устанавливалось специальное устройство; иногда оно было съемным и его носили вместе с арбалетом. Для стрельбы из арбалета использовались болты – особые

арбалетные стрелы, которые обычно были толще и короче лучных. Арбалет, как правило, превосходил обычный лук по точности стрельбы и убийной силе, но, за редким исключением, сильно проигрывал луку по скорострельности и дальности стрельбы.

Под арбалетным луком имелся в виду изобретенный в середине XI века новый мощный многолучевой арбалет *шэньбинью* с длиной основания чуть более одного метра, с длиной хорды около 80 сантиметров и дальностью полета стрел около 450 метров. Он был гораздо более легким, чем прежнее тяжелое устройство, с которым воин не мог справиться в одиночку. Многолучевой арбалетный лук размещался на подставке, тетива натягивалась при помощи ног; стрела могла рассечь пополам мощное дерево, пробить тяжелые доспехи. В ложе такого арбалета не было отдельных стреловодов: существовал один глубокий желоб, куда укладывался пучок стрел, что позволяло вести залповую стрельбу. Этот лук считался секретным оружием, потеря его не допускалась: в случае отступления воинам предписывалось уничтожать луки. При династии Мин армия отказалась от крупногабаритных арбалетов старого типа, хотя еще использовала среднегабаритные арбалеты, в том числе и на кораблях.

Огнестрельное оружие и доспехи

В XV веке в китайской армии появилось новое защитное обмундирование – пластинчато-нашивные доспехи покроя «халат» (как правило, без рукавов), пластины для которых изготавливали из кожи или проклеенной в несколько слоев бумаги. Продолжали применяться и ламеллярные конструкции с пластинами из разных материалов (металла, кожи, бумаги, рога). Гвардейские части получали кольчуги без рукавов в виде халата с осевым разрезом и с четырьмя полами, плечи и руки защищали длинные (до запястья) ламинарные наплечники. На голове воины носили шлемы разных типов.

Основой развития огнестрельного оружия стал дымный порох – смесь древесного угля, серы и селитры. Первые упоминания об этом составе найдены в китайских трактатах IX века, а первые упоминания о его применении в качестве метательного состава обнаружены в китайских документах X века.

Эпоха Мин в Китае отмечена стремительным развитием и распространением огнестрельного оружия. Согласно историческим данным, китайская армия в период походов Чжэн Хэ была оснащена большим количеством огнестрельных орудий. С 1380 года в местных гарнизонах они должны были составлять 10 % положенного по штату вооружения, а к 1440 году (ко времени окончания походов) – 20 %. Батальон из 5000 солдат был оснащен 1000 пороховых камнеметов, 200 пищалями и 20 пушками.

1. Артиллерия

Первое китайское изображение бомбарды и пушечного ядра относится к середине XII-XIII веку. Самыми ранними в конце XIII века были бомбарды-ручницы – короткоствольные орудия, стреляющие по настильной, а возможно и по навесной траектории, и их вариант – мортиры. Первоначально они имели форму кувшина, отсюда их китайское название «кувшиноподобные пушки» (*ванькоу*), что соотносится с названием европейской мортиры (ступка). В них помещался пороховой заряд и вкладывалось каменное ядро. Они – предшественники всех типов гладкоствольных артиллерийских орудий, как пушек, так и гаубиц, занимавших промежуточное положение между мортирами и пушками. Изначально бомбарды не имели лафета и укладывались в деревянные колоды или срубы, а сзади забивались сваи или возводились кирпичные стенки для упора.

С XIV века от бомбард перешли к малогабаритным короткоствольным пушкам «присевший тигр» (*худуньпао*), которые использовались в основном для сражений на открытой местности и были более легкими и удобными в передвижении. Название объясняется тем, что для стрельбы их надо было укрепить в определенной позиции; они не имели прицельного приспособления и отличались малой скоростью стрельбы и малой дальностью. Воспламенение затравки производилось зажженным фитилем, подносимым к запальному отверстию вручную. Мортиры «присевший тигр» представляли собой бронзовую или медную малокалиберную пушку длиной 70-90 сантиметра, весом около 16 килограммов и с раструбом в виде пиалы диаметром 11,5 сантиметров. Заряжались они с дула и стреляли сначала каменными ядрами. Как и ранние бомбарды, они были дульнозарядными и стреляли сначала каменными ядрами, снаряженными взрывчаткой. В Китае уже с 1384 года каждому морскому кораблю предписывалось быть оснащенный не менее чем четырьмя такими пушками. Но при отсутствии бортовых портов для стрельбы ящики с мортирами обычно ставили на палубу без креплений, а чтобы не повредить палубу при отдаче, их привязывали к борту парой канатов и на конце ящика приделывали небольшие колеса для возвращения в боевую позицию.

В первой четверти XV века, то есть во время плаваний флотилии Чжэн Хэ, китайцы усовершенствовали пушки, начав применять деревянные пыжи для улучшения обтюрации и, соответственно, увеличения дальности и точности прямого выстрела, а также снабдив запальное отверстие откидной крышкой для предохранения затравочного пороха от сырости.

Уже после походов Чжэн Хэ с середины XV века в Китае перешли на стрельбу чугунными сплошными ядрами, что произвело переворот в конструкции орудий. Чугунные ядра можно было делать меньше

каменных, сохраняя в то же время их прежний вес. Это позволило уменьшить внутренний диаметр орудийного ствола и увеличить его длину, что сделало орудия более дальнбойными. Эти мортиры активно производились и применялись Китаем в морских сражениях. Однако на протяжении XV века артиллерия на флоте представляла собой сравнительно редкое и малоиспытанное оружие и в Китае, и в Европе.

Такие орудия, как описанные в романе пушки *да фагун* и *фаланцзи*, во времена походов Чжэн Хэ в Китае еще не существовали. Они явно заимствованы Ло Маодэном из труда «Новая книга записей о достижениях», написанного его современником – знаменитым военачальником Ци Цигуаном, который впервые использовал эти орудия в 1561 году в боях с японскими пиратами. В тот период они были отлиты в Китае по образцам пушек, попавших в страну в начале XVI века вместе с заходившими туда иностранными судами.

Фаланцзи – название пушки, очевидно, представляющее собой искаженное звучание наименования «фальконет» – европейской пушки малого калибра, которая отличалась от мортир удлиненным стволом, более высокой начальной скоростью снаряда и дальнбойностью. *Фаланцзи* стали производиться в Китае с 1524 года и устанавливались на парусных судах. Их дальнбойность составляла от 700 метров до одного километра, вес – 125–500 килограммов, длина ствола – 93–250 сантиметров, промежутки между выстрелами оставались короткими. *Фаланцзи* обладали высокой скорострельностью при небольшом калибре. Снаряды использовались в зависимости от размеров орудия: крупный весил около *цзиня* (400 граммов) и более. *Фаланцзи* имели мушку прицела, заряжались разрывными артиллерийскими снарядами. Эти пушки являлись казнозарядными – это значит, что сначала в канал ствола со стороны казенной части помещался снаряд, а затем вставлялась стальная цилиндрическая «камора» (камера), содержащая пороховой заряд и закреплявшаяся в казенной части ствола орудия обыкновенным клином. Необходимость заряжать пушку *фаланцзи* именно так была очевидна, прежде всего, для корабельных пушек, дульная часть которых находилась за бортом. *Фаланцзи* быстро и легко перезаряжались и свободно вращались в двух плоскостях, т. к. представляли собой вертлюжные орудия, то есть устанавливались с помощью шарнира на вертлюге, или длинном штыре, который вбивался в корабельный борт на корме. Уже к 1528 году Китай по образцам произвел 4000 *фаланцзи*.

Усовершенствованные во второй половине XVI века маленькие легкие пушечки *фаланцзи*, состоявшие из основной части и нескольких дополнительных конструкций, получили в Китае название «сын и мать» (*цзыму пао*).

В отличие от легких *фаланцзи* крупногабаритная пушка *да фагун* была сверхтяжелой кулевриной, попавшей в Китай где-то в середине XVI века. Эти цельнолитые (отливались в основном из железа, но были

и из бронзы) гладкоствольные артиллерийские орудия большого калибра (линейный калибр достигал 160 миллиметров). Само орудие могло весить от 630 килограммов до двух тонн, и в силу огромной тяжести представляло опасность для использования на кораблях. Пушки крупных калибров устанавливались на массивном лафете с маленькими колесиками. Колесики эти двигались по специальным пазам в палубе, лафет же несколькими толстыми тросами крепился к борту. Они метали каменные или чугунные ядра, представлявшие сплошной (литой) снаряд, вес которого мог составлять от нескольких до десяти килограммов. Скорострельность была невысокой. Максимальная дальность составляла более двух километров, а эффективная дальность – около 1,5 километров. Эти кулеврины производились в Китае только с 1537 года – вероятно, по португальскому образцу, – и были имитацией корабельных орудий португальцев «камéло» – крупнокалиберных длинноствольных камнестрелов из литой бронзы или кованого железа.

Вскоре после плаваний Чжэн Хэ в Китае появились упомянутые в романе «многозарядные стволы» (*ляньчжупао*) – крупнокалиберные дробовики с корпусом из тонкой меди, весом 15 килограммов. Имели тонкий и длинный ствол, более метра в длину, и широкое выходное отверстие. С одной стороны ствола находилась форсунка около 30 сантиметров длиной, а в задней части ствола – взрыватель. Загружались «многозарядные стволы» порохом в объеме полутора литров и дробью (около ста дробин, выстреливавших поочередно), имели детонатор. Казенная (хвостовая) часть имела ось вращения. Орудийный ствол устанавливался поперечно на квадратном деревянном каркасе и при стрельбе поворачивался во все стороны.

2. Ружья: от ручных пищалей до аркебуз

Огнемётные трубы *пэньтун* (или *хотун*), впервые упомянутые в китайских источниках в X веке, относились к типу самопалов и представляли собой проторужье. Первоначально это были бамбуковые трубки диаметром около 7 сантиметров и длиной от 70 сантиметров до метра, плотно обмотанные пеньковым канатом и крепившиеся под наконечником копья длиной около полутора метров, поэтому их еще называли огненными пиками «грушевый цвет» (*лихуа цян*). В самопалы клали воспламеняющуюся смесь из угля с селитрой, потом яды, а потом еще пять слоев ядовитых таблеток – всё это дозировалось в зависимости от объема цилиндра. Такой цилиндр мог также подвешиваться на железной цепи к высокому шесту, закрепленному на носу судна. При зажигании оружие извергало слабый пороховой заряд в виде пламени, ядовитого дыма и шрапнели на расстояние до 30 метров, поджигая паруса вражеских судов и отравляя противника ядовитыми газами. В бою из них сначала вылетало пламя (не более чем

на 230 метров), а затем можно было пронзить врагов наконечником копья. Это проторужье совершенствовалось во времена династии Мин.

Одна из ранних разновидностей огнестрельной ручницы небольшого калибра *хочун* (дословно «огненный обух», впоследствии их также называли *хоцянь*, буквально «огненное копье») появилась в конце XIII века одновременно с артиллерией. По сравнению с огнестрельным оружием династии Юань эти ручницы были отлиты из бронзы или меди, лучше спроектированы и требовали значительно меньшего количества пороха для запуска каменных пуль, стрел, свинцовых и железных пуль. Первые образцы, по сути, были теми же бомбардами, только уменьшенными настолько, что из них можно было стрелять с рук. Конструктивно это были трубы, состоявшие из передней камеры, запальной камеры (куда закладывался порох и пульки – свинцовые или железные) с запальным отверстием и хвостовой полости. Передняя камера, длиной около 165 миллиметров, представляла собой дульный срез для выброса снарядов. Короткие стволы укладывались на грубые ложа, похожие на удлиненные колоды. Иногда вместо использования ложа в полую хвостовую полость вставлялся металлический штырь, за который и удерживалось оружие. Прицельные приспособления и замок отсутствовали. Сначала из ручниц стреляли небольшими стрелами, выбрасывавшимися силой давления пороховых газов, затем перешли на стрельбу дробью, свинцовыми и железными пулями. Ручницы *хочун* имели длину 43,5 сантиметра при калибре 3 сантиметра и запускались двумя бойцами: один отвечал за крепление на штативе и наведение на цель, а другой поджигал порох зажженным фитилем или раскаленным прутом и производил выстрел, т. е. это проторужье напоминало фитильный аркебуз^[389]. Дальнобойность составляла 180 метров. При династии Мин их было произведено в качестве стандартного оружия более 90 000 единиц, и оно широко использовалось при обороне Пекина в 1449 году. Впоследствии длина мушкета *хоцянь* составляла уже 120 сантиметров, головка была относительно выдающаяся, а весь корпус сделан из чистого железа. Самой большой его особенностью являлось то, что из него можно было стрелять, сидя верхом, что увеличивало маневренность и скорость при стрельбе. Однако эти мушкеты все еще были тяжелыми и неуклюжими, в вертикальном положении напоминали железный молот.

Накануне морских экспедиций Чжэн Хэ по образцам, захваченным во время боевых действий в Аннаме, китайцы усовершенствовали свои ручницы и стали производить первое трубчатое однозарядное ружье *шэньцзянь*. В них применялись деревянные пыжи для улучшения обтюрации и, соответственно, увеличения дальности и точности прямого выстрела, а также появилось запальное отверстие с откидной крышкой для предохранения затравочного пороха от сырости. По сравнению с ручницами *хочун* ствол у этих орудий был длиннее,

дальность стрельбы больше. Они могли стрелять и дробью, и стрелами – на расстояние 300 шагов (80-120 метров); имели запальное отверстие, но не имели прицела. В хвостовой части устанавливали деревянный цилиндрический хвостовик-рукоятку – он изготавливался из произрастающего в Гуандуне «железного дерева» для обеспечения воздухонепроницаемости. Эти орудия были основными в начале династии Мин. Подобная ручница весила 4-6 килограммов и представляла собой высверленную изнутри болванку из мягкого железа, меди или бронзы. Ее длина была около метра, длина рукоятки – около 70 сантиметров. Снарядом обычно служила круглая свинцовая пуля. Заряд поджигался «палительной свечкой» – деревянной палочкой, пропитанной селитрой. Палочку упирали в запальное отверстие и поворачивали, перекачивая в пальцах.

С середины XV века в ручных пищалах запальное отверстие перенесли вбок, а рядом с ним стали приваривать полку для затравочного пороха – при соприкосновении с огнем он вспыхивал мгновенно, и всего через долю секунды раскаленные газы воспламеняли заряд в стволе. Дальность и меткость подобного оружия была крайне невелика, поэтому ручницы являлись чисто коллективным оружием, пригодным лишь для массового использования большой группой воинов.

Упомянутая в романе аркебуза «птичий клюв» (*няочун*) – скорострельное гладкоствольное дульнозарядное фитильное ружье со спусковым механизмом – появилась в Китае намного позже окончания плаваний, в XVI веке, скорее всего, с португальских кораблей. В отличие от ручных пищалей эти аркебузы в передней части ствола имели прицельную мушку, а сзади целик – щиток с прорезью, при прицеливании совмещаемый с мушкой. Более длинный, чем у ручниц, ствол (1,5 метра) с меньшим диаметром отверстия (19 миллиметров) давал большую дальность стрельбы (150 метров) при настильной траектории. И, наконец, у аркебуз было иное воспламенительное приспособление: использование фитильного замка и нажатие на спусковой крючок для воспламенения увеличили скорость стрельбы и пробивную силу.

Весило орудие около 3,5 килограмма, держать его приходилось двумя руками, но благодаря изогнутости ствола аркебуза легко прилегала к лицу при прицеле. Название «птичий клюв» она получила потому, что при загорании огнепроводного шнура ее затвор дергался вниз, что напоминало движение птицы, клюющей зерно. В 1558 году Оружейная палата Китая произвела первую партию (10 000 штук) аркебуз из высококачественного железа и снабдила армию оружием для борьбы с японскими пиратами. В период написания романа в Китае было разработано более десяти видов фитильных ружей со своими характеристиками.

3. Огненные стрелы и ракеты

«Огненные стрелы» (*хоцзянь*) были результатом развития примитивных стрел лука или арбалета, к которым привязывался цилиндр с зажигательным или взрывчатым веществом. Они были снабжены окислителем, способным выпускать кислород. Окисляющий агент соединялся в камере сгорания с горючим, при этом атмосферного воздуха не требовалось, поэтому у них не было воздухозаборного отверстия.

К началу XII века они превратились в трубчатые эжекторные устройства, выпускающие огненные стрелы, а в XV веке – в пусковые установки в виде тачек, распространение получили с началом плаваний. Огненные стрелы находились внутри пороховой шашки; их длина превышала 1,5 метра, а дальность – 300 шагов, однако высокой точностью залп не отличался. Массовый старт ракет с пускового станка происходил в клубах огня и дыма и сопровождался сильным грохотом, пугавшим коней вражеской конницы.

Согласно китайским военным справочникам, в период плаваний Чжэн Хэ в Китае имелся прообраз «крылатых ракет» (они широко применялись в борьбе с японскими пиратами в период написания романа). Корпус «ракеты» был начинен порохом с запальным шнуром, воспламенение затравки производилось зажженным фитилем, подносимым стрелком к запальному отверстию вручную. Существовало три вида крылатых огненных ракет. Они были снабжены окислителем, способным выпускать кислород. Окисляющий агент соединялся в камере сгорания с горючим, атмосферного воздуха не требовалось.

Ракета «летающий ворон с волшебным огнем» (*шэньхо фэй'я*) – первая известная ракета с аэродинамическими крыльями в форме птицы. Сделанные из тонкого бамбука или тростника рейки образовывали длинный переплетенный каркас, усиленный клееной бумагой. Спереди и сзади прикреплялись декоративная деревянная голова и хвост, а по бокам – крылья. По обе стороны тела ракеты устанавливались по две трубки – детонаторы – с порохом и ракетами, открытые с заднего конца, соединенного с запальным шнуром внутри «тела вороны». При запуске «вороны» от подожженного главного фитиля – стартового двигателя – происходило возгорание всех четырех установленных на «туловище» других фитилей, что приводило ракету в движение. После ее подъема в воздух из тела вороны стрелы вылетали более чем на 350 метров, а при падении в цель самой ракеты происходил взрыв.

Принцип действия двухступенчатой ракеты «Огненный дракон выходит из воды» (*холун чушуй*) был тот же, что у вышеназванных ракетных устройств, а вес колебался между 5 и 10 килограммами. Эта ракета запускалась вблизи воды для сохранения траектории

определенного типа, а дальность ее стрельбы достигала полутора километров.

4. Бомбы и мины

Где-то в XI веке в Китае появилась первая бомба – «сотрясающий небо гром» (*чжэнь тянь лэй*). Сначала она представляла собой метательное оружие сферической формы с корпусом из бамбука, куда вставлялась наполненная порохом бумажная гильза, с которой соединялся запальный шнур. Снаружи гильза оклеивалась десятью слоями папье-маше в форме шара, у которого имелись небольшие выступы, которые покрывались ядами. По обеим сторонам шара устанавливались два веера-крыла. При ветре шар поднимался в воздух, и когда он взрывался, воздух заполнялся грохотом, дымом и ядовитыми газами. Постепенно бумажную гильзу заменила фарфоровая, поэтому при взрыве происходило поражение осколками. Однако уже к началу плаваний подобные бомбы стали делать из чугуна, взрыватели также были улучшены – шар заключал в себе крюкообразную железную пластинку, которая вылетала после взрыва. В военном справочнике эпохи Мин «Холунцзин» («Полный сборник огнестрельного оружия», 1403 год) упомянут способ производства этой железной шахты, а именно: «отлить шар из чугуна, внутрь положить пестик для пороха и воткнуть маленькую бамбуковую трубку, пропустить внутрь питающий провод, торчащая снаружи проволока проходит через огненное ложе». Бомбы могли закладываться и в воду.

Помимо ручного огнестрельного оружия и пушек в эпоху Мин использовались и мины – в 1400 году правительственные войска применили «огненные снаряды, опалявшие приближавшуюся монгольскую и чжурчжэньскую конницу». Морская мина изготавливалась из кованого железа и прикреплялась к деревянной доске (по-видимому, доску уравнивали камнями). Мину заворачивали в бычий пузырь, а сверху втыкали курительную палочку, которая определяла время взрыва. Воздух подавался через козью кишку.

О «стремглав летящей комете» *сайсинфэй* китайские авторы упоминают как о прототипе подводной мины, но описание ее в романе вряд ли соответствует реальности. Самые ранние упоминания об этих минах появились в военном трактате XIV века «Холунцзин», на крупных кораблях флотилии Чжэн Хэ их насчитывалось до нескольких сотен. Китайские записи рассказывают и о военно-морских взрывчатых веществах, появившихся в XVI веке и использовавшихся для борьбы с японскими пиратами. Такая морская мина загружалась в деревянный ящик, заделанный шпатлевкой. Генерал Ци Цзюйгуан сделал несколько таких надводных дрейфующих мин с отложенным подрывом взрывчатых веществ.

Таблица мер длины, объема и веса

Китайские единицы - Метрические единицы

Меры длины

ли - 500 м
инь - 33,33 м
чжан - 3,33 м
чи - 0,33 м
цунь - 3,33 см
фэнь - 3,33 мм

Меры объема

дань - 100 л
доу - 10 л
шэн - 1 л
гэ - 0,1 л

Меры веса

дань - 50 кг
цзинь - 500 г
лян - 50 г
цянь - 5 г
фэнь - 0,5 г
ли - 50 мг
хао - 5 мг
сы - 0,5 мг

notes

Примечания

1

2

Название пролива «Драконьи клыки» впервые появилось в «Истории династии Юань» в 1320 году. Эти величественные гранитные скалы в форме зубов служили навигационными ориентирами и зафиксированы на морских картах Чжэн Хэ. Ворота гавани использовались моряками и торговцами, посещавшими Сингапур. В 2005 году в связи с шестисотлетием первого плавания Чжэн Хэ власти Сингапура возвели копию «Драконьих клыков» высотой в 6 метров и разместили там таблички с историей плаваний.

3

Остров Аур расположен недалеко от юго-восточного побережья полуострова Малакка (Малайзия), напротив города Джохор. Древняя полития Паханг находилась на восточном побережье Малайзии, омываемом Южно-Китайским морем. Первая дипломатическая миссия в Китай была отправлена оттуда в V веке, а при династии Мин – в 1378 году, когда махараджа послал императору письмо на золотой пластинке и дары, и в 1411 году. К этому времени Паханг являл собой один из двух процветающих городов-государств на полуострове. Флотилия побывала в Паханге в 1412 году, в 1414 году Паханг признал себя вассалом, а в 1416 году внес дань вместе с Каликутом и Явой (о Паханге см.: Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головинным. М.: Мысль, 1965. [Электронный ресурс. URL: http://az.lib.ru/g/golownin_w_m/text_0020.shtml]). Полития Ма-и располагалась к северу от Бони и являла собой суверенное образование, расположенное или на территории нынешней провинции Лагуна (Филиппины), или на острове Лусон. Его существование впервые документировано в «Истории династии Сун» в X веке и в анналах Брунейского султаната, а также в документах династии Юань 1349 года «Краткий отчет о варварских островах».

4

Так формулируется суть теории китайского философа XII века Чжу Си.

5

Считается, что древнее королевство Лангкасука располагалось на восточном побережье Малайского полуострова недалеко от Паттайи (Таиланд), хотя есть предположения, что оно тянулось до западного побережья. Еще в VI веке оттуда отправляли посланников в Китай. В XIV веке Лангкасука вместе с другими территориями бывшей могущественной Шривиджайи (Паханг и другие) перешла под контроль Маджапахита, затем принадлежала королевству Аюттайя и в XV веке прекратила свое существование. Этот и вышеперечисленные политии флотилия Чжэн Хэ впервые посетила во время третьего плавания (1409-1411).

6

Ма И – даосский монах второй половины X века, автор известного труда по физиогномике. С помощью омонимов автор обыгрывает название политии, на самом же деле имя монаха пишется другими иероглифами и никакого отношения к острову не имеет.

7

В 1401 году – после того, как королевство Маджапахит захватило Темасек (Сингапур), – правитель Парамешвара бежал на север и основал султанат Малакка (1402-1511), где он правил в 1402-1414 годах. Визит посла императора Чжу Юаньчжана в Малакку в 1403 году положил начало дружественным и торговым отношениям Китая с Малаккой, которой правители династии Мин оказывали поддержку в ее противостоянии Маджапахиту, при этом Малакка признала себя вассалом империи Мин. Чжэн Хэ посещал Малакку шесть раз. Рост Малакки совпал с усилением сиамской Аюттайи на севере, что тревожило правителя Малакки. В качестве превентивной меры король в 1418 году нанес визит в Китай, а император в 1419 году отправил

своего посланника, чтобы предупредить действия правителя Аюттайи. Отношения между Китаем и Малаккой укрепились после визитов в Китай посланников во главе с малаккскими принцами в 1420, 1421 и 1423 годах. Между 1424 и 1433 годами, во время правления третьего правителя Малакки Раджи Тенги (1424–1444), были совершены еще два королевских визита из Малакки в Китай.

8

Этот торговый мост был знаменит по всей Азии.

9

Пояс, украшенный рогом носорога, имели право носить только чиновники высокого ранга.

10

В «Истории династии Мин» сказано, что китайский посланник, посетивший политию Малакка в 1405 году, сообщил, что государства как такового там установлено не было. Он привез основателя города Парамешвару в Китай, где император жаловал того титулом «правителя Малакки» и вручил соответствующую печать. Есть версия, что в 1409 году Парамешвара отправил в Китай миссию и получил новую печать на правление, но по дороге домой ее отобрали сиамцы, не признававшие суверенитета Малакки. Поэтому во время своего визита в Малакку в 1410 году Чжэн Хэ доставил Парамешваре печать взамен украденной, что символизировало поддержку его суверенной власти. В 1411 году Парамешвара с огромной свитой посетил империю Мин. В китайских источниках от 1414 года записано, что Искандер Шах, сын Парамешвары (имеется в виду Мегат Искандер Шах), явился ко двору императора, сообщил о смерти отца и получил от китайцев эдикт на правление. В 1424 году он умер, и трон наследовал Шри Махараджа.

11

Пуласан – фрукт, произрастающий в основном в Малайзии и по виду напоминающий плоды личи (личжи). – *Примеч. ред.*

12

Плоды джекфрута – самые большие из существующих: их длина составляет от 20 до 110 сантиметров, диаметр – до 20 сантиметров, средний вес плодов – 8-10 килограммов, но они могут вырастать до 30-40 килограммов.

13

В традиционной китайской медицине стебель, цветок, листья и корневище так называемого японского банана (Муса басжу) считаются полезными для очистки организма от тепловых токсинов, утоления жажды и как мочегонное средство.

14

Так как крупная белая цапля хорошо держится на ветру, ее изображение часто помещалось на носу морских джонок.

15

Дань равен приблизительно 50 килограммам (см. Таблицу мер длины, объема и веса).

16

Мировые месторождения олова до сих пор находятся в основном в Китае и Юго-Восточной Азии – Индонезии, Малайзии, Таиланде. Известно, что олово может находиться в жидкой фазе. Оловоносную россыпь добывали со дна рек. Оловянный прут – изделие оловянного

проката, внешне похожее на тонкую палочку светлого цвета, которое является полуфабрикатом для производства оловянной продукции.

17

Масса в один *цзинь* и восемь *лян* составляет около 500 граммов.

18

Самцы гребнистого крокодила, который обитает в водах Юго-Восточной Азии, могут достигать в длину семи метров при массе примерно до двух тонн.

19

После визита флотилии в 1411 году принц Малакки Парамешвара со свитой в 540 человек и богатой данью вместе с флотилией отправился в Нанкин, нанес официальный визит императору и был принят с помпой (эта историческая встреча зафиксирована в китайских хрониках эпохи Мин). В 1433 году второй махараджа Малакки с дарами и многочисленной свитой действительно отплыл в Китай вслед за очередным посещением султаната флотилией Чжэн Хэ.

20

Барабанная башня служила для отбивания времени или подачи сигнала тревоги.

21

Ару – значительное и влиятельное королевство на северо-восточном побережье Суматры с XIII по XVI век. На западе граничило с Самудрой. В период расцвета оно контролировало северные порты Малаккского пролива. Начиная с первого путешествия флотилия часто посещала

Ару, а в 1411 году княжество отправляло посольство в Китай для установления дружеских отношений.

22

Самудра, или Пасай – одно из городов-государств, возникших на побережье после гибели империи Шривиджайя в XIII веке и установивших торговые связи с северо-западной Индией, откуда распространялся ислам. Самудра существовала в XIII–XVI веках, вторая половина XIV века стала временем ее расцвета. В XV веке Самудра и еще несколько городов-государств региона были объединены мусульманским султанатом Ачех, сформировавшимся ранее на севере острова Суматра.

23

При посещении Самудры флотилией во время первого плавания в 1406 году там правил султан Зайн аль-Абидин I (годы правления 1383–1405), после убийства которого ему наследовала вдова Рату Нахрасия (1406–1428), вышедшая замуж вторым браком за некоего Салахуддина, не являвшегося потомком династии Маликудзахир. В романе явно речь идет о посещении Самудры в 1415 году во время четвертой экспедиции, когда войска Чжэн Хэ вмешались в конфликт между признанной Китаем правительницей Рату Нахрасией, которой привезли дары от императора, и главой мятежников Секандаром. Секандар с войском напал на флотилию, но Чжэн Хэ его разгромил, захватил в плен и отправил в Китай. При посещении Самудры флотилией во время седьмой экспедиции там уже правил султан Зайн аль-Абидин II (1428–1438), законный сын Зайн аль-Абидина I.

24

Королевство Нагур (или Накур) – один из мусульманских мини-султанатов, известный Китаю еще со времен династии Суй (рубеж VI–VII веков). В начале XIII века был под сюзеренитетом Шривиджайи, а затем Маджапахита. Территория Нагура располагалась в горах на северо-востоке Суматры и предположительно тянулась от озера Тоба до Ламури на северной оконечности острова. В XV веке – в период

расцвета – Нагур контролировал северную часть Малаккского пролива. Крохотное королевство упомянуто в записках Ма Хуаня и Фэй Синя как горное поселение с населением около тысячи семей, жители которого татуировали свои лица. Приведенная Ло Маодэном история убийства правителя Самудры и последующие события заимствованы из записок Ма Хуаня.

25

Другое название – ямкоголовые, представляющие собой семейство гадюк (среди них и кобры). Группа получила название от двух терморцепторных ямок, находящихся на голове у этих змей и чувствительных к инфракрасному излучению, что позволяет распознать жертву по разнице температуры ее тела и окружающей среды. Эти рецепторы способны воспринимать даже очень слабые изменения температуры воздуха, около 0,1 °С. Температура тела у грызунов значительно выше, чем у змей, и змея чувствует ее и распознает жертву даже в кромешной тьме.

26

Амбра – ароматическое воскообразное вещество, образующееся в пищеварительных органах кашалота.

27

«Ископаемый коралл» считается разновидностью агата или халцедона, а не собственно коралла, из-за наличия в его составе диоксида кремния. Коралловые отложения в основном образуются из погибших кораллов и представляет собой легкую пористую известняковую породу, обычно добываемую в районах коралловых рифов.

28

Ламбри – маленькое горное мусульманское княжество на западной оконечности острова Суматра, на территории нынешней провинции Ачех, на севере и западе омываемое океаном. Важный пункт остановки судов, где они пережидали зиму в начале наиболее протяженного отрезка пути через Западный океан. Известное китайским путешественникам с XII века, в XIV веке княжество было вассалом королевства Маджапахит и просуществовало до начала XVI века.

29

В традиционной китайской астрологии было двадцать восемь зодиакальных созвездий (по семь на каждый сектор неба, соответствующий стране света), и судьба человека определялась тем, под какой звездой он родился.

30

Утун – по китайским мифологическим представлениям, дерево, на котором обитают фениксы и которое приносит счастье. – *Примеч. ред.*

31

Юэянская башня – одна из Трех великих башен южнее Янцзы. Существовала легенда о том, как Люй Дунбин превратил в золото зеленый камень (похоже, это был минерал халькантит, из которого получают медный купорос). При династии Мин была популярна пьеска для цитры *цин* «Трижды выпивал в беседке Юэян».

32

В «Алмазной сутре» сказано, что в первое тысячелетие «истинно достоверного буддизма» после исчезновения Будды Татхагаты в течение пятисот лет врожденные наклонности всех живых существ на земле были твердыми и добрыми, но в последующие пятьсот лет начали портиться.

33

Согласно буддизму, шесть объектов чувств (вишайя), соприкасаясь с пятью способностями восприятия (зрительная, слуховая, тактильная, вкусовая, обонятельная) и с мыслительной способностью (манас), загрязняют помыслы.

34

Гуань Юй, наряду с Чжао Гунмином, Вэнь Цюном и Ма Тяньцзюнем, – один из четырех небесных полководцев.

35

Далее перечислены древние воинственные приемы шаолиньской школы боевых искусств, тайно передававшиеся ученикам верхними эшелонами даосских магов.

36

В китайском языке слово «яйцо» является родовой морфемой ругательств.

37

Внук Конфуция рекомендовал правителю назначить некоего военачальника генералом, но тот, хотя и ценил его полководческий дар, отказал, ибо этот военачальник в период сбора податей съел у жителей одного селения пару яиц. Выражение означает «из-за мелочи пренебречь большими достоинствами».

38

При династии Мин ранг чиновника в основном определялся по чиновной верхней одежде (халату), головному убору и украшениям на поясе: у чиновников от восьмого разряда и ниже на поясе помещались украшения из рога, шестого и седьмого разрядов – из серебра, у пятого пояс был позолоченный, инкрустированный черепаховым панцирем, у четвертого – инкрустированный золотом, а у высших (первого, второго и третьего разрядов) – из чистого золота с драгоценными камнями, причем у сановников второго ранга пояс часто украшался рогом носорога, а первого – нефритом (в те времена нефрит ценился дороже золота и серебра).

39

Около 300 килограммов (см. Таблицу мер длины, объема и веса).

40

Считалось, что если во время гаданья предсказателей в храме раздавался звук колокола, то это к счастью.

41

Слово «лошадь» в китайском языке звучит как «ма». По традиционному лунному календарю со Дня лошади начинались пахотные работы, и в этот день всё вычищенное из выгребной ямы следовало принести в жертву духам нищеты.

42

Образное выражение «увидеть во сне семерых сыновей» означало удачу в делах.

43

Раньше в китайских многодетных семьях детей часто называли по порядку, при помощи числительных – первый, второй и т. д. Словосочетание «Ван восьмой» – ванба – в эпоху Мин стало шутливым прозвищем «Черепеха», а в народе означало «байстрюк» или «рогоносец», ибо, по поверьям, черепашня самка могла отложить яйца, только спарившись со змеей. Соответственно, любой самец черепахи был рогоносцем, а слово «черепашие яйца» имело дополнительное значение «ублюдок».

44

Бивни слонов – это разросшаяся вторая пара верхних резцов, которые не участвуют в пережевывании пищи, а используются в основном как вспомогательное орудие для подвижного хобота. Они пронизаны нервными окончаниями, и выдирание их крайне болезненно. У индийских слонов длина бивней достигает 1,6 метра при весе до 20–25 килограммов, у африканских слонов бивни еще крупнее – до трех-четырёх метров. Бивни у слонов не меняются, в отличие от спрятанных в ротовой полости коренных жевательных зубов. У молодого слона с каждой стороны челюсти их четыре-шесть, но каждые восемь-десять лет функционирует только одна пара, а остальные в виде зачатков сидят в глубине костной ткани. Когда действующий зуб растрескивается, растёт последующий и, выдвигаясь вперед, замещает его. И так шесть раз, после чего слон умирает.

45

Среди индийских слонов встречаются самцы без бивней, которых называют «махна»; на Шри-Ланке таковых до 95 %.

46

«Лабиринт» – театр военных действий на местности периода Сражающихся царств (V–III вв. до н. э.), придуманный китайским стратегом Сунь Бинем (IV в. до н. э.) для заманивания противника. В основе лежала схема восьми триграмм, изобретенная мифическим

императором Фу Си. Лабиринт является объектом военной культуры Древнего Китая.

47

В народе император Чжу Юаньчжан прослыл борцом с коррупцией, приговорив к смерти даже собственного зятя. В ответ на просьбу дочери «В империи полно чиновников-взяточников – разве всех истребишь?» он якобы ответил: «Почему бы не истребить всех?»

48

Семьдесят два демона в астрологии ассоциируются со звездами Северного Ковша. Двадцать восемь созвездий распределяются по семь на каждый сектор неба, соответствующий стороне света.

49

Ночжа – третий сын Ли Цзина, был обожествлен как охраняющий дхармы.

50

По-китайски эти слова звучат одинаково, но обозначаются разными иероглифами. – *Примеч. ред.*

51

Цзоу Янь (ок. 305 г. до н. э. – ок. 240 г. до н. э.) – древнекитайский натурфилософ, представитель школы *инь-ян*. В период Сражающихся царств был обвинен правителем царства Янь и брошен в тюрьму. Сидя в заточении, он застонал, и в этот момент – а это был разгар лета – выпал иней. С тех пор иней в жару символизирует несправедливость.

52

Чернильные орешки – наросты, производимые на некоторых видах дуба мелким насекомым и содержащие большое количество дубильных веществ. Использовались для приготовления чернил и в медицине.

53

Стражи врат четырех сторон света – это Вирудхака, Дхритараштра, Вирупакша, а их предводителя зовут Вайшравана.

54

Согласно буддийским воззрениям, материальное тело состоит из отцовской спермы, материнской крови и четырех элементов – земли, воды, огня и ветра.

55

Воробьиная башня была расположена в нынешней провинции Хэбэй. В период Троецарствия, после того как Цао Цао одержал победу над Восточной Хань в 210 году в районе древнего города Ечэн, он начал строительство трех огромных, более чем тридцатиметровых башен, о которых сложено много поэм. Ко времени написания романа три башни еще существовали, но Башня бронзового воробья была сильно размыта водами реки, а из остатков ее черепицы впоследствии делали тушечницы.

56

Речь идет о древнем искусстве резьбы по кирпичу, которым облицовывали стены.

57

Стихотворение «Гуляю у храма Чангань», автор – Садула (1272–1355), известный поэт эпохи Юань.

58

Чжан Саньфэн (1247–?) – полулегендарный даосский монах с горы Удан. Заслужил признание как создатель школ боевых искусств в период борьбы против юаней, получил несколько почетных титулов от императоров династии Мин. Прозвище его объясняется тем, что он не обращал внимания, во что одет: его обувь и одежда часто были весьма потрепанными.

59

Согласно подворным спискам населения, составляемым *ямэнями* – местными управками, еще со времени династии Сун всё население Китая делилось на две категории: свободные полноправные простолюдины (благонадежные подданные) и неполноправные простолюдины (люди с низким социальным статусом, не имеющие права на свободный выбор профессии). При династии Мин в списках полноправных были три категории: военные, крестьяне и ремесленники.

60

В даосизме к небесным божествам относились обитатели небесных чертогов, полностью соединившие свое *Дэ* с *Дэ* космоса и достигшие высшей ступени совершенства; святые бессмертные – те, кто, изготовив пилюлю бессмертия, создали для себя новое тело, состоящее из чистой положительно заряженной энергии *ци* (*ян-ци*) и пришли в гармонию со вселенским миропорядком; земные бессмертные – пророки и провидцы – обладают почти тем же даром, что и святые бессмертные; затем шли святые из ныне живущих людей, с более низкой степенью совершенства, но накопившие большую силу *Дэ*, творившие благо и продлившие до бесконечности свою жизнь; и, наконец, святые духи – души подвижников и отшельников, не достигших чистого *ян*, но после смерти ставших духами.

61

Книга великих даосских мудрецов – мифическая редкостная книга, в которой рассказывается о поисках бессмертия и способах изготовления эликсира бессмертия, а все иероглифы сплетены из тонких золотых нитей.

62

Башня с золотой кровлей была построена князем Чжао-ваном (313–279 гг. до н. э.) для своего почитаемого советника-даоса. По одной из версий, в эпоху Мин она находилась у ворот Чаоян в Пекине.

63

Цензорат создан в начале эпохи Мин для контроля над гражданскими учреждениями. Шесть его отделений контролировали работу шести ведомств; кроме того, цензоры выезжали из столицы в инспекционные поездки во все тринадцать областей страны.

64

Травяной плащ – одежда для работы в поле, сплетенная из джутового волокна и не пропускавшая воду. Сочетался с широкополой конической шляпой, обычно из бамбуковой щепы. В эпоху Мин фактически преобразовался в накидку типа пончо с капюшоном, который мог быть и шелковым.

65

Стиль «пьяный кулак» объединил бокс, движения пьяного, катание по земле и борьбу в единое целое. Характерной особенностью стиля является техника выполнения приемов подобно движениям пьяного

человека и во время прыжков, падений, катаний и кувырканий, за которыми скрываются броски.

66

Цюаньшу – разновидность китайской вольной борьбы, родившейся из деревенских кулачных боев. Система включает три стиля: *чанцюань*, *наньцюань*, *тайцзицюань*. В середине XVI века выдающийся полководец Ци Цигуан упорядочил множество техник и методик, выделил 32 основных приема и описал их в военном сочинении «Новая книга записей о достижениях», в отдельной главе под названием «Трактат о кулачном бое».

67

Здесь и далее перечислены приемы стиля «*тайцзицюань* семьи Чэнь», который начал формироваться в семье даосских монахов при первом императоре династии Мин.

68

Позиции № № 23–25 «*тайцзицюань* семьи Чэнь» под названием «*ляньчжупао*».

69

При династии Мин это высшее проявление этикета при больших жертвоприношениях либо перед императором: сначала складывали ладони в приветствии, затем опускались на землю поочередно левым, затем правым коленом, клали руки на землю и низко кланялись – так, что голова касалась рук. Таких поклонов клали четыре, после каждого вставали и приветствовали государя сложив руки, а после четырех таких поклонов клали пятый, который заканчивался троекратным касанием земли челом.

70

Известное изречение из древнего конфуцианского канона «Книга ритуалов» («Ли цзи»), приписываемого Конфуцию и его ученикам. Показывало огромное влияние каждого сказанного государем слова.

71

Подобный «фьючерсный» договор по низкой цене – свидетельство крайней бедности.

72

Цитата из трактата «Дао дэ цзин», пер. Ян Хиншуна. Цит. по: Лао-Цзы. Дао дэ цзин. М.: Мысль, 1972.

73

Согласно буддийским представлениям, состояние всех существ в мире непостоянно: оно представлено чередой перерождений и страданий, и поскольку все феномены непостоянны, привязанность к ним тщетна и ведет к страданиям. Это непостоянство на санскрите обозначается термином «анитья».

74

Истинная природа – неизменная, несуетная, дарованная Небом от рождения природа человека.

75

Согласно геомантии, по «драконовым жилам» проходят подземные магнетические токи.

76

Одним из древних способов, который использовали в китайской медицине, было исследование пульса по ниточке (один ее конец обвязывали вокруг запястья заболевшего, а другой держал в руках медик). На распространение этого способа диагностики повлияло несколько факторов: один – внутридворцовая иерархия, второй – тот, что медиками были исключительно мужчины, коим было запрещено касаться женщин, не состоявших с ними в близком родстве. По этой причине лейб-медики не могли ни ощупывать, ни выслушивать высокородных пациентов, в частности, матушку-государыню и дочерей императора.

77

Перечисляются приметы необычных качеств, которыми обладали великие правители древности.

78

Инспекторат евнухов – блюстителей этикета – одна из двенадцати внутридворцовых канцелярий, созданных в 1384 году.

79

Со времен династии Тан производились вина с сильным ароматом, которые запечатывались в керамические кувшинчики. Хозяева хранили их в подвалах для угощения инспектирующих чиновников.

80

«Три белых» – белая рисовая, белая пшеничная и белая чистая.

81

В старом Пекине были открыты такие заведения для простонародья – со стойками, без стульев.

82

Когда-то Будда Сакьямуни и Майтрейя соперничали за господство над миром, и первый стащил у второго цветок железного дерева. Тогда Майтрейя спрятал всех лучших людей мира в переметную суму с гексаграммами *цян* и *кун*. Именно Светозарный Будда обнаружил кражу, и Майтрейя вынужден был отдать суму, но прежде стряхнул всех этих людей в рукав своей рясы, да только все люди оттуда немедля вылезли.

83

Главы 59–71.

84

Согласно исследованиям западных ученых, переводчиков записок Ма Хуаня, под этим названием в романе имеется в виду гора вулканического острова Пулау Ве (Пуло Ве) в Андаманском море в 15 километрах к северо-западу от Суматры при входе в Малаккский пролив. Вероятно, речь идет о самой высокой горе острова Кот Кулам (630 метров), служившей ориентиром судам, движущимся и на восток, и на запад. Остров отмечен в навигационных картах Чжэн Хэ.

85

Под названием Цуйлань в романе описаны Никобарские острова в Бенгальском заливе к северу от Суматры; мимо них пролегал океанский маршрут из Китая в Шри-Ланку и Индию.

86

«Клюв попугая» – горный хребет Намунукула (дословно Девять пиков) в Шри-Ланке, который находится в юго-восточной части острова (к западу от него располагается Адамов пик). По записям Ма Хуаня, до него семь дней пути, если двигаться к западу от Цуйланя. Высота его главной вершины составляет 2036 метров, и флотилия Чжэн Хэ ориентировалась на нее как на первый видимый знак Шри-Ланки после Суматры. Святилище Будды – старое название мыса Дондра, самой южной оконечности Шри Ланки.

87

В IV веке до н. э. на Цейлоне было основано сингальское королевство, просуществовавшее до XI века. Позже, под влиянием попыток завоевания со стороны Индии, на острове образовывалось несколько малых королевств. Королевство Гамбола с той же столицей просуществовало с 1341 до 1408 года. В 1412 году столицу временно перенесли в город Райгама, а в 1415 году – в город-крепость Алагакконара (Котте). Королевство Котте прекратило свое существование в 1597 году.

88

По приведенной в записках Ма Хуаня китайской транскрипции, этот город ассоциируют с небольшой удобной гаванью Берувела на юго-западном побережье Шри-Ланки, примерно в 55 километрах от Коломбо, где флотилия Чжэн Хэ останавливалась практически во время всех плаваний. Однако сведений о подобном храме в Берувеле не сохранилось.

89

Очевидно, в то время зуб Будды хранился там, но в 1590 году его привезли в Канди и выстроили для него Храм зуба Будды (Шри Далада Малигава).

90

Описание этого следа Будды есть в записках Ма Хуаня, хотя его замечание о том, что именно здесь Будда вошел в нирвану, неверно. Возможно, путаница связана с тем, что, по одной из версий, Будда вошел в паринирвану в созвучной Берувеле деревне Белувагамака (Белува), находившейся недалеко от современного города Басра, штат Бихар, на северо-востоке Индии.

91

Речь идет явно о Пике Адама на плато Шри Пада – высочайшей вершине Шри-Ланки (2243 метра). В романе расстояние от Берувелы до Пика – пять километров к северу, реально это гораздо дальше, более 150 километров. Там на скале есть углубление размером 160 на 75 сантиметров, имеющее форму отпечатка ступни. Над ним возведен маленький храм. Буддисты считают, что это след ноги Будды, а христиане и мусульмане – что именно сюда ступил Адам, изгнанный из рая. С древнейших времен верующие совершают сюда паломничества. Марко Поло верил, что на вершине горы находится могила Адама.

92

Мальдивские острова – цепь из 26 атоллов, в состав которых входят 1192 коралловых островка. Расположены в 700 километрах к юго-западу от острова Шри-Ланка. Чжэн Хэ посетил Мальдивы дважды в период между 1412 и 1430 годами, а после 1416 года местный князь неоднократно направлял в Китай послов с данью. В романе перечислены те Мальдивские атоллы и Лаккадивские острова (архипелаг в Индийском океане у южной части Индии), что названы в записках Фэй Синя.

93

Группа островов Фадиффолу – часть атолла Лавияни в составе Мальдивских островов.

94

Миникой – остров в составе атолла Малику, части Мальдивского архипелага.

95

В период плаваний флотилии заморин – правитель королевства Кожикод на юге Индии – контролировал огромный регион, простиравшийся от старинного порта Коллам (или Квилон) на юго-западном побережье Индии до Койиланди (Пандалайани Коллам) к северу от Каликута (современный Кожикод). В XIV веке Коллам/Квилон входил в княжество Венад – одно из четырех наиболее влиятельных территориальных образований на юго-западном побережье Индии (наряду с княжествами Каннур, Кожикод и Кочин) – и вел активную торговлю с Китаем еще с VII века. Койиланди изначально был важным портом королевства Каннур (Колатунаду), но в XV–XVI веках правитель Кожикода установил господство над Северным Малабаром, и в Койиланди был построен один из его дворцов. Немногочисленные свидетельства о ведении торговли с Китаем можно увидеть в микротопонимах нынешнего Койиланди и его окрестностей: Шелковая улица, Китайский форт («Чинакотта»), Китайская мечеть («Чинапалли»).

96

Каликут – в XV–XVI веках одно из княжеств на малабарском берегу Индии, крупный порт. В настоящее время носит название Кожикод.

97

Будда Вайрочана – один из пяти Будд Мудрости в таких ответвлениях буддизма как махаяна и ваджраяна. Он выражает всеобъемлющую мудрость, которая обозначается понятием «дхармакая» и отражает истинную природу Будды.

98

При династии Мин латы были разного типа. В начале эпохи преобладали ламеллярные доспехи из сплетенных между собой шнуром металлических пластин. Начиная с XV века в связи с уменьшением роли холодного оружия и развитием огнестрельного функция лат меняется. Наиболее распространенными становятся латы типа монгольского кюяка, так называемые скрытые доспехи. Название они получили в противовес явным доспехам, с металлическими пластинами снаружи. Это двуслойные доспехи: внутри – сплошной слой установленных с перехлестом тонких и гибких металлических пластин, а снаружи – суконная или стеганая основа, часто украшавшаяся блестящими головками заклепок. Их достоинством была легкость – они весили около 50 цзиней.

99

Согласно китайским источникам, напряженные отношения с сингалезским королевством Гампола, расположившимся вдоль южного побережья Цейлона, начались еще с первой экспедиции. Король Вира Алакешвара (последний член семьи Алагакконара, правил с 1397 по 1411 год) во время первого плавания в 1405 году потребовал от Чжэн Хэ откуп за прохождение мимо острова, но получил отказ. Во время третьего плавания в 1409 году Чжэн Хэ по согласованию с императором повез правителю Цейлона в качестве «милостивого даяния» золотые и серебряные изделия, шелк и прочие подношения. Адмирал спустился на берег в сопровождении охраны из двух тысяч гвардейцев и двинулся конным отрядом к расположенному на некотором расстоянии от побережья дворцу – крепости Котте (ныне южный пригород Коломбо). А король в это время отправил пятидесятитысячную армию, чтобы отрезать Чжэн Хэ путь обратно к кораблям. Однако Чжэн Хэ сделал неожиданный маневр и напал на Котте. Захватив город и взяв в плен Алакешвару, он беспрепятственно вернулся на побережье. Алакешвара был доставлен в Нанкин, где ему было даровано прощение «по причине его невежества», но власть было приказано передать «кому-либо из его мудрых соратников». С 1412 года правителем нового королевства стал Паракрамабаху VI (1412–1467), установивший с династией Мин дружественные отношения.

100

В переводе с китайского – Застава Грубиянов.

101

Имеются в виду металлические пушечные стволы длиной более метра, которые имели широкое выходное отверстие, загружались порохом и дробью, имели детонатор. Устанавливались на станине и благодаря оси вращения поворачивались при стрельбе во все стороны.

102

Вид поклона под названием «палка» – молитвенная поза в Индии, при которой мужчины полностью ложатся на землю вниз лицом (падают ниц во весь рост).

103

Чола – тамильское государство на юге Индии, возникло во II веке н. э. и в конце IX века распространило власть на весь Тамилнад. Пыталось подчинить Цейлон и Мальдивы. В XIII веке Чола стала ослабевать, что привело к ее распаду.

104

Вплоть до начала нашей эры почти во всех крупнейших битвах древности участвовали слоны. Соответственно обученные, с металлическими щитами на лбах, с укрепленными на спинах башнями, в которых прятались стрелки из луков, предварительно разъяренные и опьяненные алкоголем, слоны всепокрушающей лавиной устремлялись в бой. Управлял слоном один корнак – он сидел на шее животного спиной к башне и заостренной железной палкой с крюком у конца гнал живую «тяжелую артиллерию» на прорыв вражеских построений. Индийцы во все времена были лучшими корнаками.

105

Китайские авторы упоминают об этом оружии как прототипе надводной мины, но описание его в романе вряд ли соответствует этому (подробнее см. Приложение 2).

106

Примерно 2,5 метра.

107

Место знаменитой исторической битвы 208–209 годов, которая подробно описана в романе «Троецарствие».

108

Первоначально тайная стрела, чаще отравленная, выпускалась из рукава с помощью привязанной к руке трубки с пружиной. В эпоху Мин были распространены тайные стрелы «цветы сливы», как их называли в китайских источниках. Внутри рукава пряталась уже не привязанная к руке металлическая трубка, в которой имелось шесть узких стрел диаметром 1,2–1,5 *цуня*. В трубке было шесть каналов – один посередине и пять вокруг (как пять лепестков цветка сливы). У каждого канала имелся контрольный переключатель, а у футляра – железное кольцо. Выпустив одну стрелу, цилиндр поворачивали, и так по очереди выпускали все стрелы.

109

Портовый город Коллам, или Квилон, был центром средневекового королевства Венад, расположенного между горами и Аравийским морем на юго-западной оконечности Индии. В период посещения Чжэн Хэ Коллам процветал благодаря торговле специями. Правителем Венада был Чера Удая Мартанда Варма (1383–1444).

110

Ситец (первоисточник – санскритское слово *ситрас*, что в переводе означает «пестрый») – легкая хлопчатобумажная гладкоокрашенная или набивная ткань типа миткали или коленкора (слово «коленкор» изначально означало «каликутская ткань»). Набивной ситец появился в XI веке именно в Каликуте и упоминается в индийской литературе в XII веке как набивная ткань с рисунком лотоса.

111

Кочин – город-княжество и крупный порт на Малабарском побережье на территории современного штата Керала. Княжество обрело независимость после падения королевства Чера в XII веке и было центром торговли специями. Его конкурентом и агрессивным соперником был город Каликут. Поскольку между Кочином и Китаем шла оживленная торговля, правитель Кочина, транскрибируемый в китайских документах как *кеили*, с 1411 года отсылал дань китайскому императору. В ответ император через Чжэн Хэ (в 1417 году, во время пятого плавания) предоставил правителю инвеституру на правление и печать. Адмирал оставил здесь стелу с надписью «Гора, оберегающая престол», сделанную китайским императором лично, – это говорит о том, что Кочин находился под протекторатом Китая.

112

Варна – аналог сословия в индийском обществе, ошибочно отождествляемого с кастой. Если система варн восходит к ведическому обществу и делится на четыре сословия (брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры), то система каст более дробная, и ее представители связаны между собой общей этно-религиозной принадлежностью и наследственной профессиональной специализацией. В широком смысле термины «варна» и «каста» синонимичны.

113

Каста наяр, или наир, существовала в средние века в районе Кералы. В нее входили представители королевских и дворянских родов, ополчение и большинство землевладельцев. Семьи, относящиеся к касте наир, поклонялись змею как хранителю клана, оттого в тех краях было множество змеиных рощ. Некоторые ученые считают, что речь идет о брахманах из рода Намбури, среди которых существовал обряд надевания шнура в семилетнем возрасте.

114

Четти входят в одну из трех высших варн – вайшьев – и представляют собой торгово-финансовую прослойку. Среди четти особенно много торговцев, банкиров и ростовщиков, а также землевладельцев.

115

Клин – в то время презрительное название для выходцев из Индии, используемое в Малайзии и некоторых близлежащих странах.

116

Мукува – обозначение на языке тамили рыбаков и искателей жемчуга, которые принадлежали к самой низшей социальной группе – касте неприкасаемых. Запрет для них приближаться к представителям высших каст сохранялся еще в начале XX века.

117

В древности в индуизме йоги – почитавшиеся святыми благочестивые миряне, практиковавшие медитацию и считавшие своим покровителем бога Шиву.

118

Шанкха – ритуальный предмет в форме морской раковины больших размеров, священный символ Вишну с награвированными на нем десятью его аватарами. Особенностью этой раковины является ее закручивание вправо по часовой стрелке.

119

Бодхи – древо познания истины, под которым Будда Сакьямуни достиг просветления.

120

Примерно 6,5–8 карат (масса фэня варьировалась в зависимости от эпохи и региона).

121

Отрез материи величиной от 2 до 50 *чи*.

122

Каликут – гавань на малабарском побережье Индии, которая также называлась княжество-город Кожикодэ и являлась средоточием морских путей и торговли Южной Азии.

123

По легенде, шесть первых знаков шестидесятилетнего цикла – дни божественного сотворения, отсюда выражение «носить в себе шесть пар знаков», т. е. «быть беременной». По традиции, беременные часто ходили к гадателю, надеясь вытащить гадательный билетик с надписью «шесть стихий породят сына».

124

«Хой по три месяца мог оставаться человеколюбивым». См.: «Лунь юй», гл. VI, 7 // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). Пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова; вступит. ст. Л. С. Переломова. М.: Вост. лит., 2004. С. 177.

125

Здесь и далее автор романа использует игру омонимов. В популярных в то время в Китае прописях для учащихся была такая строка, но Ван Мин изменил первый иероглиф, означающий «вас» (соответственно, вас – учеников), на омонимичный по звучанию и означающий «ухо».

126

Искаженное выражение из «Книги церемоний» – одного из древних конфуцианских канонов: «Имея дело с богатством, *не* наживайся любой ценой», где запретительный иероглиф «*моу*» заменен на сходное по звучанию и написанию слово «мать».

127

«Лунь юй», гл. V, 1 (см.: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 172). В каноне речь идет о Гунъе Чане, ученике Конфуция.

128

По китайской транскрипции «нар» (или «найнар») западные ученые предполагают, что это храм Нарайаны – одного из обликов Вишну, в котором представлена его сущность как совокупность множества других вселенных.

129

Флотилия посетила Каликут в 1407 году, вручила правителю Мана Викранаме мандат от императора Чжу Ди, даровала грамоту (рескрипт) о пожаловании титула и серебряную печать, а также сделала обильные и богатые подношения местной знати и сановникам.

130

Самутири – наименование правителя на дравидийском языке малаялам, которое через посредство португальского превратилось в «заморин». В то время заморином Кожикодде (Каликута) был Мана Пихчиаламан (с XIII века все члены королевской фамилии носили всего несколько имен, одно из них – Манавикрама), которому послы второй экспедиции Чжэн Хэ (1408–1409 гг.) вручили «инвеституру» на правление, в память о чем установили стелу.

131

Имеется в виду реформа Цинь Шихуана (III век до н. э.) – создателя единой централизованной империи: «все колесницы с осью одной длины, все иероглифы стандартного написания».

132

В Индии черный козел ассоциировался с богом Варуной – хозяином космических вод.

133

Стела была установлена в Каликуте в 1407 году и пока не найдена. Текст, приводимый в романе, заимствован автором из записок Ма Хуаня, кроме последней фразы, добавленной автором романа из древних текстов. Есть свидетельство португальского миссионера Мануэля Годиньо де Эредия, что в 1613 году он видел эту стелу.

134

Сосуды были деревянные, а впоследствии металлические, ибо вино подогревалось.

135

Пайцза – пластинка из дерева или другого материала (серебра, золота), которую правители Китая и некоторых прилегающих стран выдавали как символ передачи полномочий. Пайцзу носили на поясе или вешали на шею на шнурке.

136

В Китае издревле ходила строчка древнего стиха – «Не убивайте мартовских птиц». Здесь и далее указаны месяцы по лунному календарю.

137

Северо-восточный ветер в пятом лунном, уже жарком, месяце, овевающий лицо прохладой.

138

Во время церемоний в храмах в качестве ритуальной утвари использовались таблички, восходящие к древним воинским медным знакам военачальника, с помощью которых отдавали приказы.

139

Водными назывались городские ворота, расположенные в непосредственной близости от воды (реки, моря). В Китае при династии Мин водные ворота использовались для регулирования спуска судов на воду, предохранения от наводнений и очистки воды. Не исключено, что автор романа строит эпизод исходя из существования в Нанкине подобных водных «застав» с западной и восточной сторон города в виде проходов в городской стене в том месте, где река Циньхуай пересекает границу города. Такие водные «заставы» были единственными судоходными шлюзами, дающими кораблям возможность войти в пределы города.

140

Гидра – тип древнего боевого построения, когда войско вытягивается в длинную, как змея, ленту и меняет диспозицию в зависимости от ситуации: то вращается, то сжимается вокруг противника, как удав, то группируется и делает резкий бросок.

141

Нюйва – одна из великих богинь даосского пантеона. Она собрала камни, расплавила их и залепила небесные дыры, через которые на землю изливались вода и огонь. Впоследствии она стала богиней сватовства и брака.

142

Для стрельбы из арбалета, помимо особых арбалетных стрел, использовались пули. Из кармашка (мешочка) посередине арбалета вылетало от одной до трех пулек; еще в древности богачи отливали пульки из золота, у бедняков они были глиняными. Арбалет с пулями был весьма популярен в эпоху Мин: во дворце даже было специальное помещение для такого оружия, которое использовали и для охоты. Популярности способствовало и то, что для обучения стрельбе из арбалета требовалось намного меньше времени по сравнению с обучением искусству стрельбы из лука.

143

Сона – китайская транскрипция слова «зурна» (музыкальный инструмент, привезенный в древности из Персии). В первой четверти XVI века инструмент широко использовался в китайской армии для подачи сигналов к бою, о чем есть сведения в записях полководца Ци Цигуана.

144

Пушки «сын и мать» – усовершенствованные маленькие легкие пушечки *фаланцзи*, состоявшие из основной части и нескольких дополнительных конструкций, с чем и связано их название.

145

В романе количество колен (звеньев) в плети гиперболизировано. Согласно легендам, деревянная плеть с 36 коленцами была у основателя древней военной науки, автора трактата «Шесть военных стратегий».

146

Смысл выражения – если твои таланты при тебе, не беспокойся, что не найдется, где их применить.

147

Появление горы Хунло в романе явно неслучайно. В 1575 году предводитель северных племен Субахай неоднократно совершал набеги на районы у горы Хунло (ныне провинция Ляонин), пока не был убит китайским военачальником. Соответственно, здесь речь идет о духах, охраняющих территорию Китая.

148

По традиции, сватовство включало три церемонии: свадебные подарки лично от жениха невесте и ее родителям; чайные дары – подарки семьи жениха семье невесты, включающие чайную церемонию или подношение дорогого чая и два брачных кубка вина, связанных красной тесьмой, из которых жених и невеста пьют вино при обряде бракосочетания; третья церемония – вручение благодарственных даров семье невесты за согласие на брак.

149

«Мэн-цзы», глава 1, ИБ. 3. Цит. по: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 258.

150

Цивета – млекопитающий хищник из семейства виверровых, с узкой мордочкой, вытянутым туловищем и длинным, как у кошачьих, хвостом. Обитает в регионах с субтропическим и тропическим климатом, питается мелкими животными и насекомыми. Поедание циветами кофейных ягод с целью очищения кишечника используется человеком как особый способ ферментации кофейных зерен.

151

«Серп желаний» в буддизме – «жезл исполнения желаний» (ануруббха, или жуи), представляющий собой изогнутый скипетр с резьбой или инкрустацией и являющийся в Китае талисманом, который приносит удачу.

152

Меч и пила – древние орудия пытки: одни для отрубания ступней, другие – для перебивания пальцев ног, коленных чашечек; котел также служил инструментом казни преступника.

153

Яшма – символ дара или залога. Здесь – образное выражение со значением «идти сдаваться врагу».

154

Возможно, намек на знаменитое традиционное нанкинское блюдо, при приготовлении которого мясо угря перед тем, как тушить его вместе со свиными ребрышками, отбивают деревянной битой.

155

Фраза приписывалась первому императору династии Сун (XI век), который с такими словами приказал открыть нараспашку двери главного обрядового зала.

156

«Великое учение» (вторая книга конфуцианского «Четверокнижия»). Цит. по: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 105.

157

Главы 72–77.

158

В романе под неточной транскрипцией явно обозначен Бенгальский султанат – исламское государство на восточном побережье Индии на берегу Бенгальского залива в дельте Ганга при его слиянии с

Брахмапутрой. Существовал в XIV–XVI веках на территории частично нынешней Бангладеш и Западной Бенгалии. Султанат управлял огромным регионом, был крупнейшим торговым центром и посылал послов с данью в Китай чуть ли не ежегодно после 1409 года. Отдельные эскадры посещали Бенгал несколько раз – в 1414 и 1432 годах (по одним данным, во главе с Хоу Сянем или Ян Минем, по другим – с Хун Бао). После первого визита эскадра привезла императору экзотические дары, в том числе жирафа и письмо на золотом листе. Где-то в 1414 году последний из правившей с середины XIV века династии Ильясов – Шихабуддин Байязид Шах – был свергнут представителем иной династии – принявшим ислам Раджи Ганешей, который правил попеременно со своим сыном Джалал-ад-дином Мухаммад-шахом до 1418 года, когда последний окончательно утвердился на престоле и оставался на нем до 1433 года.

159

Сонаргаон – речной порт на берегу реки Мегхна, которая, впадая в Ганг, выходит к Бенгальскому заливу; один из важнейших торговых центров Бенгалии, который посещали эскадры, в том числе центр торговли муслином. Вероятно, суда сначала останавливались для уплаты пошлины в расположенном на севере Бенгальского залива порту Читтагонг, а оттуда через устье реки поднимались в Сонаргаон, находившийся где-то в 30 километрах к юго-востоку от Дакки. В Сонаргаоне размещался монетный двор султаната и был второй королевский дворец, хотя официальной столицей с середины XIV почти до середины XV века был город Пандуа, расположенный к юго-западу от Дакки и ныне принадлежащий Индии. Отдельные экспедиции флотилии в 1412 и 1415 годах посещали двор и в Сонаргаоне, и в Пандуа (это название есть в записках Фэй Синя), а в 1432 году и в Гауре, куда перенесли столицу.

160

Возможно, имеется в виду паттачитра – общий термин для обозначения традиционной росписи свитков на тканевой основе. Это могут быть и самые известные бенгальские шелковые сари *балучари* со сказочными узорами – продукция, получаемая за счет эксклюзивного метода тканья.

161

Индия, в том числе Бенгалия, славилась своими хлопчатыми тканями ручного плетения, отчасти благодаря высочайшему искусству ткачей, а отчасти – натуральным волокнам растительного происхождения (использовались волокна ананаса, джута, капка и пр.) В Индии растет хлопковое дерево симал (*Bombax malabarica*). Взрослое растение производит несколько сотен крупных (15 сантиметров) плодов – вскрывающихся коробочек с семенами, внутренние стенки которых покрыты пушистыми желтоватыми блестящими волосками, напоминающими хлопок. В Китае бенгальский капок, который называли шелковым хлопком, всегда считался особо изысканным, что отмечалось в трудах задолго до эпохи Мин.

162

Парча – особая ткань из Бенареса, в которой узоры традиционно создаются путем вплетения в них золотых или серебряных нитей *зари* (или *джари*) через определенные интервалы. Передача звукового воспроизведения названий тканей, которые приводятся в записках Ма Хуаня и Фэй Синя и которые повторил Ло Маодэн, в переводе может быть только весьма приблизительной.

163

Белая кисея индийского производства (бетиль) считалась лучшей в мире. Изготавливалась она способом полотняного плетения, при котором основные нити попарно обвивали уточные и перекрещивались.

164

Хади – ткань из естественного природного волокна, сотканная вручную или на ручном ткацком станке, обычно из хлопка, иногда с добавлением шелка или шерсти. Приятная на ощупь, она известна своей прочной текстурой, удобством в носке и способностью согревать зимой и сохранять прохладу летом. В XX веке благодаря Махатме Ганди

хади стала символом национально-освободительного движения свадеши, которое ставило целью в том числе отказ от иностранных товаров и использование традиционной продукции.

165

Ранний муслин являл собой необычно тонкую ткань ручного прядения. Марко Поло в XII веке сравнивал муслин с тончайшей паутиной, путешественник XVI века Р. Фитч также хвалил муслин из Сонаргаона.

166

Описание основано на записках Фэй Синя, где речь шла о дворце в Пандуа.

167

Церемония пяти поклонов состоит из двух стадий: первая – главный четверной поклон: руки кладутся на пол, голова наклоняется к рукам так, чтобы тело оставалось параллельно земле, вторая – человек остается в коленопреклоненном положении, головой трижды касаясь пола. В начале эпохи Мин по приказу императора во время больших жертвоприношений четверные поклоны отбивали при встрече божества, после жертвоприношения и при проводах божества.

168

Чтобы сделать вино из плодов кокоса, выбирают пальму без орехов, а только с плодоножками, на них надевают бутылки, куда капает сок. Собранную жидкость настаивают.

169

Плоды амлы мелкие, с сочной мякотью, используются в аюрведической медицине.

170

Султанат Могадишо, являвшийся одной из могущественных держав в районе Африканского рога, в XIII веке стал частью растущей Аджуранской империи на территории современных Сомали и Эфиопии. Порт Могадишо был огромным мегаполисом, поддерживал обширную торговую сеть, доминировал в региональной торговле золотом. Флот Чжэн Хэ посещал Могадишо трижды: в 1417, 1421 и 1431 годах, когда город был в зените славы. Наряду с золотом, ладаном и тканями Чжэн Хэ привез оттуда в Китай первых африканских животных, среди которых были бегемоты, жирафы и газели.

171

Джуба, или Джубба – город вблизи Могадишо, в устье реки Джубба на юге Сомали.

172

Барава, или Брава – крупный город-порт на юго-западе центральной части Сомали. В связи с посещением Баравы китайской флотилией там сохранилась большая деревня с названием «Китайское село».

173

Согласно буддийским поверьям, такими были стены, окружавшие ад вечных мучений.

174

В Китае много монастырей с таким названием. Один из них был построен в горах провинции Гуйчжоу в годы плаваний Чжэн Хэ.

175

Тара («звезда», «Спасительница») – одна из главных бодхисаттв буддизма, спасающая души от страданий. Ее воплощением на земле может стать и мужчина – например, в тибетском буддизме.

176

В тексте обыгрывается высказывание Конфуция из трактата «Лунь Юй»: «При стрельбе из лука пронзить кожу не главное...» (см.: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 167). В древности мишень делали из холста, а в качестве яблочка нашивали кусок кожи. В одном из комментариев к трактату «Лунь Юй» сказано: «Древние стреляли, дабы продемонстрировать добродетель; нужно попасть в цель, но не ради того, чтобы силой пробить латы». Это значит, что Конфуций говорил о стрельбе из лука не как о воинском подвиге, а как об одном из шести искусств наряду с этикетом, музыкой, каллиграфией, счетом и управлением колесницей, поэтому соблюдению ритуала турнира придавалось большое значение.

177

Из романа это выражение вошло в поговорку, которая означает «идя проторенными путями, не добьешься перемен».

178

В этом высказывании содержится указание на две культурные реалии. Согласно представлениям буддистов, купить пойманную другими рыбу или птицу и отпустить на волю является благородным поступком, при этом «купить живую или сушеную рыбу» означает «не разбираться, что к чему».

179

Реальный храм Чаоюань находился недалеко от города Сиань у горы Лишань. Он был грандиозен по масштабам, строительство длилось около семидесяти лет и закончилось к середине VIII века. Храм был домашней кумирней императоров эпохи Тан, построенной для жертвоприношений патриарху даосизма Лао-цзы. И хотя уже к началу XII века храм пришел в упадок, в период его расцвета ему посвящали стихи и оды, его архитектурный стиль нашел отражение в строительстве последующих эпох.

180

Считается, что в теле человека три перехода на пути движения энергии *ци*, которые расположены либо в верхней, средней и нижней частях позвоночника, либо на следующих участках: а) уши, рот, глаза; б) руки, ноги; в) крестец, промежуток между почками и межплечье.

181

Образное выражение со значением «замахнешься на великое и не выполнишь – выставишь себя на посмеище».

182

Под «летающими дисками» подразумеваются караталы – древний ритуальный музыкальный инструмент, который использовался буддийскими монахами при отправлении религиозного обряда, связанного с посвящением их деятельности благу живых существ, а иногда и в качестве снаряда для демонстрации ловкости и силы.

183

Васса (санскр. varṣa, пали vassa – «дождевой пост») – ежегодное 90-дневное (с 15 числа седьмого месяца) затворничество, соблюдаемое в буддийских общинах и совпадающее в периодом дождей, с запретом всем принявшим постриг монахам покидать территорию монастыря. Пост сопровождается критикой и самокритикой.

184

В эпоху Хань сановники, повышаемые в должности, обменивались церемониальными поклонами с преемниками.

185

Золотой слиток – одно из магических средств даосского божества Нэчжа и происходит из буддийской мифологии.

186

«Болезнь входит через глотку, а беда из нее выходит» – известный китайский афоризм со значением «порой то, что мы едим, становится источником болезни, а то, что мы произносим, – источником бед».

187

Намек на известную историю из жизни крупного деятеля эпохи Тан, который в детстве бедствовал и побирался в монастыре, а монахи иногда нарочно звонили в призывающий к трапезе колокол уже после еды.

188

Существовала поговорка: коли качество высокое, прибудет гость далекий. Возможно, в тексте описки, и вместо иероглифа, обозначающего слово «качество», использован иероглиф, означающий

слово «цена», но возможен и иной смысл: высокая цена как свидетельство отменного качества.

189

Сохранившиеся строки из поэмы Ду Фу (712–770). Древние императорские Палаты цилиня были хранилищем книг и документов, а на его стенах размещались портреты именитых сановников. Цилинь – мифическое животное, напоминающее единорога.

190

Известное выражение из труда философа Чжуан-цзы (369–286 гг. до н. э.)

191

Африканские сорта риса *Oryza glaberrima* имеют свою специфику – среди них действительно имеются сорта с розоватыми зернами и очень душистые.

192

Самадхи – огонь, возжигаемый выходящими из тела человека изначальными жизненными силами, духом и энергетикой *ци*.

193

Наибольшую ценность для приготовления пилюли бессмертия составляли минералы, особенно сплав золота и киновари, считавшийся эликсиром. Трудность создания эликсира заключалась в получении предельно чистых веществ, поэтому очищений, или плавок, было максимум девять.

194

Главы 78–86.

195

Здесь и далее отрок произносит усеченные фразы из «Тысячесловия» – классического текста VI века, который применялся для заучивания иероглифов, – и по опущенному слову приближенные разгадывают смысл сказанного.

196

В реке Лишуй (ныне провинция Юньнань) в то время промывали золотой песок.

197

Пять постоянных означали конфуцианские добродетели: человеколюбие, справедливость, учтивость, мудрость и честность. Четыре великих, согласно буддизму, – это стихии, из которых всё изначально создавалось в космосе: земля, вода, огонь и ветер.

198

По поводу того, что скрывается под китайской транскрипцией «Ласа», есть несколько версий. Скорей всего это город-государство или местность в южной части Аравийского полуострова в районе Хадрамаунт – в окрестностях Мукаллы недалеко от Адена (ныне находится на территории Йемена). Есть также предположение, что это Эль-Хаса – историческая область в северо-восточной части Аравийского полуострова, в низменности, расположенной вдоль Персидского залива. В 1416 году Ласа направила послов в Китай. Флотилия посылала в Ласу

отдельные эскадры – впервые это произошло во время пятой экспедиции (1416–1419).

199

В Китае издревле кит считался столь же удивительным морским чудищем, что и дракон. В одном из многочисленных сборников «рассказов о чудесном» V–VI веков описывались киты Южных морей, чьи глаза светятся ночью, как мифическая волшебная жемчужина.

200

Древний Зафар (в романе название государства транскрибируется как Цзуфар – «Закон предков») располагался на юго-востоке Аравийского полуострова и в XV веке был крупнейшим торговым портом Индийского океана. Сейчас его руины существуют в виде археологического парка Аль-Балид на побережье на расстоянии двух миль к востоку от Салалы – центра округа Дофар в нынешнем Омане. Зафар особо славился экспортом ладана (в Салале и сейчас есть музей «Земля ладана»), скакунов и – в качестве корма для животных – сушеной рыбы. Зафар описан и Марко Поло, и Ибн-Батуттой, и хронистами Чжэн Хэ как красивейший город. Славе Зафара как великого центра морской торговли способствовали и знаменитые муссоны региона, облегчавшие плавание. Зафар переходил под власть нескольких династий, но есть сведения, что йеменские Расулиды (династия, правившая на территории султаната Йемен) фактически подчинили Зафар (1279–1420) и во многом способствовали его превращению в процветающий центр торговли Персидского залива. Правитель города номинально подчинялся Расулидам, но де-факто был независим. Китайская флотилия впервые посетила Зафар в январе 1419 года и привезла султану послание с императорской печатью и подарки – фарфор, шелка и чай. В тексте романа при посещении Зафара упомянут султан Али – речь явно идет о султанине аль-Малике ан-Насире Салах-ад-дине Ахмаде (1401–1424), оказавшем флотилии гостеприимный прием. Есть исторические сведения, что посланник султана встречал корабли в торговом порту Мирбат (в 80 километрах от Салалы, которая в XIV–XV веках была столицей Зафара) и проводил китайского гостя к йеменскому двору. Китайцы привезли подарки на огромную сумму. Правитель Йемена тоже послал роскошные дары – кораллы, диких животных, ослов, ручных львят и прирученных

леопардов. Йеменский посланник с дарами (ладан, стираксовый бальзам, алоэ, мирра и прочее) сопровождал китайские корабли до Адена. Перед шестой экспедицией, т. е. до 1421 года, и после нее Зафар вместе с Аденом и Ласой направлял послов в Китай с дарами. Флотилия посещала Зафар и во время шестого и седьмого плаваний в 1421-1422 и 1425 годах. Около тридцати судов под командованием Хун Бао заходили в Мирбат – там флотилию на пристани барабанным боем приветствовало местное население. Между 1426-1433 годами посланник следующего султана уже на китайских кораблях прибывал в Китай, куда вез знаменитые лекарства и пряности в качестве дара императору.

201

Территория дворца-крепости занимала в целом около 5 000 м²: на ней находились и резиденция местного правителя, и мечеть, и таможня, и торговые ряды, и огромные склады для товаров у ворот. Дворец, построенный из каменных блоков, представлял собой многоэтажное здание (возможно, в четыре этажа) с массивными стенами, несколькими воротами и круглыми башнями.

202

Парадная одежда шейхов – бишт.

203

В Китае образ Авалокитешвары преобразовался в женский образ богини Гуаньинь только где-то со времени династии Тан.

204

Научное название аравийского страуса *Struthio camelus* в переводе с греческого означает «воробей-верблюд». Его еще называют нелетающей всеядной птицей, поскольку у страусов нет зубов, и они зачастую глотают всё, что попадается, в т. ч. куски железа. Ноги у

страуса обладают мощной мускулатурой, на лапах у них только два мощных пальца.

205

При Расулидах монеты чеканились с 1236 по 1438 год. Монетные дворы были в нескольких городах, причем на каждом производили монеты со своим символом: рыба – на аденских, птица – на забидских, лев – на аль-маджамских, человек – на таизских. Путешественники побывали в Таизе, который Расулиды с конца XIII века сделали второй столицей (сейчас расположен примерно в часе езды от йеменского порта Моха на Красном море).

206

Линцзю – гора в провинции Чжэцзян. Согласно преданию, она переместилась сюда из Индии, потому что ландшафтом напоминает гору Гиджхакута, на которой проповедовал Будда.

207

Королевство Ормуз было основано в XI – начале XII века, а в XIV веке его столица – город Ормуз – была перенесена на одноименный остров Ормузского пролива. В XIV–XV веках Ормуз представлял собой крупнейший и богатейший порт и одновременно – неприступную крепость, контролируя торговлю всех территорий в регионе Персидского залива с Китаем и Индией. Официально Ормуз входил в состав правившего в то время в Персии государства Тимуридов, но на практике его эмир был могущественным и достаточно независимым. Ормуз был одной из важнейших целей каждого плавания флотилии Чжэн Хэ: начиная с четвертой экспедиции, флотилия посещала его зимой 1414, 1417, 1421 и 1432 годов. Побывавший в Ормузе в 1475 году русский путешественник Афанасий Никитин писал: «Ормуз – пристань большая, со всего света люди тут бывают, всякий товар тут есть; что в целом свете родится».

208

Возможно, имеется в виду аравийский тар – азиатский род козых. Мелкий по размерам, аравийский тар обладает сильными конечностями и широкими копытами, позволяющими хорошо лазать.

209

«Воткни цветок слева» – один из приемов традиционного искусства фехтования мечами и кинжалами.

210

«Сплетенные корни старого дерева» – один из приемов тайцзи, или спортивной борьбы *шаолинь*.

211

«Смеется, глядя в небо» – согласно преданиям, имя одного из двух настоятелей Шаолиньского монастыря.

212

«Хлопья снега устилают крышу» – двадцатый элемент движения в уданском направлении фехтовального *ушу*, для выполнения которого требуется максимально выразительным вращением тела и меча отобразить стремительность снегопада.

213

«Раскаты грома на равнине» – одна из команд тренеров *ушу*.

214

«Удачной карьеры старикам!» – команда тамады при бросании костей в древней застольной игре «штраф вином», распространенной на пирах. Каждый бросает поочередно одну из шести костей с цифрами от одной до шести, имеющими свое значение. В частности, цифра шесть означает «убеленного сединами», т. е. старика. Проигравшим считался и тот, кто несколько раз выбрасывал единицу, и тот, кто ни разу ее не выбрасывал.

215

Меч и пила – древние орудия пытки: одни для отрубания ступней, другие – для перебивания пальцев ног, коленных чашечек; котел также служил инструментом казни преступника.

216

Используя омонимическое звучание, правитель чуть изменяет смысл сказанного ему во сне.

217

В период посещения флотилией Ормуза его правителями были Кутб ад-Дин Тахамтан III Фируз, эмир (1400–1417), и его сын Саиф ад-Дин Махар (1417–1436), свергший отца с престола в результате мятежа.

218

На первых картах побережье Персидского залива называли не иначе как «Жемчужный берег». Местный жемчуг считался самым дорогим и ценным, в течение многих веков ему не было равных в мире.

219

Есть предположения, что сакала – это плюш или тонкая шерстяная ткань. Название такой ткани фигурировало в «Истории династии Мин» в числе товаров, предназначенных для дани, а ее название в китайском оригинале звучало как «сакала» и представляло собой транслитерацию персидского слова *saqalat*, что означало узорчатую ткань, изначально карминно-красную. По другой версии, слово произошло от арабского *siklāt* (*siklātūn*) – роскошный шелк, окрашенный дорогим кармином.

220

Баолинъ – буддийский термин, обозначающий рошу семи сокровищ Будды Амитабхи, расположенную на Чистой земле в Западных небесах. Автор романа перенес сюда приведенное в труде Ма Хуаня описание горы в Ормузе, снабдив его дополнительными деталями.

221

Гималайская каменная соль (галит) добывается из месторождения в области Пенджаб на территории современного Пакистана.

222

Кíноварь – самый распространенный ртутный минерал, имеющий алую окраску за счет того, что в его состав входит пигмент вермильон.

223

Верительная стрела с приказом – жезл стрельчатой формы, вручавшийся лицу, получившему военный приказ, в знак его полномочий.

224

Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве. М., СПб, 2011. С. 37.
Глава I – «Предварительные расчеты».

225

Весьма распространенная формула в произведениях эпохи Мин.

226

См. Приложение 2.

227

Здесь и далее – известная древнекитайская военная максима, сформулированная политиком и стратегом Гуань Чжуном (около 720–645 до н. э.).

228

Один из 72 пиков священной для даосизма горной цепи Хэншань, расположенный вблизи города Хэнъян (провинция Хунань), носит название Пик возвращения гусей.

229

Белая лошадь – символ храбрости, алая – крови в войне, черная – голода и трудностей, а серая означает погибель.

230

Согласно представлениям древней китайской физиогномики, широкие брови означают напористость и упорство в сочетании с

неумением довести дело до конца, большие глаза показывают людей самолюбивых и честолюбивых, жаждущих превосходства, а высокая грудь говорит о способности выжить в неблагоприятных условиях.

231

«Объявив мир, съесть ладью» – термин в древней стратегической игре *го*, или китайских облавных шашках. В игре *го* пространство доски выступает в качестве поля битвы между противниками и имеет сходство с картой полководца. Основная задача игроков сводится к захвату большей части территории противника. Используемый в тексте термин означает, объявив мир, заставить противника двинуть свои фигуры, а затем, воспользовавшись ситуацией, съесть ладью противника и объявить мат.

232

План «посеять рознь в рядах противника» за счет вербовки его шпионов, которых затем используют в своих целях, упомянут в труде Сунь-цзы (Глава XIII – Использование шпионов). См.: Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве. М., СПб, 2011. С. 72.

233

Аден был важнейшим портом в составе Йеменского султаната, созданного и управляемого мусульманской династией Расулидов (1229–1454) со столицей в городе Таиз. В 1416 году султан отправил посла с дарами к китайскому двору, в свою очередь император через Чжэн Хэ передал султану высочайший манифест и ответные дары. Флот впервые посетил Аден во время пятой экспедиции после Ормуза, предположительно в 1418 году. Йеменский султан аль-Малик ан-Насир Салах-ад-дин Ахмад оказал китайцам гостеприимный прием. Чжэн Хэ высоко оценил природные богатства Адена, процветающие ремесло и торговлю, в частности, возможность закупки драгоценностей. В 1421 году, по сведениям, изложенным в труде Ма Хуаня, император поручил передать султану Адена послание, а также вручить в подарок ему и приближенным церемониальные одежды и головные уборы. Уже у Суматры от флотилии отделилась эскадра под началом Чжоу Маня,

которая и посетила Аден в том же году. Есть сведения, что во время последнего плавания в 1432 году эскадра под командованием Хун Бао направилась в Аден, но сложная политическая ситуация заставила ее остановиться чуть севернее – в городе Джидда (или Джедда), крупном торговом порте Красного моря, расположенном на западном побережье Аравийского полуострова и являвшемся также воротами в Мекку. В то время порт находился под властью мамлюкского султаната, поэтому капитанам китайских судов пришлось получать специальное разрешение для выгрузки своих товаров – фарфоровой посуды, шелка и прочего. Остановившись в Джидде, Ма Хуань с небольшим отрядом отправился по суше в Мекку.

234

Лаймоха – во второй части слова слышится китайская транскрипция имени Мухаммед.

235

Имеется в виду Лю Бан – первый император династии Хань. В 203 году до н. э. его армия окружила войско Сян Юя, правителя царства Чу (VIII–III вв. до н. э.) Ночью Сян Юй и его воины услышали песни своей родины и решили, что Лю Бан захватил царство. Возлюбленная Сян Юя, не желая видеть его гибель, выхватила меч и заколола себя, а войско разбежалось. Но оказалось, что исполнение чуских напевов были всего лишь военной хитростью Лю Бана.

236

По преданию, именно там находился павильон, где Сян Юй покончил с собой после поражения.

237

Последние две строки из известного стихотворения Чжао Цзя, поэта IX века. Чуским узником называли известного патриота царства Чу, который был взят в плен и заключен в темницу.

238

Искаженная цитата из спора политика и историка XI века Сыма Гуана с философом и экономистом Ван Аньши. Ван Аньши утверждал, что в условиях нехватки государственных средств необходимо «умело управлять финансами», для чего он учредил высшее финансовое управление по контролю над доходами и расходами казны и упорядочил систему взимания налогов: они увеличивались, но с возможностью получать государственную ссуду. Сыма Гуан возражал: «Умело управлять финансами по сути означает брать с каждого непосильные налоги». Ван Аньши не согласился: «Умелое управление финансами означает... правильное использование их государством». Сыма Гуан в свою очередь спросил: «Кто это устанавливает? Все произведенные меж небом и землей блага находятся не у народа, а у чиновников... увеличение налогов принесет еще большее зло».

239

В эпоху Мин ведомственным налогом назывался один из разнообразных налогов, суть которого заключалась в том, что горожан обязывали безвозмездно предоставлять местным органам власти орудия производства и предметы обихода.

240

Имеется в виду стратег периода Воюющих, или Сражающихся, царств (475–221 гг. до н. э.) В молодости он много путешествовал, растратил сбережения и, когда вернулся домой, семья над ним насмеялась. Впоследствии он занял высокий пост, и жены старших братьев более не смели смотреть на него свысока.

241

Чжу Майчэнь (II век до н. э.) в молодости зарабатывал сбором хвороста. Жена стеснялась этого и вышла замуж за другого. Когда же Майчэнь, получив образование, занял высокий пост, она повесилась от стыда.

242

Подобные открывающиеся доски-крышки на палубе скрывали тайные люки-хранилища.

243

Согласно арабским источникам, правители султаната считали, что китайский император совершенно не разбирается в истинной политической ситуации в регионе, почитая все страны своими вассалами. Однако не желая портить отношения, султан отправил ко двору империи Мин вежливое послание и драгоценности, которые султан называл дарами, а китайский двор – данью.

244

В эпоху Тан алое стекло описывалось как дивный дар императору от чужеземцев, имевший непонятное происхождение и отличавшийся гладкостью и необычайным блеском.

245

Мифическое животное «мать ветра» впервые было описано в китайском труде III века н. э. среди удивительных животных островов Южно-Китайского моря.

246

Ценное масло орехов кукуй (также известен как кукуи, кемири, свечной или индийский орех) используется и в технических (предохранение металлов от коррозии, а древесины от гниения), и в лекарственных (кровоостанавливающее средство и прочее) целях.

247

Камфора в изначальном виде – это смола камфорных деревьев и дерева дриобаланопс ароматика (последняя ценится особенно высоко), которая появляется в виде кристаллов на коре и в трещинах поверхности старых деревьев.

248

В буддизме махаяны есть понятие Западного Рая Будды Амитабхи – Сукхавати. В Китае он также считается Миром высшего блаженства, под которым подразумевается нирвана. Под названием «Небесная обитель» в романе фигурирует Мекка, известная китайцам как «Небесный куб» (в честь ее главной святыни – храма Кааба). Согласно записям Ма Хуаня, командующий евнух Хун Бао, находясь с флотилией в Каликуте во время третьей экспедиции в 1432 году, узнал, что оттуда отправляется местный корабль в Джидду, и, воспользовавшись этим, отправил с ним семь человек, включая переводчика Ма Хуаня. От Джидды, которую называли воротами в Мекку, добирались туда через пустыню.

249

Гадание на чаше – один из распространенных в южных районах Китая способов даосского прорицания: берутся две половинки сделанной из бамбука или дерева двустворчатой раковины, по форме похожей на винную чарку, выпуклая сторона которой символизирует *ян*, а плоская – *инь*. Гадатель подбрасывает их в воздух. Удача или несчастье определяются в зависимости от того, вверх или вниз смотрит каждая из половинок, упав на землю.

250

В действительности путь от Адена до Мекки достаточно близок, а три месяца появились в романе из записок Ма Хуаня, где этот путь отсчитывался от Каликута.

251

Речь идет о порте Джидда. Мекка расположена на расстоянии около ста километров от берега моря.

252

Мекка и Медина с 1261 года находились в составе Мамлюкского султаната (1250-1517) с центром в Каире и владениями, включавшими Египет, Сирию, Палестину и часть Северной Африки. Шариф Мекки был вассалом египетского султана.

253

Судя по дальнейшему описанию, во многом совпадающему с текстом Ма Хуаня, хотя и менее точному, в романе сначала описана мечеть Масджид аль-Харам (Запретная Мечеть, строительство которой около Каабы относят к 638 году и которая имела шесть минаретов), а затем сама Кааба – мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутренней площади мечети. Площадь обнесена со всех сторон стенами, вдоль которых выстроена терраса, перекрытая куполообразной крышей и украшенная колоннадой из мраморных и каменных столбов. Пол террасы выложен местами из мраморных, а местами из простых камней. Камень, из которого сложена Кааба, – темно-красно-бурый с прожилками. Во внутреннем помещении Каабы еще в XX веке стояли три деревянных (а не мраморных, как позже) столба, поддерживающих потолок; стены обтянуты парчовой материей.

254

Кааба изготовлена из блоков местного гранита и стоит на мраморном фундаменте.

255

Вероятно, это Черный камень, вмонтированный в восточном углу Каабы на высоте полутора метров. Видимая площадь его поверхности примерно 16,5×20 сантиметров.

256

Исследователи сомневаются в достоверности этих сведений, ибо, согласно исламу, изображения людей и животных запрещены.

257

На стене, непосредственно примыкающей к входу в Каабу, есть шесть табличек, инкрустированных надписями, и еще несколько табличек вдоль других стен.

258

Так значится в записках Ма Хуаня, но исторического подтверждения этому нет.

259

Хиджр Исмаил – место между северной стеной Каабы и полукруглой стеной из белого мрамора высотой около метра, а в длину – 17,75 метра.

260

Могила Мухаммеда находится в мечети Пророка. Считается, что первый храм на этом месте появился в 622 году при жизни пророка и был во много раз меньше современного. Могила пророка находится под куполом, и упоминание о ней есть в рукописях XII века.

261

По транскрипции названия, заимствованной Ло Маодэном из записок Ма Хуаня, скорее всего имеется в виду колодец Замзам в Мекке, расположенный под площадью мечети аль-Харам на расстоянии 21 метра от Каабы, глубиной 30 метров. Омовение в Замзame и питье воды из него – важный элемент хаджа.

262

Все шарифы Мекки с 1201 года до отмены шарифата в 1925 году назывались «Сыновья Катады», ибо представляли династию хасанидских Катадидов. Во время визита флотилии в 1432 году шарифом Мекки был Зайн ад-Дин Абу Зухайр Баракат ибн Хасан ибн Аджлан, более известный как Баракат ибн Хасан (1425–1455), но в китайской транскрипции явно звучит имя Аджлан.

263

Согласно запискам очевидцев, один из командующих действительно привез из Мекки картину с изображением Каабы. Подлинник вместе с другими артефактами, привезенными из морских путешествий, хранится в Нанкине, в храме Цзинхай («Море спокойствия»), созданном по повелению императора Чжу Ди в ознаменование заслуг Чжэн Хэ.

264

Впервые так называли огромную, величиной с куриной яйцо, жемчужину, подаренную правителем одной из западных земель императору династии Тан Сюаньцзуну в VIII веке.

265

Описание этих мифических животных упомянуто еще в китайских записках XIII века о западных странах – вероятно, это привезенные из Византии животные Средиземноморья.

266

Первое упоминание о «птицах огня» относится к началу IX века, когда они были получены китайским императором в качестве дани. О несгорающих в огне птицах под названием самандал с островов в Южных морях упоминалось и в арабском сочинении «Чудеса Индии», и в персидской космографии XIII века «Чудеса мира», где сказано: «В Мекке я видел четыре шапки из перьев саламандры. Когда шапка становилась грязной, ее бросали в огонь, и она выходила из огня чистой». См.: Юрченко А. Г. Книга Марко Поло: записки путешественника, или Имперская космография. СПб.: Евразия, 2007.

267

Согласно китайской транскрипции, употреблено слово, похожее по звучанию на обозначение монеты *таньга*, хотя в XV веке в Мекке в обращении были динары и дирхемы (слово «динар» произошло от денария – названия монеты Римской империи).

268

Согласно представлениям древних китайцев, внутри земли находится 3600 взаимосвязанных осей, благодаря которым сообщаются все известные горы и великие реки.

269

В китайской астрологии имеется восемь ходов (врат), ведущих в разные состояния счастья и несчастья. Они соответствуют восьми сторонам света (в их числе четыре основных и четыре промежуточных: восток, запад, юг, север, юго-восток, юго-запад, северо-восток, северо-запад) и восьми триграммам Ицзина.

270

Искаженная цитата из конфуцианского канона «Лунь Юй», где сказано, что ноша ученого-книжника тяжела и только со смертью наступает конец его пути. См. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 186.

271

Главы 87–93.

272

Гора Фэнду находится недалеко от города Чунцин в провинции Сычуань, там же есть и уезд с таким названием. В легендах это местность, где в древности производилось много погребений; мифическая столица загробного мира, обиталище злых духов.

273

В Китае на протяжении тысячелетий существовала традиция смены имен в связи с достижением определенного возраста или перемены занятия. В данном случае, очевидно, Ван представился не своим обычным взрослым именем Кэсинь, а «официальным именем» (*гуаньмин*) Ван Мин.

274

В данном отрывке приводится описание традиционной китайской застройки богатых владений, сложившейся на рубеже новой эры под названием «двор четырех единений» – *сыхэюань*. В соответствии с ней четыре одноэтажных строения-павильона помещались фасадами внутрь по сторонам прямоугольного двора вдоль осей север-юг и запад-восток, причем господскими считались в основном три крыла – центральное (северное), западное и восточное. Главные ворота обычно вели в небольшой внешний дворик, а пройдя через следующие ворота в центре внутренней северной стены, человек попадал в большой внутренний двор, куда и были обращены постройки. В эпоху Мин в богатых поместьях вошел в моду обычай роскошно украшать арки ворот и использовать белый цемент в декоративных целях.

275

Согласно китайской мифологии, посланцы загробной канцелярии (души ранее умерших) на основании составленных в потустороннем мире списков собирают души скончавшихся в группы и утаскивают их в обитель Владыки ада. Последующий эпизод с ошибочной записью в списках – также распространенный сюжет (см.: И. А. Алимов. «Жизнь после смерти» в сюжетной прозе старого Китая. Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993. С. 159-214).

276

Лучезарный дворец – название одного из павильонов в парке императорского дворца в Нанкине.

277

Цуй Цзюе – поэт и сановник эпохи Тан, которого после смерти народная молва возвела в ранг чиновника при владыке подземного царства, ведающего учетом жизни и смерти.

278

Потустороннее ведомство – одно из названий ада, в свою очередь ад – часть буддийского мира тьмы.

279

Концепция «Десяти судилищ ада» с соответствующими им десятью властелинами сложилась в поздней китайской народной религии под влиянием буддизма. В иных китайских легендах повествуется о «восемнадцати уровнях ада».

280

Палочки для еды (*куайцзы*) – элемент восточной цивилизации. Их употребление имеет определенную символику. Например, если после еды кладешь их слева от тарелки – значит насладился едой, если скрещиваешь на блюде под прямым углом – значит еды слишком много или она невкусная, а если кладешь на тарелку горизонтально – значит сыт, и еду больше не предлагать. Звучание иероглифа «палочка» – «куайцзы» – омонимично слову «шустрый», что позволило автору романа в приведенной в тексте фразе дать скрытый намек на похотливое желание сытого героя.

281

По легенде, у одной из пяти священных гор Китая – Тайшань, или Восточный пик, которая находится в нынешней провинции Шаньдун, расположен вход в потусторонний мир. Тамошний даосский храм являет собой ансамбль древней архитектуры, где на протяжении многих династий императоры ежегодно 28 марта по лунному календарю совершали жертвоприношение Владыке горы Тайшань. Считалось, что в его ведении – появление на свет всего, что есть на земле: растений, животных и людей, а сам он – святой посланец для общения мира небес с миром людей.

282

В древнем Китае такие башни существовали в реальности, и только впоследствии даосские и буддийские мудрецы включили их в свои представления о переходе душ в потусторонний мир. Взгляд из потустороннего мира должен был показать умершим грустные последствия их собственных дурных деяний на земле или нарушение их последней воли родными и друзьями.

283

С древности левая сторона считалась более почетной.

284

Завистники, шантажисты, нарушившие обещания дать взаймы, неплательщики налогов, жулики-торговцы получали наказание в залах четвертого судилища ада.

285

Гора мечей – буддийский термин, считается седьмым из восемнадцати кругов ада, однако автор романа дает грешникам этого круга наказание за иные грехи.

286

Река Най – реальное географическое понятие, она протекает к юго-западу от горы Тайшань. Есть несколько версий ее названия в четвертом судилище потустороннего мира: оно связано со словом, омонимичным слову «безысходность», либо, что вероятней, происходит от санскритского слова naṅga-ka – «ад».

287

Здесь автор обыгрывает название известной при династии Мин площадки в Нанкине для казни преступников.

288

Строки из популярной мелодии *цы*, описывающей гулянье торговцев солью в публичном доме: «Кубок прекрасный нектаром наполнен, трижды нальем, дважды солжем...».

289

Можно предположить, что сжатые в кулаки руки выдавали отчаяние и озлобленность. В сочинении философа и поэта рубежа VIII–IX веков Хань Юя «Прогоняем духов нищеты» описано пять таких духов: мудрецов, студентов, литераторов, несчастливцев по жизни и в дружбе. В Китае есть народный обычай в начале года выметать из дома духов нищеты.

290

В связи с сезонными эпидемиями в Китае с древности были верования в духов распространения мора и эпидемий. Существовал и обряд их изгнания: обычно деревянных кукол, изображающих этих духов, погружали на лошадей или в лодки, затем либо пускали по течению близлежащей к деревне реки или сжигали на берегу.

291

Считается, что в предрассветной мгле духи крайне оживлены и скалят зубы.

292

В древности в Китае существовало поверье, что души повешенных попадают в ад.

293

На медных монетах казенного образца (с квадратным отверстием, например, *чох*) от длительного использования образовывались блестящие кружки – отсюда их название.

294

В тексте употреблено именно это название – в средневековом Китае эти учреждения создавались в провинциях в тревожное время и сосредотачивали всю полноту судебной власти.

295

Чжан И-нин (примерные годы жизни – 1301-1370) действительно, будучи уже стариком, был отправлен с почетной миссией в Аннам и на обратном пути умер.

296

О Чжао Бяне сложил стихи знаменитый поэт XI века Су Ши.

297

Перефразированная строка стихотворения Ли Бо «За вином вопрошаю луну».

298

Название главного из девяти адов в даосизме, расположенных в Юду – стольном граде подземного царства душ мертвых. Это центральное место их перевоспитания. Эту часть ада создал сам верховный владыка Неба – Шанди, а Божество земли руководит оттуда всем, что происходит на земной поверхности. Отсюда и дословный перевод названия.

299

В Китае тощего человека, который явно долго голодал, называли «худым как хворостина». Тем же словом «хворостина» в старом Китае называли и вырезанных из дерева кукол в уличных представлениях.

300

Очевидно, это авторская вариация третьего Ада медного дерева или медного столба.

301

Согласно буддийской версии, в этом аду есть гигантский бронзовый котел, полный огня: внизу двенадцать колес, а сверху девяносто четыре огненных диска. В последние часы жизни тела у людей дурных, заблудших, лживых становятся холодны, как лед, и они мечтают согреться. И тогда демоны ракшасы, приняв облик прекрасных юношей, являются к грешникам на огненной повозке и заманивают их туда. Грешники радостно садятся и сгорают дотла. И так повторяется восемнадцать раз. В сезон дождей бронзовый котел наполняется водой, грешников туда бросают, и они оживают для повторения пытки.

302

Сом – хищная рыба: гигантские сомы могут достигать от двух до четырех метров в длину и веса до 300 килограммов. Не имея крупных зубов, они заглатывают жертву целиком.

303

Вид древней казни, при которой преступника сбрасывали в яму с ядовитыми змеями и насекомыми.

304

Последний по счету из восемнадцати буддийских адов, где в качестве орудия казни использовали меч и пилу.

305

Один из четырех судей потустороннего мира, ведавших соответственно вознаграждением за добрые дела, наказанием за злые, контролем над выполнением решений (к которым относились воздаяние по заслугам и оправдание невинно пострадавших) и в целом законодательством в царстве теней.

306

Сечка – острая металлическая палочка вроде стилуса, с помощью которой писали на распространенной со времен династии Тан вощеной влагостойкой бумаге.

307

Здесь обыгрывается омонимичное звучание слова «сы», которое в разных написаниях может обозначать и корысть, и шелковую нить, из которой сделана кисть.

308

Намек на земных чиновников, которые не заботились о голодающих бедняках.

309

Согласно поверьям, блуждающими духами являются души незахороненных, которым не приносят жертв, – их называли еще бродячими голодными духами.

310

Традиционно на старинных печатях гравировались разные рисунки: одни символизировали солнечное мужское начало *ян* в природе, другие – темное женское *инь*.

311

Автор использует игру слов, ибо так называлась изобретенная в Китае во II тысячелетии до н. э. система тайной переписки.

312

В китайском чань-буддизме есть выражение «истоптать не одну пару башмаков до вершин Будды Вайрочаны», которое означает достижение высшей стадии отрешения от мирской суеты.

313

Такое прозвище получил буддийский монах Цун Шэнь (конец VIII–IX век).

314

Эта новелла, включенная в роман, была известна по сборнику середины XV века, а впоследствии вошла в роман «Путешествие на Запад» и в сборник первой четверти XVII века, – с нее и был сделан русский перевод (см.: Девница-сюэцэ ловко подменяет одно другим // Удивительные истории нашего времени и древности / пер. с кит. и коммент. В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. М.: Художественная литература, 1988).

315

Этот сюжет бытовал в народе несколько столетий и впервые был опубликован в сборнике эпохи Сун. Претерпевая изменения в названии и воплощаясь в разных жанрах, в последующие эпохи его видоизмененные версии вошли в ряд сборников, в частности, в роман «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» (гл. 73).

316

Название Линъань в период Южной Сун в середине XII века носил городской округ и город Ханчжоу (на берегу озера Сиху), он же был и столицей.

317

В древности веровали, что «небо темное, земля желтая», под землей текут реки, поэтому выражение «желтый источник» означало загробный мир.

318

Деревянная рыба – сделанный из дерева щелевой барабан, при помощи которого в буддийских монастырях задавался ритм для произнесения молитвы. – *Примеч. ред.*

319

Улинские ворота – старейшие из десяти городских ворот Ханчжоу.

320

Ворота Циньпо вели в район города, где в старину проживали поэты, художники и каллиграфы.

321

Паринирвана – окончательная нирвана, в которую существо, достигшее полного просветления, может погрузиться после физической смерти. Является главной целью буддийской практики и подразумевает выход за пределы цепи перерождений за счет разрушения всей самости личности.

322

Юаньсян – каллиграфический символ в дзен-буддизме. Считается, что он выражает «изначальную природу будды», совершенное просветление.

323

Известное буддийское изречение, подразумевающее достижение высокой добродетели выносливости и терпимости.

324

Пэнлай – плавучая гора, на которой, по мнению императора У-ди (141–87 до н. э.), обитают бессмертные и которую он в 133 году до н. э. надеялся разглядеть с прибрежной территории теперешней провинции Шаньдун. – *Примеч. ред.*

325

Цитра – струнный щипковый музыкальный инструмент, разновидность гуслей в 13–16 или 7 струн.

326

Более двухсот видов разных представлений, которые давали в древнем Китае комедианты в течение года, отличались по сезонам и делились на представления о людях и о бессмертных.

327

В 42 году н. э. знаменитый полководец Ма Юань покорил бывшие южные окраины империи Хань и установил на границе медный столб с надписью: «Медный столб опрокинется – Цзяочжи погибнет» (Цзяочжи – бывшая южная окраина империи, юг нынешних провинций Гуандун и Гуанси и северная часть Вьетнама).

328

В Китае имеется несколько пиков с таким названием, наиболее известный из них находится на горе Удан.

329

Символический жест, имеющий множество значений, в том числе хвалу, упование и прочие.

330

Имеется в виду, что Чжэн Хэ подготовил образец надписи иероглифами в стиле *чжуань*.

331

Конфуций «Лунь Юй», гл. 12. См: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 202.

332

Главы 93–100.

333

Приведенный стихотворный отрывок предваряет последнюю главу романа и принадлежит Ма Хуаню.

334

Звезда Великая белизна – китайское название Венеры.

335

Гора Сун находится в нынешней провинции Хэнань – колыбели китайской цивилизации. На вершине расположен храм Срединного пика, и поскольку гора является центральной среди пяти священных гор Китая, то ее дух считается подлинным хозяином Поднебесной.

336

Белый император – мифическое божество эпохи астральных культов, дух звезды Венера, считался одним из пяти небесных владык,

соотносящихся со странами света, и символизировал Запад. В даосизме его позиция очень высокая, по авторитету он уступает только триаде даосских верховных божеств.

337

Толкование сновидений существовало в Китае с древности, было связано и с медициной, и с гаданием. До нас дошло несколько текстов ученых, в частности, алхимика и одного из бессмертных в даосской традиции Гэ Хуна (IV век), а также труд современника Ло Маодэна, к которому он, возможно, и обращался.

338

В китайской психологии появление во сне змей – свидетельство сексуальной озабоченности, половых желаний.

339

Древний философ Чжуан-цзы увидел себя во сне мотыльком и после пробуждения размышлял, не является ли он сам мотыльком, которому снится, что он Чжуан-цзы. Притча ставит вопрос о соотношении сна и бодрствования, реального и мнимого.

340

Популярная история из трактата древнего философа Хань Фэйцзы о крестьянине, который, увидев однажды, как заяц с разбегу ударился о дерево и упал замертво, с тех пор так и стоял у дерева, ожидая добычу.

341

Согласно традиции, в разные эпохи высокие титулы в Китае передавались от отца к сыну с понижением на одну ступень, что исключалось в случае пожизненного титула.

342

Юго-восточный летний муссон после весенних «сливовых» дождей (с марта по май, в период созревания слив) дует у восточного побережья Китая, являясь попутным для возвращающихся кораблей. О нем есть стихотворение великого поэта XI века Су Ши «Корабельных весел пассат».

343

В VII веке до н. э. считалось, что эти птицы, прячась от ветра, на два дня останавливались у восточных ворот царства Лу, и один из высоких сановников царства потребовал приносить им жертвы.

344

В одном древнекитайском философском трактате, созданном во времена династии Ранней Хань, рассказано о сороке, которая предсказала в будущем сильные ветра, и люди заботливо перенесли ее гнездо на нижние ветки. Однако проходившие мимо взрослые потаскали оттуда птенцов, а дети прутьями разбили яйца. С тех пор выражение «переместить гнездо сороки» означает, заботясь о будущем, пренебречь настоящим.

345

«Сто фамилий» – рифмованный список фамилий, который столетиями служил учебным текстом для заучивания иероглифов.

346

Древний ритуальный церемониал при жертвоприношениях предкам или поклонении Будде, состоящий из очередности семи, восьми и девяти поклонов (при сочетании обычных поклонов с земными в определенной последовательности), которые четко связаны с определенными движениями в разных направлениях.

347

В эпоху Северной Сун (960–1127) так назывался город Кайфэн. Намек на новеллу о переполохе, вызванном пятью духами в Восточной столице.

348

Упайя – в буддизме махаяны комплекс способов, которые учитель преподает ученику для достижения последним просветления. – Примеч. ред.

349

См.: «Лунь Юй», VI, 4. Цит. по: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 177.

350

В древности в местностях, богатых жемчугом, существовала Гора мудреца и связанные с ней предания, в частности, гора с таким названием есть в провинции Гуандун.

351

Герои классического китайского романа «Путешествие на Запад».

352

В старом Китае большой час (по-другому «стража») составлял одну двенадцатую часть суток и равнялся двум нынешним часам.

353

Ма́кара – мифическое морское чудище; название пришло из буддийских сутр Индии. Внешний его вид составлен из частей различных животных: тело рыбы или рептилии, голова крокодила, слона или рыбы, хвост в виде рыбьего плавника, две или четыре лапы. Оно огромных размеров: глаза – величиной с солнце или луну, нос – словно гора, а пасть – как долина. Для богов моря и богини реки Ганг макара служила ездовым животным и охраняла вход в их владения. В буддийских текстах содержится множество упоминаний о причиненных ею кораблекрушениях. Изображения макары широко используются в индуизме и тибетском буддизме в странах Южной и Юго-Восточной Азии.

354

В Китае, как и в Новой Зеландии, рыба вьюн считается обманщиком и хитрецом.

355

Гладкие киты отличаются огромными языками – шириной до трех метров, длиной до шести метров и весом до трех тонн, – по краям приросшими к коже рта и неподвижными (кит слизывает им пищу).

356

После смерти семь нечистых (животных) душ сразу покидают тело человека, а тройственное духовное (разумное) начало задерживается на какое-то время, пока труп полностью не окоченеет. Если в течение семи дней после того, как разумная душа покинула тело, поблизости

родится некое живое существо – неважно, человек или зверь, – то в него и переселяется разумная душа (т. е. происходит реинкарнация). После смерти совершенных мудрецов их души не рассеиваются, а превращаются в святых.

357

В древности благородных и хунородных отличали по цвету одеяний: по желтому халату – императора, по фиолетовой шелковой ленте для ношения казенной печати – сановников высшего ранга, по алым одеяниям – сановников среднего ранга, по черной однослойной одежде – чиновников низшего ранга и ученых мужей, по белой одежде – седовласых старцев.

358

В древности существовало понятие трех подводных царств реки Янцзы – так называли три самых опасных места в ее течении. Четыре великие древние реки – Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ и Цзишуй – протекали почти параллельно друг другу с севера на юг страны по регионам, где зарождалась и развивалась китайская цивилизация, и независимо друг от друга впадали в море. Поклонение духам этих рек началось при правителе первой централизованной империи Цинь – Шихуанди (III век до н. э.), и в их честь строились храмы. При династии Тан каждая из рек получила патрона-покровителя. В древности устье реки Цзишуй было там, где Хуанхэ впадает в море сейчас – это и есть участок старого ее русла; Пинцзян пересекает нынешние провинции Цзянси и Хунань; река Тунцзян в Сычуани – самый большой приток реки Цюйшуй, впадающей в Цзялинцзян – крупный левый приток Янцзы. В романе точно названы три речных духа, коим посвящен один из немногих в стране древний храм поминовения трех духов водного царства, находившийся на северном берегу Янцзы.

359

Цюй Юань (ок. 340–278 до н. э.) – первый лирический поэт Китая. В XI веке император присвоил духам Янцзы и Хуайхэ титулы Владык великих вод, а в 1080 году Цюй Юань удостоился титула «Доблестный

князь». Такое же имя дали храму поэта, построенному в 820 году на северном берегу Янцзы. Начиная с эпохи Мин Цюй Юаню поклонялись уже как духу реки Янцзы.

360

Крупнейшим среди храмов, возведенных в честь водных духов, где при династии Сун установили бронзовые скульптуры духу Янцзы и его наложницам. Храм в Сычуани упомянут, так как из Сычуани происходили предки Цюй Юаня.

361

Имеется в виду политический деятель и каллиграф Вэнь Яньбо (XI век).

362

Внук названного в романе персонажа жил во второй половине XIV века, умер в год начала плаваний и посмертно сразу был объявлен духом вод. Согласно легенде, в 1419 году, во время одного из плаваний Чжэн Хэ, этот водный дух усмирил бурю на море и спас флотилию, при этом его видели на облаке со стягом в руках, где была начертана его фамилия – Сяо. Об этом было доложено императору и тот присвоил всей семье Сяо, начиная от деда, высокий титул святых праведников, спасающих на водах. В 1456 году в честь этого рода был построен храм.

363

Янь Сюйцзы – реальное историческое лицо, жил конце XIII – первой половине XIV века. Согласно легенде, он смолоду был связан с высшими силами и питал ненависть ко всякого рода злу. Янь умер на лодке во время возвращения со службы в родные места. После смерти его дух появлялся в небесном пространстве всякий раз, когда джонкам односельчан грозил шторм, после чего воды успокаивались. Отсюда возникло его почитание как духа водных стихий. Будущий первый

император династии Мин Чжу Юаньчжан, сражаясь за трон, не раз обращался за советом к духу Яня. Вступив на трон, он возвел его в ранг Владыки спокойных вод и присвоил титул генерала Небесного дворца. Когда в его честь воздвигли храм, почитание Сяо как святого вод распространилось с его родной провинции Цзянси по всей стране.

364

Небесная Телега – последнее из 28 китайских зодиакальных созвездий.

365

Согласно начальному толкованию, это канат джонки, который перерезали на три части. Имя некоего Цзуна Третьего связано с битвой при озере Поянху (1363), произошедшей в последние годы монгольской династии Юань, – будущий основатель династии Мин одержал в ней победу. В эпоху Мин Цзун Третий стал популярной фигурой и почитался как святой в среднем и нижнем течении Янцзы. Его культ занял важное место в мифологии речных перевозок, и в 1491 году недалеко от Нанкина ему воздвигли храм. Однако впоследствии этот образ изменился, из доброго божества трансформировавшись в злой дух безвинно затонувшего швартового каната, три части которого превратились в трех братьев. В романе последовательность событий изменена.

366

Башня (или павильон) принца Тэна – одна из Трех великих башен южнее Янцзы, начало строительства которой относится к середине VII века. Находится башня в городе Наньчан (провинция Цзянси) на восточном берегу крупного притока Янцзы – реки Ганьцзян, по которой можно подняться до порта Цзюган, а там по Янцзы недалеко и до Нанкина.

367

Теснина Соломенные сандалии – узкая и глубокая речная долина, то есть удлиненная впадина по берегам с очень крутыми склонами, расположенная к северо-востоку от примыкающей к Янцзы глубоководной гавани Сягуань в пригороде Нанкина, на впадающем в Янцзы притоке – реке Циньхуай. Теснина по форме напоминает традиционные сандалии, отсюда и название (ее еще называют Глубокое гнездо).

368

В каждой из пяти ночных страж выделялись пять отрезков продолжительностью приблизительно в треть часа. Время императорских аудиенций составлял третий отрезок пятой стражи, то есть около четырех часов утра.

369

Время похода автор обозначает как период с 1409 по 1416 год, но в реальной действительности плавания происходили с 1405 по 1433 год.

370

Во времена легендарного правителя Яо будто бы взойшло десять солнц, и всё на земле выгорело; по приказу Яо искусный стрелок сбил девять солнц. Народ возликовал, и Яо стал императором.

371

Часть пословицы, которая полностью звучит так: «Не переоценивай редкостные вещицы, пренебрегая нужными, и будешь доволен».

372

Институт письменных переводчиков, который был основан в 1407 году.

373

Придворная школа актеров и музыкантов – ведомство, существовавшее с VII века, на казенном содержании у которого находились актеры, певцы, музыканты и гетеры.

374

Храм Воздаяния, или Баоэньсы – один из первых буддийских храмов Китая, построенный в III веке н. э., но не уцелевший. В 1412 году император Чжу Ди на месте разрушенного первого храма построил новый в память Чжу Юаньчжана – основателя и первого императора династии Мин.

375

Согласно древнему трактату, Небесная река Млечный путь соединяется с океаном, и раз в году можно наблюдать, как на море появляется плот, на котором можно подняться до Небесной реки.

376

Всего в Китае при династии Мин было девять уровней чиновных рангов, каждый из которых подразделялся на два уровня – основной и сопутствующий. Второй ранг имели советники Великого императорского секретариата.

377

Высшее из двенадцати званий для лиц, выдвинутых по заслугам, а не по родословной.

378

Тайбо – один из трех высших рангов при династии Мин: советник императора в важных государственных делах.

379

Возможно, имеется в виду тот факт, что евнухи, оставив службу, иногда официально женились, а у некоторых даже появлялись дети (это зависело от процедуры оскопления).

380

Для лиц женского пола существовала отдельная табель о рангах.

381

При императоре Чжу Юаньчжане в Нанкине был реконструирован старый храм III века, находившийся у мощных городских ворот Нанкина. Храму присвоили имя Цзинь Бифэна, и император пригласил монаха проживать в нем. Храм не сохранился, но известно, что он был украшен статуями архатов из орлиного дерева, привезенными Чжэн Хэ из путешествия.

382

Храмов, посвященных Нефритовому императору, в Китае несколько и строили их с эпохи Хань, особенно много при династии Мин. На горе Луншань в провинции Цзянсу существовал древний даосский храм – символ даосской школы Правильного единства (ее во II веке основал был Чжан Даолин). Храм неоднократно перестраивался в разные эпохи, в том числе и во второй половине XVI века, получив название храм Правильного единства. В главном павильоне приносили жертвы прежде

всего Чжан Даолину, а позади главного находился павильон Нефритового императора.

383

Храм Море спокойствия построен по приказу Чжу Ди в 1411 году за городскими воротами Нанкина в честь подвигов Чжэн Хэ по усмирению морей, а также для хранения привезенных из походов статуй будд, зуба Будды и различных драгоценных изделий из нефрита. Это был лучший из восьми крупных храмов тогдашней столицы (храмовый комплекс включал более восьмидесяти строений). Есть версия, что храм построен в 1424 году после смерти Чжу Ди, когда Чжэн Хэ присвоили титул Владыки Нанкина. В любом случае именно тогда Чжэн Хэ поселился при храме. Там находился бронзовый треножник, отлитый в дар Чжэн Хэ после его шестого плавания, а изваянные в его честь статуи сохранялись до XIX века. Этот храм, как и находившийся рядом храм Тяньфэй, был практически полностью разрушен во время войн с тайпинами в 1830 годы, но восстановлены в 1990-х – 2000 годах.

384

Храм Тяньфэй построен по приказу императора Чжу Ди в 1416 году, после возвращения флотилии Чжэн Хэ из четвертого плавания, в непосредственном соседстве от храма Море спокойствия к югу от Львиной горы.

385

В 1416 году в храме Тяньфэй была установлена мемориальная черепаша, поддерживающая стелу под названием «Установленная императором стела у дворца Тяньфэй, [богини] великой доброты и всеобщей помощи». Стела – единственное, что сохранилось от разрушенного храма. Текст стелы высотой в 6,5 метров состоял из 699 иероглифов – в нем император благодарил богиню за ее помощь китайским морякам.

386

Надписи предположительно содержали свидетельства о том, что в монастыре Бифэна в скиту Фэй Хуаня Чжэн Хэ надеялся спокойно провести старость и сделал к этому приготовления. Но из-за того, что надпись нечеткая, такого толкования недостаточно.

387

При составлении текста приложения использованы следующие работы: Карлова Е. М., Пастухов А. М., Попов А. Ю., Успенская Е. Н. Смертельная красота. Оружие Индии и Китая. Каталог выставки. М.: Государственный музей Востока, 2015; Пастухов А. М. Китайская армия при династии Мин (вторая половина XIV – первая половина XV века) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2013–2015. № 6. С. 46–65 [Электронный ресурс. URL: <http://istorja.ru/articles.html/china/pastuhov-am-kitayskaya-armiya-pri-dinastii-min-vtoraya-pоловина-xiv-%E2%80%93-pervaya-pоловина-xv-vekov-r290/>]; Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия (Материалы и исследования). М.: «Наука», 1980 [Электронный ресурс. URL: http://militera.org/books/pdf/tw/shkolyar_sa01.pdf]; а также тексты средневековых китайских трактатов, в частности, «Холунцзин» («Полный сборник огнестрельного оружия», 1403) и «Убэйчжи» («Трактат о военной подготовке», составлен в начале XVII в.)

388

Подробнее см.: Карлова Е. М., Пастухов А. М., Попов А. Ю., Успенская Е. Н. Смертельная красота. Оружие Индии и Китая. Каталог выставки. М.: Государственный музей Востока, 2015.

389

Фитильный аркебуз как первое подобие современного ружья появился в 1372 году и в Германии. Фитильный замок представлял собой примитивный рычаг, который после нажатия на спусковой крючок опускал тлеющий фитиль на запальную полку. На ней

располагался запальный заряд, служивший для поджога основного – порохового.